Бетти Смит

Росток пробивает бетон,
когда тянется к солнцу.

Дерево растет в Бруклине

Annotation

Фрэнси Нолан видит мир не таким, как другие, – она подмечает хорошее и плохое, знает, что жизнь полна несправедливости, но при этом полна добрых людей. Она каждый день ходит в библиотеку за новой книгой и читает ее, сидя на пожарном балконе в тени огромного дерева. И почти все считают ее странноватой. Семья Фрэнси живет в бедняцком районе Бруклина, и все соседи знают, что без драм у Ноланов не обходится. Отец, Джонни, невероятный красавец, сын ирландских эмигрантов, работает поющим официантом и часто выпивает, поэтому матери, Кэти, приходится работать за двоих, чтобы прокормить семью. Да еще и сплетни подогревает сестра Кэти, тетушка Сисси, которая выходит замуж быстрее, чем разводится с мужьями. Но при этом дом Ноланов полон любви, и все счастливы, несмотря на трудную жизнь. Каждый из них верит, что завтра будет лучше, но понимает, что сможет выстоять перед любыми нападками судьбы. Почему у них есть такая уверенность? Чтобы понять это, нужно познакомиться с каждым членом семьи.

- Бетти Смит
  -
  - Книга первая
  - Книга вторая
  - Книга третья
  - Книга четвертая
  - Книга пятая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23

Бетти Смит
Дерево растёт в Бруклине

Betty Smith
A TREE GROWS IN BROOKLYN
Copyright © 1943, 1947 by Betty Smith. All Rights Reserved

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Книга первая

1

«Безоблачный» – вот слово, которым так и хочется описать город Бруклин, влившийся в Нью-Йорк[1]. Особенно если речь о лете 1912 года. Слово «хмурый», может, и лучше. Но оно совершенно не применимо к бруклинскому Уильямсбургу[2]. И «прерии» красивое слово, и «Шенандоа» звучит прекрасно, но эти слова не пригодятся вам в Бруклине. «Безоблачный» – лучшего слова не подберешь, особенно если речь еще и о субботнем дне.

По вечерам солнце закатывалось в пустырь за домом Фрэнси Нолан и золотило старый деревянный забор. Глядя, как катится солнце, Фрэнси переживала то же возвышенное чувство, которое охватывало ее при чтении стихов, выученных в школе.

> Темен девственный лес. Шумящие сосны и кедры,
> Мохом обросшие, в темно-зеленых своих одеяньях,
> Словно друиды стоят, величаво и скорбно вещая,
> Словно певцы в старину, с бородами седыми по пояс[3].

Во дворе у Фрэнси тоже росло дерево, но не сосна и не кедр. Ветви, усеянные заостренными листочками, лучами расходились от ствола, как расположенные друг над другом раскрытые зеленые зонты. Некоторые называют его Деревом небес[4]. На какую бы почву ни упало семя, дерево всегда стремится к небу. Эти деревья растут и на разгороженных пятачках, и рядом с заброшенными свалками, и среди цемента, где другие деревья не выживают. А эти пышно разрастаются, но только если рядом есть многоквартирный дом.

В воскресный день вы отправляетесь на прогулку по Бруклину и оказываетесь в очаровательном уголке, очень ухоженном. Вдруг за железными воротами во дворе замечаете это молоденькое деревце и понимаете, что скоро тут возникнет район многоквартирных домов. Дерево это почуяло. Оно поселилось здесь первым. За ним появятся бедные эмигранты, и тихие старые дома из коричневого камня разгородят

на квартиры, с подоконников свесят перьевые матрасы для проветривания, а Дерево небес станет давать новые побеги и ветвиться. Такой уж характер у этого дерева. Оно любит бедных людей.

Именно такое дерево и росло во дворе у Фрэнси. Оно шатром нависало над пожарной лестницей, которая вела на третий этаж, окружало ее и тянулось вверх. Одиннадцатилетняя девочка, сидя на пожарной лестнице, могла вообразить, что живет на дереве. Именно так и поступала Фрэнси каждое лето по субботам.

О, что может быть восхитительней субботы в Бруклине. Как упоительно все кругом! В субботу выдают зарплату, это уже выходной, но без ограничений воскресного дня. У людей заводятся денежки, они могут пройтись по магазинам. Заодно они наедались, напивались, назначали свидания, крутили романы и гуляли за полночь, пели, слушали музыку, дрались, танцевали, потому что завтра не надо на работу. Можно спать допоздна – главное, не проспать мессу.

По воскресеньям почти все собирались на одиннадцатичасовую мессу. Кое-кто приходил даже на шестичасовую, но таких было мало. К ним относились с уважением, которого они не заслуживали, потому что всю ночь веселились до рассвета. И вот по дороге домой они заходили на раннюю мессу, а прослушав ее, шли домой, чтобы отсыпаться весь день с чистой совестью.

Для Фрэнси суббота начиналась с похода к старьевщику. Они с братом Нили, как все бруклинские дети, собирали тряпье, макулатуру, железки, резинки и прочий хлам, который хранился в закрытых ведрах в подвале или в коробках под кроватью. Всю неделю Фрэнси возвращалась из школы медленным шагом, не сводя глаз со сточной канавы, чтобы не проглядеть кусок оловянной фольги из-под пачки сигарет или обертку от жвачки. Потом все это плавили в крышке бидона. Старьевщик не принимал нерасплавленные комочки фольги, потому что дети часто подсовывали в них металлические гайки для веса. Иногда Нили везло, он находил бутылку из-под сельтерской. Фрэнси помогала ему снять свинцовую пломбу с крышки и расплавить ее. Старьевщик не принимал целые пломбы, чтобы не придрались те, кто производит содовую. Пломба от бутылки сельтерской – это богатство. За нее можно получить пять центов.

Фрэнси и Нили каждый вечер спускались в подвал, чтобы опустошить мусоросборник. Эта привилегия досталась им, потому что мама Фрэнси работала уборщицей. Добыча состояла из бумажек, тряпья и возвратных бутылок. Бумага не представляла особой ценности. За десять фунтов давали всего один пенни. Тряпье приносило два цента за фунт, а железо –

четыре цента. Выгодней всего была медь – десять центов за фунт. Иногда Фрэнси попадался выброшенный чайник, его донышко – «золотое дно». Фрэнси вырезала его консервным ножом, сминала, отбивала, еще раз сминала и отбивала.

Каждую субботу вскоре после девяти часов утра ребята из всех боковых улиц заполняли Манхэттен-авеню, главную артерию города. Они медленно двигались в сторону Шоулз-стрит. Кто-то нес утиль в руках. Кто-то смастерил тележку из деревянного ящика из-под мыла, приделав к нему деревянные колеса. Кто-то толкал нагруженные хламом детские коляски.

Фрэнси и Нили складывали свою добычу в джутовый мешок, брались с двух сторон за края и волокли его по улице мимо Мауер-стрит, Тен-Эйк и Стэгг-стрит к Шоулз-стрит. Прекрасные названия убогих улиц. Из каждой боковой улицы появлялись орды маленьких оборвышей и вливались в общий поток. На подходе к лавке Карни они встречались с теми, кто шел обратно с пустыми руками. Эти уже сдали утиль и успели прокутить свои пенни. Теперь, на обратном пути, они глумились над остальными.

– Эй вы, мусорщики! Мусорщики!

Фрэнси вспыхивала, услышав это прозвище. От того, что насмешники и сами такие же мусорщики, не становилось легче. Не помогало и то, что ее брат скоро возьмет реванш, когда, возвращаясь налегке со своей компанией, будет так же издеваться над встречными. Все равно Фрэнси было стыдно.

Карни устроил свою лавчонку в заброшенной конюшне. Завернув за угол, Фрэнси увидела, что обе створки ворот гостеприимно распахнуты, и представила, как покачивается большая, ленивая стрелка весов, словно в приветствии. Увидела она и самого Карни – у него ржавые волосы, ржавые усы и ржавые глаза, которые следят за стрелкой весов. Карни отдавал предпочтение девочкам. Мог расщедриться на лишний пенни, если девочка не поморщится, когда он ущипнет ее за щеку.

Учитывая возможность такой премии, Нили отошел в сторонку и предоставил Фрэнси самостоятельно втащить мешок в конюшню. Карни подскочил, вывалил содержимое мешка на пол и ущипнул Фрэнси за щеку – для проверки слегка. Пока он укладывал хлам на весы, Фрэнси моргала, чтобы глаза приспособились к полумраку, и вдыхала затхлый воздух с запахом сырого тряпья. Карни перевел взгляд на стрелку весов и объявил цену. Фрэнси знала, что торговаться запрещено. Она кивнула в знак согласия, и Карни сбросил хлам с весов и заставил ее ждать, пока раскидает макулатуру в один угол, тряпки в другой, металл отложит в сторону. Только после этого он полез в карман брюк и отсчитал старые

позеленевшие монетки, которые сами выглядели как утиль. Она прошептала «спасибо», Карни посмотрел на Фрэнси ржавыми, как металлолом, глазами и ущипнул за щеку, на этот раз от души. Она стерпела. Он улыбнулся и добавил пенни. Затем его повадка изменилась, он стал грубым и резким.

– Заходи! – заорал он на мальчика, следующего в очереди. – Вываливай свое хозяйство!

Он выдержал паузу, рассчитывая на смех в ответ.

– Я не про утиль говорю!

Дети покорно засмеялись. Их смех напоминал блеянье заблудших овечек, но Карни, судя по всему, остался доволен.

Фрэнси вышла наружу и отчиталась перед братом.

– Он дал мне шестнадцать центов и один пенни за щипок.

– Это твой личный пенни, – сказал брат, соблюдая давний договор.

Она положила пенни в карман платья, а остальные деньги отдала ему. Брату десять, на год меньше, чем Фрэнси, но он мальчик, поэтому деньгами распоряжается он. Нили сосредоточенно распределял вырученные гроши.

– Восемь центов в банк.

Таково правило. Половину любой суммы, откуда бы она ни взялась, они кладут в банк – в консервную банку, прибитую в дальнем углу шкафа.

– Четыре цента тебе, четыре цента мне.

Фрэнси завязала монеты, предназначенные для банка, в носовой платок. Посмотрела на свои личные пять центов, радуясь при мысли, что это же целый никель[5].

Нили смотал джутовый мешок, засунул его под мышку и двинулся в сторону «Дешевого Чарли», Фрэнси шла позади. «Дешевый Чарли» – мелочная лавка, которая находилась рядом с Карни и обслуживала торговцев утилем. К вечеру субботы касса под завязку заполнялась зеленоватыми пенни. По неписаному закону считалось, что это заведение для мальчиков. Поэтому Фрэнси не вошла, осталась стоять на пороге.

Мальчики, от восьми до четырнадцати лет, все в широких шароварах и кепках со сломанными козырьками, походили один на другого. Они топтались у прилавка, засунув руки в карманы, напряженно горбясь и выдвинув худые плечи. С годами они вырастут, но не изменятся, и в той же позе будут толпиться уже в других местах. Разве что появится зажатая между губами непременная сигарета, которая будет подрагивать вверх-вниз в такт словам, вот и вся разница.

Сейчас мальчики возбужденно переминались с ноги на ногу, поворачивая худые лица то к Чарли, то друг к другу, то снова к Чарли.

Фрэнси обратила внимание, что некоторые уже перешли на летнюю стрижку: волосы обриты так коротко, что видны порезы от машинки там, где она вгрызалась слишком глубоко в кожу. Эти счастливчики засунули кепки в карманы или сдвинули их на самый затылок. Те, у кого волосы все еще завивались локонами и по-детски закрывали шею, стеснялись своего вида и натягивали кепки поглубже на уши, отчего выглядели немного по-девчачьи, хоть и старательно ругались, чтобы придать себе мужественности.

Дешевый Чарли вовсе не был дешевым, и звали его совсем не Чарли. Но он выбрал это имя, написал его на вывеске, и Фрэнси не подвергала его сомнению. У Чарли можно было за один пенни сыграть в лотерею. По ту сторону прилавка прибита доска, на ней пятьдесят крючков с номерами, на каждом крючке приз. Среди призов было несколько просто прекрасных: роликовые коньки, боксерские перчатки, кукла с настоящими волосами и все такое. На остальных крючках висела разная чепуха – блокноты, карандаши и другие мелочи не дороже пенни. Фрэнси смотрела, как Нили заплатил за лотерейный билет и вынул грязную карточку из мятого конверта. Номер двадцать шесть! Фрэнси с надеждой посмотрела на доску. Перочистка ценой в пенни.

– Приз или конфету? – спросил Чарли.

– Конфету, ясное дело.

Вечно одно и то же. Фрэнси ни разу не слышала и не видела, чтобы кто-то выиграл нормальный приз. И правда, роликовые коньки заржавели, а волосы у куклы покрылись слоем пыли от долгого ожидания, как и сторожевая собака, и оловянный солдатик. Фрэнси решила – в тот день, когда у нее накопится пятьдесят центов, она купит все пятьдесят билетов и выиграет все-все призы, какие есть на доске. Она прикинула, что это выгодная затея: и ролики, и перчатки, и кукла, и все прочее обойдется ей в пятьдесят центов. Еще бы – одни только ролики стоят в четыре раза дороже. Нили будет сопровождать ее в этот великий день, потому что девочки редко захаживают к Чарли. Правда, в эту субботу было несколько девочек – наглых, дерзких, с фигурами, как у взрослых женщин. Эти девочки говорили слишком громко и заигрывали с мальчиками – соседи предрекали этим девочкам, что они как пить дать собьются с дорожки.

Фрэнси направилась через улицу в мелочную лавку Джимпи. Джимпи хромал, был он добрый, с детьми обращался ласково… так все считали до тех пор, пока однажды в солнечный день он не заманил одну девочку в свою зловещую кладовку.

Фрэнси размышляла, вправе ли она пожертвовать одним пенни ради

фирменного конька Джимпи – мешочка с сюрпризом. Моди Донаван, с которой Фрэнси водила дружбу, уже собиралась сделать покупку. Фрэнси протиснулась вперед, встала у Моди за спиной и сделала вид, что тоже собирается потратить свой пенни. Она, затаив дыхание, наблюдала за Моди, которая после долгих раздумий указала на самый пузатый мешок в витрине. Фрэнси выбрала бы мешочек поменьше. Она смотрела через плечо подруги, как та вынула несколько засохших конфет и свой сюрприз – дешевый носовой платок из батиста. Самой Фрэнси однажды попался флакончик духов, которые пахли чересчур сильно. Она снова вернулась к размышлениям о том, стоит ли тратить пенни, и рассудила, что уже получила удовольствие от предвкушения сюрприза, глядя на Моди, а это почти то же самое, что купить мешочек самой.

Фрэнси шла по Манхэттен-авеню и читала вслух красивые названия улиц, которые пересекали авеню: Шоулс, Мезероль, Монтроз и затем Джонсон-авеню. На последних двух улицах селились итальянцы. На Зейгел-стрит начинался район, который назывался Еврейским, он включал в себя Мур и Маккиббен и тянулся вдоль Бродвея. Фрэнси направлялась к Бродвею.

А что такого особенного на Бродвее в бруклинском Уильямсбурге? Ничего – если не считать самого прекрасного в мире магазина товаров по пять и десять центов. Огромный, сияющий, в нем продавалось все на свете… или так казалось одиннадцатилетней девочке. У Фрэнси пять центов – целый никель. Фрэнси всемогуща. Она может купить почти любую вещь в этом магазине! Единственное место в мире, где такое возможно.

Войдя в универмаг, она ходила вверх и вниз по этажам, трогала все, что понравится. Какое это восхитительное чувство – когда выбираешь вещь, держишь минуту, ощущаешь ее изгибы, гладишь и бережно кладешь на место. Никель в кармане давал ей на это право. Если администратор спросит, намерена ли она что-нибудь купить, она скажет «да» и укажет на пару вещиц. Деньги – удивительная штука, решила Фрэнси. Насладившись оргией прикосновений, она купила то, что собиралась с самого начала, – бело-розовые мятные вафли за пять центов.

Домой Фрэнси возвращалась по Грэм-авеню, одной из улиц еврейского гетто. Ее развлекали наполненные всякой всячиной тележки – каждая как маленький магазин, оживленные евреи, которые торговали с них, необычные запахи, которые окружали ее, тушеная фаршированная рыба, кислый ржаной хлеб – только из печи, и еще что-то – пахло оно горячим медом. Она смотрела на бородатых мужчин в шапочках из альпаки, черных

пальто и думала: почему у них такие маленькие и пронизывающие глазки? Она заглядывала в крошечные магазинчики, похожие на пещерки в стене, и вдыхала запах плательных тканей, разложенных на прилавках. Она примечала, что из окон свешиваются перины, на пожарных лестницах сушится одежда ярких восточных цветов, а в канавах играют полураздетые ребятишки. На тротуаре сидела неподвижно на деревянном стуле женщина с большим животом, внутри у нее был ребенок. Она сидела на солнышке, смотрела на то, что происходит на улице, и вслушивалась в то, что происходит внутри ее, в собственную таинственную жизнь.

Фрэнси вспомнила, как удивилась, когда мама сказала ей, что Иисус был еврей. Фрэнси думала, что он католик. Но маме лучше знать. Мама сказала, что евреи всегда считали Иисуса просто непутевым парнем, который не хочет работать плотником, заводить семью, растить детей и жить, как всем людям положено. И что евреи до сих пор ждут прихода своего мессии, так мама сказала. Размышляя обо всем этом, Фрэнси смотрела на беременную еврейскую женщину.

«Вот почему у евреев так много детей, – думала Фрэнси. – И почему их женщины сидят так важно… когда ждут ребенка. И почему они не стесняются того, что растолстели. Каждая думает, что родит настоящего Иисуса. Вот почему у еврейских женщин такой гордый вид, когда они готовятся рожать. А у ирландских женщин такой вид, будто им стыдно. Они же знают, что никогда не родят Иисуса. Только еще одного Майка. Когда вырасту и буду ждать ребенка, постараюсь ходить важно, с гордым видом. Ну и что с того, что я не еврейка».

Когда Фрэнси вернулась домой, было уже двенадцать. Вскоре вернулась и мама, задвинула швабру и ведро в угол с грохотом, который означал, что до понедельника она к ним не притронется.

Маме двадцать девять лет. У нее черные волосы, карие глаза и ловкие руки. Фигура – тоже лучше не бывает. Мама работает уборщицей, поддерживает идеальную чистоту в трех многоквартирных домах. Кто бы поверил, что мама драит полы, чтобы прокормить семью из четырех человек? Такая хорошенькая, стройная, энергичная, искрится жизнью. И хоть руки у нее покраснели и потрескались из-за воды с добавкой соды, ногти на тонких пальцах аккуратные, изящные, овальные. Все говорили: «Ах, какая жалость, что такой прелестной, милой женщине, как Кэти Нолан, приходится мыть полы». А потом прибавляли: «Чего ж еще ей остается делать, с таким-то мужем». Все признавали, что, как ни крути, Джонни Нолан – славный малый и красавчик хоть куда, другим мужчинам

до него далеко. Но ведь он *пьяница*. Так говорили все, и это была сущая правда.

Фрэнси позвала маму, чтобы та посмотрела, как она кладет восемь центов в жестяную банку. Они провели блаженные пять минут, гадая, сколько денег в банке. Фрэнси полагала, что долларов сто или около того. Мама сказала, что восемь долларов – это больше похоже на правду.

Мама велела Фрэнси сходить купить продуктов к обеду.

– Возьми из треснутой чашки восемь центов и купи четверть буханки еврейского ржаного, да смотри, чтобы свежий был. Еще возьми никель, зайди к Сауервейну и попроси остаток языка на пять центов.

– Но он же не согласится.

– Скажи, что мама велела, – строго заявила Кэти. Она немного подумала. – Может, вместо того, чтобы покупать пончики с глазурью, лучше положить пять центов в банк.

– Но мама, сегодня же *суббота*. Ты всю неделю говорила, что в субботу мы позволим себе сладкое.

– Ну ладно. Купи пончиков.

В еврейской лавочке с разными вкусностями было полно христиан, которые покупали еврейский ржаной хлеб. Фрэнси смотрела, как хозяин кладет четверть буханки в бумажный пакет. Изумительно хрустящая и в то же время нежная корочка, присыпанное мукой донышко – бесспорно, это самый вкусный хлеб в мире, когда свежий, думала Фрэнси. В магазин Сауервейна она вошла с опаской. Иногда хозяин был сговорчив насчет языка, иногда нет. Порезанный ломтиками язык по семьдесят пять центов за фунт предназначался для богачей. Но после того, как среднюю часть распродадут, крайний обрезок можно получить за никель, если иметь блат у мистера Сауервейна. Конечно, мяса в этом остатке было немного. В основном мягкие косточки и хрящи, а от мяса только воспоминание.

Сегодня у мистера Сауервейна настроение выдалось самое добродушное.

– Язык закончился еще вчера, – сказал он Фрэнси. – Но я отложил край для тебя, потому что знаю – твоя мама любит язык. А я люблю твою маму, так ей и передай. Поняла?

– Да, сэр, – прошептала Фрэнси.

Она опустила глаза в пол, потому что почувствовала, как вспыхнуло ее лицо. Она терпеть не могла мистера Сауервейна и не собиралась передавать маме его слова.

В булочной Фрэнси купила четыре пончика, придирчиво выбрав те, на

которых сахарной глазури побольше. Выйдя из магазина, она встретила Нили. Он сунул нос в сумку и издал радостный вопль, увидев пончики. Утром он уже слопал конфет на свои четыре цента, но все равно был очень голоден и заставил Фрэнси всю дорогу до дома бежать бегом.

Отец не приходил домой обедать. Он был поющий официант на вольных хлебах, из чего следует, что работал нечасто. Обычно субботнее утро он проводил, сидя в штаб-квартире профсоюза официантов и дожидаясь, когда работа сама его найдет.

Фрэнси, Нили и мама очень вкусно поели. Каждый получил по толстому куску «языка», по два ломтя ароматного ржаного хлеба, намазанного несоленым маслом, по пончику с сахарной глазурью и чашку крепкого горячего кофе с чайной ложкой сладкого сгущенного молока на блюдце.

С кофе у Ноланов были особые отношения. Кофе считался большой роскошью. Мама заваривала его в большом кофейнике каждое утро, а на обед и на ужин разогревала, отчего к концу дня кофе делался крепче. В нем было много-много воды и совсем мало кофе, но мама добавляла палочку цикория, и вкус становился насыщенным и горьким. Каждому полагалось в день три чашки кофе *с молоком*. Черного кофе без молока можно было пить сколько захочешь, в любое время. Когда в животе пусто, и на улице дождь, и ты один дома, так приятно знать, что можно подкрепиться хоть *чем-то*, даже если это всего-навсего чашка черного и горького кофе.

Нили и Фрэнси любили кофе, но пили его редко. Сегодня, как обычно, Нили не стал класть сгущенное молоко в кофе, а намазал его на хлеб. Глоток черного кофе он отпил просто для порядку. Налив кофе для Фрэнси, мама положила в него молоко, хотя знала, что дочь не станет пить.

Фрэнси нравился сам запах кофе и то, что он такой горячий. Пока ела хлеб с языком, она сжимала в ладони чашку, наслаждаясь теплом. Время от времени она вдыхала сладковатую горечь. Это было даже лучше, чем пить. После еды напиток выливался в раковину.

Две маминых сестры, Эви и Сисси, часто приходили в гости. Каждый раз, глядя, как Фрэнси выливает кофе, они читали Кэти лекцию о том, что нельзя переводить продукты напрасно.

Мама отвечала: «Фрэнси, как и все, имеет право на чашку кофе за завтраком, за обедом и за ужином. Если ей больше нравится выливать его, а не выпивать, пусть так и делает. Я считаю, что людям вроде нас полезно иногда что-то потратить напрасно. В эту минуту чувствуешь себя богачом с кучей денег, которому не надо трястись над каждым пенни».

Такого странного взгляда придерживалась мама, и он доставлял

Фрэнси большое удовольствие. Здесь крайняя бедность соприкасалась с заоблачным богатством. Девочка чувствовала, что, будь она хоть бедней всех в Уильямсбурге, в каком-то смысле она богаче. Она богаче, потому что может что-то потратить напрасно. Фрэнси медленно ела свой глазурованный пончик, чтобы подольше наслаждаться сладким вкусом во рту, и кофе за это время совсем остыл. С царственным видом она вылила его в раковину, чувствуя себя, как всегда при этом, сумасбродной транжиркой. После еды она была готова отправиться к Лошеру, чтобы запастись на полнедели черствым хлебом для семьи. Мама сказала, что можно взять никель и купить черствый пирог, если найдется не очень мятый.

Пекарня Лошера снабжала окрестные магазины. Хлеб не заворачивали в вощеную бумагу, и он быстро черствел. Лошер выкупал черствый хлеб у своих клиентов и продавал его за полцены беднякам. Магазин находился при пекарне. Напротив входа располагался длинный прилавок, по обе стороны от него тянулись узкие скамейки. За прилавком распахивалась огромная двустворчатая дверь. Из нее выезжал поддон с хлебом, и буханки опрокидывались прямо на прилавок. Две буханки стоили никель, и, когда поддон разгружался, начиналась давка за место у прилавка. Хлеба вечно не хватало, и порой приходилось ждать, пока разгрузят три или четыре поддона, чтобы до тебя дошла очередь. При такой цене хлеб не упаковывали, предоставляя это покупателям. Среди покупателей преобладали дети. Некоторые засовывали буханки под мышку и шагали домой, без стыда выставляя свою бедность напоказ всему свету. Более гордые хлеб упаковывали – кто-то заворачивал в старые газеты, кто-то клал в мешок из-под муки, чистый или грязный. Фрэнси брала с собой большой бумажный пакет.

Она не стремилась прорваться к прилавку первой. Она села на скамейку и смотрела. Дюжина ребят толкалась и шумела у прилавка. Четыре старика дремали на скамейке напротив нее. Пожилые люди, которые жили на иждивении родных, состояли в семье на побегушках или присматривали за малышами, другой работы для престарелых в Уильямсбурге не было. Старики оттягивали как можно дольше момент покупки, потому что у Лошера вкусно пахло теплым хлебом, а солнце через окно ласково пригревало их старые спины. Они сидели и клевали носом часы напролет, но им казалось, что они проводят время с пользой. Ожидание наполняло их жизнь на какой-то срок смыслом, и они снова чувствовали себя почти нужными.

Фрэнси посмотрела на самого старого из стариков. Она начала играть

в свою любимую игру – сочинять истории про людей. Редкие спутанные волосы были у старика того же грязновато-серого цвета, что и щетина на запавших щеках. В углах губ корочкой присохла слюна. Он зевнул. Зубов у него не было. Фрэнси смотрела зачарованно и брезгливо, как он закрыл рот, губы запали внутрь, рот исчез и нос почти уткнулся в подбородок. Она разглядывала старое пальто, из порванного шва на рукаве торчала подкладка. Старик сидел в бессильно расслабленной позе, и его ноги широко разъехались, на ширинке панталон, покрытых жирными пятнами, не хватало одной пуговицы. Фрэнси заметила, что ботинки у него стоптались и просят каши. В одном ботинке – рваный шнурок с многочисленными узелками, а в другом – обрывок грязной веревки вместо шнурка. Из ботинок торчали большие пальцы, грязные, с обломанными серыми ногтями. Воображение у Фрэнси заработало…

«Ему много лет. Больше семидесяти, наверно. Значит, он родился, когда Авраам Линкольн был жив и готовился стать президентом. Уильямсбург тогда был деревней, и может быть, во Флэтбуше еще жили индейцы. Это было так давно». Фрэнси не сводила глаз с его ног. «Когда-то он был маленьким. Милым, чистеньким младенцем, и мама целовала его маленькие розовые пальчики. Может, ночью во время грозы она подходила к его кроватке, подтыкала одеяло и шептала: «Не бойся, мама с тобой». Вынимала его из кроватки, прижималась щекой к его макушке и называла своим единственным, своим любимым сыночком. Потом он подрос, стал как мой брат, бегал по дому, выбегал во двор, хлопал дверьми. И мама бранила его, но думала – может, когда-нибудь он станет президентом Соединенных Штатов. Потом он стал юношей, сильным и веселым. Когда шел по улице, девушки улыбались и оборачивались ему вслед. Он улыбался в ответ, а самой хорошенькой, может, даже подмигивал. Наверное, он женился, у него родились дети, они считали его самым лучшим папой на свете, потому что он много работал и покупал им игрушки на Рождество. Сейчас его дети постарели, как он сам, у них свои дети, и старик больше никому не нужен, все ждут, когда он умрет. Но он не хочет умирать. Он хочет еще пожить, не важно, что он такой старый и у него не осталось в жизни никаких радостей».

Стало тихо. Летнее солнце струилось в окно и вычерчивало на полу пыльные косые дорожки. Большая зеленая муха металась в подсвеченной солнцем пыли и жужжала. Кроме Фрэнси и дремавшего старика, никого в лавке не осталось. Дети, ожидавшие хлеба, вышли во двор и там играли. Их высокие пронзительные голоса доносились словно издалека.

Вдруг Фрэнси вскочила. Сердце бешено заколотилось. Ей стало

страшно. Непонятно почему, ей представился аккордеон, растянутый во всю ширь. Потом аккордеон стал сжиматься… сжиматься… сжиматься… Жуткая паника, которой не было названия, охватила ее, когда она подумала, как много милых младенцев в этом мире рождаются, чтобы стать потом такими же стариками. Ей нужно вырваться отсюда, иначе это случится и с ней. Сейчас она превратится в беззубую сгорбленную старуху, которая у всех вызывает отвращение.

В этот момент двойные двери позади прилавка распахнулись, подъехал поддон с хлебом. Вышел мужчина и встал за прилавок. Транспортер подавал хлеб ему, а он выкладывал его на прилавок. Дети, которые услышали на улице звук открывающихся дверей, ворвались в магазин и оттеснили Фрэнси, которая чуть-чуть не успела добежать до прилавка.

– Мне нужен хлеб! – крикнула Фрэнси.

Старшая девочка сильно толкнула ее и поинтересовалась, кто она такая и не много ли о себе воображает.

– Не твое дело! Не твое дело! – ответила ей Фрэнси.

– Мне шесть буханок и пирог, только не очень мятый! – крикнула она.

Ее напор произвел впечатление на мужчину за прилавком, он швырнул ей шесть буханок и наименее пострадавший из бракованных пирогов и взял у нее две монеты по десять центов. Фрэнси проталкивалась к выходу, по пути уронила одну буханку и с трудом ее подобрала, потому что теснота не давала наклониться.

Выйдя на улицу, она присела на бордюр, чтобы засунуть хлеб и пирог в бумажный пакет. Мимо прошла женщина с ребенком, который сидел в коляске. Он дрыгал ножками. Фрэнси смотрела на него, но видела не детские пальчики, а изуродованные пальцы в грубых стоптанных башмаках. Паника повторилась, и всю дорогу до дома она бежала без остановки.

Дома Фрэнси никого не застала. Мама принарядилась и пошла с тетей Сисси в кино, билет на утренний сеанс в галерею стоил десять центов. Фрэнси выложила хлеб и пирог и аккуратно свернула пакет, приготовив для следующего похода. Фрэнси вошла в крошечную спальню без окон, которую делила с Нили, села на свою койку и в темноте стала ждать, когда совсем пройдет приступ ужаса, который охватил ее.

Чуть погодя пришел Нили, залез под свою кровать и вытащил потертую перчатку кэтчера.

– Ты куда? – спросила Фрэнси.

– На пустырь, играть будем.

– Можно с тобой?

– Нет.

Фрэнси шла следом за братом по улице. Трое приятелей уже поджидали его. Один держал биту, другой бейсбольный мяч, третий ничего не держал, зато был в бейсбольных штанах. Они отправились в сторону Гринпойнта, на пустырь. Нили видел, что Фрэнси идет за ним, но ничего не говорил. Один из приятелей ткнул его в бок и сказал:

– Глянь-ка! Твоя сестра увязалась за нами.

– Ага, – кивнул Нили.

Мальчишка повернулся и крикнул:

– Эй, вали отсюда!

– Мы в свободной стране, – ответила Фрэнси.

– Мы в свободной стране, – повторил Нили, обращаясь к приятелю.

После этого на Фрэнси больше никто не обращал внимания. Она продолжала следовать за ними. Ей некуда было деваться до двух часов, когда откроется районная библиотека.

Шли медленно, прогулочным шагом. Мальчики останавливались, чтобы поискать оловянную фольгу в водосточных канавах или подобрать сигаретные окурки, которые спрячут и потом докурят в подвале каким-нибудь дождливым днем. Они не пожалели времени, чтобы поиздеваться над еврейским мальчиком, который шел в синагогу. Они схватили его и стали обсуждать, как с ним поступят.

Малыш ждал, жалобно улыбаясь. Наконец христиане отпустили его, предварительно дав подробные указания, как вести себя на следующей неделе.

– Не смей казать свою рожу на Девоу-стрит, – велели ему.

– Не буду, – пообещал он.

Христиане выглядели разочарованными. Им хотелось борьбы. Тогда один вынул из кармана обломок мелка и начертил на тротуаре волнистую линию, отделив сточную канаву.

– И не смей пересекать эту линию, – приказал он.

Малыш понял, что оскорбил христиан, сдавшись без борьбы, и решил сыграть по их правилам.

– И что, ребята, мне вот даже одной ногой нельзя ступить в канаву?

– Тебе даже плюнуть в нее нельзя! – был ответ.

– Ладно, – он вздохнул с притворным огорчением.

Самого старшего осенило:

– И не вздумай приставать к христианским девочкам, понял?

Довольные, они пошли дальше, а малыш стоял и смотрел им вслед.

– Вот гои! – прошептал он, округлив большие карие еврейские глаза.

Мысль, что эти гои считают его взрослым мужчиной, который способен приставать к девочкам, хоть к христианкам, хоть к еврейкам, настолько поразила его, что он всю дорогу повторял «вот гои».

Компания двигалась не спеша, все смущенно поглядывали на старшего, который заговорил про девочек, и гадали, продолжит он грязный разговор на эту тему. Но не успел он начать, как Фрэнси услышала слова брата:

– Я знаю этого пацана. Он белый еврей.

Нили слышал, как отец называл так бармена-еврея, который ему нравился.

– Не существует белых евреев, это ты брось, – ответил самый старший.

– Ну, если представить, что белые евреи существуют, то он один из них, – ответил Нили, который умел согласиться с чужим мнением и в то же время отстоять свое собственное. Благодаря этому он так нравился людям.

– Белых евреев не существует, – сказал старший. – И безо всяких «если».

– Наш Господь был еврей, – повторил Нили мамины слова.

– А другие евреи схватили его и убили, – парировал старший.

Не успели ребята погрузиться в глубины теологии, как заметили еще одного мальчика, который свернул на Эйнсли-стрит с Гумбольдт-стрит, в руке он нес корзинку, прикрытую чистой тряпочкой. С краю из корзинки торчала палочка, и на ней висели, как спущенный флаг, шесть соленых кренделькoв. Старший из компании Нили подал знак, и все гурьбой ринулись к продавцу кренделей. Тот остановился как вкопанный, разинул рот и завопил: «Мама!»

Окно на первом этаже распахнулось, высунулась женщина, которая, придерживая хлопчатобумажное кимоно на обширной груди, крикнула:

– Отстаньте от него и убирайтесь из этого квартала, мерзкие подонки!

Руки Фрэнси взметнулись вверх – она зажала уши, чтобы избавить себя от необходимости на исповеди рассказывать священнику, что стояла и слушала, как говорят плохие слова.

– Мы же ничего такого не делаем, мадам, – сказал Нили с подкупающей улыбкой, которая так обезоруживающе действовала на их маму.

– И не сделаете, не рассчитывай. По крайней мере, пока я здесь, – и, не меняя тона, она обратилась уже к своему сыну: – А ты давай поднимайся. Покажу тебе, как будить меня, если я прилегла вздремнуть.

Мальчик с кренделями поднялся по ступеням, а компания лениво

продолжила путь.

– Этой даме палец в рот не клади, – старший мальчик мотнул головой назад, в сторону окна.

– Ага, – согласился другой.

– И моему предку палец в рот не клади, – вставил тот, что помладше.

– Нам вроде как насрать, – небрежно бросил старший.

– Я просто так сказал, – извинился младший.

– А моему предку палец в рот клади, – сказал Нили. Мальчики засмеялись.

Они шли вразвалку, то и дело останавливаясь, чтобы втянуть поглубже в себя запах Ньютаун Крик, который начинал шибать в нос уже за несколько кварталов, на Гранд-стрит.

– Черт, вот это вонища! – восхищенно прокомментировал старший.

– Да уж! – откликнулся Нили с чувством глубокого удовлетворения.

– Держу пари, это самая вонючая вонь на свете! – гордо провозгласил третий.

– Ага!

И Фрэнси тоже прошептала «да», соглашаясь. Она гордилась этим запахом. Он извещал о том, что совсем рядом пролив[6], пусть грязный, но он связан с рекой, которая впадает в море. Для Фрэнси это невыносимое зловоние означало корабли дальнего плавания, путешествия и приключения, и ей нравился этот запах.

Как раз, когда мальчики добрались до пустыря с плохонькой площадкой для бейсбола, в траве мелькнула маленькая желтая бабочка. Сработал человеческий инстинкт ловить то, что бегает, летает или плавает, и ребята стали гоняться за ней, пытаясь накинуть на нее старые кепки. Нили это удалось. Мальчики мимоходом взглянули на бабочку, сразу потеряв к ней интерес, и приступили к игре – они сами изобрели вариант бейсбола, рассчитанный на четверых.

Играли они неистово, чертыхались, потели, толкали друг друга. Когда кто-то делал неудачный бросок или мешкал, остальные дразнили его и корчили рожи. Ходил слух, что по Бруклину рыщут сотни скаутов и по субботам высматривают среди ребят, которые играют на пустырях, самых способных. А в Бруклине любой мальчишка мечтал стать игроком местной бейсбольной команды больше, чем президентом Соединенных Штатов.

Спустя какое-то время Фрэнси надоело смотреть на игру. Она знала, что они так и будут играть, и толкаться, и выделываться, пока не наступит время расходиться по домам к ужину. Два часа дня. Библиотекарша, наверное, уже вернулась после обеда. В радостном предвкушении Фрэнси

отправилась в библиотеку.

2

Библиотека находилась в старом убогом домишке. Фрэнси считала, что она прекрасна. В библиотеке Фрэнси нравилось все – как и в церкви. Она толкнула дверь и вошла. Смешанный запах старых кожаных переплетов, книжного клея, пропитанной свежими чернилами подушечки для штампов ей нравился даже больше, чем запах ладана на праздничной мессе.

Фрэнси думала, что в библиотеке собраны все книги, какие есть на свете, и планировала все книги, какие есть на свете, прочитать. Она читала по книге в день в алфавитном порядке и не пропускала даже скучных. Фрэнси вспомнила, что у первого прочитанного автора фамилия была Абботт. Она уже давно читала по книге в день, но до сих пор не выбралась из буквы «би». Она прочитала про бабочек и быков буффало, про Бермудские острова и барочную архитектуру. Несмотря на весь энтузиазм, Фрэнси признавала, что порой буква «би» дается ей с трудом. Но Фрэнси была читателем по складу души. Она читала все, что попадалось на глаза: макулатуру, классику, расписания и прейскуранты. Иногда чтение доставляло огромное наслаждение, например романы Луизы Олкотт. Фрэнси собиралась перечитать все книги еще по разу, когда дойдет до буквы «зет».

Суббота была особым днем. В субботу Фрэнси баловала себя отступлением от алфавитного порядка. В этот день она просила библиотекаршу порекомендовать ей книгу.

После того как Фрэнси, переступив порог, бесшумно закрыла за собой дверь – ведь именно так полагается вести себя в библиотеке, – она сразу взглянула на золотисто-коричневую глиняную вазочку, которая стояла у библиотекарши на столе с краю. Она заменяла календарь. Осенью в ней появлялись несколько веточек паслена, а к Рождеству их сменял остролист. Фрэнси узнавала, что скоро весна, даже если на земле снег, потому что в вазочке появились веточки вербы. А чем сегодня, летом 1912 года, встретит ее вазочка? Фрэнси медленно скользила взглядом по коричневой стенке, по тонким зеленым стеблям с мелкими круглыми листиками, пока не увидела… настурции! Красные, желтые, золотые и белые, как слоновая кость. От такого великолепного зрелища даже голова заболела, заломило во лбу между глаз. Это чудо она запомнит на всю жизнь.

«Когда вырасту, – подумала Фрэнси, – заведу такую же глиняную вазочку и в самую жару, в августе, буду ставить в нее настурции».

Она положила руку на край полированного стола, наслаждаясь его гладкостью. Она смотрела на аккуратный ряд остро отточенных карандашей, на ярко-зеленый квадрат журнала для записей, на пузатую бутылку с густым клеем, на ровную пачку карточек и стопку возвращенных книг, которые нужно расставить на полках.

«Да, когда я вырасту, в моем доме не будет ни плюшевых стульев, ни тюлевых занавесок. Никаких искусственных цветов. Только письменный стол, как этот, и белые стены, и зеленый журнал для записей, и блестящие желтые карандаши, остро отточенные, чтобы писать, и золотисто-коричневая вазочка с цветами, или листьями, или ветками, и книги… книги… книги…»

Фрэнси выбрала себе на воскресенье книгу некоего писателя по фамилии Браун. Ей казалось, что она никогда не покончит с Браунами. Только подумает, что Браунам конец – и замечает следующую полку, полную Браунов. А после Брауна идет Браунинг. Фрэнси застонала, ей не терпелось добраться до следующей буквы, там книга Марии Корелли, в которую она как-то заглянула и с трудом оторвалась. Когда же она окажется там? Может быть, нужно читать по две книжки в день. Может быть…

Фрэнси довольно долго простояла у стола, прежде чем библиотекарша соизволила обратить на нее внимание.

– Да? – раздраженно спросила дама.

– Вот эта книга. Я беру ее, – Фрэнси протянула книгу, открытую на последней странице, где лежала маленькая карточка, вынутая из кармашка. Библиотекари учили детей подавать книги именно так. Это избавляло их от необходимости открывать по нескольку сотен книг в день и вытаскивать карточки из кармашков.

Библиотекарша взяла карточку, проштамповала, вставила в картотеку на столе. Потом поставила штамп в читательском билете Фрэнси и швырнула его обратно. Но Фрэнси не уходила.

– Да? – спросила библиотекарша, не утруждаясь поднять глаза на Фрэнси.

– Не могли бы вы порекомендовать хорошую книгу для девочки?

– Какого возраста?

– Одиннадцать лет.

Каждую неделю Фрэнси обращалась с этой просьбой, и каждую

неделю библиотекарша спрашивала о возрасте. Имя на карточке ничего ей не говорило, а в лицо детям она никогда не смотрела, поэтому не могла узнать девочку, которая каждый день берет по книге, а в субботу – две. Улыбка очень порадовала бы Фрэнси, а дружеская реплика сделала счастливой. Она любила библиотеку и готова была обожать ее хозяйку. Но голова у библиотекарши была занята другим. А детей она ненавидела.

Фрэнси дрожала от нетерпения, когда женщина наклонилась, чтобы достать книгу из-под стола. Книга появилась, и Фрэнси увидела заголовок: «Если бы я был королем», автор Маккарти[7]. Здорово! А неделю назад был «Гордый принц», того же Маккарти, а две недели назад – «Если бы я был королем». Эти две книги Маккарти библиотекарша рекомендовала по очереди снова и снова. Может, за свою жизнь она прочитала только эти две книги, а может, они значились в каком-то рекомендательном списке. Или она вообразила, что эти две книги больше всего подходят для одиннадцатилетней девочки.

Фрэнси прижала книги к груди и побежала домой, борясь с искушением присесть на первое попавшееся крыльцо и начать читать.

Дома наконец-то наступил тот час, которого она ждала всю неделю: время чтения на пожарной лестнице. Она постелила на площадку лестницы коврик, взяла с кровати подушку и приложила к перилам. Ей повезло – в леднике был лед. Она бросила кубик в стакан с водой. Бело-розовые мятные вафли, купленные утром, были разложены на блюдце, хоть и с трещинкой, но красивого голубого цвета. Она пристроила книгу, стакан и блюдце с вафлями на подоконнике и выбралась на лестницу. Теперь ее домом стало дерево. Ни сверху, ни снизу, ни с противоположной стороны никто не мог ее видеть. Но она сквозь густую листву могла видеть все.

День был солнечный. Ленивый теплый ветерок приносил теплый запах моря. Листья дерева отбрасывали узорную тень на белую подушку. Хорошо, что во дворе никого. Обычно тут торчит мальчик, отец которого арендует первый этаж под магазин. Мальчик играл в одну и ту же бесконечную игру – в похороны. Он рыл маленькие могилки, ловил гусениц, клал живыми в спичечные коробки, закапывал их без особых церемоний и увенчивал крошечные холмики надгробиями из гальки. Игра от начала до конца сопровождалась притворными рыданиями и глубокими вздохами. Но сегодня зловещего мальчика не было, он уехал в Бенсонхерст навестить тетю. Его отъезд – подарок, почти как на день рождения.

Фрэнси вдохнула теплый воздух полной грудью, полюбовалась танцующей тенью от листьев и стала читать, откусывая по кусочку от вафли и запивая холодной водой.

Если бы я был королем, красотка,
Ах, будь я королем…

История Франсуа Вийона поражала ее с каждым прочтением все больше. Иногда Фрэнси охватывал страх – что, если книга потеряется в библиотеке и она не сможет ее больше перечитывать. Однажды Фрэнси начала переписывать книгу в двухцентовую тетрадку. Ей ужасно хотелось иметь «Будь я королем», поэтому она решила переписать ее. Но исписанные ручкой страницы не походили на библиотечную книжку и не пахли, как она, и Фрэнси отказалась от этой затеи, утешая себя тем, что вырастет, будет много работать, накопит денет и купит все книги, которые любит.

Пока Фрэнси читала, она находилась в согласии с миром и была так счастлива, как только девочка может быть счастлива от хорошей книги и блюдечка сладостей, когда она одна в доме, тень от листьев ползет по двору и день клонится к вечеру. Около четырех часов дом напротив начал оживать. Сквозь листья Фрэнси видела, как раздвигаются занавески и открываются окна, как мужчины выходят с пустыми бидонами и возвращаются с полными, в которых пенится пиво. Дети снуют туда-сюда, бегают к мяснику, бакалейщику и булочнику и обратно. Женщины идут со свертками из ломбарда. Воскресный костюм мужа возвращается домой. В понедельник он опять на неделю отправится к ростовщику в залог. Ломбард процветал, давая деньги под процент на неделю, а костюму только на пользу, если его почистят и повесят рядом с камфарой, так что моль не поест. В понедельник из дома, в субботу домой. Дядюшке Тиму доход – десять центов. И опять все по кругу.

Фрэнси смотрела, как девушки прихорашиваются, чтобы пойти на свидание к своим ухажерам. Ванных в квартирах не было, поэтому девушки, в сорочках и нижних юбках, стояли на кухне у раковин и мыли подмышки, изящно заведя руку за голову. Окон было много, и в них девушки мылись в одинаковых позах, и Фрэнси казалось, что она наблюдает за торжественным и долгожданным ритуалом.

Она оторвалась от книги, когда в соседний двор вошла лошадь Фрабера со своим фургоном – вид прекрасной лошади доставлял почти такое же удовольствие, как чтение. Двор был вымощен булыжником, а в конце его находилась уютная конюшня. Кованные железом двойные ворота отделяли двор от улицы. Булыжник заканчивался полоской ухоженной земли, на которой рос чудесный розовый куст и ярко-красные

герани, образуя длинную клумбу. Конюшня была чище, чем иной из домов по соседству, а двор считался самым красивым в Уильямсбурге.

Фрэнси слышала, как ворота щелкнули, закрываясь. Сначала показался блестящий гнедой мерин с черной гривой и черным хвостом. Он тянул маленький фургон коричневого цвета, на котором золотыми буквами с обеих сторон было написано: «Доктор Фрабер, стоматолог» и адрес. В этом хорошеньком фургоне никого и ничего не возили. Целыми днями он медленно колесил по улицам для рекламы. Это была передвижная вывеска.

Фрэнк, симпатичный молодой человек с розовыми щеками – как сказочный паренек из детской песенки, – каждое утро выводил лошадь с фургоном и каждый вечер заводил обратно. Жизнь его была словно сказка, все девушки строили ему глазки. Все, что от него требовалось, – разъезжать в фургоне по городу как можно медленней, чтобы люди могли прочитать имя и адрес. Когда придет нужда вырвать зуб или поставить коронку, они вспомнят адрес, написанный на фургоне, и придут к доктору Фраберу.

Фрэнк вальяжно снял пальто и надел кожаный фартук, пока Боб, так звали мерина, терпеливо переступал с ноги на ногу. Фрэнк распряг его, обтер сбрую и повесил в конюшню. Затем стал мыть лошадь большой желтой губкой. Боб наслаждался. Стоял, облитый солнцем, и время от времени ударял копытом о булыжник, выбивая искру. Фрэнк выжимал из губки воду на гнедую спину и тер ее, непрерывно поддерживая разговор:

– Стой ровно, Боб. Боб хороший мальчик. А теперь давай потрем бочок. Вот так, отлично!

Кроме Боба, в жизни Фрэнси была еще одна лошадь. Муж тети Эви дядя Вилли Флиттман тоже работал кучером. Его лошадь звали Барабанщик. Вилли с Барабанщиком развозили молоко и не ладили между собой, в отличие от Фрэнка с Бобом. Вилли с Барабанщиком постоянно подозревали друг друга, каждый был убежден, что другой измышляет гадости против него. Дядя Вилли ругал Барабанщика самыми страшными словами. Послушать его, так выходило, что лошадь по ночам не смыкает глаз в своем стойле при молочной фабрике и изобретает все новые и новые козни против своего кучера.

Фрэнси любила играть в такую игру – она воображала, будто люди превратились в своих домашних животных и наоборот. Больше всего в Бруклине любили держать маленьких белых пуделей. Хозяйки пуделей, обычно невысокие, круглые, в светлых кудряшках и со слезящимися глазами, очень походили на своих собак. Мисс Тинмор, миниатюрная

писклявая старая дева, которая давала маме уроки музыки, была точь-в-точь как та канарейка в клетке у нее на кухне. Превратись Фрэнк в лошадь, он походил бы на Боба. Фрэнси никогда не видела Барабанщика, но представляла, как он выглядит. Наверняка Барабанщик, как и сам дядя Вилли, мелкий, щуплый, темной масти, глаза беспокойные, навыкате, так что видны белки. Голос у него, наверное, тоже ноющий, как у мужа тети Эви. Тут Фрэнси отвлеклась от мыслей про дядю Вилли.

На улице за воротами собралась дюжина мальчишек, которые смотрели, как моют единственную в округе лошадь. Фрэнси их не видела, но слышала, как они переговариваются. Они выдумывали разные страсти про смирное животное.

– Не гляди, что он такой тихий да смирный, – говорил один мальчик. – Это он только для виду. Просто притаился, ждет, когда Фрэнк зазевается, тогда укусит его и закусает до смерти.

– Ага, – сказал другой. – Я видел вчера, как он задавил ребенка.

На третьего мальчика снизошло вдохновение.

– А я видел, как он сделал пи-пи на старушку, та на обочине продавала яблоки. Ну и на яблоки тоже, ясное дело, – добавил он, подумав.

– Ему надевают шоры на глаза, чтобы не видел, какие люди маленькие. А то увидит – всех перебьет.

– А чего, в шорах он думает, что люди маленькие?

– Ага, как гномики.

– Ничего себе!

Каждый прекрасно понимал, что сам он врет. Но верил, что другие говорят правду. Наконец им надоело смотреть, как миролюбивый Боб спокойно стоит на месте. Один взял камень и швырнул в лошадь. В том месте, куда попал камень, на шкуре у Боба появились складки, и мальчики завизжали в ожидании, что он придет в ярость. Фрэнк взглянул на них и сказал по-бруклински мягко:

– Ступайте прочь и больше так не поступайте. Эта лошадь не сделала вам ничего плохого.

– Вот как? – возмутился один мальчик.

– Вот так, – ответил Фрэнк.

– А, сам …… ступай! – нанес последний удар самый младший.

Голос Фрэнка звучал по-прежнему доброжелательно, при этом он выжал из губки очередную струю воды на круп лошади:

– Вы сами уберетесь? А то мы всыплем вам по заднице.

– Кто это вы?

– Я покажу вам, кто это мы!

Внезапно Фрэнк наклонился, вынул булыжник и замахнулся, как будто собирался бросить. Мальчики отскочили с возмущенными криками.

– Вроде мы в свободной стране!

– Да! Эта улица не твоя!

– Вот скажу своему дядьке, он полицейский, задаст тебе!

– Убирайтесь сейчас же, – спокойно сказал Фрэнк и аккуратно вставил булыжник на место.

Мальчики постарше удалились, им эта забава надоела. Но младшие вернулись к воротам. Им хотелось посмотреть, как Фрэнк будет кормить Боба овсом.

Фрэнк закончил мыть Боба и поставил его под дерево, чтобы голова лошади оказалась в тени. Он повесил Бобу на шею мешок с кормом и отправился мыть фургон, насвистывая «Позволь назвать тебя своей милкой». Как будто по сигналу, Флосси Гэддис, которая жила под Ноланами, высунулась из окна.

– Эй, привет! – весело крикнула она.

Фрэнк понял, кто его окликает. Он помолчал, потом ответил: «Привет», не поднимая головы. Потом обошел фургон и встал с другой стороны, так что Флосси не могла его видеть, но ее настойчивый голос преследовал его.

– Закончил на сегодня? – радостно спросила она.

– Да, скоро заканчиваю.

– Не собираешься поразвлечься? Субботний вечер как-никак.

Нет ответа.

– Только не говори, что у такого пригожего парня, как ты, нету подружки.

Опять никакого ответа.

– Говорят, сегодня в Шемрок-клубе будет веселье!

– Вот как? – без интереса спросил Фрэнк.

– Ну! Я купила билет на двоих – для девушки с кавалером.

– Прости, что-то устал сегодня.

– Будешь сидеть дома, на пару со своей старушкой?

– Наверно.

– Да пошел ты к черту!

Она захлопнула окно, и Фрэнк вздохнул с облегчением. На *этот раз* отделался.

Фрэнси жалела бедную Флосси. Девушка не отступалась от попыток привлечь внимание Фрэнка, хотя терпела поражение раз за разом. Флосси

всегда бегала за парнями, а те бегали от нее. У Фрэнси была тетя Сисси, которая тоже бегала за мужчинами. Но те всегда бежали ей навстречу.

Разница между ними заключалась в том, что Флосси Гэддис изголодалась по мужчинам, а у Сисси был здоровый аппетит. И эта разница решала все.

3

В пять часов пришел домой папа. К этому времени и лошадь, и фургон уже стояли в конюшне Фрабера, Фрэнси дочитала книгу, доела вафли и смотрела, как тонкие бледные лучи вечернего солнца ползут по старому деревянному забору. Она прижала к щеке нагретую солнцем, пропахшую ветром подушку перед тем, как положить ее на кровать. Папа напевал свою любимую балладу «Молли Мэлоун»[8]. Он всегда пел ее, поднимаясь по лестнице, и тем давал знать, что пришел.

В Дублине честном,
Где девы прелестны,
Впервые увидел красотку Мэлоун…

Фрэнси с радостной улыбкой успела открыть дверь раньше, чем папа допел куплет.

– Где мама? – спросил он. Он *всегда задавал этот вопрос*, входя в дом.

– Она пошла на шоу с Сисси.

– Вот что! – огорчился он. Он всегда огорчался, если не заставал Кэти дома. – Я сегодня вечером работаю у Кломмера. Там празднуют свадьбу на широкую ногу.

Он почистил котелок рукавом, потом повесил.

– Будешь официантом или будешь петь?

– И то, и другое. Найдется у меня чистый фартук, Фрэнси?

– Есть выстиранный, но не глаженый. Сейчас поглажу.

Она положила на два стула гладильную доску и поставила утюг нагреваться. Взяла сложенную квадратом мятую парусину с завязками и побрызгала на нее водой. Дожидаясь, пока нагреется утюг, подогрела кофе и налила ему чашку. Он выпил и съел пончик с глазурью, оставленный для него. Он был очень весел, потому что подвернулась работа на вечер, да и день выдался славный.

– Такой день, как этот, он как подарок, – сказал отец.

– Да, папа.

– А горячий кофе – разве это не замечательно? Как люди жили, пока не изобрели кофе?

– Мне нравится запах кофе.

– Где ты покупаешь зерна?

– У Уинклера. А что?

– Кофе лучше с каждым днем.

– Осталось немного еврейского хлеба, кусочек.

– Отлично! – Он взял хлеб и перевернул его, увидел с другой стороны этикетку с эмблемой Союза пекарей. – Отличный хлеб отлично выпекают пекари профсоюза.

Он снял этикетку. Вдруг вспомнил:

– А как там эмблема на моем фартуке?

– Вот она, вшита в шов. Сейчас разглажу ее.

– Эмблема, она как украшение, – пояснил он. – Вроде розы в петлице. Вот посмотри на мой значок с эмблемой Союза официантов.

И папа отполировал рукавом бледный зеленоватый значок на лацкане.

– Пока я не вступил в профсоюз, хозяева платили мне, как им вздумается. Иногда вообще не платили. Чаевые есть, говорили мне, и хватит с тебя, вот твой заработок. Кое-где с меня еще и брали деньги за то, что давали работу. У тебя такие большие чаевые, говорили мне, можешь заплатить за концессию. А потом я вступил в профсоюз. Твоей маме не стоит переживать из-за взносов. Когда я работаю от профсоюза, хозяин обязан платить мне зарплату, и не важно, что есть чаевые. Все работники должны объединяться в профессиональные союзы.

– Да, папа.

Фрэнси принялась гладить. Она любила слушать отцовские разглагольствования.

Фрэнси вспомнила про штаб-квартиру профсоюза. Как-то раз она ходила туда, относила отцу фартук и деньги на трамвай, чтобы доехать до работы. Она видела, как он сидел там с другими мужчинами. В смокинге, который носил всегда. Другой одежды у него не было. Черный котелок смотрелся небрежно-элегантно. Он курил сигару. Когда Фрэнси вошла, он снял котелок и выбросил сигару.

– Моя дочь, – с гордостью сказал он.

Официанты посмотрели на худенькую девочку в старом платье и переглянулись. Они были не чета Джонни Нолану. Всю неделю работали

на постоянной работе, а субботними вечерами подрабатывали ради дополнительных денег. У Джонни не было постоянной работы. Он работал от случая к случаю – вечер тут, вечер там.

– Должен сказать вам, друзья, – заявил он. – У меня двое чудесных детишек и прекрасная жена. И должен признаться, что я не очень хорошо поступаю с ними.

– Не переживай, – сказал сосед и похлопал его по плечу.

Фрэнси услышала, как двое мужчин в сторонке обсуждают ее отца. Коротышка говорил:

– Послушай только, как этот парень распинается про свою жену и детей. Заслушаешься. Забавный тип. Зарплату отдает жене, а чаевые пропивает. У него занятный договор с Макгэррити. Он отдает все свои чаевые ему, а Макгэррити наливает ему по первому требованию. Никто из них не знает – кто кому должен, то ли Макгэррити ему, то ли наоборот. Но эта система расчетов, похоже, его вполне устраивает. Он всегда под мухой.

И коротышка ушел.

У Фрэнси заныло сердце, но когда она увидела, как окружившие отца мужчины любят его, как улыбаются ему и смеются его словам, как охотно слушают его, боль в сердце поутихла. Те двое в сторонке досадное исключение. Она знает, что все остальные любят ее отца.

Да, все любили Джона Нолана. Он задушевно пел задушевные песни. Еще в самые древние времена люди, особенно ирландцы, любили и почитали певцов, которые жили среди них. Приятели отца, официанты, на самом деле любят его. Клиенты, которых он обслуживает, любят его. Жена и дети любят его. Он такой веселый, молодой, обаятельный. Жена не таила на него обиды, и детям даже в голову не приходило, что им следует стыдиться его.

Фрэнси отмахнулась от мыслей про тот день, когда побывала в штаб-квартире профсоюза. Она снова прислушалась к тому, что говорил отец. Он предавался воспоминаниям.

– Взять хоть меня. Я никто, – он безмятежно закурил сигару ценой в десять центов. – Мои предки приехали из Ирландии в том году, когда не уродился картофель. Один человек, он управлял пароходной компанией, сказал, что довезет отца до Америки бесплатно – если тот будет работать официантом на корабле. Сказал, заплатишь только за багаж. Вот так отец с матерью оказались в Америке. Отец был вроде меня – не мог долго удержаться на одном месте.

Джонни покурил какое-то время молча.

Фрэнси гладила и тоже молчала. Она понимала, что отец думает вслух. Он не ждет ответа. Просто ему нужно, чтобы кто-то слушал его. Он говорит практически одно и то же каждую субботу. Всю остальную неделю, когда пьет, он только приходит и уходит, и говорит мало. Но сегодня суббота. Сегодня день разговоров.

– Мои предки не умели ни читать, ни писать. Я сам только до шестого класса доучился – пришлось бросить школу, когда старик умер. Вам, дети, повезло. Я сделаю все, чтобы вы окончили школу.

– Да, папа.

– Мне тогда было двенадцать, еще мальчишка. Пел для пьяниц в барах, и они бросали мне пенни. Потом стал работать… официантом… – Он снова замолчал и задумался.

– Мне всегда хотелось стать настоящим певцом, таким, который выходит на сцену, при параде. Но у меня нет образования, и я понятия не имел, с чего начинать, чтобы попасть на сцену. Цени ту работу, которую имеешь, говорила мне мать. Ты не представляешь, какое счастье иметь работу, говорила она. Так я и стал поющим официантом. Непостоянный заработок. Дела бы шли лучше, кабы работать просто официантом. Вот почему я пью, – совсем нелогично закончил он.

Фрэнси посмотрела на него так, словно хотела что-то спросить. Но ничего не спросила.

– Я пью, потому что у меня нет будущего, и я понимаю это. Я не могу водить грузовик, как другие, и в полицию меня не возьмут с таким телосложением. Остается разносить пиво да петь, потому что хочется петь. Я взял на себя ответственность за семью, а сам не справляюсь с ней, вот почему я пью, – последовала еще одна длинная пауза. Потом он прошептал: – Я неудачник. Я завел жену и детей, а работать в поте лица – это не для меня. Я никогда не хотел семьи.

Сердце у Фрэнси снова заныло. Значит, он не хотел ни ее, ни брата?

– Для чего такому человеку, как я, семья? Но я влюбился в Кэти Ромли. Нет, я не виню твою маму, не думай, – спохватился он. – Не будь ее, на ее месте была бы Хильди О’Дэйр. Знаешь, мне кажется, твоя мама до сих пор ревнует меня к ней. Но когда я повстречал Кэти, я сказал Хильди: «Знаешь, ты иди своей дорогой, а я пойду своей». Так я женился на твоей маме. У нас родились дети. Твоя мама очень хорошая, Фрэнси. Никогда не забывай об этом.

Фрэнси знает, что мама у нее хорошая. Она *знает* это. И папа так говорит. Тогда почему же отца она любит больше, чем маму? Почему так? Папа не такой хороший. Он сам это говорит. Но она любит его больше.

– Да, твоя мама много работает. Я люблю свою жену, я люблю своих детей.

У Фрэнси полегчало на сердце.

– Но разве человек не заслуживает лучшей жизни? Может, когда-нибудь профсоюзы наведут такой порядок, чтобы человек работал и еще у него оставалось время для себя. Но я до этого не доживу. Сейчас ведь как – или ты пашешь с утра до вечера, или ты в заднице. Никакой середины. Когда помру, меня сразу забудут. Никто не скажет – вот человек, который любил свою семью и верил в профсоюзы. Все скажут: вот пустой человек. Просто пьяница, как ни крути. Да, именно так и скажут.

В комнате наступила полная тишина. Джонни Нолан с горечью выбросил недокуренную сигару в приоткрытое окно. У него было предчувствие, что его жизнь близится к концу. Он взглянул на девочку, которая гладила, покорно склонившись над доской, и выражение тихой печали на худеньком детском лице пронзило его.

– Слушай! – Он подошел к ней и положил руку на ее худенькие плечи. – Если сегодня получу много чаевых, я поставлю деньги на хорошую лошадь, я ее знаю, она бежит в понедельник. Поставлю пару долларов, а выиграю десять. Тогда я поставлю десятку на другую лошадь, которую знаю, и выиграю сотню. Если действовать с умом, да еще удача улыбнется, то так дойдет и до пятисот долларов.

Мечты мимолетные, как сигарный дым, понимал он, даже когда рисовал ей картины умопомрачительного выигрыша. Но как здорово, думал он, если бы все, что говоришь, сбывалось. И он продолжал говорить:

– А потом знаешь что я сделаю, Примадонна?

Фрэнси улыбнулась, счастливая оттого, что он назвал ее прозвищем, которое дал, когда она была маленькой. Он утверждал, что она плачет музыкально и диапазон у нее, как у оперной дивы.

– Нет. Что ты сделаешь?

– Мы отправимся с тобой в путешествие, Примадонна. Только ты и я. Поедем далеко на юг, туда, где цветут хлопковые поля, – ему понравилась эта фраза, и он повторил еще раз: – Далеко на юг, туда, где цветут хлопковые поля.

Потом он вспомнил, что это строчка из песни, которую он пел. Он засунул руки в карманы, присвистнул, и закружился в вальсе, как Пэт Руни, и запел:

Хочу туда, где кто-то ждет меня,
Туда, где цветут хлопковые поля.

Фрэнси нежно поцеловала его в щеку.

– Ох, папа, я так люблю тебя, – прошептала она.

Он крепко обнял ее. Снова эта пронзающая боль в душе. «Боже мой, боже мой! – мысленно повторил он, почти умирая от душевной муки. – Я же чудовище, а не отец!» Но когда заговорил снова, его голос звучал спокойно:

– Мой фартук сам себя не выгладит, между прочим.

– Он готов, папа, – Фрэнси свернула парусину аккуратным квадратом.

– Малыш, а деньги дома есть?

Она взглянула на треснутую чашку, которая стояла на полке.

– Никель и несколько пенни.

– Не могла бы ты взять семь центов и купить мне манишку с бумажным воротничком?

Фрэнси спустилась в магазин тканей, чтобы снарядить папу для субботней смены. Манишка – передняя часть рубашки из жесткого накрахмаленного муслина. Она застегивалась вокруг шеи на пуговицу и заправлялась под жилет. Манишка заменяла рубашку. Ее надевали один раз, потом выбрасывали. Бумажный воротничок на самом деле не был бумажным. Так его называли, чтобы отличать от целлулоидного воротничка, который носили совсем бедные люди, – тот не требовал стирки, его достаточно просто протереть влажной тряпочкой. Бумажный воротничок был сделан из тонкого батиста, накрахмаленного до жесткости. Он тоже был одноразовый.

Когда Фрэнси возвратилась, папа уже побрился, уложил влажные волосы, начистил ботинки до блеска и надел чистую майку. Она была неглаженая, с большой дыркой на спине, но чистая и пахла хорошо. Он стоял на стуле и доставал с верхней полки шкафа маленькую коробочку. В ней хранились жемчужные запонки, которые Кэти подарила ему на свадьбу. Они обошлись ей в месячную зарплату. Джонни очень гордился ими. Какие бы трудные времена ни случались у Ноланов, запонки никогда не закладывались в ломбард.

Фрэнси помогла ему вставить запонки. Воротничок он скрепил золотой пуговицей, подарком Хильди О’Дэйр, который она преподнесла ему до того, как он обручился с Кэти. С этой вещью он тоже не расставался. Галстуком ему служила полоска тяжелого черного шелка, и он ловко завязал ее узлом. Другие официанты носили готовые галстуки на резинке. Но только не Джонни Нолан. Другие официанты носили грязные

белые рубашки или чистые, но мятые, и целлулоидные воротнички. Но только не Джонни. Его одежда была всегда идеальна, пусть и недолговечна.

Наконец Джонни завершил свой туалет. Волнистые светлые волосы блестели, от гладко выбритого лица пахло чистотой и свежестью. Он надел фрак, изящными движениями застегнул. Атласные лацканы протерлись, но кто обратит на это внимание, когда фрак сидит на нем так ладно, а стрелка на брюках безупречна? Фрэнси посмотрела на отполированные черные ботинки и залюбовалась тем, как изящно брюки ложатся сзади на каблуки ботинок, а спереди на подъем. Больше ни на чьем папе брюки не сидели так. Фрэнси гордилась своим отцом. Она осторожно завернула отглаженный фартук в кусок чистой бумаги, который берегла для такого случая.

Фрэнси проводила отца до трамвая. Женщины улыбались ему, пока не замечали девочку, которая держала его за руку. Джонни выглядел как беззаботный красавчик-ирландец, а не как муж женщины, которая моет полы, и отец двух детей, которые всегда голодны.

Они проходили мимо скобяной лавки Габриэля и остановились полюбоваться коньками в витрине. У мамы никогда не хватало времени на это. Папа говорил так, словно когда-нибудь купит Фрэнси коньки. Они завернули за угол. Когда трамвай подъехал к Грэм-авеню, он вспрыгнул на площадку. Вагон тронулся с места, папа стоял на задней площадке, держась за поручень, и наклонился, чтобы помахать Фрэнси. Нет на свете более элегантного мужчины, чем ее отец, решила Фрэнси.

4

Проводив папу, Фрэнси отправилась посмотреть, какой костюм сшила Флосс Гэддис для сегодняшних танцев.

Флосси помогала матери и брату, она работала на перчаточной фабрике, где шили детские перчатки. Перчатки сшивали с изнанки, а ее обязанностью было вывернуть их на лицевую сторону. Часто она брала работу на дом. Значение имел каждый цент, который она получала, потому что ее брат не мог работать. Он болел туберкулезом.

Фрэнси слышала, что Хэнни Гэддис умирает, но не верила этому. По его виду не скажешь. Если честно, выглядел он прекрасно. Бледное лицо, нежный румянец. Глаза большие, темные, всегда ярко блестят, как будто лампа, защищенная от ветра. Он все знал. Ему было девятнадцать лет, он хотел жить и не понимал, почему приговорен к смерти. Миссис Гэддис

обрадовалась, когда увидела Фрэнси. Хэнни в компании отвлечется от мыслей о себе.

– Хэнни, к нам Фрэнси пришла, – радостно сообщила она.

– Привет, Фрэнси.

– Привет, Хэнни.

– Хэнни хорошо выглядит, правда же, Фрэнси? Скажи ему.

– Ты хорошо выглядишь, Хэнни.

– Она говорит умирающему человеку, что он хорошо выглядит, – сообщил Хэнни невидимому собеседнику.

– Это правда.

– Нет, не правда. Ты просто так говоришь.

– Зачем ты так, Хэнни. Посмотри на меня – вот я худая, а умирать не собираюсь.

– Ты не умрешь, Фрэнси. Ты родилась, чтобы отведать этот клятой жизни.

– Перестань, хотела бы я иметь такой румянец, как у тебя.

– Не захотела бы, если бы знала, от чего он.

– Хэнни, тебе надо больше сидеть на крыше, – сказала мать.

– Она говорит умирающему человеку, что ему надо больше сидеть на крыше, – опять обратился Хэнни к своему невидимому собеседнику.

– Тебе нужен свежий воздух и еще солнце.

– Оставь меня в покое, мама.

– Я тебе добра желаю.

– Мама, мама! Оставьте меня одного! Оставьте!

Он вдруг уткнулся головой в ладони, и его тело стали скручивать мучительные рыдания вперемешку с кашлем. Флосси с матерью переглянулись и без слов поняли друг друга. Оставив его, заходящегося в кашле и рыданиях, на кухне, они вышли в гостиную, чтобы показать Фрэнси наряд.

Всю неделю Флосси трудилась, и дел у нее было три. Выворачивать перчатки, обрабатывать Фрэнка и сочинять маскарадный костюм. А в субботу вечером она отправлялась на бал-маскарад, и каждый раз в новом костюме. Костюмы она придумывала с тем расчетом, чтобы спрятать обезображенную правую руку. Маленькой девочкой она упала в чан с кипятком, по неосторожности оставленный на полу. Она сильно обварила правую руку, и кожа на ней осталась красной и сморщенной. Флосси всегда носила длинные рукава.

Поскольку маскарадный костюм непременно должен иметь *декольте*, Флосси изобрела фасон без спины, с вырезом спереди, который открывал

ее пышную грудь, и с одним рукавом, который скрывал правую руку. Жюри полагало, что единственный летящий рукав что-то символизирует. Как бы то ни было, ей всегда доставался первый приз.

Флосси надела костюм, приготовленный для сегодняшнего вечера. Это была вариация на тему наряда, популярного у танцовщиц в увеселительных заведениях Клондайка. Облегающее платье из пурпурного атласа с многослойной нижней юбкой из вишневой накрахмаленной кисеи. На левой груди пришита черная бабочка с блестками. Единственный рукав сделан из шифона ярко-зеленого цвета. Фрэнси пришла в восторг от этого наряда. Мать Флосси распахнула дверцу гардероба, и глазам Фрэнси открылась вереница разноцветных блестящих одеяний.

Шесть платьев разных цветов, столько же кисейных нижних юбок и не меньше двадцати шифоновых рукавов всех мыслимых оттенков. Каждую неделю Флосси меняла сочетание, и получался новый костюм. Через неделю, например, наденет под небесно-голубое платье вишневую юбку и дополнит черным шифоновым рукавом. И так далее. На полке лежали две дюжины плотно скрученных шелковых зонтиков, которыми ни разу не пользовались, – призы, которые Флосси выиграла. Она коллекционировала их, как спортсмен коллекционирует свои кубки. Глядя на все эти зонтики, она чувствовала себя счастливой. У бедняков есть такая страсть – копить вещи.

Пока Фрэнси любовалась костюмами, ей становилось все больше не по себе. Она смотрела на ослепительно яркие переливающиеся цвета – вишневый, оранжевый, голубой, красный, желтый, и чувствовала, что за этим скрывается кто-то. Кто-то, закутанный в длинный черный плащ, с ухмыляющимся черепом вместо головы, с костлявыми руками. Он прячется за этими разноцветными нарядами и караулит Хэнни.

5

Мама пришла домой в шесть часов вечера вместе с тетей Сисси. Фрэнси очень обрадовалась, увидев Сисси. Она любила Сисси больше, чем другую тетю – Эви. Фрэнси обожала ее и восхищалась ею. Кроме того, жизнь Сисси была полна событий. За свои тридцать пять лет она успела трижды побывать замужем и родить десять детей, но все они умерли сразу после рождения. Сисси часто говорила, что Фрэнси заменяет ей всех десятерых ее детей.

Сисси работала на фабрике резиновых изделий и была помешана на

мужчинах. У нее были черные глаза, рассеянный взгляд, прекрасный цвет лица, черные вьющиеся волосы, которые она любила повязывать бантом вишневого цвета. Мама была в зеленой шляпке, которая прекрасно оттеняла лицо, и кожа казалась сливочной, как пенка на молоке. Натруженность ее изящных рук скрывали белые хлопчатобумажные перчатки. Они с Сисси возбужденно говорили на ходу и смеялись, вспоминая шутки, которые услышали на шоу.

Сисси принесла Фрэнси подарок – трубку, если подуть в нее, из другого конца выскакивает резиновая курица и надувается. Игрушка с фабрики, на которой работала Сисси. Резиновые игрушки на фабрике делали для отвода глаз. Основной доход приносили совсем другие резиновые изделия, о которых говорят шепотом.

Фрэнси надеялась, что Сисси останется на ужин. В присутствии Сисси все вокруг становилось праздничным и волшебным. Вдобавок ко всему Сисси умела обращаться с детьми. Другие люди относятся к детям как к любимым, но низшим существам. Сисси воспринимала ребенка как значительную человеческую личность. Но, несмотря на мамины уговоры, Сисси не осталась. Сказала, ей нужно идти домой, чтобы убедиться, что муж ее по-прежнему любит. При этих словах мама рассмеялась. Фрэнси тоже рассмеялась, хотя не поняла, что Сисси имеет в виду. Сисси ушла, пообещав прийти первого числа с журналами. Нынешний муж Сисси работал в типографии. Каждый месяц он получал по экземпляру всех напечатанных журналов, и чего там только не было: любовные истории, приключения на Диком Западе, детективы, рассказы о сверхъестественном. Все номера в блестящих ярких обложках, он получал их со склада стопками, перевязанными новой желтой бечевкой. Сисси в тот же день приносила всю стопку Ноланам. Фрэнси жадно проглатывала все, потом сдавала журналы за полцены в соседний канцелярский магазин, а монеты складывала в мамин жестяной банк.

После ухода Сисси Фрэнси рассказала маме про старика с уродливыми ногами, которого видела у Лошера.

– Ерунда, – сказала мама. – Старость – это не трагедия. Будь он единственным стариком на белом свете – тогда да. Но есть и другие старики, которые могут составить ему компанию. Старые люди совсем не так уж несчастны. У них нет желаний, которые есть у нас. Они хотят только угла потеплее, да еды помягче, да повспоминать о чем-нибудь друг с другом. Перестань дурить. Одно мы знаем наверняка – старость неминуема. Так что свыкнись с этой мыслью как можно скорее.

Фрэнси понимала, что мама права. И все же… она обрадовалась, когда мама заговорила о другом. Они стали обсуждать, что приготовить из черствого хлеба на следующей неделе.

Ноланы питались почти одним черствым хлебом, и какие восхитительные блюда Кэти умела из него приготовить! Она брала буханку черствого хлеба, заливала кипятком, разминала, чтобы получилось тесто, добавляла соль, перец, тмин, маринованный лук и яйцо (если удавалось купить по дешевке) и запекала все в печи. Когда смесь пропечется и подрумянится, Кэти делала соус – полбанки кетчупа, две чашки горячей воды, зелень, щепотка черного кофе, немного муки для густоты – и заливала этим соусом выпечку. Получалось замечательное кушанье, горячее, вкусное, сытное, и долго не портилось. Остаток на следующий день можно порезать ломтиками и пожарить в растопленном сале от бекона.

Еще мама делала вкуснейший пудинг из кусков черствого хлеба, сахара, корицы и купленного за пенни яблока, порезанного ломтиками. Когда пудинг запечется до коричневого цвета, она расплавляла сахар и заливала им поверхность. Иногда мама делала кушанье, которое называла *Weg Geschnissen*, перевести это название трудно, что-то вроде «обрезки». Еда, приготовленная из обрезков хлеба, которые обычно выбрасывают. Кусочки хлеба окунают в смесь, взбитую из воды, муки, соли и яйца, а потом жарят в кипящем жире. Пока они жарились, Фрэнси бежала вниз, в кондитерский магазин, и покупала на пенни палочку коричневой карамели. Карамель дробили скалкой и посыпали хлебные кусочки перед тем, как есть. Кристаллики не успевали до конца растаять, и на вкус это было изумительно.

Субботний ужин был трапезой с большой буквы. Ноланы готовили мясо! Буханка черствого хлеба разминалась в горячей воде до пюре, в него клали мясного фарша на десять центов, перемолотого с луком. Для вкуса добавляли соль, перец, пучок петрушки за пенни. Из этой смеси делали шарики, жарили их и подавали с горячим кетчупом. Эти мясные шарики имели название – *фрикадельки*, – которое очень смешило Фрэнси и Нили.

Такими лакомствами из черствого хлеба они в основном и питались, да еще сгущенным молоком, кофе, луком, картошкой и какой-нибудь приправкой, купленной за пенни в последний момент для придания еде смаку. Время от времени они позволяли себе бананы. Но Фрэнси всегда мечтала об апельсинах и ананасах, а больше всего – о мандаринах, отведать которые случалось только на Рождество.

Иногда ей удавалось сэкономить пенни, и тогда она покупала обломки крекеров. Бакалейщик сворачивал обрывок бумаги, делал кулек и заполнял его ломом из сладких крекеров, которые раскрошились в коробке и не годились для продажи по нормальной цене. Мама учила: если завелся пенни, не покупай конфет и печенья. Купи яблоко. Но что такое яблоко? Фрэнси считала, что сырая картошка на вкус ничуть не хуже яблока, а ее можно съесть дома бесплатно.

Наступала, правда, пора – обычно в конце долгой холодной зимы, – когда, как бы голодна ни была Фрэнси, все казалось невкусным. Помочь мог только соленый огурец. Она брала пенни и шла в магазин на Мур-стрит, где продавались только аппетитные еврейские солености, плавающие в густом пряном маринаде. Патриарх с длинной седой бородой, в черной шапочке на макушке и без единого зуба во рту восседал над кадушками с большой деревянной вилкой в руке. Как все дети, Фрэнси просила:

– Дайте мне, пожалуйста, жидовского огурца на пенни.

Еврей смотрел на ирландского ребенка проницательными глазами в красных ободках, маленькими, настрадавшимися и пронзительными.

– Гойка! Гойка! – взрывался он, услышав ненавистное слово «жидовский».

Фрэнси не хотела никого обидеть. Она не понимала, что это слово значит на самом деле. Для нее оно обозначало что-то чуждое, но желанное. Старик еврей, конечно, этого не знал. Фрэнси слышала разговоры, что у него есть специальная кадушка для неевреев. Говорили еще, что он каждый день плюет в нее или даже делает кое-что похуже. Так он мстит неевреям. Но доказательств обвинений против бедного старого еврея никто не предъявлял, и Фрэнси не верила им.

Когда старик ворошил в кадушке длинной вилкой, ворча в пожелтевшую седую бороду, Фрэнси довела его чуть ли не до истерики своей просьбой достать огурец со дна. Это вызвало закатывание глаз и выдергивание волосков из бороды. Наконец прекрасный пузатый огурец, желто-зеленый, весь твердый и хрустящий, был выловлен и завернут в коричневую бумагу. Все еще ворча, еврей протянул заскорузлую ладонь, получил пенни и удалился в глубину своего магазина, где мог остыть, пока сидел, уткнувшись в бороду и грезя о лучших временах в лучшей стране.

Огурец Фрэнси растягивала на целый день. Она лизала его и откусывала по чуть-чуть. Она не столько ела его. Скорее, *обладала* им. Всегда, когда уже много дней они не видели дома ничего, кроме хлеба и картошки, Фрэнси вспоминала про сочный остро-соленый огурец и шла

за ним. Непонятно почему, но после съеденного огурца хлеб и картошка снова становились вкусными. Да, огуречный день здорово выручал.

6

Нили пришел домой, и они с Фрэнси отправились за мясом для выходных. Это был важный ритуал, и мама предваряла его подробными наставлениями.

– У Хэсслера купите суповую кость за пять центов. Но фарш у него не берите, за фаршем идите к Вернеру. Купите вырезки на десять центов, пусть сделает из нее фарш, да не берите тот, что на витрине. Прихватите луковицу с собой.

Фрэнси с братом довольно долго переминались у прилавка, пока мясник соизволил обратить на них внимание.

– Чего вам? – спросил он наконец.

Фрэнси вступила в переговоры:

– Вырезки на десять центов.

– Нужен фарш?

– Нет.

– А то сейчас приходила одна леди. Попросила смолоть фарша из вырезки на четверть доллара. А я лишнего намолол. Вот, остаток на витрине. Ровно на десять центов. Честное слово. Только что смолол.

Это и был подвох, о котором предостерегала мама. Ни за что не брать с витрины, как бы ни уговаривал мясник.

– Нет. Мама велела купить вырезки на десять центов.

Разъяренный мясник отсек кусок мяса, взвесил и швырнул его на бумагу. Он уже хотел его завернуть, как Фрэнси сказала дрожащим голосом:

– Ой, я вспомнила. Мама просила сделать фарш.

– Какого черта!

Мясник схватил мясо и засунул его в мясорубку. Снова она меня надула, с горечью думал он. Мясо вылезало из мясорубки ярко-красными спиральками. Он уже собрал его в руку и готовился кинуть на бумагу, как…

– И вот еще луковица, мама просила добавить в фарш.

Фрэнси робко протягивала очищенную луковицу, которую принесла из дома. Нили стоял рядом и молчал. Его задача – оказывать моральную поддержку.

– Господи! – возмущенно воскликнул мясник, но стал рубить луковицу

двумя ножами, смешивая с фаршем. Фрэнси смотрела, зачарованная ритмичным барабанным стуком ножей об стол. Мясник снова собрал фарш, шмякнул его на бумагу и уставился на Фрэнси. Она поперхнулась. Последняя фраза самая трудная. Мясник догадывался, что сейчас последует. Внутри он весь дрожал. Фрэнси выпалила на одном дыхании:

– И кусочек-жира-для-жарки.

– Вот сукины дети, – горько прошептал мясник.

Он с размаху отделил ножом кусочек белого жира, в отместку уронил его на пол, подобрал и шлепнул сверху на кучку фарша. Яростно завернул фарш в бумагу, схватил монету и, выбивая чек для босса, проклинал тот день, когда стал мясником.

Провернув операцию с фаршем, дети отправились к Хэсслеру за суповой костью. Хэсслер годился, чтобы покупать у него кости, и совсем не годился, чтобы покупать у него фарш, потому что молол он его за закрытыми дверями и один Бог знает из чего. Нили стоял с пакетом за дверью – если Хэсслер увидит, что фарш куплен в другом месте, он гордо заявит, чтобы шли туда же за костями.

Фрэнси попросила хорошую косточку с остатками мяса для воскресного супа за пять центов. Хэсслер заставил ее выслушать дежурную шутку про то, как один мужчина заказал на два цента косточку для собаки, а Хэсслер спросил – вам завернуть или тут обглодаете? Фрэнси застенчиво улыбнулась. Довольный мясник отправился в холодильник и вернулся, держа в руке сияющую белую кость с кремовым мозгом внутри и ошметками мяса на концах. Он показал ее Фрэнси, чтобы та полюбовалась.

– После того как мама ее сварит, попроси ее вынуть мозг, – сказал он. – Пусть намажет его на ломтик хлеба, посолит, поперчит – и вкуснейший бутерброд для тебя готов!

– Я скажу маме.

– Съешь такой бутерброд, и у тебя на косточках нарастет немного мяса, ха-ха.

После того как кость была завернута и оплачена, Хэсслер отрезал большой кусок ливерной колбасы и протянул ей. Фрэнси было стыдно, что она обманывает этого доброго человека, покупая мясо в другом месте. Как жаль, что мама не доверяет ему делать фарш.

Вечер только начинался, и уличные фонари еще не зажигались. Но женщина с хреном уже сидела перед магазином Хэсслера, разложив свою приправу из жгучих корешков. Фрэнси протянула миску, взятую из дома. Старушка наполнила ее наполовину, ровно на два цента. Радуясь, что

с покупкой мяса покончено, Фрэнси купила еще на два цента овощей для супа у зеленщика. Она выбрала хилую морковку, увядший лист сельдерея, мятый помидор и свежий побег петрушки. Если все это сварить вместе с костью, получится ароматный суп с кусочками мяса. Его дополнит толстая домашняя лапша. А с ломтиком хлеба, намазанным мозгами, выйдет хороший воскресный обед.

После ужина, который состоял из *фрикаделек*, картошки, помятого пирога и кофе, Нили вышел на улицу погулять с приятелями. Без всякого сигнала или уговора мальчики всегда собирались после ужина на углу, где стояли весь вечер, засунув руки в карманы и ссутулясь, они препирались, смеялись, толкались, покачивались, посвистывали.

Моди Донован зашла за Фрэнси, чтобы вместе пойти на исповедь. Моди – сирота – жила с двумя незамужними тетками, которые работали на дому. Они шили женские саваны для похоронной компании. Атласные саваны с бахромой: белые для девиц, светло-сиреневые для молодых замужних женщин, пурпурные для женщин среднего возраста и черные для старух. Моди принесла несколько лоскутков. Она подумала, может, Фрэнси захочет из них что-нибудь сшить. Фрэнси притворилась, что рада, но ее передернуло, когда она брала блестящие тряпочки.

В церкви стоял туман от курений и свечей. Монахини украшали алтари свежими цветами. Самые лучшие цветы достались Божьей Матери. Она пользовалась у сестер большей популярностью, чем Иисус или Иосиф. Люди выстроились в очередь перед исповедальнями. Юноши и девушки хотели поскорее освободиться и пойти на свидания. Возле кабинки отца О’Флинна собралась самая большая очередь. Он был молодой, добрый, понимающий и епитимьи налагал нестрогие.

Когда подошла очередь, Фрэнси отодвинула тяжелую занавеску и опустилась в кабинке на колени. Она ощутила присутствие древней, древней тайны, когда священник открыл крошечную дверцу, отделявшую его от грешника, и сделал крестное знамение за решетчатым окошком. С закрытыми глазами, монотонным голосом он начал быстро произносить латинские слова. Фрэнси вдыхала сложный запах благовоний, свечного воска, цветов, священнического одеяния из добротной черной ткани, лосьона для бритья.

– Благословите меня, отец, я грешна…

Много времени не потребовалось, чтобы перечислить ее грехи и отпустить их. Фрэнси скоро вышла, склоняя голову к скрещенным на груди рукам. Она преклонила колени перед алтарем, опустившись на

скамеечку. Повторила молитвы столько раз, сколько велел священник, перебирая жемчужные четки, чтобы не ошибиться. У Моди душевная жизнь была попроще и грехов накопилось меньше, поэтому она освободилась раньше. Она сидела снаружи на ступеньках и ждала Фрэнси.

Девочки прогуливались по кварталу, обняв друг друга за талию, как принято у девочек в Бруклине. Моди припасла пенни. Она купила мороженое с вафлями – похожее на сэндвич, и уговорила Фрэнси откусывать по очереди. Скоро Моди возвращаться домой. Ей не разрешают находиться на улице после восьми часов. Девочки расстались, множество раз пообещав друг другу в следующую субботу опять вместе пойти на исповедь.

– Не забудь! – удаляясь, на ходу окликнула Моди. – В этот раз я зашла за тобой, а через неделю твоя очередь, ты должна зайти за мной!

– Не забуду! – пообещала Фрэнси.

Вернувшись домой, Фрэнси застала в гостиной компанию. Пришла тетя Эви с мужем, Вилли Флиттманом. Фрэнси любила тетю Эви. Она очень походила на маму. Тетя Эви вечно выдумывает разные истории, шутит, чтобы насмешить тебя, как делают артисты в шоу, и может изобразить кого угодно.

Дядя Флиттман захватил с собой гитару. Он играл, а все пели. Флиттман – худой смуглый мужчина с гладкими черными волосами и шелковистыми усами. Он играл на гитаре очень неплохо, при том, что среднего пальца на правой руке у него не было. Когда возникала необходимость в этом пальце, он пропускал ноту, а паузу заполнял, звонко ударяя по деке. Это придавало его мелодиям причудливый ритм. Он подобрался к концу своего репертуара, когда пришла Фрэнси. Она успела послушать последнюю песню.

Закончив музицировать, он пошел за пивом. Тетя Эви принесла угощение – буханку зернового хлеба и кусок лимбургского сыра на десять центов, и они ели бутерброды с сыром, запивая пивом. После пива дядя Флиттман пустился в откровения.

– Посмотри на меня, Кэйт, – обратился он к маме. – Ты видишь перед собой неудачника.

Тетя Эви округлила глаза и вздохнула, оттопырив нижнюю губу.

– Мои дети меня не уважают, – продолжал он. – Моей жене от меня никакого проку, и Барабанщик, с которым мы развозим молоко, точит на меня зуб. Ты знаешь, что он устроил буквально вчера?

Он наклонился вперед, и Фрэнси увидела, что его глаза блестят от

непролитых слез.

– Я мыл его в стойле, и вот, когда наклонился, чтобы помыть ему живот, он взял и помочился на меня.

Кэти с Эви переглянулись. В их глазах дрожжали искорки подавленного смеха. Кэти быстро взглянула на Фрэнси. У нее в глазах тоже прятался смех, но губы она с серьезным видом сжала. И хоть опустила взгляд в пол и нахмурилась, в душе смеялась.

– Вот что он натворил. И все, кто был в конюшне, смеялись надо мной. Буквально все до одного смеялись надо мной.

Он выпил еще один стакан пива.

– Не говори так, Вилл, – сказала ему жена.

– Эви не любит меня, – заявил он маме.

– Я люблю тебя, Вилл, – заверила его Эви своим мягким нежным голосом, который был как сама ласка.

– Ты любила меня, когда мы поженились, но сейчас ты уже не любишь меня, так ведь?

Он подождал ответа, но Эви молчала.

– Вот видишь, она больше не любит меня, – повернулся он к маме.

– Нам пора домой, – сказала Эви.

Перед сном Фрэнси и Нили прочитывали страницу из Библии и страницу из Шекспира. Так было заведено. Сначала мама сама читала им перед сном по странице из этих двух книг каждый вечер, пока они не выросли и не научились читать. Чтобы сэкономить время, Нили читал Библию, а Фрэнси Шекспира. Так они читали уже шесть лет и дошли до середины Библии и до «Макбета» в «Полном собрании сочинений» Шекспира. Они быстренько справились с чтением, и к одиннадцати часам все Ноланы, кроме Джона, который работал, уже улеглись.

В ночь с субботы на воскресенье Фрэнси разрешалось спать в гостиной. Она устраивала себе кровать из двух стульев – ставила их рядом возле окна, из которого видна была улица с людьми. Лежа здесь, Фрэнси прислушивалась к ночным звукам дома. Люди входили и выходили. Одни так устали, что еле передвигали ноги. Другие взлетали по лестнице. Кто-то споткнулся в коридоре о порванный линолеум и обругал его. Ребенок плакал вполсилы, а пьяный мужчина с первого этажа перечислял грехи своей жены, которая, по его мнению, ведет развратную жизнь.

В два часа ночи Фрэнси услышала, как папа негромко напевает, поднимаясь по лестнице:

…Увидел красотку Мэлоун,
По улицам людным тележку толкала,
Голосом звонким народ созывала:
«Ракушки и мидии свежие, о!»

Мама открыла дверь на слове «созывала». Такая у Ноланов была игра. Если домашние успеют открыть дверь прежде, чем папа допоет куплет, они победили. Если он успеет допеть куплет до того, как они откроют, победил он.

Фрэнси и Нили вылезли из постелей. Папа выложил на стол три доллара, а детям выдал по никелю, но мама велела положить их в жестянку, потому что дети уже получили карманные деньги за сдачу утиля. Еще папа принес целый пакет еды, которая осталась после свадьбы, потому что не все гости пришли. Невеста раздала остатки официантам. Папе достались половина холодного вареного лобстера, пять холодных жареных устриц, баночка икры и клин рокфора. Все расселись вокруг стола и стали есть. Детям не понравился лобстер, холодные устрицы показались безвкусными, а икра слишком соленой. Но они были такие голодные, что умяли все и за ночь переварили. Они переварили бы даже клешни, если б смогли их прожевать.

Уже наевшись, Фрэнси сообразила, что она нарушила пост, который начинается в полночь и продолжается до воскресной мессы. Теперь она не сможет причаститься. Это уже настоящий грех, в котором нужно будет покаяться на исповеди через неделю.

Нили снова улегся в постель и заснул крепким сном. Фрэнси вернулась в темную гостиную и села у окна. Спать не хотелось. Мама с папой остались на кухне. Они могут так сидеть и беседовать до утра. Папа рассказывал о том, как отработал, каких людей повидал, как они выглядели и о чем говорили. Ноланы никак не могли насытиться жизнью. Они проживали свою жизнь сполна, но им этого не хватало. Им хотелось наполнить себя жизнями всех тех людей, с которыми встречались.

Так Джонни и Кэти проговорили всю ночь, и голоса их, которые то повышались, то понижались, звучали в темноте убаюкивающе и уютно. В три часа ночи улица затихла. Фрэнси заметила девушку, которая живет в доме на другой стороне улицы, она возвращалась домой после танцев со своим кавалером. Они вошли в вестибюль ее дома и прижались друг к другу. Они стояли и молча обнимались, пока девушка не задела нечаянно звонок запрокинутой головой. Тогда вышел ее отец в длинных

подштанниках и, тихо, но выразительно выругавшись, послал молодого человека, указав точный адрес. Девушка взбежала по лестнице, истерически хихикая, а молодой человек пошел прочь по улице, насвистывая на ходу «Застукаю одну тебя сегодня вечерком».

Мистер Томони, владелец ломбарда, приехал домой в элегантном кебе – он весь вечер сорил деньгами в Нью-Йорке. Он никогда не переступал порога своего ломбарда, который унаследовал вместе с толковым управляющим. Никто не понимал, почему мистер Томони живет в комнатах над ломбардом – при его-то деньгах. Он жил как нью-йоркский аристократ, а сам обитал в убогом Уильямсбурге. Штукатур, который побывал в его квартире, рассказывал, что там повсюду статуи, картины маслом и белые пушистые ковры. Мистер Томони был холостяк. Всю неделю его никто не видел. Никто не видел, и как он уезжает в субботу вечером. Только Фрэнси да дежурный полицейский заметили, как он возвращается под утро. Фрэнси смотрела на мистера Томони, и ей казалось, что она находится в ложе театра.

Высокую шелковую шляпу он сдвинул на одно ухо. В свете уличного фонаря блеснул серебряный набалдашник трости, когда он переложил ее из руки в руку. Он откинул полу своего инвернесса[9], чтобы достать деньги. Кучер взял банкноту, коснулся кончиком кнута края своей мятой шляпы и дернул за поводья. Мистер Томони долго смотрел кебу вслед, словно тот был последним звеном, связующим его с той жизнью, которую он любил. Потом поднялся по лестнице в свои сказочные апартаменты.

Мистер Томони считался завсегдатаем таких легендарных мест, как Рейзенвебер и Уолдорф. Фрэнси собиралась посмотреть на них. Когда-нибудь она пересечет Уильямсбургский мост, который всего в нескольких кварталах отсюда, доберется до центра Нью-Йорка, где находятся эти чудесные заведения, и основательно рассмотрит их снаружи. Тогда она сможет точнее представлять ту обстановку, которая окружает мистера Томони.

С моря на Бруклин подул свежий ветер. Издалека, с северной стороны, где жили итальянцы, которые разводили кур во дворах, донесся крик петуха. Ему ответила лаем собака, недоуменно заржал Боб, который сладко спал в своей уютной конюшне.

Фрэнси обожала субботу и, чтобы она не кончалась, не хотела ложиться спать. И так уже подкрадывалась тревога – какие-то испытания готовит им следующая неделя. Фрэнси еще раз перебрала в памяти все события этой субботы. Ни одного пятнышка, если не считать старика, который ждал хлеба.

Все остальные ночи Фрэнси проводила в своей кровати, из вентиляционной шахты над головой доносились еле различимые голоса молодоженов, которые жили в одной из квартир. Жена походила на девочку, а ее муж, извозчик, на обезьяну. Голос жены – нежный и умоляющий, голос мужа – грубый и требовательный. Потом ненадолго наступала тишина. Потом муж начинал храпеть, а жена жалобно плакала почти до самого утра.

Вспомнив ее плач, Фрэнси вздрогнула и непроизвольно зажала уши ладонями. Потом сообразила, что сегодня суббота, что она в гостиной, где не слышно звуков из вентиляционной шахты. Да, суббота продолжается, и это прекрасно. Понедельник еще не скоро. Впереди тихое воскресенье, когда она будет не спеша вспоминать настурции в коричневой вазочке и лошадь во дворе, как Фрэнк моет ее на солнышке, а потом отводит в тень. Фрэнси начала клевать носом. Она сделала усилие, чтобы расслышать разговор, который Кэти и Джонни вели на кухне. Они вспоминали.

– Мне было семнадцать, когда я впервые увидела тебя, – говорила Кэти. – Я работала на позументной[10] фабрике.

– А мне девятнадцать, – откликнулся Джонни. – И я ухлестывал за Хильди О’Дэйр, твоей лучшей подругой.

– Ах, за *этой*! – фыркнула Кэти.

Теплый, сладко пахнущий ветер ласково перебирал волосы Фрэнси. Она скрестила руки на подоконнике и легла на них щекой. Так можно смотреть наверх – в вышине, между крышами многоквартирных домов, видны звезды. Чуть погодя она заснула.

Книга вторая

7

Таким же летом, только двенадцать лет назад, в одна тысяча девятисотом году Джонни Нолан встретил Кэти Ромли. Ему было девятнадцать, ей семнадцать. Кэти работала на позументной фабрике. Вместе с Хильди О'Дэйр, лучшей подругой. Они хорошо ладили, хотя Хильди была ирландка, а у Кэти родители родом из Австрии. Кэти была красивее, зато Хильди смелее. У Хильди были медно-рыжие волосы, она повязывала на шею шифоновый бант гранатового цвета, жевала сен-сен, знала все новые песенки и прекрасно танцевала.

У Хильди был парень, красавчик, который водил ее на танцы по субботам. Его звали Джонни Нолан. Иногда он поджидал Хильди у ворот фабрики. Для компании он прихватывал с собой кого-нибудь из приятелей. Они стояли на углу, валяли дурака, шутили и смеялись.

Однажды Хильди попросила Джонни привести кавалера для Кэти, ее подружки, чтобы все вместе пошли на танцы. Джонни привел. Вчетвером они поехали в Канарси на трамвае. У юношей соломенные шляпы были прикреплены шнурком к лацкану. Сильный порыв ветра с океана сдувал шляпы, и все хохотали, когда юноши тянули беглянок обратно за веревочку.

Джонни танцевал со своей девушкой Хильди. Кэти отказалась танцевать с парнем, предназначенным для нее, тупым вульгарным детиной, который отпускал шутки вроде: «А я думал, ты там утонула», когда Кэти вернулась из дамской комнаты. Однако она разрешила тупице угостить себя пивом и сидела за столиком, глядя, как Джонни танцует с Хильди, и думала, что никто на всем белом свете не может сравниться с Джонни.

У Джонни длинные стройные ноги, а ботинки сияют. Он танцует, переступая с пятки на носок, у него прекрасное чувство ритма. От танцев Джонни разгорячился и повесил пиджак на спинку стула. Брюки идеально облегают бедра, белая рубашка заправлена под ремень. Высокий воротничок и галстук в горошек (такой же, как лента на соломенной шляпе), нежно-голубые подтяжки из атласной ленты. Их, наверное, сшила ему Хильди – с ревностью подумала Кэти. Ревность была такой сильной, что Кэти на всю жизнь возненавидела этот цвет.

Кэти не могла отвести глаз от Джонни. Молодой, стройный, со

светлыми волнистыми волосами и синими глазами. Нос прямой, плечи широкие, квадратные. Кэти услышала, как девушки за соседним столиком говорят, что он шикарно одет. Их спутники заметили, что танцует он тоже шикарно. Хоть Джонни и не был ее парнем, Кэти почувствовала гордость за него.

Джонни из учтивости пригласил ее на танец, когда оркестр заиграл «Сладкая роза О'Грэди». Чувствуя на себе его руки и инстинктивно подстраиваясь под его ритм, Кэти поняла, что это тот мужчина, которого она хочет. Она просит только об одном – видеть и слышать его до конца дней. Именно там и тогда Кэти решила, что за такое право она готова трудиться в поте лица всю жизнь.

Возможно, в этом решении крылась большая ошибка. Ей следовало дождаться мужчины, который проникнется подобным чувством к *ней*. Тогда ее дети не ходили бы голодными, а ей не пришлось бы драить полы ради куска хлеба, и Джонни остался бы в ее памяти чудесным светлым воспоминанием. Но Кэти хотела Джона Нолана, и только Джонни Нолана, и она решила завоевать его.

Военная операция по завоеванию Джонни началась в понедельник. Когда в конце рабочего дня прозвучал гудок, Кэти пулей вылетела с фабрики, домчалась до угла раньше Хильди и пропела:

– Привет, Джонни Нолан.

– Привет, милая Кэти, – ответил он.

После этого она старалась каждый день перебросить с ним парой слов. Джонни обнаружил, что он, стоя на углу, ждет этих слов.

Однажды Кэти воспользовалась извечным женским предлогом и сказала бригадирше, что у нее критические дни, что она неважно себя чувствует. Она ушла на пятнадцать минут раньше. Джонни стоял с приятелями на углу. Они насвистывали песенку, чтобы развлечься. Джонни надвинул шляпу на один глаз, засунул руки в карманы и пританцовывал на обочине. Прохожие останавливались и смотрели восхищенно. Полицейский, который совершал свой обход, окликнул его:

– Старина, что ты здесь делаешь? Твое место на сцене.

Джонни увидел, что Кэти идет к нему, прервал представление и широко улыбнулся ей. Она выглядела очень привлекательно в облегающем сером костюме, отделанном черным галуном с ее же фабрики. Нашитый витой галун причудливо извивался с тем расчетом, чтобы привлекать внимание к ее небольшой груди, увеличить которую была призвана двойная кружевная оборка на корсете. Серый костюм дополняли вишневый берет, надетый набок, и высокие ботинки на

пуговках, со скошенным каблуком. Ее карие глаза сияли, щеки горели от волнения и стыда, когда она думала о себе – хороша же я, бегаю за парнем.

Джонни помахал ей. Остальные парни разошлись. О чем шла речь в этот знаменательный день, Джонни и Кэти потом не могли вспомнить. Однако каким-то образом во время этого бессмысленного, но такого важного разговора, с его волнующими паузами и затягивающим подводным течением чувств, они окончательно осознали, что любят друг друга без памяти.

Раздался фабричный гудок, и из здания высыпали девушки. Хильди вышла в костюме грязно-коричневого цвета, в черной шляпке, пришпиленной к высокой прическе из взбитых медно-рыжих волос длинной булавкой зловещего вида. При виде Джонни она улыбнулась по-хозяйски. Но когда она заметила рядом с ним Кэти, улыбка собственницы превратилась в гримасу боли, страха и ненависти. Хильди бросилась к ним, на ходу вытаскивая из шляпки длинную булавку.

– Он мой парень, Кэти Ромли, – завизжала она. – Ты не имеешь права отбивать его у меня!

– Хильди, Хильди, – спокойно, ласково повторял Джонни.

– Мне кажется, у нас свободная страна, – Кэти вскинула голову.

– Только не для грабителей, – взвизгнула Хильди и бросилась на Кэти со шляпной булавкой.

Джонни встал между девушками и поплатился царапиной на щеке. К этой минуте толпа работниц позументной фабрики собралась вокруг, они наблюдали за сценой и восхищенно похмыкивали. Джон взял обеих девушек за руки и отвел их за угол, подальше от посторонних глаз. Он затащил их в дверной проем и, придерживая рукой, заговорил.

– Хильди, – сказал он. – Я не очень хорошо поступил. Не надо было ходить с тобой, потому что теперь мне ясно – я не могу на тебе жениться.

– Это все из-за нее, – всхлипнула Хильди.

– Это все из-за меня, – смиренно признался Джонни. – Я не понимал, что такое настоящая любовь, пока не повстречал Кэти.

– Но она же моя лучшая подруга, – жалобно протянула Хильди, словно Джонни совершал инцест.

– Теперь она моя любимая девушка, и разговор окончен.

Хильди плакала и спорила. Джонни успокаивал ее и объяснял все про себя и Кэти. Он закончил свою речь словами – «ты иди своей дорогой, а я пойду своей». Ему понравилось это выражение. Он повторил его еще раз, наслаждаясь драматизмом момента.

– Да, ты иди своей дорогой, а я пойду своей.

– Хочешь сказать, что я пойду своей дорогой, а ты пойдешь *ее* дорогой, – едко заметила Хильди.

Наконец Хильди пошла своей дорогой. Она шла прочь, опустив плечи. Джонни догнал ее, обнял посреди улицы и нежно поцеловал на прощание.

– Как бы я хотел, чтоб у нас все сложилось по-другому, – грустно сказал он.

– Да ничего подобного, – фыркнула Хильди. – Если бы хотел, ты бы просто дал ей от ворот поворот и вернулся ко мне.

Она опять заплакала.

Кэти тоже заплакала. Как-никак Хильди О’Дэйр была ее лучшей подругой. Она тоже поцеловала Хильди. И отвернулась, когда увидела совсем близко заплаканные глаза Хильди, которые сузились от ненависти.

Так Хильди пошла своей дорогой, а Джонни с Кэти своей.

Некоторое время Джонни и Кэти встречались, потом обручились и обвенчались в церкви на новый, тысяча девятьсот первый год. От знакомства до свадьбы прошло пять месяцев.

Томас Ромли никогда не простил свою дочь. По правде, он никому из своих дочерей не простил замужества. Его философия отцовства была проста и прагматична: мужчина зачинает детей, получая удовольствие, потом растит их, затрачивая как можно меньше денег и сил, и отправляет на работу – как можно скорее, чтобы они приносили деньги отцу. Кэти в свои семнадцать лет успела до замужества проработать четыре года. Ромли считал, что она перед ним в большом долгу.

Ромли ненавидел всех и вся. Невозможно объяснить почему. Это был крупный красивый мужчина с львиной головой, с гривой седых волос. Он с женой бежал из Австрии, чтобы спастись от призыва в армию. Он не любил свою прежнюю страну, но и новую с поразительным упрямством отказывался любить. Он знал английский и при желании мог бы говорить. Но он не отвечал, если к нему обращались по-английски, и запрещал дома говорить по-английски. Его дочери очень плохо знали немецкий (мать требовала, чтобы дома они говорили только по-английски. Она полагала, что чем хуже они будут понимать немецкий, тем меньше поймут жестокость отца). В результате четыре дочери выросли, почти не общаясь с отцом. Он никогда не разговаривал с ними, если не считать тех случаев, когда ругал их. Восклицание «*Gott verdammte» – «Черт побери»* – заменяло ему и «здравствуйте», и «до свидания». Будучи очень рассержен, он мог уточнить причину своего гнева: *Die Russe!*, «эти русские». Это был образчик крайнего многословия. Он ненавидел Австрию. Он ненавидел

Америку. Больше всего он ненавидел Россию. Он никогда не бывал в этой стране и в глаза не видал ни одного русского. Никто не понимал причины этой ненависти к загадочной стране и ее загадочным обитателям. Таков был у Фрэнси дедушка с материнской стороны. Она ненавидела его, как ненавидели и дочери.

Мария Ромли, его жена, была святая. Она не получила образования, не умела читать и писать даже собственное имя, зато она хранила в памяти множество сказок и легенд. Какие-то истории придумала сама, чтобы развлекать детей, старинные народные легенды услышала от своей мамы и своей бабушки. Она знала много народных песенок и все мудрые поговорки.

Она была глубоко религиозна и помнила житие каждого католического святого. Она верила в привидения и в фей, и во всех сверхъестественных существ. Она знала все травы и могла сварить хоть лечебное, хоть приворотное зелье – при условии, что его не применят во вред. Безгрешная невинная душа, она понимала людей, которые грешили. Неизменно безупречная в своем поведении, она прощала другим их слабости. Она верила в Бога и любила Иисуса, но понимала, почему люди часто отворачиваются и от того, и от другого.

Мария Ромли вышла замуж девственницей и покорно принесла себя в жертву животной похоти своего мужа. Его скотство подавило в зародыше все ее скрытые желания. И все же она понимала острый любовный голод, который вынуждает девушек оступаться, – как люди это называют. Она понимала, что соседский парень, которого увели за изнасилование, в душе может оставаться хорошим человеком. Она понимала, почему людям случается лгать, воровать и причинять боль друг другу. Она знала, что человеческая слабость бывает сострадательна, а добродетель жестока.

И она не умела ни читать, ни писать.

У нее были светло-карие, прозрачные и невинные глаза. Блестящие каштановые волосы она расчесывала на прямой пробор и собирала в низкий пучок так, что они прикрывали уши. Бледное лицо с прозрачной кожей, нежные губы. Она тихо говорила мягким, теплым, мелодичным голосом, который успокаивал всех, кто ее слушал. Все ее дочери и внучки унаследовали этот голос.

Мария была убеждена, что за какой-то грех, который она совершила непредумышленно, ей послан в мужья сам дьявол. Она действительно в это верила, потому что муж говорил так. «Я сам дьявол во плоти», – не раз повторял он.

Она часто смотрела на него – как торчат вверх у него на голове по

бокам два завитка волос, как косят в разные стороны холодные серые глаза, и вздыхала про себя: «Воистину дьявол».

У него было обыкновение – внимательно глядя в ее святое лицо, притворно ласковым тоном обвинять Христа в непроизносимых вещах. Это повергало ее в такой ужас, что она хватала с гвоздя у двери шаль, набрасывала ее на голову и выскакивала на улицу, и там бродила, пока тревога за детей не гнала ее домой.

Она сходила в муниципальную школу, в которой учились три ее дочери и, запинаясь, по-английски попросила учительницу проследить, чтобы девочки говорили только по-английски, чтобы не говорили ни фразы, ни слова по-немецки. Таким способом она хотела оградить их от отца. Она горевала из-за того, что девочкам пришлось оставить школу после шестого класса и пойти работать. Она горевала из-за того, что они вышли замуж за никчемных людей. Она горевала из-за того, что у них тоже родились девочки, понимая, что женская доля – покорность и лишения.

Каждый раз, когда Фрэнси читала молитву «Аве, Мария, радуйся, благодати полная, Господь с тобою», она видела перед собой бабушкино лицо.

Сисси была старшей дочерью Томаса и Марии Ромли. Она родилась через три месяца после того, как они прибыли в Америку. Сисси ни дня не ходила в школу. Когда пришла пора отдавать ее учиться, Мария понятия не имела, что беднякам вроде них положено бесплатное образование. Закон, что все дети должны посещать школу, существовал, но никто не разыскивал тех родителей, которые не посылали детей в школу, чтобы заставить их исполнить закон. К тому времени, когда другие дочери достигли школьного возраста, Мария уже узнала про бесплатное образование. Но Сисси было поздно садиться за парту вместе с шестилетками. Она осталась дома и помогала матери.

В десять лет Сисси полностью оформилась, выглядела как зрелая женщина лет тридцати, и мальчики бегали за ней табуном, а она за ними. В двенадцать лет она начала постоянно встречаться с двадцатилетним парнем. Ее отец положил конец этому роману, отделав кавалера. В четырнадцать лет за ней стал ухаживать пожарный двадцати пяти лет. На этот раз кавалер отделал ее отца, поэтому роман закончился свадьбой – пожарный женился на Сисси.

Они явились в городской совет, где Сисси поклялась, что ей восемнадцать лет, и клерк зарегистрировал брак. Соседи изумились, но Мария понимала, что брак – наилучший выход для ее чересчур страстной

дочери.

Джим, пожарный, был хорошим человеком. Считался образованным – окончил среднюю школу. Он много работал и неплохо зарабатывал. Идеальный муж. Молодые были очень счастливы. Сисси требовала от мужа одного – заниматься любовью как можно чаще, чему он совсем не противился. Иногда он немного стыдился того, что жена не умеет читать и писать. Но она была такая веселая, умная и добрая, умела превратить жизнь в сплошное удовольствие, и со временем он забыл про ее неграмотность. Сисси очень любила мать и младших сестер. Джим предоставил ей полную свободу в ведении хозяйства. Она вела его с большим умом и обычно умудрялась выкроить кое-какие деньги, чтобы помочь матери.

Она забеременела через месяц после свадьбы. Несмотря на статус замужней женщины, она оставалась четырнадцатилетней девчонкой с ветром в голове. Соседи с ужасом смотрели, как она во дворе прыгает через скакалку, не обращая внимания на свой необъятный живот, – его размер свидетельствовал, что ребенок вот-вот родится.

Время, не занятое готовкой, уборкой, занятиями любовью, прыганьем через скакалку и попытками поиграть с парнями в бейсбол, Сисси посвящала мечтам о будущем ребенке. Если родится девочка, она назовет ее Марией в честь матери. Если мальчик, то Джоном. Она стала и Джима звать Джоном. Заявила, что хочет переименовать его в честь ребенка. Сначала это было просто любовное прозвище, но вскоре все стали звать его так, и многие считали, что Джон – его настоящее имя.

Родился ребенок, девочка. Роды были легкие. Позвали повитуху из соседнего квартала. Все прошло просто прекрасно. Схватки продолжались двадцать пять минут. Образцовые роды, если не считать одного обстоятельства – ребенок родился мертвым. По воле случая это произошло в день рождения Сисси, когда ей исполнилось пятнадцать лет.

Сисси оплакивала свою дочь, и это горе изменило ее. Она больше занималась домом, содержала его в чистоте, без единой пылинки. Больше заботилась о своей матери. Перестала вести себя как сорванец. Она не сомневалась, что прыжки через скакалку стоили жизни ее ребенку. Когда горе улеглось, она стала выглядеть еще младше, совсем как девочка.

К двадцати годам у нее за плечами было четверо родов, и все дети рождались мертвыми. В конце концов она пришла к выводу, что в этом виноват ее муж. Разве она не перестала прыгать через скакалку после первых родов? Она сказала Джиму, что им не следует быть вместе, если из их занятий любовью не выходит ничего, кроме смерти. Она предложила

расстаться. Он немного поспорил, потом согласился. Сначала посылал ей деньги время от времени. Порой, когда у Сисси возникала потребность в мужчине, она прогуливалась мимо пожарной станции, около нее на стуле, приставленном к кирпичной стене, обычно сидел Джим. Сисси шла медленно, улыбаясь и покачивая бедрами, и Джим отлучался без спросу, бежал домой, и они проводили вместе счастливые полчаса или около того.

Со временем Сисси встретила другого мужчину, который тоже захотел на ней жениться. Никто из членов ее семьи не знал его настоящего имени, потому что она сразу стала звать его Джоном. Церемония бракосочетания прошла очень скромно. Развод – сложная и дорогостоящая процедура. Кроме того, Сисси, как католичка, не верила в развод. К тому же их с Джимом брак зарегистрировал клерк в городском совете. Сисси рассудила, что раз они не венчались в церкви, то и брак у них ненастоящий, тогда зачем же разводиться? Она оставила себе фамилию первого мужа, но ничего не сказала в городском совете о предыдущем замужестве, и новый брак был зарегистрирован, только другим клерком.

Мария, мать Сисси, была огорчена тем, что дочь не венчалась в церкви. Это второе замужество стало причиной новых истязаний, которым Томас подверг свою жену. Он часто пугал ее, что сообщит в полицию и Сисси арестуют за двоемужество. Но пока он собирался сделать это, Сисси и ее второй Джон прожили четыре года, и она родила еще четверых детей, тоже мертвых, и решила, что второй Джон также не подходит ей.

Сисси положила конец своему замужеству, она просто заявила мужу-протестанту, что, поскольку католическая церковь не признает их брака, она, Сисси, его тоже не признает и отныне считает себя свободной.

Джон номер два охотно принял ее решение. Он любил Сисси и был, в общем, счастлив с ней. Но она живостью напоминала ртуть. Несмотря на ее пугающую искренность и безграничное простодушие, он, безусловно, понимал, что совершенно не знает ее, и устал жить с загадкой. Он расстался с ней без особого огорчения.

В свои двадцать пять лет Сисси родила восьмерых детей, ни один из которых не выжил. Она решила, что Бог против того, чтобы она выходила замуж. Она устроилась на фабрику резиновых изделий, где всем сказала, что она старая дева (никто этому не поверил), и вернулась жить домой, к матери. Между вторым и третьим замужеством вклинилась череда любовников, Сисси всех называла Джонами.

С каждыми несчастными родами ее любовь к детям росла. Ее посещали мрачные мысли, что она сойдет с ума, если у нее не будет

ребенка, если она не отдаст ему свою любовь. Нерастраченные материнские чувства она обрушивала на мужчин, с которыми спала, на двух сестер, Эви и Кэти, и на их детей. Фрэнси обожала ее. Она слышала, как вокруг шепчутся, что Сисси ведет себя дурно, но все равно преданно любила ее. Эви и Кэти пытались сердиться на свою непутевую сестру, но она была так добра к ним, что их решимости хватало ненадолго.

Вскоре после того как Фрэнси исполнилось одиннадцать лет, Сисси вышла замуж в третий раз. Джон номер три работал в типографии при издательстве, и благодаря ему Фрэнси каждый месяц получала эти прекрасные яркие журналы. Из-за журналов она мечтала, чтобы третий брак тети продлился как можно дольше.

Элиза, вторая дочь Марии и Томаса, была лишена красоты и живости трех ее сестер. Она была заурядная, тупая, безразличная ко всему. Мария хотела посвятить одну из дочерей Богу и решила, что для этого годится именно Элиза. Элиза поступила в монастырь в шестнадцать лет. Она выбрала монастырь с очень строгим уставом, который запрещал монахиням когда-либо покидать стены, за единственным исключением – смерть родителей. Элиза взяла себе имя Урсула, и сестра Урсула превратилась для Фрэнси в легенду.

Фрэнси увидела сестру Урсулу, когда та приехала из монастыря на похороны Томаса Ромли. Фрэнси было девять лет. Она только что приняла первое причастие и всем сердцем была предана церкви, так что подумывала стать монахиней, когда вырастет.

Фрэнси ожидала приезда сестры Урсулы с нетерпением. Подумать только! У нее есть тетя-монахиня! Такое родство делает честь. Но когда сестра Урсула наклонилась, чтобы поцеловать ее, Фрэнси заметила полоску усов у нее над верхней губой и волосы на подбородке. Фрэнси ужаснулась – неужели у всех монахинь, которые поступают в монастырь в юности, на лице вырастают волосы! И передумала идти в монахини.

Эви была третьей дочерью Марии Ромли. Она тоже рано вышла замуж. За Вилли Флиттмана, смазливого брюнета с шелковистыми усами и ясными глазами, похожего на итальянца. Фрэнси находила его имя очень смешным и мысленно смеялась всякий раз, когда вспоминала его.

Флиттман был человек никчемный. Не то чтобы бездельник, просто слабак и нытик, который постоянно жаловался. *Зато* играл на гитаре. Сестры Ромли питали слабость к мужчинам, в которых брезжила хоть какая-то искра таланта. Любой талант – музыкальный, актерский или дар рассказчика – вызывал у них восхищение, и они считали своим долгом его

лелеять и защищать.

Из всех Ромли Эви вела наиболее светский образ жизни. Жила она в дешевой квартире на цокольном этаже, но над ней обитали очень светские жильцы, и она за ними все зорко примечала.

Ей хотелось занять положение в обществе, хотелось, чтоб ее дети получили возможности, которых не имела она. У Эви было трое детей, мальчик, которого назвали Вилли в честь отца, девочка по имени Блоссом и еще один мальчик по имени Пол Джонз. Первый шаг на пути в изысканное общество заключался в том, что Эви забрала детей из католической воскресной школы и перевела в епископальную. Она вообразила, что протестантизм гораздо изысканней католичества.

Эви преклонялась перед музыкантами, но сама была бездарна, поэтому усиленно искала талант в своих детях. Она мечтала, чтобы Блоссом пела, Пол Джонз играл на скрипке, а Вилл-младший – на пианино. Но в детях музыка даже не ночевала. Эви взяла быка за рога. Они полюбят музыку, хотят того или нет. Если родились без таланта, то, может, удастся талант в них вдолбить, приложив усилия. Она купила Полу Джонзу подержанную скрипку и договорилась за пятьдесят центов в час об уроках с педагогом, который называл себя профессором Аллегретто. Он научил младшего Флиттмана извлекать из скрипки чудовищные визжащие звуки, а в конце года задал пьесу под названием «Юмореска». Эви обрадовалась тому, что сын начал разучивать пьесу. Гораздо лучше, чем играть бесконечные гаммы… ну, немного лучше. И Эви увеличила свои амбиции.

– Поскольку мы уж все равно купили скрипку Полу Джонзу, малышка Блоссом тоже может брать уроки. Будут упражняться оба на этой скрипке, – сказала она мужу.

– Надеюсь, по очереди, – мрачно заметил тот.

– Разумеется, – надменно ответила она.

Так из семейного бюджета каждую неделю стали изыматься еще пятьдесят центов, Блоссом зажимала их в кулаке и неохотно отправлялась на урок музыки.

Однако выяснилось, что профессор Аллегретто применяет при обучении девочек несколько странный метод. Заставляет их снимать туфли и чулки и стоять на зеленом ковре босиком, пока они пилят смычком по струнам. Вместо того чтобы отбивать ритм или исправлять постановку пальцев, он весь час сидел как завороженный и не отрывал взгляда от их босых ног.

Однажды Эви обратила внимание, как Блоссом готовится к уроку музыки. Девочка сняла туфли, чулки и тщательно вымыла ноги. Эви сочла

такую чистоплотность весьма похвальной, но немного удивилась:

– Почему ты моешь ноги?

– Потому что иду на урок музыки.

– Но ты ведь играешь руками, а не ногами.

– Так стыдно же стоять перед профессором с грязными ногами.

– Он что, способен видеть сквозь туфли?

– Вряд ли, а то бы зачем он заставлял меня снимать туфли и чулки тоже.

Эви подпрыгнула как ужаленная. Она не слышала про Фрейда, и ее скромные познания в вопросах пола не содержали сведений о подобных извращениях. Но здравый смысл подсказал ей, что не надо платить профессору Аллегретто по пятьдесят центов в час и ходить к нему на уроки. На этом музыкальное образование Блоссом завершилось.

Пол Джонз на расспросы Эви отвечал, что профессор никогда не просил его ничего снимать, кроме шапки. Ему было дозволено продолжить музыкальное образование. Через пять лет он играл на скрипке почти так же хорошо, как его отец, который не брал никаких уроков, но умел играть на гитаре.

В том, что не касается музыки, дядя Флиттман был дурак дураком. Он никогда ни о чем не говорил, кроме козней Барабанщика, на котором развозил молоко. Флиттман с Барабанщиком враждовали уже пять лет, и Эви надеялась, что скоро у кого-нибудь из них лопнет терпение.

На самом деле Эви любила мужа, хотя не могла удержаться, чтобы не передразнить его. На кухне у Ноланов она изображала Барабанщика, а потом очень точно показывала дядю Флиттмана, который пытается повесить на шею коню мешок с овсом:

– Вот так стоит конь под уздой, – Эви наклонилась и головой почти коснулась колен. – Тут Вилл подходит с мешком. Уже хочет надеть его, как конь поднимает голову.

Эви с лошадиным ржанием вскинула голову, совсем как лошадь.

– Вилли стоит, ждет. Конь снова опускает голову. Кажется, больше никогда не сможет ее поднять. Делает вид, что у него тело вообще без костей. – Голова Эви болтается так бессильно, что даже страшно. – Но как только Вилл протягивает мешок, конь опять вскидывает голову.

– И чем кончилось? – спрашивает Фрэнси.

– Пришла я и повесила мешок с овсом. Вот чем кончилось.

– Тебя Барабанщик послушался?

– Еще как, – Эви ответила на вопрос Кэти, потом повернулась к Фрэнси: – Не просто послушался, а шагнул навстречу, когда увидел меня,

и сунул морду в мешок, даже не дожидаясь, пока я его повешу. Еще бы он меня не послушался, – гордо сказала она, потом снова повернулась к Кэти: – Ты знаешь, Кэйт, иногда мне кажется, что муж ревнует Барабанщика ко мне, потому что Барабанщик меня любит.

Кэти взглянула на нее, приоткрыв рот. Потом начала хохотать. Эви тоже рассмеялась, и Фрэнси тоже смеялась. Две сестры Ромли и Фрэнси, наполовину Ромли, стояли и хохотали: для них не составляло тайны то, что мужчина – существо слабое.

Таковы были женщины из рода Ромли: Мария, ее дочери, кроме Элизы-Урсулы, и ее внучка Фрэнси, которая тоже росла настоящей Ромли, хотя и носила фамилию Нолан. Все стройные, хрупкие, с внимательными глазами и нежными трепетными голосами.

Но сделаны из тонкой, невидимой глазу, стали.

8

В роду Ромли рождались сильные женщины с характером. В роду Ноланов рождались слабые мужчины с талантом. Род Ноланов вымирал. С каждым поколением мужчины Ноланы становились все красивее, притягательнее и нежизнеспособнее. Они имели обыкновение влюбляться по уши, но увиливали от женитьбы. Это была основная причина вымирания.

Рути Нолан приехала из Ирландии с молодым красивым мужем вскоре после свадьбы. У них родились четверо сыновей-погодков. Муж Мики умер в тридцать лет, и Рути осталась одна с детьми. Она сумела дотянуть сыновей Энди, Джорджа, Фрэнки и Джонни до шестого класса. Как только мальчику исполнялось двенадцать лет, он оставлял школу, чтобы заработать хоть несколько пенни.

Мальчики вырастали красавцами, могли играть на музыкальных инструментах, прекрасно пели и танцевали, и девушки сходили по ним с ума. Несмотря на то что беднее Ноланов в ирландском районе никого не было, одевались мальчики Ноланы элегантнее всех соседей. Гладильная доска прочно обосновалась на кухне. Кто-нибудь из братьев постоянно то отпаривал брюки, то разглаживал галстук, то утюжил рубашку. Они были гордостью Шэнтитауна – высокие блондины, красавчики Ноланы. На ловких ногах до блеска начищенные ботинки. Брюки сидят так, что

загляденье, шляпа с небрежным изяществом сдвинута набок. И все умерли, не дожив до тридцати пяти лет – все как один, и только у Джонни были дети.

Энди был самым старшим и самым красивым из братьев. Вьющиеся золотые волосы, прекрасно вылепленное лицо. И еще туберкулез. Энди был помолвлен с девушкой по имени Фрэнси Мелани. Свадьбу откладывали, дожидаясь, когда ему станет лучше, но лучше ему так и не стало.

Молодые Ноланы работали официантами и пели. Они выступали квартетом, пока Энди не разболелся так, что не мог больше выходить на работу. Тогда квартет Ноланов превратился в трио. Зарабатывали они не очень много и почти все тратили на выпивку и скачки.

Когда Энди окончательно слег, братья купили ему подушку из чистого лебяжьего пуха за семь долларов. Хотели, чтобы Энди понежился перед смертью. Он нашел подушку изумительной. Пролежал на ней два дня, потом хлынула горлом кровь, в последний раз, и Энди умер. На новой подушке остались красно-коричневые пятна. Мать простояла на коленях возле тела три дня. Фрэнси Мелани поклялась, что никогда не выйдет замуж. Три оставшихся брата Нолана поклялись, что никогда не покинут мать.

Через шесть месяцев Джонни женился на Кэти. Рути возненавидела Кэти. Она надеялась удержать всех сыновей возле себя до тех пор, покуда либо ее, либо их не заберет смерть. До сих пор им удавалось избежать женитьбы. Но эта девчонка – эта девчонка, Кэти Ромли! Она добилась своего! Рути не сомневалась, что ее красавчика Джонни хитростью заманили под венец.

Джорджи и Фрэнки хорошо отнеслись к Кэти, но сочли свинством со стороны Джонни то, что он удирает из дома и скидывает заботы о матери на них двоих. Однако они проявили себя с лучшей стороны. Думали-гадали, что подарить на свадьбу, и решили подарить молодым прекрасную подушку, которая так недолго радовала Энди. Мать сшила новую наволочку, чтобы спрятать страшные пятна, – все, что осталось от Энди на этом свете. Так пуховая подушка перекочевала к Джонни и Кэти. Те сочли, что она слишком хороша для каждодневного употребления, и доставали ее, только если кто-нибудь заболевал. Фрэнси называла ее «болезная подушка». Ни Кэти, ни Фрэнси не знали, что это смертная подушка.

Примерно через год после того, как Джонни женился, Фрэнки – его многие считали даже красивее Энди, возвращался вечером домой после

пирушки и споткнулся о проволоку – какой-то любитель природы оградил квадратный фут газона перед своим домом. Проволока была утыкана маленькими острыми колючками. Фрэнки упал, и одна из колючек проткнула ему живот. Фрэнки с трудом поднялся и кое-как добрел до дома. Умер он в ту же ночь. Даже не успели позвать священника, чтобы отпустил ему грехи. Его мать до конца своей жизни заказывала каждый месяц службу за упокой его души, которая, она знала, мается в Чистилище.

Немногим больше чем за год Рути Нолан потеряла троих сыновей: двое умерли, один женился. Она оплакивала всех троих. С ней остался только Джорджи, он умер через три года, в двадцать восемь лет. В живых оставался только Джонни, которому было в то время двадцать три.

Так обстояло дело с сыновьями у Ноланов. Все умерли в молодости. Все умерли внезапной и неестественной смертью из-за беспечности или беспутства. Джонни единственный дожил до своего тридцатого дня рождения.

Его дочь, Фрэнси Нолан, вобрала в себя кровь Ромли и кровь Ноланов. От беспутных Ноланов она унаследовала их покоряющую слабость и страсть к красоте. В ней смешались мистицизм бабушки Ромли, ее талант рассказчицы, ее великое доверие к жизни и сострадание к слабым. И несгибаемая сила воли досталась тоже от бабушки. От тети Эви достался актерский талант, а от Рути Нолан – властность. Фрэнси любила жизнь и детей, как тетя Сисси. Фрэнси была чувствительна, как Джонни, но без его красоты. Она в полной мере унаследовала сдержанность Кэти, но только частично ее невидимый стальной каркас. Фрэнси состояла из всех этих как хороших, так и плохих качеств.

Но это была не вся Фрэнси. Ей в душу западали книги, которые она брала из библиотеки. Цветы в коричневой вазочке. Раскидистое дерево во дворе, и отчаянные ссоры с братом, которого она очень любила, и мамин безнадежный плач украдкой – это тоже часть ее жизни и души. И стыд за отца, который, шатаясь, возвращается домой пьяным. Это все тоже она, Фрэнси.

Фрэнси состояла из всего этого и еще из чего-то особенного, что досталось ей не от Ромли и не от Ноланов, взялось не из чтения, не из наблюдений, не из ежедневного проживания жизни. Это особенное было при рождении вложено в нее – и только в нее, и оно отличало ее от всех членов двух семей. Это вкладывает Бог – или тот, кто его заменяет, – в каждую душу, вдыхая в нее жизнь, и потому все люди на земле

отличаются, как отличаются отпечатки их пальцев.

9

Джонни с Кэти поженились и поселились в тихом переулке в Уильямсбурге, который назывался Богарт-стрит. Джонни выбрал эту улицу, потому что в названии ему чудилось что-то захватывающее дух. Первый год они были очень счастливы.

Кэти вышла замуж за Джонни, потому что ей нравилось, как он поет, танцует и одевается. После замужества она задалась целью именно в этом его переделать, что весьма по-женски. Она уговорила его бросить работу поющего официанта. Он послушался, потому что любил ее и хотел угодить. Они стали работать вместе – убирали муниципальную школу, работа им нравилась. После ужина Кэти надевала свое черное пальто с огромными рукавами фасона «баранья нога», щедро обшитое тесьмой – последний улов с позументной фабрики, накидывала на голову шарф (называла его нубийским), и они с Джонни отправлялись на работу.

Школа была старая, маленькая, теплая. Им предстояло провести в ней ночь. Они шагали под руку, он в лаковых туфлях для танцев, она в высоких лайковых ботинках со шнуровкой. Иногда, если вечер выдавался морозный, звездный, они то бежали, то скользили и смеялись взахлеб. Им очень нравилось открывать школу своим собственным ключом. Школа становилась их миром до утра.

Они играли в разные игры, пока работали. Джонни садился за парту, а Кэти изображала учительницу. Они писали на доске послания друг другу. Раскатывали свернутые в рулоны карты, развешивали их и касались указкой с резиновым наконечником далеких стран. Их волновали незнакомые земли и неведомые языки. (Ему было девятнадцать, ей семнадцать.)

Больше всего им нравилось мыть актовый зал. Джонни вытирал пыль с пианино и при этом пробегал пальцами по клавишам. Начинал наигрывать аккорды. Кэти садилась в переднем ряду и просила его спеть. Он пел ей сентиментальные песенки, бывшие тогда в моде: «Она знавала лучшие дни» или «Я прячу от тебя свое сердце». Люди, жившие поблизости, просыпались среди ночи. Лежали в теплых постелях, прислушивались сквозь дрему и бормотали друг другу:

– Что там делает этот парень? Не знаю, кто он, но его место на сцене. На сцене.

Иногда Джонни танцевал на небольшом возвышении, как на сцене. Грациозный, красивый, очаровательный, он был так восхитителен каждой жилкой своего существа, что, когда Кэти смотрела на него, ей казалось, ее сердце вот-вот разорвется от счастья.

В два часа ночи они шли в обеденную комнату для учителей, где стояла газовая плита, и варили кофе. В шкафу у них была припасена банка сгущенного молока. Они наслаждались обжигающе горячим кофе, который наполнял комнату ароматом. Ржаной хлеб и сэндвичи с вареной колбасой тоже были необычайно вкусными. Иногда после еды они шли в комнату отдыха для учителей с кушеткой, покрытой цветастой тканью, ложились на нее и обнимались.

Напоследок они выбрасывали мусор из корзин, и Кэти выбирала оттуда кусочки мела побольше и огрызки карандашей подлиннее. Она уносила их домой и складывала в коробку. Позже, когда Фрэнси подросла, она чувствовала себя богачкой – столько у нее оказалось мелков и карандашей.

На рассвете Кэти и Джонни уходили, а школа стояла вымытая, протопленная и сияла чистотой в ожидании дневной уборщицы. Они шли домой, глядя, как гаснут звезды на светлеющем небе. Проходили мимо булочной, из пекарни в полуподвале пахло только что испеченными булочками. Джонни забегал и покупал на один никель горячих пончиков, прямо из печи. Придя домой, они завтракали теплыми сладкими пончиками с горячим кофе. Потом Джонни выходил купить утренний номер «Американ» и читал вслух новости, сопровождая комментариями, пока Кэти убиралась в комнатах. Днем они обедали тушеным мясом с лапшой или еще чем-нибудь столь же вкусным. После обеда ложились спать и спали, пока не наступит пора идти на работу.

Они получали пятьдесят долларов в месяц, приличная зарплата по тем временам для людей их круга. Они жили и не тужили, хорошая была жизнь… счастливая, полная маленьких приключений.

И они были так молоды и так любили друг друга.

Через несколько месяцев Кэти обнаружила, что беременна – это повергло их в искреннее изумление, если не в ужас. Кэти сказала Джонни, что у нее «это самое». Сначала Джонни растерялся и смутился. Он не хотел, чтобы она и дальше работала. Кэти ответила – до сих пор, пока не удостоверилась, что у нее «это самое», она же работала и чувствовала себя прекрасно. Она убедила его, что работа не причинит ей вреда, и он согласился. Она продолжала работать, пока живот не вырос настолько, что она уже не могла наклоняться и мыть под партами. Вскоре она провожала

Джонни до школы, а потом лежала на кушетке, на которой они больше не занимались любовью. Всю работу Джонни теперь выполнял в одиночку. В два часа ночи он неуклюже делал бутерброды и разогревал кофе. И все равно они были очень счастливы, только по мере приближения срока Джонни нервничал все сильнее.

Морозной декабрьской ночью у Кэти начались схватки. Она лежала на кушетке и терпела, не хотела говорить Джонни, пока он не закончит уборку. По дороге домой боль стала невыносимой, и она не сдержалась, застонала, и Джонни догадался, что ребенок родится совсем скоро. Он отвел ее домой, уложил в постель, не раздев, укрыл теплым одеялом и побежал через весь квартал к миссис Джиндлер, повитухе. Он умолял ее поторопиться. Добрая женщина чуть не свела его с ума своими сборами. Она вынула дюжину папильоток из волос. Она никак не могла найти вставную челюсть, а выходить из дома без нее не желала. Джонни помогал ей в поисках и обнаружил челюсть в стакане с водой на полочке за окном. Вода превратилась в лед, и челюсть вмерзла в него, так что пришлось растапливать лед, чтобы вынуть челюсть. Покончив с этим, миссис Джиндлер стала делать оберег из кусочка освященного пальмового листа, взятого с алтаря в Вербное воскресенье. К нему она приложила образок с изображением Божьей Матери, синее птичье перышко, обломок лезвия от перочинного ножа и какой-то стебелек. Связала эти предметы вместе обрывком грязного шнура из корсета женщины, которая родила двойняшек, промучившись всего десять минут. Готовый оберег она побрызгала святой водой – считалось, что вода взята из иерусалимского колодца, из которого – так считалось – однажды утолил жажду Иисус. Повитуха объяснила щеголеватому юноше, что этот оберег уменьшит страдания роженицы и подарит ему прекрасного здорового ребенка. Наконец она взяла свой крокодиловый саквояж – хорошо знакомый всем окрестным жителям, причем самые маленькие верили, что именно в этом саквояже их в свое время доставили мамам, – и на этом сборы закончились.

Кэти кричала от боли, когда они вошли. В квартире толпились соседки, они стояли везде, молились и вспоминали, как сами рожали.

– Когда я рожала своего Винсента, – говорила одна, – то я…

– А я была еще моложе ее, – говорила другая. – И у меня…

– Никто не верил, что я выживу, – гордо заявляла третья. – Но я…

Они радостно встретили повитуху, а Джонни выставили вон. Он сидел на крыльце и вздрагивал от каждого крика Кэти. Он был растерян, все случилось так неожиданно. Было семь часов утра. Ее крики доносились до него даже через закрытые окна. Мужчины шли мимо на работу,

взглядывали на окно, из которого слышался крик, потом на Джонни, который сгорбился на крыльце, и на лицах у них появлялось мрачное выражение.

Схватки у Кэти продолжались весь день, и Джонни ничем не мог помочь – ровным счетом ничем. К вечеру он был уже не в состоянии выносить этот крик. Он пошел к матери, чтобы передохнуть. Когда сказал матери, что Кэти рожает, та едва на стенку не полезла от горя.

– Теперь она тебя окончательно приковала, – выла она. – Теперь ты никогда не вернешься ко мне.

Горе ее было безутешно.

Джонни отыскал своего брата, Джорджи, который в эту ночь подрабатывал танцором. Джонни сидел, пил, дожидаясь, когда Джорджи закончит, и совсем забыл, что ему надо идти в школу. Когда Джорджи освободился, они обошли несколько баров, пропускали в каждом по стаканчику или по два и рассказывали всем, что происходит у Джонни дома. Мужчины слушали сочувственно, угощали Джонни и говорили ему, что сами прошли через эту мясорубку.

На заре молодые люди вернулись домой к матери, Джонни рухнул и заснул тревожным сном. В девять утра он проснулся с чувством, что стряслась беда. Он вспомнил про Кэти, вспомнил и про школу, но слишком поздно. Он умылся, оделся и пошел домой. Проходя мимо фруктовой лавки, увидел авокадо и купил пару штук для Кэти.

Джонни не знал, что ночью его жена, после двадцатичетырехчасовых мучений, разродилась крошечной девочкой. Самые обычные роды, если не считать того, что девочка родилась в рубашке – говорят, это добрый знак, такому ребенку суждено великое будущее. Повитуха тайком утащила послед и потом на Бруклинской верфи продала его моряку за два доллара. У кого есть такая «сорочка», тот никогда не утонет, так говорят. Моряк носил ее во фланелевом мешочке на шее.

Поскольку Джонни всю ночь пьянствовал, а потом спал, откуда он мог знать, что ночью ударил мороз, трубы прорвало, потому что он не протопил школу, и подвал с первым этажом затопило.

Когда он пришел домой, Кэти лежала в темной спальне. Рядом с ней на пуховой подушке, когда-то принадлежавшей Энди, лежал ребенок. Квартира была чисто вымыта, соседки постарались. Чувствовался слабый запах карболки и детской присыпки Меннен. Повитуха уже ушла, сказав на прощание: «С вас пять долларов, ваш муж знает, где я живу».

После ее ухода Кэти отвернулась лицом к стенке и изо всех сил постаралась не заплакать. Всю ночь она убеждала себя в том, что Джонни

ушел на работу. Она надеялась, что в два часа, во время перерыва, он заскочит домой. Теперь уже позднее утро, и ему полагается давно быть дома. Может, он пошел к матери, чтобы немного поспать после ночной смены. Кэти уговаривала себя – не важно, где сейчас Джонни, с ним все в порядке, он скоро придет, и все разъяснится.

Вскоре после ухода повитухи прибежала Эви. За ней послали соседского мальчика. Эви принесла сливочного масла, пачку пресных крекеров и заварила чай. Каким же вкусным все это показалось Кэти. Эви осмотрела младенца и пришла к выводу, что выглядит он довольно хилым, но вслух ничего не сказала.

Когда появился Джонни, Эви собралась прочитать ему нотацию. Но, увидев его бледное, испуганное лицо и вспомнив, что лет-то ему всего двадцать, она проглотила приготовленные слова, поцеловала его в щеку, сказала, чтобы не переживал, и сварила ему кофе.

На ребенка Джонни едва взглянул. Все еще сжимая в руке авокадо, он опустился на колени рядом с Кэти и заплакал, дав волю своим страхам и опасениям. Кэти плакала вместе с ним. Всю прошлую ночь она жалела, что его нет рядом. А теперь она жалела, что не удалось родить втайне от него. Хорошо бы, прийти к нему, когда все уже позади, и сказать, что все в порядке. Она так настрадалась – казалось, ее заживо варят в котле с кипящим маслом, и из котла ни вырваться, ни умереть. Она настрадалась. Но, Боже правый! – зачем же страдать и *ему? Он* не создан для страданий, страдать положено ей. Всего два часа назад она родила. Она была так слаба, что не могла оторвать голову от подушки, но все равно утешала его, просила не переживать, обещала позаботиться о нем.

Джонни понемногу успокоился. Сказал ей, что, в общем, все нормально, что он разговаривал с мужьями, многие «прошли через эту мясорубку».

– Я тоже прошел через эту мясорубку, – сказал он. – Теперь я настоящий мужчина.

Внимательно рассмотрел дочь. Предложил назвать девочку Фрэнси – в честь той девушки, Фрэнси Мелани, которая так и не вышла замуж за его брата Энди. Кэти согласилась. Они подумали, что, если бедняжка станет крестной матерью, это поможет ей пережить потерю Энди. А ребенка будут звать так, как звали бы *ее*, останься Энди жив: Фрэнси Нолан.

Джонни смешал авокадо со сливочным маслом, сбрызнул уксусом и принес этот салат Кэти. Ей вкус авокадо показался скучным. Джонни сказал – к нему нужно привыкнуть, как к оливкам. Чтобы порадовать Джонни, Кэти, тронутая его заботой, съела салат. Они уговорили и Эви

попробовать салат. Та попробовала и сказала, что не хватает помидорчиков.

Пока Джонни пил кофе на кухне, из школы пришел мальчик с запиской от директора, в ней говорилось, что Джонни уволен за пренебрежительное отношение к своим обязанностям. Ему следует прийти и получить расчет. В конце директор упоминал, что о рекомендациях лучше даже не заикаться. Прочитав записку, Джонни побледнел. Он дал мальчику никель за труды и попросил передать директору, что скоро придет. Записку он порвал и Кэти ничего не сказал.

Джонни пошел к директору, постарался все объяснить. Директор сказал – тем более ответственно нужно относиться к работе, зная, что родится ребенок. В знак сочувствия он освободил молодого человека от возмещения ущерба, причиненного лопнувшими трубами, сказал, что этим займется Комитет по вопросам образования. Джонни поблагодарил. Директор расплатился с ним из своего кармана, а Джонни выписал ему доверенность на получение своей зарплаты, когда та поступит. В общем, директор проявил доброту, учитывая происшедшее.

Джонни рассчитался с повитухой и заплатил хозяину квартиры за следующий месяц. Он слегка испугался, когда осознал, что теперь у них ребенок и Кэти какое-то время не сможет работать в полную силу, и что они вообще остались без работы. Но в конце концов успокоил себя тем, что за квартиру уплачено и еще тридцать дней у них есть крыша над головой. За это время наверняка что-нибудь подвернется.

Днем он отправился к Марии Ромли сообщить о рождении внучки. По дороге остановился возле фабрики резиновых изделий и вызвал бригадира. Джонни попросил его передать Сисси, чтобы заглянула после работы – у них родился ребенок. Бригадир пообещал, подмигнул Джонни, ткнул его под ребра и сказал: «Удачи тебе, приятель!» Джонни расплылся в улыбке и выдал ему десять центов с наказом:

– Купи хорошую сигару и выкури за мое здоровье.

– Обязательно, приятель! – дал слово бригадир. Он пожал Джонни руку и еще раз пообещал все передать Сисси.

Мария Ромли расплакалась, когда услышала новость.

– Бедное дитя! Бедняжка, – причитала она. – Родилась в мир скорби, родилась для страданий и лишений. Счастья увидит мало, а трудиться будет в поте лица. О-е-ей…

Джонни хотел сказать про ребенка и Томасу Ромли, но Мария умолила его не делать этого. Томас ненавидел Джонни Нолана, потому что тот был ирландец. Томас ненавидел немцев, ненавидел американцев, ненавидел русских, но ирландцев просто терпеть не мог. Он был убежденный расист

и, хотя питал огромную ненависть и к собственной нации, придерживался теории, что брак между представителями двух разных национальностей дает неполноценное потомство.

– Что хорошего получится, если скрестить канарейку с коровой? – такой аргумент он приводил в доказательство.

Проводив тещу до своего дома, Джонни отправился на поиски работы.

Кэти обрадовалась, увидев мать. В памяти Кэти совсем свежи были родовые муки, и сейчас она хорошо понимала, что пережила мать, когда давала жизнь ей, Кэти. Она подумала, что ее мать выносила семерых детей, похоронила троих и понимала, что выжившие обречены на голод и страдания. У Кэти возникло предчувствие, что такая же участь уготована и ее ребенку, которому нет и дня. Кэти металась в тревоге.

– Что я знаю? – вопрошала она свою мать. – Я могу научить ее лишь тому, что сама знаю, а знаю я так мало. Ты, мама, бедна. Мы с Джонни тоже бедняки. Девочка вырастет и тоже будет бедной. Мы не можем подняться выше положения, в котором находимся сегодня. Иногда мне кажется, что прошлый год был самым лучшим в нашей жизни. А теперь с каждым годом мы с Джонни будем становиться старше, но жизнь не будет становиться лучше. Все, что у нас есть, – это молодость и силы для работы, но со временем силы закончатся.

И Кэти постаралась осмыслить подлинное положение дел. «Конечно, я должна работать, – размышляла она. – Нельзя рассчитывать на Джонни. Это я обязана заботиться о нем. О Господи, не посылай мне больше детей, а то у меня не хватит сил на Джонни, а я *должна* заботиться о нем. Он сам не может позаботиться о себе».

Мать прервала ее размышления. Она сказала:

– Что мы имели в прежней стране? Ничего. Крестьяне. Голодали. Потом перебрались сюда. И тут не лучше, если не считать, что твоего отца хоть в армию не забрали, как хотели в той стране. Но в остальном тут даже хуже. Я скучаю по родным местам, по лесам, по широким полям, по привычной жизни, по друзьям.

– Если вы не рассчитывали на лучшую жизнь, зачем поехали в Америку?

– Ради детей. Я хотела, чтобы дети родились в свободной стране.

– Похоже, это не удалось, мама, – горько улыбнулась Кэти.

– В этой стране есть то, чего нет в прежней стране. Пусть все чужое, но есть надежда. В прежней стране человек, если много работает, повторяет путь своего отца. Если отец плотник, то и сын будет плотником.

Ему не стать учителем или священником. Он может достичь чего-то – но не выпрыгнет из отцовской колеи. В прежней стране у человека есть прошлое. В этой стране у человека есть будущее. В этой стране человек может стать кем захочет, если у него хватит решимости, если он честно трудится для своей цели.

– Это не так. Твои дети достигли не больше, чем ты.

Мария Ромли вздохнула:

– Наверное, это моя вина. Я не сумела дать образование дочерям, потому что у меня за плечами ничего нет, много сотен лет мои предки трудились на земле помещика. Старшую дочь я даже в школу не отдала. Была совсем темная, не знала даже того, что в этой стране дети простых людей вроде нас имеют право учиться бесплатно. Поэтому как Сисси могла добиться больше, чем я? Никак не могла. Но три другие дочери… вы ведь ходили в школу.

– Я окончила шесть классов, разве можно это назвать образованием?

– И твой Йонни, – Мария не выговаривала «дж», – он ведь тоже окончил шесть классов. Разве не так?

В голосе Марии послышалось волнение:

– Лиха беда начало.

Она взяла внучку на руки и подняла высоко.

– Это дитя родилось от родителей, которые умеют читать и писать! – просто сказала она. – Как по мне, это большое чудо.

– Мама, я молодая. Мне всего восемнадцать, мама. Я сильная. Я буду много работать, мама. Но я не хочу, чтобы мой ребенок вырос лишь для того, чтобы работать, как я. Что мне сделать, мама, что сделать, чтобы у нее была другая жизнь? С чего начать?

– Способ один – читать и писать. Ты умеешь читать. Каждый день ты должна прочитывать своему ребенку по страничке из какой-нибудь хорошей книги. Каждый день, пока девочка сама не выучится читать. Дальше будет читать сама. Я знаю, что это верный способ.

– Я буду ей читать, – пообещала Кэти. – Какую хорошую книгу взять?

– Есть две великие книги. Шекспир – великая книга. Я слышала, что все тайны, все чудеса описаны в этой книге, в ней собрана вся человеческая мудрость, в ней и красота, и жизнь. Говорят, что эти истории нужно разыгрывать на сцене, в театре. Мне не случалось говорить с человеком, который бы видел это великое зрелище своими глазами. Но наш помещик в Австрии как-то сказал, что некоторые страницы Шекспира хочется петь как песню. Это было давным-давно, наш помещик сказал это своему сыну, который собирался в главный университет в мире, в Гейдельберг.

– Шекспир – это книга на немецком языке?

– На английском.

– А вторая великая книга?

– Это Библия, которую читают протестанты.

– Так у нас же, у католиков, тоже есть Библия.

Мария украдкой огляделась.

– Не годится честному католику говорить такое, но я думаю, что в протестантской Библии больше красоты, это самая великая история земли и неба. Одна подруга-протестантка, которую я очень любила, прочитала мне однажды отрывок из своей Библии, тогда я и подумала так. Возьми Библию и Шекспира. И каждый день читай по странице из них своему ребенку – даже если сама не понимаешь написанного и не все слова можешь правильно выговорить. Не важно, ты должна делать это. Тогда ребенок будет расти с пониманием, что существует прекрасное и великое и что эти домишки в Уильямсбурге еще не весь мир.

– Значит, протестантская Библия и Шекспир.

– И еще рассказывай ребенку легенды, которые я рассказывала тебе – их мне рассказывала моя мать, а ей – ее мать. Ты должна рассказывать дочери сказки нашей родины. Рассказывать про тех существ, которые живут не на земле, а в сердцах, – феи, эльфы, карлики и все остальные. Рассказывать о привидениях, которые преследовали народ твоего отца, про сглаз, который волшебница наложила на твою тетю. Ты должна рассказать про знаки, которые получают женщины нашего рода, когда кому-то грозит беда или смерть. И еще ребенок должен верить в Бога и в Иисуса, его единственного сына, – Мария перекрестилась.

– Да, и еще не забывай про Санта-Клауса. Ребенок должен верить в него, пока ему не исполнится шесть лет.

– Мама, я знаю, что фей и привидений не существует. Зачем я буду повторять ребенку глупые выдумки?

– Откуда ты знаешь, существуют ли на земле привидения, а на небесах ангелы? – строго ответила мать.

– Что Санта-Клауса не существует, я точно знаю.

– И все равно ты должна рассказывать о нем ребенку.

– Почему? Почему, если сама не верю?

– Потому что есть такая бесценная вещь – называется «воображение», оно очень нужно ребенку, – просто ответила Мария. – У ребенка должен быть свой секретный мир, и в этом мире живут существа, которых он не видел. Необходимо *верить*. Начинать нужно с веры в существ из другого мира. Если в нашем мире станет невыносимо, всегда можно вернуться

в воображаемый мир и жить в нем. Мне, в мои годы, до сих пор нужнее нужного вспоминать про удивительную жизнь наших святых и про те чудеса, которые они совершили. Я думаю про них и только поэтому справляюсь с жизнью.

– Девочка вырастет и узнает правду. Узнает, что я врала. Она будет разочарована.

– Это называется учиться у жизни. Очень полезно своим умом учиться у жизни. Сначала верить всем сердцем, а потом разувериться – это тоже очень полезно. Чувства от этого становятся богаче, глубже. Кто знает, какая выпадет ей женская доля – может, люди обидят, разочаруют ее, а у нее уже есть такой опыт, и она сможет пережить разочарование. Когда будешь воспитывать своего ребенка, не забывай, что страдать тоже полезно. От этого человек делается богаче.

– Если так, то мы, Ромли, очень богатые, – заметила Кэти грустно.

– Конечно, мы бедные. Мы страдаем. Жизнь у нас тяжелая. Но мы хорошие люди, потому что знаем все то, о чем я рассказывала тебе. Я не умею читать, но я рассказывала тебе то, чему меня научила жизнь. А ты расскажешь своей дочери и добавишь еще то, чему жизнь научит тебя, когда станешь старше.

– Чему еще нужно научить ребенка?

– Ребенок должен верить в небеса. Не в такие небеса, где ангелы летают и Мария сидит на троне, – Мария выражала свои мысли с трудом, мешая немецкие и английские слова. – А в такие небеса, где человек может мечтать – и его желания исполняются. Может, это какая-то другая религия. Не знаю.

– А еще, что еще нужно сделать?

– Прежде чем умрешь, ты должна купить немного земли – может, с домиком, чтобы передать по наследству детям.

Кэти рассмеялась:

– Откуда у меня возьмется своя земля? Мы и аренду-то за квартиру с трудом платим.

– Все равно, – твердо сказала Мария. – Ты должна это сделать. Сотни лет наши предки-крестьяне работали на чужой земле. Так было в нашей прежней стране. Здесь мы работаем на фабрике, это лучше. У рабочего есть кусочек дня, когда он сам себе хозяин. Это хорошо. Но еще лучше иметь кусочек земли, где ты сам себе хозяин. Кусок земли, который можно передать детям. Это значит изменить свою участь в этой жизни.

– Но как приобрести землю? Мы с Джонни работаем, а получаем гроши. Иногда заплатишь за квартиру и страховку – и на еду почти не

остается. Как мы соберем денег на землю?

– Возьми пустую банку из-под сгущенного молока и как следует помой ее.

– Банку?

– Прибей ее в шкафу или в чулане, в самом дальнем темном углу. Каждый день клади в нее пять центов. Через три года у тебя скопится маленькое состояние, пятьдесят долларов. Возьми эти деньги и купи участок земли в сельской местности. Оформи все бумаги, что участок твой. Так ты станешь владелицей земли. Если у человека есть земля, он никогда снова не превратится в раба.

– Пять центов в день. Вроде немного. Но откуда их взять? Нам и сейчас-то не хватает, а нужно будет кормить еще и ребенка…

– Нужно поступать так. Ты приходишь к зеленщику и спрашиваешь, сколько стоит пучок морковки. Он говорит – три цента. Ты осматриваешься, находишь пучок похуже и поменьше, спрашиваешь – отдадите этот бракованный пучок за два цента? Говори уверенно – и получишь его за два цента. Сэкономленная монета пойдет в банку. Или, скажем, на улице зима. Ты купила ведро угля за двадцать пять центов. В доме холодно. Ты хочешь развести огонь в печи. Остановись! Подожди еще час. Потерпи холод лишний час. Закутайся в платок. Скажи себе: я мерзну ради того, чтобы купить землю. За этот час ты сэкономишь угля на три цента. Положи эти три цента в банку. Когда сидишь вечером одна, не зажигай лампу. Посиди в темноте и помечтай. Прикинь, сколько масла ты сэкономила, и положи столько пенни в банку. Банка будет наполняться. В один прекрасный день там соберется пятьдесят долларов, и наверняка на этом длинном острове, как его – Лонг-Айленде, найдется участок земли, который можно купить за эти деньги.

– Неужели таким образом можно накопить?

– Клянусь Божьей Матерью, да.

– Тогда почему же ты сама не накопила и не купила землю?

– Я накопила. Как только мы приплыли сюда, я завела банку. Через десять лет я скопила пятьдесят долларов. Я взяла эти деньги и пошла к соседу, про него говорили, что он справедливо обходится с людьми, которые покупают землю. Он показал мне прекрасный участок и сказал по-немецки «отличная земля», взял деньги и дал какую-то бумагу. Читать-то я не умею. Вдруг вижу – на моей земле люди строят дом. Я показала им свою бумагу. Они посмеялись надо мной, но в глазах у них была жалость. Оказалось, что тот человек не продавал землю. Он занимался – как это у вас по-английски называется – машинациями.

– Махинациями.

– Вот-вот. Неучи из Старого Света вроде меня часто попадают в ловушки, потому что мы не умеем читать. Но у тебя есть образование. Первым делом ты прочитай бумагу, которую тебе дадут. Только потом плати.

– И ты больше ничего не скопила?

– Скопила. Еще раз. Во второй раз было труднее, потому что семья выросла. Я скопила, но когда мы переезжали на другую квартиру, твой отец нашел банку и забрал деньги. Землю покупать не захотел. Он всегда был до птиц охочий, поэтому купил на все деньги петуха с курами и цыплят и посадил их на заднем дворе.

– Кажется, я даже помню этих цыплят, – сказала Кэти. – Давно это было.

– Он сказал, будем продавать яйца соседям и заработаем много денег. Мечты, мечты наши! В первую ночь через забор перелезло голодных котов штук двадцать, они сожрали много цыплят. Еще больше на другую ночь выкрали итальянцы. На третий день пришел полицейский и сказал, что закон запрещает в Бруклине разводить кур во дворе. Пришлось заплатить ему пять долларов, чтобы не сажал твоего отца под арест. Осталось несколько цыплят, твой отец продал их и купил канареек, их держать закон не запрещает. Так пропали все мои сбережения во второй раз. Но я коплю снова. И может, когда-нибудь… – она помолчала, потом поднялась и накинула платок.

– Темнеет. Скоро твой отец вернется с работы. Да хранит Пречистая Дева Мария тебя и твое дитя.

Сисси пришла сразу после работы. Не тратила время даже на то, чтобы стряхнуть серую резиновую пыль с волос. Новорожденная привела ее в совершенный восторг, Сисси твердила, что это самый прекрасный младенец на свете. Джонни посматривал на Сисси скептически. На его взгляд, ребенок был синий и сморщенный, Джонни опасался, что с ним что-нибудь не так. Сисси искупала младенца (в первый день его полагается купать двенадцать раз). Она сбегала в лавку деликатесов и уговорила хозяина открыть ей кредит до субботы, когда будет зарплата. Набрала разных вкусностей на два доллара: ломтиков языка, копченого лосося, кусочек копченого осетра сливочного цвета, хрустящих хлебцев. Купила мешок угля и развела жаркий огонь. Отнесла Кэти ужин на подносе, а они с Джонни сидели на кухне и ужинали вдвоем. В доме пахло теплом, вкусной едой, детской присыпкой и еще карамелью от ароматического

диска, который Сисси носила на шее в серебристом филигранном медальоне в форме сердечка. Джонни смотрел, как Сисси курит после ужина. Он размышлял, какими соображениями люди руководствуются, когда дают своим ближним определения «хороший» или «плохой». Вот хотя бы Сисси. Она плохая. Но очень хорошая. Плохая, потому что меняет мужчин. Но хорошая, потому что там, где она появляется, жизнь оживает, наполняется добротой и радостью, приобретает запах и вкус. Джонни хотелось, чтобы его дочь была немного похожа на Сисси.

Когда Сисси объявила, что останется на ночь, Кэти разволновалась и сказала, что у них только одна кровать и на ней спит она с Джонни. Сисси объявила, что не прочь переспать с Джонни, если он подарит ей такого же прекрасного ребенка, как Фрэнси. Кэти нахмурилась. Конечно, она понимала, что Сисси шутит. Но была в ее шутке доля правды. И Кэти начала отчитывать Сисси. Джонни положил конец этой сцене, сказав, что уходит – ему нужно в школу.

Он не посмел признаться Кэти, что потерял работу. Вместо школы пошел на поиски своего брата Джорджи, он работал тем вечером. К счастью, потребовался еще один человек, чтобы обслуживать столики и петь в перерывах. Джонни отработал вечер, ему пообещали, что на следующей неделе он тоже понадобится. Так он снова стал поющим официантом и с тех пор никогда ничем другим не занимался.

Сисси нырнула в постель к Кэти, и они проболтали почти всю ночь. Кэти поделилась своей тревогой за Джонни и своим страхом перед будущим. Они обсудили Марию Ромли и то, какой хорошей матерью она была для Эви, Сисси и Кэти. Коснулись и отца, Томаса Ромли. Сисси сказала, что он старый мерзавец, а Кэти ответила, что надо быть уважительней к нему. «Вот еще, глупости!» – возразила Сисси, и Кэти рассмеялась.

Кэти рассказала Сисси о разговоре, который состоялся у нее в этот день с матерью. Идея с консервной банкой так понравилась Сисси, что она вскочила, перелила сгущенку в миску и прямо среди ночи стала прибивать жестянку. В ночной рубашке она втиснулась в узкий загроможденный чулан, но запуталась в длинном подоле. Тогда она скинула рубашку и принялась за дело голышом. Целиком она в чулан не влезла, и ее обнаженная попа торчала наружу и сияла в темноте, пока она молотком приколачивала банку к полу. На Кэти напал такой приступ смеха, что она испугалась, как бы не началось кровотечение. Громкий стук в три часа ночи перебудил жильцов дома. Соседи снизу стучали им в пол, соседи сверху – в потолок. Сисси вызвала у Кэти новый приступ смеха, потому что стала

возмущаться из чулана – как смеют соседи поднимать такой шум, ведь в доме находится роженица. «Как они смеют?» – восклицала она, нанося по гвоздю последний оглушительный удар.

Справившись с банкой, она снова надела ночную рубашку и открыла счет в банке, бросив пятицентовую монетку, а потом вернулась в постель. Она внимательно выслушала рассказ Кэти про две главные книги и теперь знала, что подарить новорожденной на крещенье.

Фрэнси провела свою первую ночь на земле, уютно посапывая между мамой и Сисси.

На следующий день Сисси отправилась на поиски двух главных книг. Она пришла в муниципальную библиотеку и спросила библиотекаршу, как получить Библию и Шекспира насовсем. Библиотекарша ответила, что с Библией помочь не может, а что касается Шекспира, то в библиотеке есть старый экземпляр, который собираются списать, и его можно купить. Сисси купила. Зачитанный до дыр старый том, собрание всех пьес и сонетов. С подробными примечаниями и комментариями, как понимать то или иное произведение. Имелась в этом томе и биография автора с портретом, а содержание пьес иллюстрировали гравюры. Текст был напечатан мелким шрифтом в два столбца на тонкой бумаге. Сисси заплатила за книгу двадцать пять центов.

Библию Сисси искала дольше, зато обошлась она дешевле. Если совсем честно, то даром. На первой странице было написано имя «Гедеон»[11].

Через несколько дней после покупки Шекспира Сисси проснулась утром в тихой семейной гостинице и толкнула локтем очередного любовника, с которым провела здесь ночь.

– Джон! – Она называла его Джон, хотя его звали Чарли. – А что за книга лежит на комоде?

– Библия.

– Протестантская?

– Да.

– Я хочу стащить ее.

– Давай. Для этого ее сюда и положили.

– Нет!

– Да!

– Ты не шутишь?

– Не шучу. Люди крадут Библию, потом читают, встают на пусть истинный и раскаиваются в своем поступке. Они возвращают ее обратно

и покупают новую, а другие люди снова крадут, читают и встают на путь истинный. В общем, фирма, которая печатает Библии, не остается внакладе.

– Ну, на этот раз они не получат свою Библию обратно.

Сисси завернула Библию в гостиничное полотенце, которое собиралась прихватить заодно.

– Стой! – Джон по имени Чарли испугался. – Вдруг ты прочтешь Библию и встанешь на путь истинный, тогда мне придется жить со своей женой.

Он вздрогнул от этой мысли и обнял Сисси.

– Поклянись, что ты не встанешь на путь истинный.

– Не встану.

– Откуда ты знаешь?

– Я никогда не слушаюсь чужих слов, к тому же я не умею читать. А что хорошо, что плохо – я чую нутром. Если мне плохо, значит, это дело плохое. Если мне хорошо, значит, дело хорошее. Когда я с тобой, мне хорошо.

Она крепко обняла его и поцеловала в ухо.

– Я очень хочу, чтобы мы поженились, – сказал он.

– Я тоже, Джон. Но давай не будем спешить. Подождем немного, – честно ответила она.

– Ведь я женат, а эта чертова католическая религия не признает развода.

– Я тоже не признаю развода, – сказала Сисси, которая всегда выходила замуж, не утруждая себя разводом.

– Знаешь что, Сисси?

– Что?

– У тебя золотое сердце.

– Ты не шутишь?

– Не шучу.

Он посмотрел, как она потянулась за алыми подвязками, чтобы пристегнуть тончайшие чулки, которые уже успела надеть на стройные ноги, и вдруг взмолился:

– Давай поцелуемся!

– Хватит ли нам времени? – практично поинтересовалась она. Но все же сняла чулки.

Так было положено начало библиотеке Фрэнси Нолан.

10

Впечатления образцово-показательного младенца Фрэнси не производила. Хилая, бледная, плохо прибавляла в весе. Кэти упорно кормила дочь грудью, но соседки твердили, что ее молоко не идет младенцу впрок.

Когда Фрэнси исполнилось три месяца, она перешла на бутылочку, потому что молоко у Кэти внезапно пропало. Кэти переживала. Советовалась с матерью. Мария Ромли посмотрела на нее, вздохнула и ничего не сказала. Кэти пошла за советом к повитухе. Женщина задала ей дурацкий вопрос:

– Где ты покупаешь рыбу по пятницам?

– На ирландском рынке. А что?

– Ты, наверное, замечала там старуху, которая покупает голову трески для кошки?

– Да. Встречаю ее каждую неделю.

– Вот! Она во всем виновата. Высушила у тебя молоко.

– Не может быть!

– Она сглазила тебя.

– Но почему?

– Ревнует. Вон как тебе повезло – муж-красавчик, ирландец просто загляденье.

– Ревнует? Старуха?

– А она ведьма. Я знавала ее еще на родине. Мы с ней вроде на одном корабле приплыли. В молодости она крутила любовь с парнем из графства Керри. Она жила с ним просто так, к священнику он ее не сводил, а когда про все прознал ее старик отец, парень сбежал и уплыл в Америку темной ночью. Она родила ребенка, но он умер. Тогда она продала душу дьяволу, и дьявол научил ее высушивать молоко у коров, у коз и у девушек, которые вышли за молодых парней.

– Я помню, она как-то странно на меня посмотрела.

– Вот-вот, тогда она тебя и сглазила.

– А как сделать, чтобы молоко вернулось обратно?

– Я расскажу тебе, что сделать. Дождись полной луны. Смастери куклу – заверни в тряпочку прядку своих волос и обрезки ногтей, сбрызни святой водой. Назови куклу Нелли Гроган, так зовут ведьму, и воткни в нее три ржавые булавки. После этого ведьмины чары рассеются, и молоко из твоей груди потечет, как река Шаннон[12]. С тебя четверть доллара.

Кэти заплатила. Когда взошла полная луна, она сделала куклу и пронзала ее булавками, пронзала, но молоко не вернулось. Фрэнси сосала бутылочку и чахла. В отчаянии Кэти призвала на совет Сисси. Сисси выслушала историю про ведьму.

– Какая тут, к черту, ведьма! – фыркнула она презрительно. – Это Джонни натворил, только не глазом!

Так Кэти узнала, что снова беременна. Она сказала Джонни, и он расстроился. Он вернулся к ремеслу поющего официанта и был этому рад, работал часто, вел себя разумно, особо не выпивал и почти все деньги приносил домой. Известие о втором ребенке застало его врасплох – он почувствовал себя загнанным в ловушку. Ему только двадцать лет, Кэти – восемнадцать. Джонни подумал, что они совсем молоды, а жизнь уже пропала. Услышав новость, он ушел из дома и напился.

Повитуха зашла некоторое время спустя узнать, как сработало ее колдовство. Кэти сообщила, что колдовство не сработало, потому что она беременна и ведьма тут ни при чем. Повитуха задрала подол и полезла в обширный карман, пришитый к нижней юбке. Она вынула бутылку со зловещей темно-коричневой жидкостью.

– Держи, вот лекарство от твоей беды, – сказала она. – Делай по хорошему глотку утром и вечером, и через три дня будешь как новенькая.

Кэти отрицательно потрясла головой.

– В чем дело, боишься, что скажет священник? – спросила повитуха.

– Нет. Просто я не могу убивать.

– Это не убийство. Какое убийство там, где еще нет жизни. Ты же пока не чувствуешь, что он шевелится, так ведь?

– Не чувствую.

– Ну вот! – Она торжествующе стукнула кулаком по столу. – Я с тебя возьму всего один доллар за целую бутылку.

– Спасибо, но она мне не нужна.

– Не глупи. Ты сама еще почти девочка, у тебя и с одним-то ребенком хлопот полон рот. А муж твой, конечно, красавчик, но не самый надежный парень в мире.

– Какой у меня муж – это мое дело, а с ребенком мне никаких хлопот.

– Я просто хочу тебе помочь.

– Спасибо вам, до свидания.

Повитуха засунула бутылку обратно в свой потайной карман и собралась уходить.

– Когда придет срок рожать, вы знаете, где меня найти.

На пороге она дала напоследок еще один добрый совет:

– Если хорошенько побегаешь вверх-вниз по лестнице, то, может статься, выкинешь.

Наступило бруклинское бабье лето с его обманчивым теплом, Кэти сидела на крыльце и прижимала своего хилого ребенка к огромному животу, из которого скоро должен был появиться еще один ребенок. Сочувствующие соседи останавливались, чтобы посокрушаться, глядя на Фрэнси.

– Не жилец она у тебя, – говорили они. – Цвет лица плохой. Если милосердный Господь приберет ее, тебе же будет лучше. Уж чего хуже – больной ребенок в бедной семье? На свете и так полным-полно детей, больным да слабым не найдется места.

– Не говорите так, – Кэти крепко прижимала ребенка к себе. – В смерти нет ничего хорошего. Кто хочет смерти? Всякий цепляется за жизнь. Посмотрите на дерево вон там за оградой. Ему не хватает солнца, воду пьет оно только в дождь, почва под ним скудная. Но оно сильное, потому что сильным его делает тяжелая борьба за жизнь. И мои дети тоже будут сильными.

– Кто-нибудь наверняка его срубит, заморыша этакого.

– Если бы на всем белом свете осталось только одно это дерево, вы бы сказали, что оно прекрасно, – ответила Кэти. – Но деревьев много, поэтому вы не замечаете, как они прекрасны. Посмотрите на этих детишек.

Она указала на стайку грязных детей, которые играли в сточной канаве.

– Возьмите любого, отмойте, нарядите, поселите в красивый дом – и вы увидите, как он прекрасен.

– Мысли у тебя, Кэти, очень красивые, а ребенок все равно очень хилый, – говорили люди.

– Мой ребенок будет жить, – яростно возражала Кэти. – Я сделаю все для этого.

Брат у Фрэнси родился через неделю после ее первого дня рождения.

Когда начались схватки, Кэти была дома. На этот раз она закусила губу и во время схваток не издала ни звука. Беспомощная перед болью, она могла опереться только на выносливость и стойкость.

Крепкий здоровый мальчик громко закричал, возмущаясь пережитыми во время родов унижениями. Приложив его к груди, Кэти почувствовала огромную нежность. Рядом в люльке захныкала Фрэнси. Кэти сравнила ее с красавцем сыном, и в душе у нее вдруг промелькнуло презрение к этому жалкому созданию, которому она дала жизнь год назад. Она тут же пристыдила себя. Она понимала, что девочка ни в чем не виновата. «Нужно

внимательно следить за собой, – подумала Кэти. – Похоже, я буду любить мальчика больше, но нельзя, чтобы девочка догадалась об этом. Это неправильно, любить одного ребенка больше, чем другого, но что ж я могу поделать».

Сисси умоляла, чтобы мальчика назвали в честь Джонни, но Кэти упорно стояла на том, что сын имеет право на собственное имя. Сисси ужасно рассердилась и наговорила Кэти лишнего. Тогда Кэти, скорее в запальчивости, чем по убеждению, заявила, что Сисси влюблена в Джонни. Сисси ответила «может быть», и Кэти сочла за лучшее промолчать. Она испугалась, что если этот спор еще немного продлится, то выяснится, что Сисси и вправду любит Джонни.

Кэти назвала сына Корнелиусом в честь благородного героя, которого в театре играл красивый актер. Когда мальчик подрос, имя сократили на бруклинский манер – его стали звать Нили.

Без всяких на то причин и особых усилий мальчик сразу заменил Кэти весь мир. Джонни отошел на второй план, а Фрэнси отодвинулась в самый дальний уголок материнского сердца. Кэти любила мальчика, потому что он зависел от нее больше, чем Джонни или Фрэнси. Нили казался точной копией Джонни. Кэти собиралась сделать из него идеального мужчину, каким мог бы стать Джонни. Сын сохранит все лучшее, что есть в Джонни, она позаботится об этом. Но она избавит его от всего дурного, что есть в Джонни, если мальчик унаследовал эти черты. Нили вырастет, и она будет гордиться им, а он будет заботиться о матери до конца ее дней. Именно сыну она должна посвятить себя. Фрэнси и Джонни как-нибудь сами обойдутся, но мальчика нельзя отпускать на произвол судьбы. Она сделает все, чтобы он вышел в люди.

Постепенно, по мере того как дети росли, Кэти растеряла всю свою нежность, зато приобрела то, что люди называют характером. Она стала приспособленной, выносливой, расчетливой. Она преданно любила Джонни, но от прежнего обожания не осталось и следа. Она любила свою девочку, потому что жалела ее. Да, скорее это была жалость пополам с чувством долга, чем любовь.

Джонни и Фрэнси чувствовали, что Кэти очень изменилась. Мальчик становился все крепче и красивее, а Джонни становился все слабее и все быстрее катился вниз. Фрэнси понимала, как мать относится к ней. Она отвечала тем, что воспитывала в себе твердость духа, и, как ни странно, эта твердость сближала их, потому что делала похожими.

Когда Нили исполнился год, Кэти совсем перестала рассчитывать на

Джонни. Джонни сильно пил. Работал от случая к случаю, если что-нибудь подвернется. Зарплату приносил домой, но чаевые оставлял себе и пропивал. Ему казалось, что жизнь летит слишком быстро. Он обзавелся женой и двумя детьми до того, как получил право голосовать. Его жизнь кончилась, не успев даже начаться. Джонни Нолан был обречен, и никто не понимал это лучше, чем он сам.

На долю Кэти выпали те же испытания, только она была еще и на два года младше Джонни, ей едва исполнилось девятнадцать. Можно было бы сказать, что и она обречена. Ее жизнь тоже закончилась, не начавшись. Но этим сходство ограничивалось. Джонни понимал, что обречен, и смирился с этим. Кэти не смирилась. Она начала новую жизнь в тот момент, когда прежняя закончилась.

Она заменила нежность твердостью. Она отказалась от мечтаний и заменила их трезвым отношением к суровой реальности.

Кэти была одержима желанием выжить, которое делало из нее борца. Джонни уповал на вечность, что превращало его в бесполезного мечтателя. И в этом заключалась огромная разница между этими двумя людьми, которые так сильно любили друг друга.

11

Свой двадцать первый день рождения, который дал ему право голоса, Джонни отпраздновал трехдневным запоем. Когда он начал трезветь, Кэти заперла его в спальне, чтобы он не мог раздобыть ничего спиртного. Но Джонни не пришел в себя, вместо этого у него началась белая горячка. Он то рыдал, то умолял дать ему выпить хоть глоточек. Говорил, что невыносимо страдает. Кэти отвечала, что это хорошо, страдания отучат его от пьянства, закалят волю и сделают тверже. Но бедный Джонни никак не становился тверже. Напротив, он совсем раскис, скулил и выл, как привидение.

Соседи стучались к Ноланам в дверь и просили пожалеть беднягу. Кэти посоветовала соседям заняться своими делами и сжала губы так, что они превратились в прямую линию. Хоть она и осадила соседей, но понимала, что переезд неизбежен, едва закончится месяц. Нельзя оставаться тут после того, как Джонни так их опозорил.

Ближе к вечеру от душераздирающих воплей Джонни терпение у Кэти лопнуло. Посадив обоих детей в коляску, она отправилась на фабрику и попросила терпеливого бригадира вызвать Сисси с работы. Кэти

рассказала сестре, что творится с Джонни, и та пообещала прийти сразу после работы и все уладить.

Сисси посоветовалась с приятелем, как помочь Джонни. Тот дал необходимые наставления. Следуя им, Сисси купила полпинты хорошего виски, спрятала бутылку между пышными грудями, потуже зашнуровала корсет и застегнула платье.

Сисси пришла к Кэти и сказала, что если та оставит их с Джонни наедине, она вылечит его. Кэти закрыла Сисси в комнате с Джонни. Сама пошла на кухню и провела всю ночь в ожидании за столом, положив голову на руки.

Когда Джонни увидел Сисси, в его бедном спутанном мозгу на минуту прояснилось, он схватил ее за руку.

– Сисси, ты мой друг. Ты моя сестра. Ради бога, дай мне выпить.

– Не спеши, Джонни, – сказала она мягким баюкающим голосом. – Я кое-что припасла для тебя.

Она расстегнула платье до талии, выпустив наружу каскад белых кружевных оборок с темно-розовыми бантиками. Комната наполнилась сладким теплым запахом ее пряных духов. Джонни смотрел, как она расстегнула платье и расшнуровывает корсет. Вспомнив про ее репутацию, бедняга сделал неправильный вывод.

– Нет, нет, Сисси. Только не это, прошу! – простонал он.

– Не будь ослом, Джонни. Всему свое время и место. Сейчас не тот случай.

И Сисси достала бутылку.

Джонни схватил ее. Бутылка согрелась от ее тела. Сисси позволила ему сделать долгий глоток, потом решительно вынула бутылку из его сжатых пальцев. Выпив, он успокоился, его потянуло в сон, он попросил ее не уходить. Она обещала. Не позаботившись застегнуть корсет и платье, она легла на кровать рядом с ним и обняла его, а он прижался щекой к ее теплой душистой груди. Он спал, и во сне слезы катились из-под его закрытых век, и были они теплее, чем ее кожа, на которую падали.

Сисси лежала без сна, обнимала его и смотрела перед собой в темноту. Ей казалось, что рядом с ней ее ребенок, который выжил и нуждается в ее беззаветной любви. Она гладила завитки его волос, нежно касалась щеки. Когда он стонал во сне, она успокаивала его ласковыми словами, которые давно придумала для своих детей. У нее затекла рука, и она попыталась высвободить ее. Он проснулся на мгновение, вцепился в нее и попросил не уходить. Обращаясь к ней, он назвал ее мамой.

Каждый раз, когда он просыпался в тревоге, она давала ему глотнуть виски. Ближе к утру он снова проснулся. Голова прояснилась, но, по его словам, болела. Он отпрянул от нее и застонал.

– Иди обратно к мамочке, – позвала она мягким, взволнованным голосом. Она широко открыла свои объятия, он сразу нырнул в них и прижался щекой к ее щедрой груди. Он тихо плакал. Он выплакивал свои страхи и тревоги, и свое непонимание этого мира. Она позволила ему говорить, она позволила ему плакать. Она обнимала его так, как могла бы его обнимать в детстве собственная мать (но она этого никогда не делала). Иногда Сисси плакала вместе с ним.

Когда он выговорился, она отдала ему остаток виски, и он наконец заснул от изнурения глубоким сном.

Она долго лежала не шевелясь, не хотела, чтобы он заметил, как она уходит. На рассвете его рука, сжимавшая ее руку, разжалась, на лице появилось выражение покоя, и он снова стал походить на мальчика. Сисси положила его голову на подушку, ловко раздела его и укрыла одеялом. Пустую бутылку из-под виски она выбросила в вентиляционную шахту. Она подумала – если Кэти ничего не узнает, то и сердиться не будет. Она небрежно завязала свои розовые ленточки и привела в порядок платье. Выходя, бесшумно закрыла за собой дверь.

Сисси обладала двумя великими талантами. Она была идеальная любовница и такая же идеальная мать. Ее переполняли нежность и потребность отдавать себя каждому, кто нуждался – не важно, в чем, будь то ее деньги, ее время, ее одежда, ее сочувствие, ее понимание, ее дружба, ее внимание или ее любовь. Она становилась матерью первому встречному. Она любила мужчин, это верно. Но и женщин тоже, и стариков, и детей – их особенно. Как она любила детей! Она любила падших и отщепенцев. Ей хотелось всех осчастливить. Доброго священника, который выслушивал ее во время нечастых исповедей, она попыталась соблазнить, потому что пожалела его. Подумала, что обетом безбрачия он лишает себя величайшей из земных радостей.

Сисси любила каждую облезлую дворняжку на улице и жалела бездомных кошек, которые роются на помойках и скитаются с раздутыми боками по бруклинским закоулкам в поисках норы, чтобы дать жизнь своему потомству. Она любила серых воробьев и считала красивой даже траву, росшую на пустырях. Она собирала там букеты из белого клевера, полагая его самым лучшим цветком из созданных Богом. Однажды она заметила в своей комнате мышь. Следующим вечером она приготовила для нее коробочку с крошками сыра. Да, Сисси сочувствовала всякому в его

нужде, но ей не сочувствовал никто. Впрочем, так и должно быть – ведь Сисси родилась, чтобы давать, а не брать.

Когда Сисси в расстегнутом платье появилась на кухне, Кэти впилась в нее подозрительным взглядом опухших глаз.

– Я всегда помню, что ты моя сестра, – с достоинством изрекла она. – Надеюсь, ты тоже.

– Не будь такой дремучей дурой, – ответила Сисси, понимая, на что намекает Кэти. Сисси улыбнулась, прямо глядя ей в глаза. И Кэти почему-то сразу поверила ей.

– Как Джонни?

– Будет в порядке, когда проснется. Но ради всего святого, Кэти, когда он проснется, не промывай ему мозги. Не промывай ему мозги, Кэти.

– Но должен же он понять, что…

– Если услышу, как ты промываешь ему мозги, я уведу его у тебя. Клянусь. Хоть я и твоя сестра.

Кэти поняла, что Сисси не шутит, и даже испугалась.

– Не буду, – пробормотала она. – Не в этот раз.

– Вот теперь я вижу перед собой взрослую женщину, – похвалила сестру Сисси и поцеловала в щеку. Ей было жалко Кэти ничуть не меньше, чем Джонни.

Тут Кэти не выдержала и расплакалась. Она издавала громкие, некрасивые звуки, потому что ненавидела себя за эти слезы, но не могла их сдержать. Сисси пришлось выслушать историю еще раз, но теперь с точки зрения Кэти, и пережить вместе с Кэти то, что пережила с Джонни. С Кэти Сисси обращалась иначе, чем с Джонни. С ним она была ласковой, по-матерински заботливой, потому что он нуждался именно в ласке и заботе. Но в Кэти был стальной стержень, который Сисси уважала. И стала укреплять этот стержень, когда Кэти закончила свой рассказ.

– Теперь ты сама все видишь, Сисси. Джонни – пьяница, и этим все сказано.

– Про каждого из нас что-то сказано. На каждом из нас болтается ярлык. Взять хоть меня: я ни разу в жизни рюмки не выпила. Но ты ведь знаешь, чего только обо мне не говорят! – Она продолжала с искренним и совершенным презрением: – Разве меня не называют дурной женщиной? Представляешь? Признаю, что могу иногда выкурить сигарету-другую, но чтобы называть меня дурной женщиной…

– Послушай, Сисси, но твое поведение с мужчинами дает людям повод…

– Кэти! Не промывай мне мозги! Каждый из нас таков, каков есть, и каждый проживает ту жизнь, для которой рожден. У тебя хороший муж, Кэти.

– Но он же пьет.

– Пьет и будет пить, пока не умрет. Это так. Он пьет. Ты должна принять его таким со всеми вытекающими.

– Со всеми вытекающими? Ты имеешь в виду – принять, что он не работает, пропадает где-то по ночам, водит компанию с бездельниками?

– Ты же вышла за него. Значит, что-то в нем зацепило твое сердце. Помни об этом и забудь все остальное.

– Иногда я сама не понимаю, зачем вышла за него.

– Врешь! Все ты понимаешь. Ты вышла за него, потому что хотела спать с ним, но ты слишком набожна, чтобы делать это, не побывав прежде в церкви.

– Что ты говоришь! Если совсем честно, то я вышла за него, чтобы он не достался никому другому.

– Постель! Всегда все дело в постели. Если в постели хорошо, брак удался. Если плохо, брак не удался.

– Нет. Дело не только в постели.

– А в чем же еще? Хорошо, может быть, и не только, – согласилась Сисси. – Если все остальные дела идут тоже хорошо, тем лучше. Богатство еще никому не мешало.

– Ты не права. Для тебя, может, это и важно, но…

– Это для всех важно. Если бы все это понимали, не было бы неудачных браков.

– Да, признаюсь, мне нравилось, как он танцует, как поет свои песенки… как одевается…

– Ты говоришь то же самое, что и я, только своими словами.

«Разве можно переспорить такого человека, как Сисси, – размышляла Кэти. – На все в жизни у нее есть своя точка зрения. Может, ее точка зрения и правильная. Не знаю. Она моя сестра, но люди о ней разное толкуют. Она дурная женщина, и с этим ничего не поделаешь. После смерти ее душа будет скитаться в Чистилище целую вечность. Я часто говорю ей об этом, а она всегда отвечает, что зато будет скитаться в приятной компании. Если Сисси умрет раньше меня, я буду заказывать мессы за упокой ее души. Может, со временем ей удастся выбраться из Чистилища, потому что, хоть она и дурная женщина, нет человека лучше, чем она, это известно всем, кому посчастливилось знать ее. Бог обязательно должен принять это во внимание».

Неожиданно Кэти наклонилась и поцеловала сестру в щеку. Сисси удивилась, потому что не знала, о чем думает Кэти.

– Может, ты и права, Сисси, а может, нет. Про себя скажу так: если не считать пьянства, мне в Джонни все нравится, и я постараюсь быть доброй с ним. Буду смотреть сквозь пальцы…

Больше Кэти ничего не сказала. В глубине души она знала, что не относится к тем людям, которые умеют смотреть сквозь пальцы…

Фрэнси спала в корзине для белья, которую пристроили у кухонной плиты. Она проснулась, лежала, посасывая большой палец, и слушала разговор. Но ничего не поняла, ей было два года от роду.

12

Кэти стыдилась оставаться в том же доме после безобразия, которое учинил Джонни. Разумеется, у многих соседок мужья были ничем не лучше Джонни, но для Кэти это служило слабым утешением. Она хотела, чтобы Ноланы были *лучше*, а не как все. Конечно, вопрос денег тоже брался в расчет. Впрочем, тут и вопроса не было – потому что и денег особо не было, тем более теперь, после рождения второго ребенка. Кэти искала жилье, которое сдавалось бы без квартирной платы, за работу. Тогда, по крайней мере, у них всегда будет крыша над головой.

Она нашла такой дом, где квартиру предоставляли бесплатно, если она будет убираться в этом доме. Джонни божился, что не допустит, чтобы жена стала поломойкой. Кэти сказала ему в своей новой жесткой манере, что либо она пойдет в поломойки, либо они останутся без жилья, потому что деньги на квартплату с каждым месяцем выкраивать все труднее и труднее. Джонни наконец согласился, но заявил, что сам будет мыть полы, пока не найдет постоянную работу и они не переедут снова в нормальную квартиру.

Кэти собрала их небогатые пожитки: двуспальную кровать, детскую люльку, старую детскую коляску, плюшевый зеленый диван, ковер с розами, пару кружевных занавесок, горшки с геверей и геранью, позолоченную клетку с желтой канарейкой, альбом в бархатном переплете, кухонный стол, несколько стульев, ящик с тарелками, сковородками и кастрюлями, позолоченное распятие с основанием в виде музыкальной шкатулки, которая играла «Аве Мария», простое деревянное распятие, которое подарила ей мать, корзину для белья, заполненную одеждой, рулон

постельного белья, стопку листков с песенками Джонни и две книги – Библию и Полное собрание сочинений Шекспира.

Вещей набралось так мало, что ледовоз уместил их на свою телегу, а его кляча без труда перевезла их. Так с помощью ледовоза семейство Нолан вчетвером перебралось на новую квартиру.

Последнее, что Кэти сделала в старой квартире, которая после того, как из нее вынесли вещи, стала напоминать близорукого человека без очков, – она забрала консервную банку. В ней собралось три доллара восемьдесят центов. Но из них, с грустью подумала Кэти, придется доллар отдать ледовозу за труды.

Первое, что Кэти сделала в новой квартире, пока Джонни помогал ледовозу разгружать мебель, – прибила банку в чулане. Положила обратно в нее два доллара восемьдесят центов. Еще десять центов добавила из своей потертой сумочки, в которой нашлось несколько пенни. Эти десять центов она не собиралась отдавать ледовозу.

В Уильямсбурге существовал обычай угощать того, кто перевозит вещи, пинтой пива после того, как он закончит дело. Но Кэти рассудила так: «Мы его никогда не увидим снова. Да и доллар вполне достойная плата. Если подумать, сколько льда ему нужно продать, чтобы заработать доллар».

Когда Кэти вешала кружевные занавески, пришла Мария Ромли и окропила комнаты святой водой, чтобы изгнать демонов, которые могли затаиться в углах. Кто их знает? Может, раньше тут жили протестанты. Или какой-нибудь католик умер без последнего отпущения грехов. Святая вода очистит дом, чтобы он мог принять Господа, если на то будет Его воля.

Малышка Фрэнси радостно гулила, глядя, как бабушка трясет бутылочкой и в каплях отражается солнце и образует маленькую радугу на противоположной стене. Мария улыбалась вместе с ребенком и встряхивала бутылочку, заставляла радугу подпрыгивать.

– *Schoen! Schoen!*[13] – приговаривала она по-немецки.

– Шум, шум! – повторяла Фрэнси и всплескивала ручками.

Мария дала ей подержать бутылочку со святой водой, в которой осталась половина, а сама пошла помочь Кэти. Фрэнси огорчилась, потому что радуга исчезла. Она подумала: может, радуга спряталась в бутылку? Она вылила воду в надежде, вдруг радуга выскользнет из бутылки, но только замочилась. Кэти заметила, что девочка мокрая, и слегка отшлепала ее, приговаривая: «Ты уже большая, не писай в штанишки». Мария пояснила, что это святая вода.

– Ах ты ж, ребенок сам себя благословил и за это получил нагоняй.

Кэти рассмеялась. И Фрэнси засмеялась, потому что мама больше не сердилась. В младенческом смехе выставил три своих зуба Нили. Мария улыбнулась и сказала – это добрая примета, если начать жизнь в новом доме со смеха.

К ужину немного обустроились. Джонни присмотрел за детьми, пока Кэти сходила в бакалейную лавку и договорилась о кредите. Она сказала, что они только-только переехали в этот район, и попросила отпустить ей немного продуктов в долг до субботы, когда будет зарплата. Бакалейщик согласился. Он выдал ей пакет с продуктами и маленькую книжечку, в которую вписал сумму долга. Он велел брать с собой эту книжечку всякий раз, когда будет приходить. Благодаря этой нехитрой процедуре семейство Кэти было обеспечено едой до ближайшей зарплаты.

После ужина Кэти читала детям на сон грядущий. Она прочитала страницу из вступительной статьи к собранию сочинений Шекспира и страницу о сотворении мира из Библии. Дальше они пока не продвинулись. Ни дети, ни Кэти не понимали прочитанного. Чтение действовало на Кэти усыпляюще, но она мужественно одолела две страницы. Она заботливо подоткнула детям одеяла, а потом и сама легла вместе с Джонни. Было всего восемь часов, но все очень устали после переезда.

Ноланы заснули в новой квартире на Лоример-стрит, которая находилась хоть и в Уильямсбурге, но уже на границе с Гринпойнтом.

13

Лоример-стрит была куда респектабельней, чем Богарт-стрит. Тут обитали разносчики писем, пожарные и те владельцы лавок, которые могли позволить себе отдельное жилье, а не ютились в задних комнатах при магазине.

В квартире была ванная комната. Сама ванна представляла собой продолговатый деревянный ящик, изнутри обитый цинком. Когда ее наполнили, Фрэнси не могла надивиться. Это был самый большой водоем, который она видела в жизни. На ее детский взгляд – целый океан.

Ноланам нравилось новое жилище. Вместо квартирной платы Кэти с Джоном убирали подвал, чердак, крышу, коридоры и дорожки возле дома. Вентиляционной шахты не было. В каждой спальне по окну, а в кухне и гостиной по три. Первая осень была восхитительной. Солнце светило в окна с утра до вечера. А зимой не пришлось мерзнуть. Джонни часто

выходил на работу, пил не особо много, и у них оставались деньги на уголь.

С наступлением лета дети проводили почти весь день на крыльце. Других детей в доме не было, поэтому крыльцо никто не занимал. Фрэнси шел четвертый год, и она приглядывала за Нили, которому пошел третий. Долгими часами сидела она на ступеньке, обхватив тонкими руками тонкие ножки, прямые темные волосы шевелил ленивый ветер, он приносил запах соли с моря, с моря, которое было так близко и которого она никогда не видела. Фрэнси не сводила глаз с Нили, который ползал вверх-вниз по ступенькам. Сидела, покачиваясь взад-вперед, и размышляла о самых разных вещах: почему дует ветер, что такое трава, почему Нили – мальчик, а не девочка, как она.

Иногда Фрэнси и Нили сидели и не мигая глядели друг на друга. Глаза у них были одного разреза и посажены одинаково глубоко, только у него – прозрачные синие, а у нее – прозрачные серые. Между двумя детьми существовала прочная неразрывная связь. Нили говорил очень мало, а Фрэнси много. Иногда Фрэнси говорила без остановки, пока жизнерадостный малыш не засыпал, сидя на крыльце и откинув голову на железные перила.

Тем летом Фрэнси пристрастилась к шитью. Кэти купила ей лоскуток за пенни. Размером с дамский носовой платок, на нем нарисован ньюфаундленд с высунутым языком. Еще один пенни – и вот маленькая катушка красных ниток для вышивания, а пяльцы обошлись в два цента. Бабушка показала Фрэнси, как шить швом «вперед иголку». Девочка увлеклась. Прохожие женщины останавливались и охали от жалости и умиления при виде крошечной девочки – глубокая морщинка пролегала у нее на переносице справа, она стегала, водя иголкой вверх-вниз, ткань, натянутую на пяльцы, а Нили, повиснув на ее плече, с удивлением смотрел, как серебристая игла то исчезает, то волшебным образом вновь появляется. Сисси подарила ей подушечку в виде клубнички, чтобы чистить и втыкать иголку. Когда Нили начинал скучать, Фрэнси давала ему иголку, чтобы потыкал ею в клубничку. Если простегать сотню таких лоскутов, а потом сшить их между собой, получится покрывало. Фрэнси слышала, что некоторые женщины и вправду делают такие покрывала, и она загорелась этой целью. Но хоть она и работала не покладая рук все лето, к осени лоскуток был только наполовину готов. Покрывало отодвигалось в далекое будущее.

Снова наступила осень, за ней прошли зима, весна и лето. Фрэнси и Нили продолжали расти, Кэти работала все дольше, а Джонни все

меньше, зато пил с каждым временем года больше. Чтение двух книг продолжалось. Изредка Кэти пропускала его, если к вечеру совсем не оставалось сил, но чаще соблюдала это правило. Они читали «Юлия Цезаря», и ремарка «звучит тревога» смутила Кэти. Она подумала, что это как-то связано с пожарной машиной, и, когда дочитала до этих слов, крикнула: «Би-би!» Дети пришли в восторг.

В жестяной консервной банке подкапливались пенни. Однажды банку пришлось отодрать от пола и вытряхнуть два доллара, чтобы заплатить аптекарю, когда Кэти распорола колено о ржавый гвоздь. Двенадцать раз из банки с помощью ножа выуживали по никелю, чтобы Джонни купил билет на трамвай и доехал до работы. Но по заведенному правилу он обязан был из своих чаевых положить в банку десять центов. Так что банк не оставался в убытке.

В теплые дни Фрэнси играла одна на улице или на крыльце. Ей очень не хватало друзей, но как подружиться с девочками, она не знала. Дети сторонились ее, потому что она говорила очень уж чудно. Из-за ежевечерних чтений у нее появилась странная манера выражать свои мысли. Однажды, когда ровесница дразнила ее, Фрэнси ответила на оскорбления: «Ты не ведаешь, что говоришь. В твоих словах много шума и ярости, но мало смысла»[14].

В другой раз, пытаясь завести знакомство с девочкой, она сказала:

– Подожди здесь, я схожу к себе, обрету скакалку, и мы попрыгаем.

– Ты, что ли, возьмешь скакалку? – переспросила девочка.

– Нет, обрету. Ты вещи не берешь. Ты вещи обретаешь.

– Как это – обретаешь? – спросила девочка, которой было всего пять лет.

– Обретать. Как Ева обрела Каина.

– Ты, что ли, дурочка. Тетеньки ничего не обривают. Только дяденьки, чтобы не росла борода.

– Ева обрела Каина. И Авеля тоже обрела.

– Ничего она не обривала. Знаешь чего?

– Чего?

– Разговариваешь, как макаронники. Вот чего.

– Ничего не как макаронники! – крикнула Фрэнси. – Я разговариваю, как… как… Бог разговаривает.

– Да что ты болтаешь – тебя гром разразит за это!

– Нисколечко не разразит.

– У тебя не все дома, – девочка постучала Фрэнси по лбу.

– Все дома.

– Тогда почему ты говоришь такими словами?

– Мне мама читает такими словами.

– Тогда у твоей мамы не все дома, – уточнила девочка.

– Ну и пусть, зато моя мама не грязная мымра, как твоя, – Фрэнси не нашлась, что еще сказать.

Девочка слышала это много раз. У нее хватило смекалки не спорить.

– Да уж лучше грязная мымра, чем чокнутая. И лучше вообще без папы, чем с таким пьяницей, как у тебя.

– Мымра, мымра, мымра! – отчаянно кричала Фрэнси.

– Чокнутая, чокнутая, чокнутая! – кричала девочка.

– Мымра! Грязная мымра! – выкрикнула Фрэнси и расплакалась от бессилия.

Девочка убежала прочь, густые кудри подпрыгивали, освещенные солнцем. На бегу она распевала высоким звонким голосом: «Палка больно бьется, слово не дерется. Кто как обзывается, сам так называется. Кто меня обидит – больше не увидит, будет горько плакать».

И Фрэнси горько плакала, но не потому, что обидела эту девочку и боялась больше ее не увидеть, а потому, что никто не хотел с ней дружить. Более грубым детям Фрэнси казалась слишком вялой, а более воспитанным – слишком странной. Смутно Фрэнси догадывалась, что причина ее одиночества заключается не только в ней. Такое отношение как-то связано с тетей Сисси, которая часто приходила к ним, с ее обликом и с тем, как смотрели ей вслед соседские мужчины. И с папой, который не всегда ходил прямо и порой выписывал зигзаги по дороге домой. И с расспросами соседок, которые хотели что-нибудь разузнать про маму, папу и Сисси. Их притворно ласковые голоса не вводили Фрэнси в заблуждение. Она не нуждалась в маминых предупреждениях: «не разговаривай с соседями, если будут приставать».

И вот теплыми летними днями одинокий ребенок сидел на крыльце и притворялся, что ему нет дела до детей, которые играют на тротуаре. Фрэнси общалась с воображаемыми друзьями и убеждала себя, что они даже лучше, чем настоящие дети. И все же в сердце отдавалась острой печалью песенка, которую пели дети, когда водили хоровод.

Вальтер, Вальтер, великан,
Ты захлопнул свой капкан.
Раз, два, три, четыре, пять,
Всем придется умирать.
Кроме Лизы Вайнер.

Лиза, Лиза, ты красавица,
Перед нами покружись,
К нам спиною повернись,
Скажи, кто тебе нравится.

Все остановились и ждали, пока выбранная девочка, от души поломавшись, не прошептала имя мальчика, который ей нравится. Фрэнси задумалась: а какое имя назвала бы она, если бы чудом ее приняли в игру? Интересно, они бы рассмеялись, назови она Джонни Нолана?

Девочки вскрикнули, когда Лиззи прошептала имя. Все снова взялись за руки и стали водить хоровод, теперь величая мальчика.

Герми Бахмайер –
Просто красавец,
Вот он выходит
С розой в петлице
Навстречу девице
В платье из шелка,
Он хочет, он хочет
На ней пожениться.

Девочки остановились и весело захлопали в ладоши. Затем без всякой причины настроение изменилось. Девочки двигались по кругу медленно, с опущенными головами.

Мама, мама, грудь болит,
Позови мне доктора,
Пусть он поспешит.
Доктор, доктор, я умру?
Да, красавица, к утру.
Кто пойдет за гробом?
Вся семья и все друзья…

В разных дворах слова припевок могли меняться, но сюжет игры оставался неизменным. Никто не знал, кто придумал слова. Девочки выучивали их друг от друга, это была самая любимая игра в Бруклине.

В другие игры тоже играли. Например, девочки играли в камешки, сидя вдвоем на крыльце. Фрэнси играла в камешки сама с собой, за двоих. Она разговаривала с воображаемой партнершей. «Я буду собирать по трешечке, а ты по двушечке» – так говорила она.

Классики – игра, которую начинали мальчики, а потом подхватывали девочки. Двое-трое мальчиков клали жестянку на трамвайные рельсы, садились рядом и с видом знатоков наблюдали, как колеса трамвая расплющивают жестянку. После этого ее сгибали пополам и опять клали на рельсы. Еще раз расплющивали, еще раз сгибали и снова расплющивали. В результате получался плоский тяжелый кусочек металла – бита. На тротуаре рисовали квадраты – классы, пронумеровывали, и в игру вступали девочки, которые прыгали на одной ножке из квадрата в квадрат, подталкивая биту. Кто первым проходил все классы, тот выигрывал.

Фрэнси сама сделала биту. Положила жестянку на рельсы. Смотрела, прищурившись с видом знатока, как трамвай переезжает ее. Вздрогнула от радостного предвкушения, когда услышала скрежет. Интересно, подумала она, не рассердится ли водитель, если узнает, для чего она использует его трамвай. Она азартно прыгала, толкая биту, и мечтала, чтобы кто-нибудь присоединился к ней, потому что не сомневалась, что выиграет у любой девочки на свете.

Иногда на улицах звучала музыка. Чтобы наслаждаться музыкой, Фрэнси не требовалась компания. Раз в неделю появлялся оркестрик из трех музыкантов. Костюмы на них были обычные, а шляпы смешные – как у водителя трамвая, только с приплюснутой верхушкой. Едва заслышав крики детей: «Музыка идет!», Фрэнси выбегала на улицу, иногда и Нили тащила за собой.

Оркестр состоял из скрипки, барабана и корнета. Музыканты играли старые венские мелодии, может, и не очень хорошо, зато громко. Девочки танцевали друг с другом, описывая круги на тротуаре, под теплым солнцем. Всегда находилась пара мальчишек, которые дурачились, они передразнивали девочек и врезались в танцующих. Когда девочки сердились, мальчики преувеличенно вежливо сгибались в низком поклоне (рассчитывая задеть попой еще какую-нибудь вальсирующую пару) и цветисто извинялись.

Фрэнси мечтала оказаться среди тех смельчаков, которые не принимали участия в танцах, а стояли вплотную к корнетисту – он шумно дул в отростки трубы. Слюна при этом стекала внутрь трубы, и музыкант очень сердился. Окончательно выйдя из себя, он разражался проклятиями на немецком, что-то вроде «Черт подери этого проклятого жида, который

сделал эту проклятую штуку». Почти все бруклинские немцы имели обыкновение называть любого, кто им не по нраву, жидом.

Фрэнси завораживал ритуал сбора денег. После двух мелодий скрипач и корнетист продолжали играть вдвоем, а барабанщик со шляпой в руке обходил слушателей и собирал в нее монеты, не выражая никакой благодарности. Собрав дань с улицы, он вставал на поребрик и смотрел в окна дома. Женщины заворачивали два пенни в клочок газеты и бросали ему сверху. Газета играла большую роль. Монеты, брошенные без обертки, мальчишки считали общим достоянием, охотились за ними, перехватывали и убегали прочь по улице, а рассерженный музыкант гнался за ними. На пенни, завернутые в газету, мальчишки почему-то не покушались. Даже подобрав их с земли, отдавали музыкантам. Газета воспринималась как условный знак, который указывал, кому принадлежат деньги.

Если собранная сумма устраивала музыкантов, они исполняли еще одну мелодию. Если урожай был скудным, шли дальше в надежде на более щедрые поля. Фрэнси обычно тащила Нили за собой и сопровождала музыкантов по всему маршруту, обходила с ними все улицы, пока не стемнеет, и тогда музыканты расходились. Фрэнси была не одинока, за музыкантами следовала целая толпа детей, как в легенде про Гаммельнского крысолова. Многие девочки тянули на буксире младших братьев и сестер, кого в самодельных тележках, кого в раздолбанных колясках. Звуки музыки околдовывали детей, они забывали про дом и еду. Малыши в колясках плакали, писали в ползунки, засыпали, просыпались и снова плакали, снова писали и засыпали. А «Прекрасный голубой Дунай» все звучал и звучал.

Фрэнси думала, какая же прекрасная жизнь у музыкантов. Она строила планы на будущее. Нили подрастет, будет на улицах играть на хоп-хопе (так он называл аккордеон), а она станет бить в тамбурин, и люди будут кидать им монетки, они разбогатеют, и маме больше не придется работать.

Хоть Фрэнси и ходила за оркестром, но шарманщика любила больше. Время от времени приходил человек с маленькой шарманкой, на которой сидела обезьянка. На обезьянке была красная курточка с золотой каймой, под подбородком завязывалась красная шляпка в виде таблетки. В красных штанишках для удобства было проделано отверстие для хвоста. Фрэнси очень нравилась обезьянка. Фрэнси отдавала ей бесценную конфету, которая стоила пенни, просто ради удовольствия посмотреть, как обезьянка протягивает ей свою шляпу. Если мама была дома, она выходила и давала шарманщику пенни, который собиралась положить в жестяную банку, со строгим наказом не обижать обезьянку. А если обидит и она узнает, то

покажет ему. Итальянец-шарманщик не понимал ни слова из ее речи и отвечал всегда одинаково. Он снимал свою шляпу, смиренно кланялся, слегка согнув ногу, и горячо повторял: «Si, si».

Большая шарманка – другое дело. Ее появление напоминало *фиесту*. Шарманку тянул мужчина с черными кудрями и белоснежными зубами. Его наряд состоял из зеленых бархатных штанов, коричневой вельветовой куртки и красной косынки. В одном ухе висела серьга. Ему помогала женщина с кольцами в ушах, одетая в развевающуюся красную юбку и желтую блузку.

Музыка – мелодия из «Кармен» или из «Трубадура» – звучала пронзительно. Женщина трясла грязным обшитым ленточками тамбурином и иногда в такт музыке равнодушно постукивала по нему локтем. В конце номера она лениво кружилась, и под каскадом нижних юбок мелькали толстые ноги в грязных белых чулках.

Фрэнси не замечала ни грязных чулок, ни равнодушия. Она слышала музыку, видела яркие краски, ей эта живописная пара казалась волшебной. Кэти предупреждала дочь, чтобы не смела увязываться за большой шарманкой. Кэти говорила, что шарманщики, одетые так, сицилийцы. Всем известно, что сицилийцы входят в «Черную руку»[15], а «Черная рука» занимается тем, что крадет детей и потом требует выкуп. Они уводят ребенка, а потом пишут родителям записку «оставьте сто долларов на кладбище», и вместо подписи – изображение черной руки. Вот что мама рассказывала об этих шарманщиках.

После каждой встречи с шарманщиком Фрэнси много дней подряд играла в шарманщика. Она напевала отрывки из Верди, которые запомнила, и ударяла локтем о старую сковородку, как будто это тамбурин. Игра заканчивалась тем, что Фрэнси обводила свою ладонь на бумаге и закрашивала контур черным карандашом.

Иногда Фрэнси одолевали сомнения. Она не могла решить, что лучше – быть музыкантом из оркестра или шарманщицей. Вот если бы им с Нили удалось раздобыть маленькую шарманку и смышленую обезьянку. Целыми днями любуйся обезьянкой забесплатно, ходи по улицам, играй и смотри, как она протягивает шляпку. А люди дадут им много монет, и обезьянка будет есть вместе с ними и даже, может, спать вместе с Фрэнси в одной кровати. Эта жизнь казалась Фрэнси такой заманчивой, что она поделилась своими планами с мамой, но Кэти вылила на нее ушат холодной воды, сказала – не говори глупостей, у обезьянок блохи, и она не допустит обезьяну на чистые простыни.

Фрэнси немного потешилась мечтой стать подружкой шарманщика

с тамбурином. Но ведь тогда ей придется стать сицилийкой и красть маленьких детей, а этим заниматься она не хотела, хотя, конечно, рисовать черную руку очень здорово.

Музыка звучала всегда. Всегда в те стародавние времена на бруклинских улицах летом играли и пели, и, казалось бы, музыка должна наполнять жизнь радостью. Но какая-то печаль была в тех летних днях, печаль была в тех детях – фигурки тщедушные, как у старичков, а лица еще по-детски округлые, печаль была в том, как тоскливо, монотонно они пели, когда водили свои хороводы. Печально было и то, что эти дети, не старше четырех-пяти лет, повзрослели до срока и сами заботились о себе. Оркестр играл «Голубой Дунай» не только плохо, но и печально. У обезьянки под красной шляпкой прятались печальные глаза. Печаль пробивалась и в визгливой мелодии шарманщика сквозь ее подпрыгивающий ритм.

Даже от певцов, которые забредали на задний двор и пели:

Прими мою любовь, тогда
Ты будешь вечно молода,

от них тоже веяло тоской. Бродяги, голодные и безголосые, им не хватало таланта, чтобы петь. Им хватало наглости. Их, чтобы зайти во двор и надрывать легкие, стоя под окнами с кепкой в руке. Тоскливее всего было сознание того, что им при всей их наглости некуда податься в этом мире, они потерялись в нем, да и все люди в Бруклине казались потерянными, когда день клонился к концу, и хоть солнце светило все еще ярко, силы в нем оставалось мало, а его лучи не давали человеку тепла.

14

Жилось на Лоример-стрит славно, и Ноланы никогда бы не уехали оттуда, если бы не тетя Сисси со своим добрым, но непутевым сердцем. Тетина авантюра с трехколесным велосипедом, да еще история с воздушными шариками – они разрушили жизнь Ноланов и навлекли на них позор.

Однажды Сисси освободилась с работы пораньше и решила зайти к Ноланам присмотреть за Фрэнси и Нили, пока Кэти работает. За квартал до дома Ноланов ее ослепило сияние, которое излучал блестевший на солнце медный руль великолепного трехколесного велосипеда. Сейчас

такое транспортное средство днем с огнем не сыщешь. На широком кожаном сиденье со спинкой могли поместиться даже два ребенка, стальная рулевая ось соединялась с маленьким передним колесом. Сзади два колеса побольше. На руль насажена ручка из чистой меди. Педали располагались перед сиденьем, и ребенок сидел, удобно откинувшись на спинку, крутил педали и управлял рулем, который выступал над коленями.

Велосипед стоял возле крыльца без присмотра. Увидев его, Сисси ни секунды не раздумывала. Она взяла его, приволокла к дому Ноланов, усадила Фрэнси с Нили и стала их катать.

Фрэнси была в восторге! Они с Нили сидели на сиденье, а Сисси везла их по кварталу. От кожаного сиденья, нагретого солнцем, вкусно пахло роскошью. Горячие лучи играли на руле, и казалось, что он охвачен пламенем. Фрэнси подумала, что если прикоснуться к нему, то наверняка обожжешься. А потом началось такое…

К ним бежала толпа людей, во главе – взбешенная женщина и ревущий во всю глотку мальчик. Женщина набросилась на Сисси с воплем «Воровка!», схватила велосипед за руль и рванула к себе. Сисси не отпускала. Фрэнси чуть не упала. Дежурный полицейский спешил к ним.

– Что случилось? Что случилось? – приступил он к исполнению служебных обязанностей.

– Она воровка! – заявила женщина. – Она украла велосипед моего сына.

– Я не крала его, сержант, – ответила Сисси своим грудным волнующим голосом. – Он просто стоял себе и стоял, а я думаю – дай-ка возьму, детишек покатаю. Они ни разу не катались на таком шикарном велосипеде. А вы ведь знаете, что такое велосипед для ребенка. *Блаженство, сержант*, да и только.

Полицейский смотрел на онемевших детей, которые сидели на велосипеде. Фрэнси улыбалась ему, а сама дрожала от страха.

– Мы бы только кружок проехали по кварталу, и я бы тут же его обратно поставила. Клянусь вам, сержант!

Полицейский перевел взгляд на пышную грудь Сисси, которую отнюдь не скрадывала излюбленная ею манера туго затягивать талию корсетом. Он повернулся к взбешенной мамаше.

– Ну, зачем вы так жадничаете, мадам? – спросил он. – Пусть ребятишки сделают кружок-другой по кварталу. У вас от этого зуб не отвалится (только вместо слова «зуб» он употребил другое слово – к большой радости детей, которые сгрудились вокруг). Пусть покатаются, а потом уж я лично прослежу, чтобы вы получили свой велик в целости

и сохранности.

Он представлял закон. Что оставалось женщине делать? Полицейский протянул ревущему мальчику никель и велел закрыть рот. Толпу он разогнал в два счета – сказал, что вызовет фургон и отправит всех в участок, если сию секунду не разойдутся.

Толпа рассеялась. Полицейский, помахивая дубинкой, галантно сопровождал Сисси и ее подопечных в поездке по кварталу. Сисси смотрела на него задрав голову и улыбалась, глядя ему прямо в глаза. В результате полицейский засунул дубинку за пояс и настоял на том, что сам будет везти велосипед. Сисси шагала рядом, быстро переступая ногами в крошечных туфельках на высоких каблуках, и продолжала околдовывать его своим вибрирующим грудным голосом. Они трижды объехали вокруг квартала. Полицейский притворялся, что не замечает, как люди прижимают руку ко рту, чтобы скрыть смешок при виде стража закона за таким занятием. Он по-дружески беседовал с Сисси, в основном – о своей жене, она прекрасная женщина, однако очень, очень болеет, ну, вы меня понимаете.

Сисси сказала, что все понимает.

После истории с велосипедом пошли пересуды. Люди и без того судачили о том, что Джонни порой возвращается домой пьяным, а мужчины так и пялятся на Сисси. Теперь Сисси подлила масла в огонь. Кэти задумалась о переезде. Скоро здесь будет, как на Богарт-стрит, соседям слишком много известно про Ноланов. Пока Кэти раздумывала о том, чтобы подыскать другое жилье, произошло событие, которое заставило переехать немедленно. История, которая прогнала Ноланов с Лоример-стрит, была связана с самым грубым, вульгарным сексом. И в то же время она была совершенно невинной, если разобраться.

Однажды в субботу Кэти подвернулась случайная работа в Горлинге, большом уильямсбургском универмаге – приготовить кофе и сэндвичи для субботнего ужина, который хозяин давал девушкам вместо доплаты за переработку. Джонни сидел в штабе профсоюза, дожидаясь, пока работа найдет его. Сисси в тот день не работала. Зная, что дети останутся дома одни, она решила навестить их, чтобы не скучали.

Сисси постучалась и назвала себя. Фрэнси приоткрыла дверь, не снимая цепочки, убедилась, что это действительно тетя Сисси, и впустила ее. Дети карабкались на Сисси, обнимали ее. Они любили ее. Они видели в ней красавицу, которая всегда вкусно пахнет, носит прекрасные платья и дарит удивительные подарки.

На этот раз она принесла сигарную коробку из ароматного кедрового дерева, несколько листов папиросной бумаги, красной и белой, и бутылочку клея. Они уселись вокруг кухонного стола и стали украшать коробку. Сисси обводила двадцатипятицентовую монету, а Фрэнси вырезала кружки. Сисси показала ей, как из кружков делать розетки, обжимая вокруг кончика карандаша. Когда наделали много розеток, Сисси нарисовала на крышке коробки сердечко. Донышко каждой розетки смазывали клеем и прижимали к сердечку. Сердечко заполнилось красными розетками. Остальную часть крышки обклеили белыми розетками. Когда закончили, казалось, что крышка покрыта белыми гвоздиками с сердцем из красных гвоздик. Боковые стороны коробки оклеили белыми розетками, а внутренность – красной бумагой. Никто на свете не догадался бы, что это сигарная коробка, такая получилась красота. Почти весь день они потратили на это.

На пять часов у Сисси было назначено свидание, ее пригласили поесть чоп суи[16], и она собралась уходить. Фрэнси вцепилась в нее и умоляла остаться. Сисси не хотелось уходить, но и пропускать свидание не хотелось. Она стала рыться в сумочке в поисках какой-нибудь вещицы, чтобы развлечь и утешить детей. Они стояли рядом с ней на коленях и помогали искать. Фрэнси наткнулась на коробку сигарет и вынула ее. На ней была картинка: мужчина лежит на кушетке, скрестив ноги, одна нога свешивается. Он курит сигарету, дым завивается у него над головой большим кольцом. В этом кольце изображена девушка с волосами, ниспадающими на глаза, и грудью, выпадающей из декольте. На коробке надпись «Американская мечта». Продукция фабрики, на которой работала Сисси.

Дети отказались расставаться с коробкой. Сисси неохотно оставила ее, разъяснив, что в коробке сигареты, на нее можно только смотреть, а открывать нельзя ни в коем случае. Даже к замку нельзя прикасаться, так сказала тетя Сисси.

После ее ухода дети какое-то время любовались картинкой. Потом потрясли коробку. Послышался глухой шорох.

– Там змеи, а вовсе не сигареты, – пришел к выводу Нили.

– Нет. Червяки там. Живые, – поправила его Фрэнси.

Они заспорили. Фрэнси утверждала, что коробка маленькая, змеи в нее не поместятся, а Нили настаивал, что змеи могут свернуться колечками, как селедка в стеклянной банке. Любопытство выросло до таких размеров, что дети позабыли про наказы тети Сисси. Замок с легкостью открылся, едва на него нажали. Фрэнси подняла крышку. Содержимое было прикрыто листом тонкой фольги. Фрэнси осторожно приподняла фольгу. Нили уже

приготовился лезть под стол на случай, если змеи перейдут в нападение. Но в коробке не оказалось ни змей, ни червяков, ни сигарет, вообще ничего интересного. Фрэнси и Нили поиграли с этими предметами, но быстро потеряли к ним интерес. Немного надули их, кое-как привязали к веревке, вывесили веревку за окно и прижали конец, закрыв окно. Потом стали по очереди прыгать на пустой коробке и так увлеклись, что позабыли про веревку, которая болталась за окном.

Когда Джонни подходил к дому, чтобы надеть перед вечерней работой свежую манишку с воротничком, его ожидал большой сюрприз. Он бросил один-единственный взгляд на окно и сразу залился краской стыда. Когда Кэти вернулась, он все рассказал ей.

Кэти с пристрастием допросила Фрэнси, и тут выяснилось, в чем дело. В этот вечер сестры вынесли Сисси приговор. Уложив детей, Кэти сидела в темной кухне, и щеки у нее то вспыхивали румянцем стыда, то бледнели. Джонни был на работе, и работал он с тяжелым сердцем, словно наступил конец света.

Пришла Эви, и они с Кэти стали обсуждать Сисси.

– Это конец, Кэти, – говорила Эви. – Конец всему. Сисси может заниматься чем хочет, это ее личное дело, но только до тех пор, пока оно не превращается в этакое безобразие. У меня в семье подрастает девочка, у тебя тоже. Сисси больше не должна появляться у нас. Она дурная женщина, и с этим ничего не поделаешь.

– Но во многих отношениях она хорошая, – колебалась Кэти.

– И ты говоришь это после того, что она устроила сегодня?

– Ну… пожалуй, ты права. Только не говори маме. Она не знает, как Сисси себя ведет, а Сисси для нее свет в окошке.

Когда Джонни вернулся домой, Кэти сообщила ему, что Сисси больше никогда не переступит порог их дома. Джонни вздохнул и сказал, что, пожалуй, другого выхода нет. Джонни с Кэти проговорили всю ночь, и к утру был готов план переезда по окончании месяца.

Кэти нашла место уборщицы на Гранд-стрит в Уильямсбурге. Когда переезжали, она пересчитала деньги в консервной банке. Восемь долларов с небольшим, два ушли на перевозку, остальные вернулись в банку после того, как ее прибили на новом месте. Опять пришла Мария Ромли и окропила квартиру святой водой. Опять повторились хлопоты по обустройству и переговоры насчет кредита в соседних магазинах. Все жалели, что новая квартира не так хороша, как на Лоример-стрит. Теперь они жили на последнем, а не на первом этаже. Не было крыльца, которое

заменяло дворик. Не было и ванной, а туалет находился в коридоре, и его делили две семьи.

Одно радовало – можно распоряжаться крышей. По неписаному соглашению крыша принадлежала жильцам последнего этажа, а двор – жильцам первого этажа. Другое преимущество – выше никто не жил и, значит, не сотрясал потолок и из газовой лампы не сыпалась гарь.

Пока Кэти торговалась с грузчиками, Джонни повел Фрэнси на крышу. Ей открылся совершенно новый мир. Поблизости виднелся изящный пролет Уильямсбургского моста. На другом берегу Ист-Ривера росли небоскребы, напоминая сказочный город из серебристого картона. Дальше находился Бруклинский мост, как отражение ближнего, Уильямсбургского.

– Красиво, – сказала Фрэнси. – Так же красиво, как на картинках с природой.

– Я хожу по этому мосту иногда, когда иду на работу, – сказал Джонни.

Фрэнси посмотрела на него с изумлением. *Он* проходил по этому волшебному мосту и после этого совсем не изменился – говорит и выглядит как всегда? Она не могла этому поверить. Протянула ладонь и потрогала его. Наверняка такое необыкновенное событие – переход через волшебный мост – сделало его другим на ощупь. Фрэнси разочаровалась, потому что отцовская рука была такой, как обычно.

В ответ на прикосновение Джонни обнял дочь и улыбнулся ей:

– Сколько тебе лет, Примадонна?

– Шесть, седьмой.

– Значит, в сентябре ты пойдешь в школу.

– Нет. Мама сказала, нужно подождать, пока Нили подрастет, и через год мы пойдем вместе.

– Почему?

– Чтобы защищать друг друга, если будут нападать другие дети. А то поодиночке нас могут поколотить.

– Твоя мама, как всегда, все продумала.

Фрэнси повернулась и посмотрела на крыши домов. На соседней виднелась голубятня. В ней сидели голуби под замком. Хозяин голубятни, парень лет семнадцати, стоял на краю крыши с длинной бамбуковой палкой в руке. К верхушке палки была привязана тряпка, и парень делал ею круговые движения. Стая голубей описывала круги в воздухе. Одна из птиц покинула стаю и полетела за тряпкой. Парень осторожно положил палку на крышу, и глупый голубь опустился вслед за тряпкой. Парень схватил его и запер в голубятне. Фрэнси расстроилась.

– Мальчик украл чужого голубя.

– А завтра кто-нибудь украдет у него, – ответил Джонни.

– Мне голубя жалко, его разлучили с родными. Может, у него остались дети, – на глазах у Фрэнси выступили слезы.

– Не надо плакать, – заметил Джонни. – Может, голубь рад, что теперь свободен без родных. А если не понравится в новой голубятне, он вернется в старую, когда его выпустят полетать.

Фрэнси утешилась.

Потом они долго стояли молча. Стояли, держась за руки, на краю крыши и смотрели через реку на Нью-Йорк. Наконец Джонни произнес, будто обращаясь к самому себе:

– Семь лет.

– Что, папа?

– Мы с твоей мамой женаты семь лет.

– А я уже была, когда вы поженились?

– Нет.

– А когда Нили появился, я уже была.

– Да, была, – Джонни продолжал размышлять вслух. – Женаты семь лет, поменяли три квартиры. Это будет мой последний дом.

Фрэнси пропустила мимо ушей то, что он сказал «мой последний дом», а не «наш последний дом».

Книга третья

15

Новая квартира состояла из четырех комнат. Они располагались одна за другой, как вагоны поезда. Узкая кухня с высоким потолком выходила во двор, где мощеная дорожка окружала квадратный клочок твердой, как цемент, закисленной земли, на которой ничего не выживало.

Впрочем, во дворе росло одно дерево.

Когда Фрэнси впервые его увидела, оно доставало только до второго этажа. Из своего окна она смотрела на него сверху. Казалось, люди разного роста спасаются от дождя, прижавшись друг к другу и раскрыв над головой зонтики.

Во дворе был врыт столб, от которого к шести кухонным окнам тянулись шесть веревок, на них сушили белье. Соседские мальчишки зарабатывали на карманные расходы тем, что забирались на шест и накидывали упавшую на землю веревку обратно на шкив. Все думали, что те же мальчишки по ночам залезают на столб и скидывают веревки, чтобы обеспечить себе заработок на следующий день.

В солнечный ветреный день квадратные белые простыни, развешанные по веревкам, являли прекрасное зрелище и напоминали о парусниках из исторических книг про путешественников, а зеленые и желтые одежки на деревянных прищепках как будто оживали.

Столб возвышался напротив глухой кирпичной стены местной школы. Фрэнси обнаружила, что если приглядеться, то не найдешь двух одинаковых кирпичей. Было что-то успокаивающее в ровных рядах кирпичей, перемежающихся полосками белого известкового раствора. Когда на кирпичи падало солнце, они блестели. Если шел дождь, они намокали и от них исходил запах влажной глины, похожий на запах самой жизни. Зимой, когда выпадал первый недолговечный снег, который не залеживался на тротуаре, грубая поверхность кирпичей напоминала сказочное кружево.

Школьный двор граничил с двором Фрэнси, их разделял забор из железной сетки. Несколько раз Фрэнси довелось погулять во дворе (им завладел мальчик, который жил на первом этаже и, гуляя, никого не пускал во двор), но Фрэнси выходила в его отсутствие. Она смотрела на

ораву детей, которые топтались в школьном дворе во время перемены. Перемена заключалась в том, что несколько сотен детей загоняли сначала в маленький, вымощенный камнем двор, а потом обратно в школу. Места для игр во дворе не хватало. Дети озлобленно кружили в тесноте, их голоса сливались в один визгливый однообразный звук, который не затихал в течение пяти минут. Потом он обрывался резко, словно острым ножом отрезали: звенел звонок на урок. Топтание превращалось в толкотню. Дети с таким же остервенением рвались в школу, с каким незадолго до этого стремились во двор. Громкий визг сменялся приглушенным воем, когда они прокладывали путь обратно.

Однажды Фрэнси гуляла у себя во дворе, когда из школы вышла девочка, одна, и с важным видом похлопала друг о друга тряпками для вытирания с доски, чтобы выбить из них мел. Фрэнси наблюдала за ней сквозь сетку ограды и думала, что это самое заманчивое занятие на свете. Мама говорила ей, что такие поручения учителя дают только своим любимцам. Фрэнси знала, что любимцами называют кошек, собак, попугайчиков. Она дала себе слово, что, когда вырастет и пойдет в школу, будет мяукать, лаять и чирикать лучше всех, станет любимицей, и тогда ей поручат выбивать мел из тряпок.

В тот день Фрэнси смотрела на девочку глазами, полными восхищения. Девочка понимала, какое впечатление производит, и устроила целый спектакль. Она похлопала тряпками по кирпичной стене, по каменной дорожке и в довершение у себя за спиной. Потом обратилась к Фрэнси:

– Хошь глянуть на их из близи?

Фрэнси робко кивнула. Девочка поднесла губку вплотную к сетке. Фрэнси просунула палец, чтобы дотронуться до разноцветного, сложенного в несколько слоев войлока, пересыпанного белой, как пудра, меловой пылью. Она уже почти коснулась этой невероятной красоты, как девочка отдернула тряпку и плюнула Фрэнси в лицо. Фрэнси крепко зажмурилась, чтобы удержать горькие слезы обиды. Девочка с любопытством смотрела, ждала, когда же польются слезы. Не дождавшись, спросила насмешливо:

– Ты че не ревешь, тупица? Хошь, плюну еще раз?

Фрэнси развернулась и пошла в подвал, сидела там в темноте долго-долго, чтобы улеглись волны накатившей обиды. Это было первое разочарование из многих, которые ей пришлось пережить, пока она не научилась владеть своими чувствами. Тряпки для стирания с доски она с тех пор невзлюбила.

Кухня служила Ноланам и кухней, и столовой, и гостиной. Стена с двумя узкими длинными окнами. Напротив в углублении печь, которую топили углем. Над печью – ниша из кирпичей кораллового цвета, покрытых белой штукатуркой. Там каменная полка и шиферный пол, на котором Фрэнси рисовала мелком. Рядом с печью – бойлер, он нагревался, когда печь топили. В холодные дни Фрэнси часто приходила на кухню, обнимала бойлер и благодарно прижималась замерзшей щекой к его серебристому теплому боку.

За бойлером была двойная раковина из мыльного камня с деревянной крышкой. Перегородку можно было вынуть, и из пары раковин получалась ванна. Не очень хорошая. Иногда, сидя в ней, Фрэнси получала удар крышкой по голове. Дно было шершавое, и после ванны кожу у Фрэнси саднило. Большие неприятности доставляли четыре крана. Фрэнси изо всех сил старалась не забывать про них, но все равно каждый раз, выпрыгивая из мыльной пены, задевала их со всего размаху. Огромный синяк на спине не проходил.

За кухней следовали две спальни, одна за другой. В них была встроена вентиляционная шахта размером с гроб. Окна маленькие и тускло-серые. Открыть их удалось бы разве что с помощью молотка и отвертки. Но и трудиться не стоило – наградой стала бы небольшая струйка холодного сырого воздуха. Сверху на вентиляционной шахте располагалось маленькое окошко под скошенным козырьком. Мутное потрескавшееся стекло закрывала железная сетка с покоробленными железными планками по бокам. Через это сооружение должны были поступать свет и воздух. Но свет не мог пробиться через толстое стекло, многолетнюю грязь и железную сетку. Боковые отверстия были забиты пылью, сажей и паутиной. Воздух в комнаты тоже не попадал, зато дождь и снег залетали нередко. В непогоду деревянное днище шахты намокало и распространяло могильный запах.

Вентиляционная шахта – ужасное изобретение. Даже при плотно закрытых окнах она служила отличным проводником звуков и позволяла быть в курсе всех соседских дел. Где-то в глубине скреблись крысы. И еще – вечная угроза пожара. Достаточно, если подвыпивший водитель грузовика по рассеянности бросит спичку в окно шахты, а не в окно, выходящее во двор, и дом вспыхнет в одно мгновение. Самые разные вещи скопились на дне шахты. Поскольку человеку в нее не проникнуть (окошко слишком маленькое), она превратилась в огнеопасное хранилище хлама, от которого люди хотели избавиться. Ржавые лезвия бритв и окровавленное тряпье – самое безобидное из всего. Однажды Фрэнси заглянула внутрь

шахты. Ей вспомнился рассказ священника про чистилище, и она подумала, что, наверное, оно похоже на дно шахты, только побольше. После этого Фрэнси проходила в гостиную с закрытыми глазами и дрожала.

Гостиная или передняя комната называлась «зала». Два высоких узких окна выходили на шумную улицу. Но третий этаж был так высоко над землей, что до него уличный шум долетал в виде негромкого приятного гула. Эта комната служила парадным помещением. В нее вела отдельная дверь из коридора. Гости могли попасть в нее напрямую, не проходя через спальни и кухню. Высокие стены были оклеены мрачными коричневыми обоями с золотыми полосками. На окнах висели жалюзи из деревянных планок, которые складывались в узкие прямоугольники по обе стороны. Фрэнси провела много счастливых часов, растягивая их и глядя, как они сжимаются снова от прикосновения ее руки. Это чудо никогда не надоедало: завеса, которая может заслонить от света и воздуха, так покорно подчиняется ей.

Низкая печь была встроена в камин черного мрамора. Виднелась только передняя часть печи, которая напоминала половину огромной дыни с выемкой посередине. Она была закрыта тонкими слюдяными пластинками, вставленными в металлические рамки. Ноланы позволяли себе роскошь топить печь в гостиной только раз в году – на Рождество, и тогда все слюдяные окошечки светились изнутри, и Фрэнси блаженствовала, сидя перед ними. Она грелась и любовалась тем, как окошечки меняют цвет с розовато-красного на янтарный по мере того, как вечер подходит к концу. И когда входила Кэти и включала газовую лампу, отчего тени разбегались, а окошечки бледнели, казалось, будто она совершает святотатство.

Самой чудесной вещью в комнате было пианино. Такое чудо и вымолить невозможно, хоть всю жизнь о нем проси. Однако вот же, оно стояло в гостиной Нолановв, настоящее чудо, которое случилось нежданно без всяких молитв. Пианино осталось от прежних жильцов, у которых не нашлось денег на его перевозку.

Перевозка фортепьяно в те годы была серьезным мероприятием. По узким крутым лестницам ни одно фортепьяно спустить было нельзя. Его обматывали тряпками, обвязывали веревками и вытаскивали через окно с помощью огромного ворота, установленного на крыше, и вся процедура сопровождалась криками, а бригадир грузчиков размахивал шляпой и руками, подавая команды. Улицу перегораживали, полицейский отгонял зевак, а дети, которые возвращались из школы домой, делали крюк, если

кто-то перевозил пианино. В момент, когда закутанный монстр выползал из окна и покачивался в воздухе перед тем, как начать опускаться, у всех захватывало дух. Спуск на землю происходил под аккомпанемент детских возгласов.

За эту работу брали пятнадцать долларов, в три раза больше, чем за перевозку всех остальных вещей, вместе взятых. Поэтому хозяйка пианино попросила у Кэти разрешения оставить пианино под ее присмотром. Кэти с радостью согласилась. Женщина, жалобно глядя на Кэти, сказала, что пианино нужно оберегать от влаги и холода, а зимой лучше оставлять дверь спален открытой, чтобы тепло из кухни защищало инструмент от коробления.

– Вы умеете играть? – спросила у нее Кэти.

– Нет, – печально ответила женщина. – Если бы я умела! Никто у нас в семье не играет.

– Зачем же вы его купили?

– Оно из богатого дома. Владельцы продавали задешево. Мне ужасно захотелось. Нет, играть я не умею. Но оно такое красивое… Оно украшает всю комнату.

Кэти дала слово, что будет заботиться о пианино, пока хозяйка не накопит денег, чтобы забрать его. Но дело обернулось так, что женщина не вернулась и прекрасное пианино обосновалось у Ноланов навсегда.

Маленькое, черного цвета, полированное, оно слегка мерцало. Спереди был выложен из дерева красивый узор, за которым виднелся шелк цвета увядшей розы. Крышка не откидывалась вверх, а приоткрывалась, как створка чудесной, темной, полированной раковины. С двух сторон – подсвечники. Можно вставить в них белые свечи, которые отбрасывают задумчивые тени на клавиши цвета слоновой кости, и играть при свечах. А клавиши отражались в черной крышке.

Когда Ноланы осматривали квартиру после покупки и вошли в гостиную, Фрэнси заметила только фортепьяно. Она попыталась его обнять, но ей не хватило рук. Пришлось обнять круглый табурет, обитый шелком цвета увядшей розы, и этим удовольствоваться.

Кэти смотрела на пианино счастливыми глазами. По дороге она заметила в окне этажом ниже белую табличку «Даю уроки музыки». У нее возникла идея.

Джонни сел на волшебный стульчик, который крутился вокруг своей оси, и его можно делать выше или ниже в зависимости от твоего роста, и заиграл. Конечно, играть он не умел. Ноты читать не мог, но знал несколько аккордов. Он пел и время от времени брал тот или иной аккорд,

и со стороны казалось, что он аккомпанирует себе, поет под музыку. Он взял минорный аккорд, посмотрел в глаза дочери и улыбнулся грустноватой улыбкой. Фрэнси улыбнулась в ответ, ее сердце замерло от предчувствия. Он снова взял минорный аккорд, удержал подольше. Вторя его нежному эху, он чисто запел приятным голосом, добавляя кое-где новые аккорды:

То красавица Энни Лори
Поклялась мне в вечной любви…[17]

Фрэнси отвела глаза в сторону, она не хотела, чтобы папа заметил ее слезы. Боялась – вдруг он спросит, почему она плачет, и ей нечего будет ответить. Она любила его и любила пианино. Она не смогла бы объяснить, в чем причина этих внезапных слез.

Кэти заговорила. В ее голосе была та забытая глубокая нежность, которой Джонни так не хватало в последнее время.

– Это ирландская песня, Джонни?

– Шотландская.

– Ты вроде бы не пел ее раньше.

– Да, не пел. Знаю ее, но не пою. На этих сборищах, где я работаю, ее никто слушать не станет. Там другое подавай, например: «Позвони мне дождливым вечером». И то пока не напьются. Тогда уж ничего, кроме «Красотки Аделины», не пройдет.

Ноланы быстро обустроились на новом месте. Знакомая мебель казалась непривычной. Фрэнси села на стул и удивилась тому, что он совсем не изменился, такой же, как на Лоример-стрит. Значит, *она* изменилась. Почему же стул не мог измениться?

Гостиная стала нарядной после того, как мама с папой обставили ее. На пол положили ярко-зеленый ковер с большими розовыми розами. На окна повесили тюлевые занавески кремового цвета, в центр поставили стол с мраморной столешницей, диван и два кресла из зеленого плюша. На бамбуковой этажерке в углу красовались фотографии сестер Ромли в детстве: они лежали на животиках на меховом ковре, старые тетушки с терпеливым выражением на лицах стояли по краям, в центре на стульях сидели их мужья с большими усами. На маленьких полочках стояли сувенирные чашечки. Розово-голубые, с красными розочками сорта «американская красавица». На чашечках золотыми буквами было написано «Помни меня» и «Дружба навек». Крошечные чашки с блюдцами остались

Кэти на память от подруги детства, и Фрэнси запрещалось брать их, когда она играла «в домик».

На нижней полке лежала изогнутая и белая, как кость, ракушка с нежно-розовой внутренностью. Дети очень любили ее и дали ласковое имя: Тутси. Когда Фрэнси прижимала Тутси к уху, она шептала голосом моря. Иногда, чтобы повеселить детей, Джонни тоже прикладывал ее к уху, потом театральным жестом вытягивал руку, растроганно смотрел на раковину и пел:

Нашел ракушку я у моря
И к уху приложил.
И песню моря я услышал,
И с этой песней жил.

В первый раз Фрэнси увидела море позже, когда Джонни повез их в Канарси. Море запомнилось только тем, что его шепот ничем не отличался от шепота славной малышки Тутси, домика неведомого моллюска.

16

Окрестные магазины играют важную роль в жизни городского ребенка. Тут он находит пищу и для тела, и для души, она поддерживает его мечты о недостижимом, которое только снится. Тут он встречает красоту, к которой так стремится.

Больше всего Фрэнси любила ломбард – не из-за несметных сокровищ, разложенных в витринах, и не из-за таинственных, закутанных в шали женщин, скользивших туда-сюда, а из-за трех больших золотых шаров, которые свешивались с потолка, блестели и покачивались, как тяжелые золотые яблоки.

По одну сторону от ломбарда находилась булочная, где продавали вкуснейшую русскую шарлотку с красными засахаренными вишенками на кремовой верхушке. Конечно, купить ее могли только богатые.

По другую сторону находился магазин стройматериалов Голлендера. Перед входом стояла консоль, с которой свисала тарелка, по всей ее поверхности тянулась выразительно замазанная цементом трещина, а через просверленное внизу отверстие была пропущена цепь с подвешенным

камнем. Все эта конструкция предназначалась для того, чтобы демонстрировать прочность цемента «Мейджор». Некоторые говорили, что тарелка сделана из железа и раскрашена под треснувший фарфор. Но Фрэнси предпочитала верить в то, что тарелка по правде треснула, а потом ее крепко-накрепко скрепил чудесный цемент.

Самый интересный магазин размещался в хибарке, которая осталась с тех времен, когда индейцы разбойничали в Уильямсбурге. Среди многоквартирных домов хибарка с крошечными окошками, деревянными стенами и покатой крышей смотрелась диковиной. В магазине был эркер, в котором за столом сидел важный мужчина и скручивал сигары – длинные, тонкие, темно-коричневые, которые продавались по четыре штуки за никель. Он очень тщательно выбирал наружный лист из груды табака, ловко наполнял его коричневой табачной смесью и изящно скручивал так, что получались тугие тонкие трубочки с квадратными кончиками. Мастер старой выучки, он отвергал прогресс. Он не использовал в магазине газовое освещение. Иной раз, если темнело рано, а у него оставалось много работы, он зажигал свечи. Снаружи в опасной близости от деревянного домика стоял деревянный индеец, в одной руке держал томагавк, в другой – сигару. На ногах – римские сандалии со шнуровкой до колен. Короткая юбка из перьев и воинственный головной убор имели яркую красно-сине-желтую раскраску. Хозяин магазина красил индейца четыре раза в год, а в дождь заносил внутрь. Соседские дети прозвали индейца «тетушка Мэйми».

К своим любимым магазинам Фрэнси причисляла и тот, в котором продавали чай, кофе и специи. В этом восхитительном месте стояли лакированные банки и щекотали нос необычные, волнующие, экзотические запахи. На дюжине алых банок с кофе были написаны черной китайской тушью манящие слова: Бразилия! Аргентина! Турция! Ява! Купаж! Чай хранился в баночках поменьше – чудесные банки с откидными крышками. На них надписи: Улун! Формоза! Оранж Пекоа! Блэк Чайна! Цветущий миндаль! Жасмин! Ирландский чай! Специи лежали в миниатюрных коробочках за прилавком. Их названия тянулись вереницей вдоль полок: корица – гвоздика – имбирь – смесь перцев – мускатный орех – черный перец горошком – шалфей – тимьян – майоран. Перец после покупки мололи тут же в крошечной мельнице.

Была там и ручная мельница для кофе. Кофейные зерна засыпали в блестящую медную воронку и двумя руками приводили в движение большое колесо. Молотый кофе высыпался в алую коробку, которая сзади имела форму ковша.

(Ноланы мололи свой кофе дома. Фрэнси любила смотреть, как мама сидит на кухне, бережно зажимая кофемолку между колен. Левой рукой она яростно крутила рукоятку, сама смотрела вверх на папу и разговаривала с ним, а кухня наполнялась густым аппетитным ароматом свежемолотого кофе.)

У торговца чаем были восхитительные весы: две сияющие медные тарелки, от ежедневного употребления за четверть века они отполировались так, что стали тонкие, хрупкие и напоминали потертое золото. Когда Фрэнси покупала фунт кофе или унцию перца, она наблюдала, как продавец ставит на одну чашу весов отполированную серебристую гирьку, на которой указан вес, а на другую чашу аккуратно насыпает серебристым совочком ароматное вещество. Фрэнси, затаив дыхание, смотрела, как совочек подсыпает или убирает несколько зерен. И наступало волшебное мгновение, когда обе чаши весов приходили в равновесие и замирали в полном покое. Казалось, ничего неправильного не может произойти в мире, где существует такое идеальное равновесие.

Ореолом тайны для Фрэнси была окутана китайская прачечная с одним-единственным окном. Ее держал китаец с косичкой, обмотанной вокруг головы. Это чтобы вернуться в Китай, если захочет, объяснила мама. Если он отрежет косичку, его не пустят обратно. Китаец ходил по магазину вперед-назад, бесшумно ступая ногами в фетровых шлепанцах, и терпеливо выслушивал указания посетительниц насчет рубашек. Когда Фрэнси разговаривала с ним, он складывал на груди руки в широких рукавах нанковой сорочки навыпуск и устремлял взгляд в пол. Она думала, что он очень умный, рассудительный и внимает ей всем сердцем. На самом же деле он ничего не понимал, потому что плохо знал английский. Его ухо улавливало всего два слова: «пятно» и «рубашка».

Когда Фрэнси приносила ему заляпанную отцовскую рубашку, он быстро убирал ее под прилавок, доставал квадратик бумаги с загадочными значками, окунал тонкую кисточку в бутылочку с тушью, чертил несколько линий и протягивал Фрэнси этот волшебный документ взамен обычной грязной сорочки. Этот обмен казался Фрэнси необыкновенно выигрышным.

Внутри лавки стоял чистый, теплый, очень легкий запах, примерно так пахнут лишенные запаха цветы в теплом помещении. Загадкой оставалось, когда китаец занимается стиркой – возможно, глубокой ночью, потому что каждый день с семи утра до десяти вечера он стоял за чистой железной доской и водил тяжелым утюгом туда-сюда. Внутри утюга пряталась маленькая газовая горелка, которая поддерживала температуру. Фрэнси

этого не знала. Она полагала, что перед ней еще одна загадка этого народа – китайцы умеют гладить утюгом, который никогда не нагревают на плите. У нее было смутное предположение, что тепло выделяет какое-то вещество, которым китаец обрабатывает рубашки и воротнички вместо крахмала.

Когда Фрэнси приходила забрать рубашку и клала квитанцию и деньги на прилавок, китаец протягивал ей сложенную рубашку и два плода личи. Фрэнси любила эти фрукты. Скорлупка легко ломается, а под ней мягкая сладкая мякоть. В мякоти прячется твердая косточка, которую никому из детей не удавалось расколоть. Говорили, что внутри этой косточки прячется еще одна косточка поменьше, а в той – еще одна, и так без конца. Говорили, что потом косточки становятся такие маленькие, что разглядеть их можно только через увеличительное стекло, а потом и того меньше, так что их вообще не разглядишь, но они все равно там есть и никогда не кончаются. Так Фрэнси впервые столкнулась с понятием бесконечности.

Больше всего Фрэнси любила, когда китаец давал сдачу. Он вынимал маленькую деревянную рамку, в которую были вставлены тонкие прутики, а на них синие, красные, желтые и зеленые шарики. Он передвигал шарики, быстро прикидывал что-то в уме, сдвигал шарики на место и провозглашал: «тлицать девять цент». Маленькие шарики подсказывали ему, сколько денег взять, а сколько вернуть.

Ах, как хорошо быть китайцем, думала Фрэнси, и считать на такой чудесной игрушке, и есть вкусные личи, и еще знать тайну утюга, который всегда остается горячим без нагревания на плите. Ах, и еще рисовать эти значки тонкой кисточкой, быстрыми движениями, и ставить в конце черный росчерк, легкий, как крылья бабочки! Это была восточная сказка в Бруклине.

17

Уроки музыки! Волшебные слова! Как только Ноланы устроились на новом месте, Кэти зашла по объявлению об уроках музыки, которое заприметила при переезде. Ее встретили две сестры, их звали мисс Тинмор. Мисс Лиззи Тинмор учила играть на фортепьяно, а мисс Мэгги Тинмор ставила голос. Цена двадцать пять центов за урок. Кэти предложила сделку. Она будет делать Тинморам часовую уборку в обмен на еженедельный урок. Мисс Лиззи возразила, что ее время стоит дороже, чем время Кэти. Кэти ответила, что время есть время. Ей удалось убедить мисс Лиззи в том, что время есть время, и договоренность была достигнута.

Наступил исторический день, когда состоялся первый урок. Фрэнси и Нили получили строгий наказ сидеть во время урока в гостиной, смотреть во все глаза и слушать во все уши. Для педагога приготовили стул. Дети сели рядышком напротив, Кэти, волнуясь, несколько раз переставляла стулья, и вот они уселись в ожидании.

Мисс Тинмор пришла ровно в пять. Хоть ей требовалось всего лишь подняться по лестнице, одета она была по полной форме. Пальто. Лицо прикрывала плотная вуаль. Шляпку украшало красное птичье крыло, безжалостно приколотое двумя булавками. Фрэнси уставилась на эту жестокую шляпку. Мама увела ее в спальню и прошептала, что крыло на самом деле не крыло, а просто несколько перьев, склеенных вместе, и не надо так таращить глаза. Фрэнси поверила маме, но все равно это изуверское украшение притягивало ее взгляд как магнитом.

Мисс Тинмор принесла с собой все, кроме разве что фортепьяно. Достала никелевый будильник и метроном на батарейке. Будильник показывал пять часов. Она завела его на шесть и поставила на пианино. Отсчет ее бесценного времени начался – она сочла, что вправе потратить его часть на свои приготовления. Сняла жемчужно-серые, плотно облегающие перчатки, подула на каждый палец, разгладила перчатки, свернула и положила на фортепьяно. Потом приподняла вуаль и откинула ее назад на шляпку. Размяла пальцы, посмотрела на будильник, осталась довольна количеством потраченных минут, включила метроном, села на свое место, и урок начался.

Фрэнси была зачарована метрономом; она почти не слышала, что мисс Тинмор говорит, и не следила за тем, как она кладет мамины руки на клавиатуру. Под мерный усыпляющий стук метронома она унеслась далеко в своих грезах. Что касается Нили, то он смотрел круглыми синими глазами, как колеблется тонкий серебристый прутик, пока не впал в гипнотическое состояние. Рот открылся, белокурая голова свесилась на плечо. Когда он глубоко вздохнул, изо рта выскочил пузырь. Кэти не решалась его разбудить, а то вдруг мисс Тинмор догадается, что учит троих по цене одного.

Метроном задумчиво щелкал, будильник ворчливо тикал. Мисс Тинмор, словно не доверяя метрономе, громко считала: *один*, два, три, *один*, два, три. Натруженные пальцы Кэти упорно одолевали первую в ее жизни гамму. Время шло, в комнате темнело. Вдруг отчаянно затрезвонил будильник. У Фрэнси сердце подпрыгнуло в груди, а Нили свалился со стула. Первый урок закончился. Запинаясь, Кэти рассыпалась в благодарностях:

– Даже если бы второй урок не состоялся, я смогла бы двигаться дальше благодаря тому, что вы показали мне сегодня. Вы прекрасный учитель.

Мисс Тинмор осталась явно довольна этой лестью, но все равно решила внести ясность в ситуацию. Она сказала Кэти:

– Я не буду брать дополнительную плату за детей. Но не воображайте, будто вы одурачили меня.

Кэти покраснела, а дети потупились от стыда, что их вывели на чистую воду.

– Я разрешаю детям присутствовать на уроках.

Кэти поблагодарила. Мисс Тинмор встала и чего-то ждала. Кэти подтвердила, что придет убираться к мисс Тинмор в назначенное время. Та все равно не уходила. Кэти сообразила, что от нее чего-то ждут, но не понимала, чего. Наконец она спросила:

– Простите?

Мисс Тинмор порозовела, как ракушка, и гордо произнесла:

– Обычно леди … которым я даю уроки … они предлагают мне чашку чаю после занятия, – она прижала руку к сердцу и туманно пояснила: – Леди из другого подъезда.

– Может быть, выпьете кофе? – спросила Кэти. – У нас нет чая.

– Охотно! – мисс Тинмор снова села, обрадованная.

Кэти бросилась на кухню и подогрела кофейник, который всегда стоял на плите. Пока он разогревался, она поставила на круглый оловянный поднос сахарницу и положила ложку.

Тем временем Нили заснул на диване. Мисс Тинмор и Фрэнси сидели, глядя друг на друга. Наконец мисс Тинмор спросила:

– О чем ты думаешь, девочка?

– Просто думаю, – ответила Фрэнси.

– Иногда я вижу, как ты часами сидишь на поребрике. О чем ты тогда думаешь?

– Ни о чем. Просто сочиняю истории.

Мисс Тинмор со строгим видом нацелила в нее свой палец.

– Девочка, ты станешь писательницей, когда вырастешь.

Это прозвучало как приказ, а не как предположение.

– Да, мэм, – согласилась Фрэнси из вежливости.

Вошла Кэти с подносом в руках.

– Может, кофе не такого качества, как вы привыкли, – извинилась она. – Но другого у нас в доме нет.

– Очень хороший кофе, – церемонно сказала мисс Тинмор. Она

с трудом удержалась, чтобы не опустошить чашку залпом.

Сказать правду, сестры Тинмор питались чаем, которым их угощали ученицы. Несколько уроков по четверть доллара за урок – особо на эти деньги не разгуляешься. После оплаты квартиры почти ничего не оставалось на еду. Ученицы предлагали бледный чай и крекеры. Они знали правила приличия и готовы были ради них пожертвовать чашкой чая, но не собирались кормить преподавательницу обедом после того, как заплатили ей четверть доллара. Поэтому мисс Тинмор с нетерпением ждала урока у Ноланов. Кофе бодрил ее, а булочка или бутерброд с колбасой, которые всегда прилагались к нему, поддерживали силы.

После каждого урока Кэти показывала детям все, чему научилась сама. Она заставляла их заниматься полчаса каждый день. Со временем все трое освоили игру на пианино.

Когда Джонни узнал, что Мэгги Тинмор дает уроки вокала, то решил не отставать от Кэти. Он предложил сестрам Тинмор починить фрамугу на окне в обмен на два урока пения для Фрэнси. Джонни, который в глаза не видел оконных механизмов, взял молоток и отвертку и вынул всю раму целиком. Он экспериментировал и так, и сяк, но безрезультатно. Желания у Джонни было хоть отбавляй, а умения ни капли. Пока он возился с фрамугой, в комнату врывался холодный зимний дождь. Пытаясь вставить раму обратно, Джонни разбил стекло. Это был сокрушительный провал. Сестрам Тинмор пришлось вызывать настоящего стекольщика, чтобы починить окно, а Кэти – два раза убираться у сестер бесплатно, чтобы возместить им затраты, и уроки пения закончились, не начавшись.

18

Фрэнси с нетерпением ждала того дня, когда пойдет в школу. Ей хотелось всех тех вещей, которые появляются в жизни вместе со школой. Одинокий ребенок, она горячо стремилась к обществу детей. Ей хотелось пить из фонтанчика во дворе школы. Она думала, что из него льется не обычная вода, а газированная. Она слышала, как мама с папой иногда вспоминают школу. Она мечтала увидеть карту мира, которая опускается как занавес. Но сильнее всего она мечтала о «школьных принадлежностях»: тетрадка и блокнот, пенал с выдвижной крышкой и новыми карандашами, ластик, маленькая точилка для карандашей в виде пушечки, перочистка и двенадцатисантиметровая желтая линейка из

мягкого дерева.

Перед школой полагалось делать прививку. Этого требовал закон. Как все боялись прививки! И хоть медицинское начальство объясняло бедным и неграмотным людям, что вакцинация означает введение вируса в безвредно малом количестве, чтобы выработался иммунитет против смертельной формы болезни, все равно родители не верили. Из всех мудреных объяснений у них в голове оставалось одно – здоровому ребенку занесут заразу. Некоторые родители, приехавшие из других стран, не давали согласия на вакцинацию своих детей. Тогда детей не принимали в школу. Родителям грозило наказание за «воспрепятствование обучению ребенка». Тут свободная страна или как? – спрашивали родители. Вроде же принято считать, что свободная. Какая же это свобода, рассуждали люди, если закон заставляет отдавать детей в школу, да еще перед этим причинять вред их здоровью? Рыдающие матери приводили хнычущих детей в здравпункт на прививку. Матери вели себя так, словно отдают невинных на заклание. Дети отчаянно визжали при виде иглы, а их матери в коридоре накрывали голову платком и причитали, как по покойнику.

Фрэнси было семь лет, а Нили шесть. Кэти продержала Фрэнси лишний год дома, чтобы дети пошли в школу вместе и защищали друг друга от нападок старших. В августе, в один ужасный субботний день, Кэти перед работой зашла в спальню, чтобы поговорить с детьми. Она разбудила их и распорядилась:

– Слушайте меня. Когда встанете, хорошенько умойтесь. В одиннадцать часов ступайте в здравпункт, он за углом. Там попросите, чтобы вам сделали прививку, потому что в сентябре вам в школу.

Фрэнси задрожала мелкой дрожью. Нили разразился слезами.

– Ты не пойдешь с нами, мама? – взмолилась Фрэнси.

– Мне нужно на работу. Кто же за меня будет работать, если я пойду с вами? – возразила Кэти, пряча угрызения совести под возмущенным тоном.

Фрэнси промолчала. Кэти понимала, что бросает детей в трудную минуту. Но иначе никак, просто никак. Конечно, она могла бы пойти вместе с ними, чтобы поддержать, но она боялась. Все равно прививку сделать необходимо. Если она пойдет с ними, ее присутствие не избавит их от прививки. Так почему бы не пощадить хотя бы одного человека из троих? Кроме того, мир полон трудностей и боли, успокаивала Кэти свою совесть. Детям предстоит в нем жить. Пусть закаляются с малых лет, чтобы могли постоять за себя.

– Тогда, может, папа пойдет с нами, – с надеждой сказала Фрэнси.

– Папа в штаб-квартире ждет работы. Его не будет дома весь день. Вы уже большие, справитесь сами. К тому же это совсем не больно.

Плач Нили стал еще громче. Кэти дрогнула. Она очень любила сына. Она решила не ходить с детьми еще и потому, что не хотела видеть, как мальчику причинят боль – пусть даже уколом шприца. Кэти чуть было не сдалась. Но нет. Если она пойдет, уборку придется перенести на воскресное утро. А ей будет плохо после того, как она сходит на прививку. Как-нибудь обойдутся без нее. Кэти поспешила на работу.

Фрэнси старалась утихомирить перепуганного Нили. Кто-то из мальчиков постарше сказал ему, что в здравпункте могут руку вообще отрезать. Чтобы отвлечь его от этой мысли, Фрэнси вывела брата во двор, они стали лепить пирожки из грязи и перепачкали руки до самых подмышек. Они совсем забыли, что мама велела помыться.

Лепить пирожки было так увлекательно, что они едва не прозевали одиннадцать часов. Без десяти одиннадцать миссис Гэддис выглянула из окна и крикнула: «Мама велела сказать вам, когда будет без десяти одиннадцать». Нили доделал пирожок и полил его слезами. Фрэнси взяла брата за руку, и дети, еле передвигая ноги, поплелись к здравпункту.

Они сели на скамейку. Рядом сидела еврейская мама, которая сжимала в объятиях крупного шестилетнего мальчика, плакала и то и дело горячо целовала его в лоб. Другие матери сидели с выражением глубокой скорби на лицах. За дверью, в которую было вставлено непрозрачное стекло, творилось что-то ужасное. Оттуда раздавались непрерывные стоны, они закончились громким вскриком, и чуть погодя из двери вышел бледный мальчик с забинтованной левой рукой. Его мама вскочила, схватила сына, прошептала проклятие на незнакомом языке, погрозила кулаком в сторону стеклянной двери и быстро увела ребенка подальше от камеры пыток.

Фрэнси дрожала не переставая. За свою короткую жизнь она никогда не видела ни докторов, ни медсестер. Белоснежные халаты, безжалостные блестящие инструменты, разложенные на салфетках, запах антисептиков, а особенно окутанный паром стерилизатор с кровавым крестом наполнили ее таким страхом, что язык присох к нёбу.

Медсестра закатала ей левый рукав, протерла тампоном кожу на предплечье. Фрэнси видела, как доктор в белом приближается к ней с иглой наперевес. Он становился все больше и больше, пока не слился с огромной иглой. Она закрыла глаза и приготовилась умереть. Но ничего не произошло, она вообще ничего не почувствовала. Медленно открыла глаза, не смея надеяться, что все закончилось. К своему ужасу, она обнаружила, что доктор замер в той же позе, со шприцем в руке, и с отвращением

смотрит на ее руку. Фрэнси тоже посмотрела. Маленький кусочек чистой кожи белел на черной от грязи руке. Доктор говорил медсестре:

– Мерзость, мерзость, мерзость с утра до вечера. Я понимаю, что они бедные, но помыться – это же им по карману. Вода бесплатная, мыло дешево. Вы только посмотрите на эту руку, сестра.

Медсестра посмотрела и закудахтала, изображая глубокое потрясение. Фрэнси стояла, и на щеках у нее пылали пятна стыда. Доктор закончил Гарвард, в местной больнице проходил интернатуру. Раз в неделю он был обязан отработать несколько часов в бесплатных здравпунктах. После окончания интернатуры он собирался открыть фешенебельный кабинет в Бостоне. Усвоив местные обороты, в письмах к своей невесте из высшего общества он описывал интернатуру в Бруклине как Чистилище.

Медсестра была местная, из Уильямсбурга. Ее выдавал акцент. Дочь бедных эмигрантов из Польши, она отличалась честолюбием, днем трудилась в поте лица, а по вечерам училась. Она надеялась, что в один прекрасный день выйдет замуж за доктора. Ей не хотелось, чтобы кто-то узнал о ее низком происхождении.

После возмущенного монолога доктора Фрэнси стояла опустив голову. Значит, она грязнуля. Вот что доктор имел в виду. Тон его стал спокойнее, и он поинтересовался у медсестры – зачем таким людям вообще жить на свете, мир стал бы лучше, если б их стерилизовали и они не рожали детей. Может, доктор хочет, чтобы Фрэнси умерла? Может, он собирается сделать так, чтобы она умерла прямо сейчас, потому что у нее грязные после пирожков руки?

Фрэнси посмотрела на медсестру. В глазах Фрэнси все женщины были как мамы, как ее мама, как тетя Сисси, как тетя Эви. Ей казалось, медсестра должна сказать что-нибудь вроде: «Может, у этой девочки мама работает и не успела помыть ее сегодня утром» или «Вы же знаете, доктор, дети часто пачкаются во время игры». Но медсестра сказала совсем другое:

– Согласна с вами, доктор. Полное безобразие. Я так сочувствую вам, доктор. Эти люди живут в грязи, им нет никакого оправдания.

Человек, который выкарабкался из низов ценой собственных усилий, стоит перед выбором. Поднявшись над своей средой, он может либо забыть о ней, либо, напротив, никогда не забывать и сохранить в сердце сочувствие и сострадание к тем, кто проиграл в жестокой борьбе. Медсестра предпочла забыть. Да, уже в ту минуту она понимала, что и много лет спустя ей будет стыдно вспоминать лицо этой девочки-заморыша, которая так надеялась, что ей скажут доброе слово, как-то защитят ее бессмертную душу. Медсестра осознавала свое малодушие, но мужества поступить иначе

в себе не нашла.

Когда игла вошла под кожу, Фрэнси ничего не почувствовала. Слова доктора причинили такую боль, что она перебила все прочие ощущения. Пока медсестра ловкими движениями бинтовала ей руку, доктор положил шприц в стерилизатор и взял новую иглу. Фрэнси заговорила:

– Сейчас к вам зайдет мой брат. Руки у него такие же грязные, поэтому не удивляйтесь. И ничего не говорите ему. Вы уже все сказали мне.

Доктор с медсестрой уставились на этого недочеловека, который, как выяснилось, владеет даром речи. Голос Фрэнси сорвался от слез:

– Не смейте ему ничего говорить. В этом нет никакого толку. Он же мальчик, ему все равно, грязный он или нет.

Она повернулась, запнулась и вышла из кабинета. Из-за закрытой двери она услышала удивленный голос доктора:

– Подумать только, вот уж не предполагал, что она поймет мои слова.

Медсестра поддакнула:

– Подумать только, – и вздохнула.

Когда дети вернулись, Кэти была дома – пришла на обед. Она посмотрела на их забинтованные руки с жалостью. Фрэнси горячо заговорила:

– Мама, ну почему? Почему? Почему они говорят такое… такое… а потом колют руку иголкой?

– Это называется «вакцинация», – ответила мама, давая понять, что тема исчерпана. – Очень полезная вещь. Теперь ты научишься отличать правую руку от левой. В школе положено писать правой рукой. Левая будет бо-бо, так что ты больше не перепутаешь.

Это объяснение обрадовало Фрэнси, которая никак не могла научиться отличать правую руку от левой. Она ела, шила и рисовала левой рукой. Кэти всегда поправляла ее, перекладывала мелок или иголку из левой руки в правую. После того как мама объяснила, что такое вакцинация, Фрэнси подумала, что, пожалуй, это прекрасное изобретение. Не такая уж высокая плата за решение очень сложной задачи – разобраться с руками. После вакцинации Фрэнси стала пользоваться правой рукой, а не левой и больше никогда не путалась.

Ночью у Фрэнси поднялась температура, а место укола сильно чесалось. Она пожаловалась маме, которая сильно встревожилась. Кэти строго сказала:

– Ни в коем случае не чеши, даже если очень хочется.

– Почему нельзя почесать?

– Потому что, если почешешь, вся рука распухнет, почернеет и отвалится. Даже не прикасайся.

Кэти не хотела запугать дочь. Она и сама ужасно испугалась. Она действительно верила, что зараза может распространиться по всей руке, если трогать ее. Она хотела убедить дочь не чесать прививку.

Фрэнси думала только о том, чтобы ненароком не почесать отчаянно зудевшее место. На следующий день рука начала болеть. Готовясь ко сну, Фрэнси заглянула под повязку и перепугалась. Кожа в том месте, куда вошла игла, распухла, позеленела и нагноилась. Руку нельзя чесать, а Фрэнси, выходит, почесала. Когда это случилось? Может, во сне? Да, наверняка во сне. Она боялась признаться маме. Мама скажет: «Я же тебя предупреждала, я предупреждала, а ты не послушалась, и вот результат!»

Был вечер воскресенья. Папа на работе. Фрэнси не могла заснуть. Она встала с кровати, вышла в гостиную и села у окна. Положила голову на руки и стала ждать смерти.

В три часа утра она услышала, как по Грэм-авеню проехал трамвай и остановился на углу. Значит, кто-то выходит на остановке. Она выглянула из окна. Точно, папа. В смокинге и котелке, под мышкой – аккуратный пакет со свернутым фартуком. Он шел по улице своей легкой танцующей походкой и насвистывал песенку. Он показался Фрэнси ангелом жизни. Она бросилась ему навстречу, когда он вошел. Он посмотрел на нее и галантно приподнял шляпу. Она открыла перед ним дверь на кухню.

– Почему ты до сих пор не спишь, Примадонна? – спросил он. – Сегодня ведь не суббота, помнишь?

– Просто сидела у окна, – прошептала Фрэнси. – Ждала, когда рука отвалится.

Ему удалось сдержать смех. Фрэнси объяснила ему, в чем дело. Он закрыл дверь, которая вела в спальню, и включил газовую лампу. Размотал бинт, и у него сердце сжалось при виде распухшей нагноившейся руки. Но он не подал виду. Он никогда не подавал виду.

– Ну, детка, ничего страшного. Вообще ничего. Видела бы ты мою руку после прививки. В два раза толще, и не желто-зеленая, а красно-синяя. А сейчас посмотри на мою руку – как новенькая!

Он врал, чтобы успокоить ее, ему никогда не делали прививок.

Джонни налил в тазик теплой воды и добавил несколько капель карболовой кислоты. Промыл ужасную болячку раз, потом еще несколько раз. Фрэнси вздрагивала, потому что руку щипало, но он сказал – щиплет, значит, лечит. Промывая болячку, он шепотом напевал шутливую песенку.

Джонни огляделся вокруг в поисках чистой тряпки, чтобы забинтовать руку. Ничего не нашел, снял смокинг и манишку, стянул через голову майку и решительно оторвал от нее край.

– Хорошая же майка! – возразила Фрэнси.

– Да ладно, вся в дырках.

Он забинтовал ей руку. От ткани пахло, как от Джонни, телом и сигарами. Именно это запах Фрэнси успокаивал. Это был запах любви и заботы.

– Ну, вот! Полный порядок, Примадонна! С чего тебе в голову взбрело, что рука отвалится?

– Мама сказала, что отвалится, если буду чесать. Я не хотела, но во сне, наверное, почесала.

– Наверное, – он поцеловал ее в худенькую щеку. – Теперь ложись спать.

Она легла и сладко проспала до утра. Утром нарыв стал уменьшаться, и через несколько дней рука была здорова.

После того как Фрэнси легла спать, Джонни выкурил еще одну сигару. Потом медленно разделся и лег рядом с Кэти. Она во сне почувствовала, что он рядом, и в порыве нежности, теперь редкой, обняла его. Он осторожно убрал ее руку со своей груди и отодвинулся как можно дальше, к стене. Закинул руки за голову и пролежал остаток ночи, глядя в темноту.

19

Фрэнси возлагала на школу большие надежды. Научившись благодаря вакцинации отличать правую руку от левой, она ожидала, что в школе произойдут еще более невероятные чудеса. Даже думала, что в первый же день придет из школы, умея читать и писать. Но она пришла из школы с разбитым носом – какой-то школьник из старших классов толкнул ее, когда она наклонилась попить воды из фонтанчика – вода оказалась, между прочим, совсем не газированной.

Фрэнси огорчилась из-за того, что пришлось делить с другой девочкой парту, рассчитанную на одного. Ей хотелось иметь персональную парту. Она с гордостью взяла карандаш, который староста вручил утром, и неохотно вернула его другому старосте в три часа.

Очень скоро Фрэнси поняла, что стать учительской любимицей ей не суждено. Эта привилегия досталась стайке девочек… девочек с завитыми локонами и новыми шелковыми бантами в волосах, в хрустящих чистых

передничках. Их родители были местными зажиточными торговцами. Фрэнси обратила внимание, как лучезарно учительница мисс Бриггс улыбается им. Она усадила их на самые лучшие места в первом ряду. Этим крошкам были выделены отдельные парты, они не сидели по двое. Голос мисс Бриггс теплел, когда она произносила имена этих избранниц судьбы, и напоминал собачий лай, когда она обращалась к немытому большинству.

Фрэнси, которая смешалась с другими детьми из такой же среды, узнала в первый день пребывания в школе гораздо больше, чем ей казалось. Она познакомилась с классовой системой Великой демократии. Отношение учительницы ее озадачило и оскорбило. Та откровенно ненавидела Фрэнси и подобных ей детей только за то, что они были такими, какими были. Учительница вела себя так, будто они не вправе учиться в школе, но она вынуждена учить их, и делала это со всей недоброжелательностью, на какую была способна. Ей было жалко делиться с ними даже теми крохами знаний, которые она кидала им. Она поступала так же, как доктор в здравпункте, словно Фрэнси и ей подобные не имеют права на жизнь.

Казалось бы, в этих условиях отверженные должны сплотиться, чтобы противостоять той системе, которая против них. Но нет, ничего подобного. Эти дети ненавидели друг друга не меньше, чем учительница ненавидела их. Они даже подражали лающей манере учительницы, когда разговаривали друг с другом.

Но всегда в классе находился ученик, которого учитель выделял среди прочих и назначал козлом отпущения. Этого несчастного учитель дразнил и мучил, на нем вымещал свое дурное настроение. После того как ученик получал метку своей печальной избранности, остальные дети ополчались против него и удваивали учительские пытки собственными изобретениями. Так они выслуживались перед учителем. Возможно, рассчитывали таким путем пролезть ближе к трону.

Три тысячи детей набивались, как сельдь в банку, в эту уродливую бесчеловечную школу, рассчитанную на одну тысячу. Грязные истории циркулировали среди детей. Про учительницу мисс Пфайфер, блондинку с визгливым смехом, рассказывали, что она ходит в подвал, чтобы спать с сантехником, и говорит при этом: «Мне нужно отлучиться по делу». Еще рассказывали, что директриса, суровая, мрачная и жестокая женщина средних лет, которая носит платья с блестками и вечно пахнет неразбавленным джином, вызывает самых непоседливых мальчиков к себе в кабинет, велит спустить штаны и хлещет их по голым ягодицам ротанговой тростью (девочек она секла поверх платья).

Конечно, телесные наказания в школе были запрещены. Но кто там, за пределами школы, узнает правду? Кто посмеет рассказать? Уж точно не те дети, которых секли.

В этом районе существовала традиция: если ребенок пожалуется, что его высекли в школе, дома получит вторую порку за то, что плохо вел себя в школе. Поэтому дети терпели наказания и держали язык за зубами.

Самое ужасное в этих историях было то, что все они представляли отвратительную правду.

Жестокость – главная черта муниципальных бесплатных школ в 1908 и 1909 годах. В Уильямсбурге в ту пору слыхом не слыхивали о детской психологии. Чтобы стать учителем, требовалось совсем немного: закончить среднюю школу и двухлетний педагогический колледж. Мало кто из учителей чувствовал подлинное призвание к своей работе. Шли в учителя, потому что это была одна из немногих доступных профессий, потому что в школе платили больше, чем на фабрике, потому что учителя получали длинный отпуск летом, а в старости – пенсию. В учителя шли женщины, которым не удалось выйти замуж. В те годы замужним женщинам запрещалось преподавать, и поэтому почти все учительницы страдали неврозами из-за неудовлетворенной потребности в любви. Эти неполноценные женщины срывали свою злость на детях тех женщин, которым посчастливилось выйти замуж, и сладострастно тиранили своих учеников.

Особой жестокостью отличались те учительницы, которые вышли из таких же бедных семей, как их ученики. Казалось, что, мучая несчастных детей, они сводят счеты со своим мрачным прошлым.

Конечно, не все учительницы были злые. Иногда попадалась славная женщина, которая сочувствовала детям и старалась им помочь. Но такие не задерживались надолго. Они либо вскоре выходили замуж, либо их выживали коллеги.

Проблема, которая деликатно именовалась «выйти из класса», была одной из самых мучительных. Детям вдалбливали, что нужно «сходить» утром дома, перед школой, тогда они смогут дотерпеть до обеда. Предполагалось, что на перемене у всех будет возможность справить нужду, на самом деле мало кому это удавалось. Обычно в туалет было не войти – вход перегораживала толпа. Но даже если ребенку посчастливилось прорваться в туалет (десять посадочных мест на пятьсот человек), то обнаруживалось, что все десять мест уже заняты самыми сильными ребятами в школе. Они стояли перед кабинками и не пускали в них никого.

Они были глухи к слезным мольбам несчастных детей, которые корчились перед ними. Некоторые взимали за право пописать плату – один пенни, но мало кто мог заплатить. Захватчики не покидали своего поста у кабинок, пока не прозвенит звонок на урок. Невозможно себе представить, какое удовольствие они получали от этой изуверской забавы. Их не наказывали, потому что учителя не переступали порог ученического туалета. А из пострадавших никто ни разу не пожаловался. Даже самые маленькие знали, что ябедничать нельзя. Если проболтаешься, то тебя до конца жизни будет преследовать тот, на кого ты донес. Поэтому чудовищная игра продолжалась изо дня в день.

Формально ученик мог выйти из класса во время урока, спросив разрешения. Существовала система условных знаков. Один поднятый палец означал, что ребенок хочет выйти по-маленькому. Два пальца означали, что нужно по-большому. Но озлобленные и бессердечные учителя уверяли друг друга, что дети просто ищут повод увильнуть от занятий. Ведь всем известно, что у них предостаточно времени, чтобы обделать свои делишки на перемене и в обед. Так считали учителя.

Конечно, Фрэнси видела, что чистеньким ухоженным любимчикам, занимавшим передние места, разрешается выходить в любой момент. Но это же исключение из правила.

Что касается остальных, то половина детей приспосабливала свои естественные отправления к взглядам учителей, а вторая половина постоянно писала в штаны.

Проблему «выйти из класса» решила для Фрэнси тетя Сисси. Сисси не видела детей с тех пор, как Кэти и Джонни запретили ей приходить в гости. Сисси скучала. Она знала, что дети пошли в школу, и ей хотелось узнать, как у них дела.

Наступил ноябрь. Работы на фабрике было немного, и Сисси отпустили пораньше. Она прогуливалась возле школы как раз в то время, когда заканчивались занятия. Если даже дети и расскажут родителям, что встретили ее, это будет выглядеть как чистая случайность, решила она. Сначала она заметила в толпе школьников Нили. Какой-то мальчик постарше сорвал у него с головы кепку, наступил на нее и убежал. Нили повернулся к мальчику, который был меньше его, и проделал то же самое с его кепкой. Сисси схватила Нили за руку, но тот истошно закричал, вырвался и побежал прочь. С горечью Сисси осознала, что он вырос.

Фрэнси увидела Сисси, прямо посреди улицы обняла ее и поцеловала. Сисси отвела племянницу в маленькую кондитерскую и купила ей за пенни

газировки с шоколадным вкусом. Потом усадила Фрэнси на крыльцо и расспросила про школу. Фрэнси показала ей букварь и прописи с квадратными буквами. На Сисси это произвело впечатление. Взглянув на худенькое лицо, Сисси заметила, что Фрэнси дрожит. Еще она заметила, что Фрэнси одета не по погоде – в промозглый ноябрьский день на ней потертое хлопчатобумажное платье, вытянутый свитерок и тонкие чулки. Сисси обняла ее, прижала покрепче и согрела своим теплом.

– Фрэнси, детка, ты дрожишь, как лист на ветру.

Фрэнси никогда не слышала этого выражения и задумалась. Она посмотрела на деревце, которое выросло среди бетона в конце двора. На нем до сих пор задержалось несколько сухих листочков. Один шуршал под ветром. Дрожишь, как древесный лист. Фрэнси сохранила выражение в своей памяти. Дрожишь…

– Что с тобой? – спросила Сисси. – Ты как ледышка.

Фрэнси не сразу ответила. Но Сисси настаивала, и Фрэнси уткнулась покрасневшим от стыда лицом в тетину шею и что-то прошептала ей на ухо.

– Господи! – воскликнула Сисси. – Ничего удивительного, что ты замерзла. Почему же ты не попросилась…

– Мы поднимаем руку, но учительница не обращает внимания.

– Ну ладно. Не переживай. С каждым может случиться. Даже с королевой Англии такое бывало в детстве.

Неужели королева Англии так же страдала от позора и унижения? Фрэнси плакала тихо и горько, слезами стыда и страха. Она боялась идти домой, боялась, что мама будет насмехаться и ругать.

– Мама не будет смеяться над тобой… Такое может приключиться с любой девочкой. Твоя мама тоже писалась в штанишки, когда была девочкой, и бабушка тоже. Только не говори маме, что я тебе это сказала. Нет ничего нового под луною, ты не первая и не последняя.

– Но ведь я уже большая. Только младенцы делают так. Мама будет стыдить меня прямо при Нили.

– Признайся ей сама до того, как она заметит. И пообещай, что это не повторится. Тогда она не будет тебя ругать.

– Я не могу пообещать, потому что это может повториться, потому что учительница не выпускает нас из класса.

– Теперь учительница будет выпускать тебя всегда, когда ты попросишь. Ты ведь веришь своей тете Сисси?

– Да-а. Но откуда ты знаешь?

– Я поставлю за это свечку в церкви.

Такое обещание успокоило Фрэнси. Дома мама немного поругала ее для порядка, но Фрэнси была защищена сокровенным знанием о круговороте мокрых штанишек, которым поделилась с ней Сисси.

На следующее утро за десять минут до звонка Сисси стояла в классе перед учительницей.

– У вас учится девочка по имени Фрэнси Нолан, – начала Сисси.

– Фрэнсис Нолан, – поправила мисс Бриггс.

– Она умная?

– Да-а.

– Прилежная?

– Допустим.

Сисси приблизила лицо вплотную к мисс Бриггс. Ее голос стал еще тише и ласковей, но почему-то мисс Бриггс вздрогнула.

– Я спрашиваю – она прилежная?

– Да, – поспешно ответила мисс Бриггс.

– Я ее мать, – соврала Сисси.

– Не может быть!

– Может!

– Если вы хотите узнать, как учится ваша дочь, миссис Нолан…

– Вам известно, что у Фрэнси проблемы с почками? – опять соврала Сисси.

– Проблемы с чем?

– С почками. Доктор сказал – если ее не выпустят из класса, когда она захочет, то она может умереть от переполнения почек.

– Наверняка вы преувеличиваете.

– Значит, вам охота, чтобы она упала замертво прямо у вас на уроке?

– Разумеется, нет, но…

– Значит, вам охота, чтобы вас в фургоне отвезли в полицейский участок? Вас поставят перед здешним доктором и перед судьей, им и будете объяснять, почему вы не разрешили девочке выйти из класса.

Мисс Бриггс не могла понять, правду говорит Сисси или врет. С одной стороны, все это в голове не укладывается. С другой стороны, женщина несет этот вздор таким спокойным, мягким голосом, которого мисс Бриггс никогда не слышала. В эту минуту Сисси взглянула в окно и увидела дородного полицейского, который прохаживался по улице. Она махнула рукой в его сторону:

– Видите вон там полицейского?

Мисс Бриггс кивнула.

– Это мой муж.

– Отец Фрэнси?

– Чей же еще? – Сисси открыла окно и крикнула: – Эй, Джонни, привет!

Полицейский удивленно посмотрел вверх. Она послала ему воздушный поцелуй. На долю секунды он решил, что какая-нибудь старая дева из числа учительниц сошла с ума. Потом взыграло мужское самолюбие, и он возомнил, что какая-то молоденькая учительница давно влюблена в него и наконец-то отважилась признаться. Он повел себя, как и следовало в этом случае: неуклюже послал ответный поцелуй, галантно коснулся шляпы и продолжил обход, насвистывая «На балу у дьявола». Он думал: «Ну, я сущий дьявол по женской части. Да, я таков, хоть дома у меня шестеро по лавкам».

Глаза мисс Бриггс округлились от изумления. Полицейский был очень представительный и очень *сильный*. Тут вошла одна из звездных девочек и подала учительнице перевязанную ленточками коробку конфет. Мисс Бриггс икнула от удовольствия и поцеловала девочку в атласную розовую щечку. Сисси все секла, как остро отточенная бритва. Она вмиг поняла, откуда и куда здесь ветер дует, и ей стало ясно, что дует он против таких детей, как Фрэнси.

– Слушайте, – сказала она. – Не думаете же вы, что мы беднота какая-то.

– Я никогда ничего такого…

– Потому что мы не из тех людей, за которыми заржавеет. Рождество уже на носу, – намекнула Сисси.

– Может быть, я не всегда вижу, когда Фрэнсис поднимает руку, – пошла на попятный мисс Бриггс.

– Где же она сидит, что вы ее даже не видите?

Учительница показала на темное место в дальнем углу.

– Тогда нужно пересадить ее вперед, чтобы вы ее всегда хорошо видели.

– Все места впереди уже заняты.

– Скоро Рождество, – напомнила Сисси с притворной нежностью.

– Я прикину, что можно сделать.

– Вот-вот, прикиньте. Главное, чтобы вы всегда ее видели, – Сисси направилась к двери, потом обернулась: – Не только Рождество на носу. Мой муж, полицейский, он тоже рядом, и он всю душу выбьет из вас, если вы будете плохо обращаться с Фрэнси.

После этой встречи проблема решилась. Как бы робко ни поднимала Фрэнси руку, мисс Бриггс всегда замечала. Она даже пересадила ее,

и некоторое время Фрэнси сидела в первом ряду. Но после Рождества, не получив обещанного подарка, мисс Бриггс вернула Фрэнси на прежнее место в темном углу.

Ни Фрэнси, ни Кэти так и не узнали о том, что Сисси побывала в школе. Но Фрэнси больше никогда не переживала того позора, который случился с ней, и пусть мисс Бриггс не прониклась к ней приязнью, но и мучить перестала. Конечно, мисс Бриггс понимала, что слова той женщины, скорее всего, чушь. Но стоит ли рисковать? Она не любила детей, но ведьмой не была. Ей не хотелось, чтобы у нее на глазах ребенок упал замертво.

Спустя несколько недель Сисси попросила девушку со своей фабрики написать открытку Кэти. Сисси умоляла сестру забыть прошлое и разрешить ей хотя бы изредка видеться с детьми. Кэти оставила открытку без ответа.

Мария Ромли пришла, чтобы замолвить слово за Сисси.

– Что за кошка пробежала между тобой и сестрой? – спросила она у Кэти.

– Не могу тебе сказать, – ответила Кэти.

– Способность прощать – главная драгоценность, – напомнила Мария Ромли. – А нам обходится даром.

– У меня другое мнение на этот счет, – возразила Кэти.

– Вижу, – кивнула мать. Она глубоко вздохнула и ничего не сказала.

Кэти ни за что не призналась бы, но она скучала по Сисси. Ей не хватало ее непобедимого здравого смысла, ее умения просто решать сложные проблемы. Эви никогда не упоминала про Сисси, когда навещала Кэти, и Мария Ромли тоже не делала этого после той неудачной попытки примирить дочерей.

Новости про сестру Кэти узнавала через репортера, официально аккредитованного при семействе, – через страхового агента. Все члены семьи Ромли были застрахованы в одной компании, и один и тот же агент еженедельно обходил всех сестер, собирая оброк из десятицентовиков и пятицентовиков. Он приносил новости, разносил слухи, передавал послания. Однажды он сообщил, что Сисси снова родила ребенка, но не успела его даже застраховать, потому что он прожил всего два часа. Тут Кэти наконец-то раскаялась в том, что была так сурова с бедняжкой Сисси.

«Когда будете у сестры, скажите ей, чтобы не обходила нас стороной», – попросила она страхового агента. Страховой агент передал

весточку, означавшую прощение, и Сисси снова стала частым гостем в доме Ноланов.

20

Кэти объявила войну вшам и разным инфекциям в тот день, когда ее дети пошли в школу. Схватка была яростной, решительной и успешной.

Из-за школьной тесноты дети становились переносчиками вшей и заражали ими друг друга. Ни в чем не повинные, они подвергались самой унизительной процедуре, которую только можно представить.

Раз в неделю в класс приходила школьная медсестра и вставала спиной к окну. Девочки выстраивались в очередь, и, когда очередь подходила, каждая поворачивалась, поднимала вверх тяжелые косы и наклонялась. Медсестра проводила по волосам тонким длинным прутом. Если обнаруживала вшей или гнид, приказывала девочке отойти в сторону. В конце осмотра парии должны были стоять перед классом, пока медсестра читала лекцию о том, что эти девочки заразны и их следует остерегаться. После этого неприкасаемые освобождались на день от занятий, им приказывали: купить в аптеке Кнайпа «синюю мазь» и обработать голову. Когда девочки появлялись в школе, над ними начинали издеваться. Каждую жертву провожала до дома вереница, которая распевала: «Вшивая, паршивая! Учительница сказала, ты вшивая! Сиди дома, вшивая! Сиди дома, вшивая!»

Если девочку, у которой обнаружили вшей, при следующем осмотре признавали чистой, то она, в свою очередь, начинала мучить тех, кому вынесли приговор, позабыв о собственных недавних страданиях. Личный опыт не учил девочек сочувствовать другим. Получалось, что они страдают без всякой пользы.

У Кэти дел было невпроворот, в ее жизни не оставалось времени для новых проблем. Когда Фрэнси в первый же день, придя из школы, сообщила, что у девочки, которая сидит рядом, по голове ползают букашки, Кэти немедленно приняла меры. Она помыла голову Фрэнси едким желтым хозяйственным мылом, с которым обычно делала уборку, причем терла кожу до красноты. Утром она смочила расческу керосином и заплела Фрэнси косы так туго, что у той проступили вены на висках. После этого велела держаться подальше от газовых горелок и отправила в школу.

От Фрэнси пахло на весь класс. Ее соседка отодвигалась от нее как можно дальше. Учительница передала через Фрэнси записку родителям,

в которой запрещала смазывать ей голову керосином. Прочитав ее, Кэти заметила, что они в свободной стране, и продолжила действовать по своему разумению. Раз в неделю она мыла голову Фрэнси желтым мылом, каждый день смазывала волосы керосином.

Когда в школе разразилась эпидемия свинки, Кэти ополчилась против заболеваний, передающихся контактным путем. Она сшила два фланелевых мешочка, положила в каждый головку чеснока и повесила мешочки на шнурках детям под рубашки, так Фрэнси с Нили и ходили в школу.

От Фрэнси за версту разило керосином и чесноком. Все обходили ее стороной. Даже в переполненном школьном дворе ее всегда окружало пустое пространство. В битком набитых трамваях люди шарахались от детей Ноланов.

Но ведь метод действовал! То ли колдовская сила чеснока помогала, то ли его запах убивал микробов, то ли удавалось избежать контактов с инфицированными детьми, потому что никто к Фрэнси близко не подходил, то ли просто они с Нили от рождения обладали хорошим иммунитетом – об этом можно только гадать. Однако факт остается фактом: за все годы учебы дети у Кэти ни разу не болели. Даже обычной простудой. И вшей у них тоже никогда не водилось.

Фрэнси, конечно, сделалась изгоем, все ее дразнили из-за того, что она воняла. Но к одиночеству ей было не привыкать. Она с малых лет гуляла одна и считалась «странной». Так что не слишком страдала.

21

Фрэнси нравилось ходить в школу, несмотря на злобу, жестокость, оскорбления, с которым сталкивалась там. Заведенный распорядок, когда все одновременно делали одно и то же, внушал ей спокойствие. Она чувствовала себя составной частью целого, участником сообщества, которое под общим руководством движется к общей цели. Все Ноланы были индивидуалисты. Для них имело значение только то, что позволяло жить, оставаясь внутри собственного мира. Они следовали своим собственным правилам. Они не принадлежали ни к какой социальной группе. Для индивидуалиста такая независимость – идеальный образ жизни, но ребенка она порой приводит в замешательство. Поэтому в школе Фрэнси обретала какую-то надежность и почву под ногами. Пусть тамошний порядок был жесток и уродлив, но в нем присутствовали смысл и цель.

Школа не была совсем уж беспросветным кошмаром. Каждую неделю случались моменты великого счастья и продолжались целых полчаса: в класс Фрэнси приходил мистер Мортон, он учил музыке. Его назначили преподавать музыку во всех школах района. Он приходил, и начинался праздник. Во фраке, с пышным галстуком, такой энергичный, стремительный, радостный – полный жизни, – что, казалось, Бог спустился с небес. Он был добрый и весело-галантный. Он понимал и любил детей, и они обожали его. Учительницы души не чаяли в нем. В те дни, когда он приходил, в классе царила атмосфера карнавала. Учительницы наряжались в лучшие платья и становились чуточку добрее. Иногда завивали волосы и душились. Вот что мистер Мортон творил с этими женщинами.

Он врывался в класс как ураган. Дверь распахивалась, и он влетал, за спиной развевались полы фрака. Он вспрыгивал на возвышение и с улыбкой осматривал класс, радостно приговаривая: «Ну-ну!» Дети сидели перед ним и смеялись, смеялись от счастья, а учитель все улыбался и улыбался.

Он рисовал ноты на доске и приделывал к ним ножки, чтобы казалось, будто они бегут по линейкам. Круглые значки походили на Шалтая-Болтая. У диеза вдруг вырастал носик, похожий на клюв. То и дело мистер Мортон переходил на пение – естественно, как птица. Когда счастье переполняло его до краев, он, чтобы дать ему выход, выкидывал танцевальное коленце.

Мистер Мортон приучал их к хорошей музыке, исподволь и ненавязчиво. Он находил особенные слова для великой классики, давал ей простые названия: «Колыбельная», «Серенада», «Уличная песенка» или «Песенка для солнечного дня». Они выводили детскими голосами «Largo» Генделя, и для них это был просто «Гимн». Мальчики насвистывали фрагмент симфонии Дворжака «Новый мир», когда играли в «шарики». Если бы их спросили, что это, они бы ответили: «Как же, «Дорожная песня». Играя в классики, девочки напевали хор солдат из Фауста, у них он назывался «Слава героям».

Еще была мисс Бернстоун, ее любили не так горячо, как мистера Мортона, но восхищались ею не меньше. Специальная учительница рисования, она приходила раз в неделю. Приходила из другого мира, мира прекрасных платьев приглушенных зеленых или бордовых тонов. Лицо у нее было милое и нежное, и, подобно мистеру Мортону, она любила немытых и нелюбимых детей больше, чем чистеньких и ухоженных. Вот *ее* другие учительницы терпеть не могли. Да, они лебезили перед ней, но за спиной, когда она отворачивалась, провожали злобными взглядами. Они завидовали ее очарованию, красоте, привлекательности. Мисс Бернстоун

была теплой, сияющей и очень женственной. Они понимали, что ночью она не спит в одиночестве, как они в течение долгих лет.

Мисс Бернстоун говорила чистым певучим голосом. Ее прекрасные руки ловко управлялись с мелком или кусочком угля. Глаз невозможно было оторвать от ее кисти, когда она держала в руке карандаш. Один взмах – и перед вами яблоко. Еще два взмаха – и вот уже это яблоко держит пухлая детская ручонка. В дождливый день мисс Бернстоун не проводила урока. Она брала альбом, угольный карандаш и рисовала самого нищего, самого жалкого ребенка в классе. И на завершенном рисунке не оставалось ни нищеты, ни убожества, только прекрасное лицо, а в нем – невинность и горечь ребенка на пороге взросления. Да, мисс Бернстоун была великолепна.

Два этих приходящих учителя были как яркие вспышки солнца в потоке серых школьных будней, составленных из унылых часов, когда учительница заставляла учеников сидеть прямо, заложив руки за спину, пока сама читала роман, спрятанный под столом на коленях. Будь все учителя такими, как мисс Бернстоун и мистер Мортон, Фрэнси считала бы, что она очутилась на седьмом небе. Но она была на земле. А на земле так уж заведено: темный и мрачный фон необходим, чтобы оттенить сияние солнца в его славе.

22

О, этот волшебный день, когда ребенок осознает, что умеет читать печатные слова!

В течение какого-то времени Фрэнси узнавала буквы, произносила их по одной, а потом пыталась соединить в слово. И вдруг она взглянула на страницу, и в тот же миг слово «мышь» обрело смысл. Она смотрела на буквы, а в уме у нее резво скакала серая мышка. Фрэнси перевела взгляд на следующее слово и увидела «лошадь», она цокала копытами, и солнце переливалось на блестящем боку. Слово «бег» поразило ее, она задышала так тяжело, как будто задохнулась от бега. Препятствие, которое отделяло звучание отдельных букв от смысла целого слова, исчезло, и печатные слова превращались в разные вещи с первого взгляда. Фрэнси быстро прочитала несколько страниц и чуть не заболела от перевозбуждения. Ей хотелось кричать во всю глотку. Она умеет читать! Умеет читать!

С этого момента благодаря чтению перед Фрэнси открылся целый мир, он принадлежал ей. Она навсегда избавилась от одиночества, от желания

иметь близких друзей. Книги стали ее друзьями, и для каждого настроения находилась своя книга. Когда хочется тихо поговорить по душам – есть поэзия. Когда заскучаешь в тишине – приключения. Когда Фрэнси подросла, наступил черед любовных романов, а если хотелось поглубже заглянуть в чужую жизнь – она читала биографии. В тот момент, когда Фрэнси обнаружила, что умеет читать, она поклялась всю жизнь прочитывать по книге в день.

Фрэнси нравились числа, нравилось складывать и вычитать. Она придумала игру: цифры – это семья, мама, папа и их дети. Решая пример, Фрэнси сочиняла про них историю. Нолик – младенец, который не умеет ходить. Он не доставляет больших осложнений. Если встречаешь, нужно взять на руки и покачать. Единица – хорошенькая девочка, которая только что выучилась ходить, добрая и послушная, двойка – мальчик, который неплохо ходит и умеет немного говорить. С ним в семье (то есть в примере) никаких особых трудностей. А вот тройка – мальчик постарше, уже ходит в детский сад, за ним нужно внимательней присматривать. Четверка – девочка, ровесница Фрэнси, и с ней справиться почти так же просто, как с двойкой. Мама – это пятерка, заботливая и добрая. В трудную минуту она приходит и наводит порядок в семье, как положено маме. Папа – это шестерка, он строгий, но справедливый. А вот семерка не сулит ничего хорошего. Это старый ворчливый дедушка, и не всегда понятно, как ему угодить. У бабушки – восьмерки – тоже непростой характер, но с ней разобраться проще, чем с семеркой. Хуже всего – девятка. Это мамина подруга, и обычно намучаешься, пока найдешь ей место в семейном кругу.

Решив пример, Фрэнси сочиняла небольшую историю. Если ответ 924, это значит, что мальчик с девочкой остались под присмотром маминой подруги, а вся остальная семья ушла. Если в ответе получалось число 1024, это значит, что дети вместе играют во дворе. Число 62 означало, что папа пошел с сыном на прогулку. Число 50 – мама положила младенца в коляску и повезла подышать свежим воздухом. Число 78 – дедушка с бабушкой сидят возле очага зимним вечером. Каждое сочетание цифр означало новое положение дел в семье, истории никогда не повторялись.

Когда перешли к изучению алгебры, Фрэнси продолжила свою игру. X стал подружкой старшего сына, которая вторглась в жизнь семьи и осложнила ее. Y – друг старшей дочери, который тоже чинил препятствия. Так математика стала для Фрэнси живым, очеловеченным предметом и скрасила ей много одиноких часов.

23

Школьная жизнь шла своим чередом. Бывали дни, отмеченные злобой, жесткостью и оскорблениями, случались и другие, прекрасные, ярко освещенные благодаря мисс Бернстайн и мистеру Мортону. Но каждый день заключал в себе магию узнавания нового.

Однажды в октябре Фрэнси гуляла в субботу и забрела в незнакомый район. Тут не встречалось ни многоквартирных домов, ни покосившихся строений. Дома стояли здесь с тех времен, когда Вашингтон привел свои войска на Лонг-Айленд. Дома были старые и небогатые, но их окружали заборы из штакетника, и Фрэнси захотелось покататься на калитке. Перед домами росли разноцветные осенние цветы, а по краям – клены с бордовыми и желтыми листьями. Район под субботним солнцем дышал тишиной и покоем. Казалось, он погрузился в раздумья, в глубокий, вечный, старинный сон. Фрэнси обрадовалась – она, словно Алиса, очутилась в Зазеркалье. В зачарованной стране.

Фрэнси прошла еще немного и увидела небольшой старый дом, это была школа. Кирпичи в предвечернем солнце отливали гранатом. Вокруг школы никакого забора, и двор покрыт травой, а не цементом. Сразу за школой начиналась, можно сказать, сельская местность – поле, на котором росли золотарники, дикие астры и клевер.

Сердце у Фрэнси подпрыгнуло в груди. Вот она! Вот она, школа мечты! Но как в нее попасть? В законе написано, что дети посещают школу строго по месту жительства. Родители должны переехать в этот район, чтобы Фрэнси могла пойти в эту школу. Фрэнси знала – мама не переедет только потому, что дочери взбрело в голову поменять школу. Медленным шагом шла она домой и думала про удивительную школу.

Дома вечером она сидела и ждала, когда папа вернется с работы. Джонни вернулся, он насвистывал «Молли Мэлоун», пока поднимался по лестнице, и все поужинали его добычей: лобстером, икрой и ливерной колбасой. После ужина мама с Нили легли спать. Фрэнси сидела с папой, пока он курил свою последнюю сигарету. Она шепотом рассказала ему на ухо про свою мечту. Он выслушал, кивнул и сказал:

– Завтра посмотрим.

– Мы переедем в тот район, правда?

– Нет, но должен же быть другой способ. Завтра сходим с тобой туда, и я посмотрю, что можно сделать.

Фрэнси так разволновалась, что всю ночь не сомкнула глаз. В семь

часов утра она уже была на ногах, но Джонни крепко спал. Она ждала, сгорая от нетерпения. Каждый раз, когда он вздыхал во сне, она вбегала проверить, не проснулся ли он.

Джонни встал около полудня, и Ноланы сели завтракать. Фрэнси кусок не лез в горло. Она бросала на отца многозначительные взгляды, но он не отвечал ей. Неужели забыл? Нет, не забыл, потому что, когда Кэти разливала кофе, он сказал:

– Пожалуй, мы с Примадонной сегодня сходим прогуляемся.

Сердце чуть не выскочило у Фрэнси из груди. Он помнит. Он все помнит. Фрэнси затаила дыхание. Мама ничего не говорила. Она может возразить. Может спросить. Может сказать, что пойдет с ними. Но мама, помолчав, просто сказала:

– Хорошо.

Фрэнси помыла посуду. После этого сходила в кондитерскую и купила воскресную газету, потом сходила за сигарами и купила папе на никель «Корону». Джонни требовалось почитать газету. Ему требовалось прочитать каждую колонку, даже раздел светской хроники, который не особо его интересовал. Хуже всего, что по каждому вопросу ему требовалось сообщить свое мнение маме. Каждый раз, когда он откладывал газету, поворачивался к маме и говорил: «Забавные вещи сегодня пишут. Ты только подумай», – Фрэнси готова была расплакаться.

Наступило четыре часа. Сигара была докурена, газета валялась смятая на полу, Кэти надоело слушать последние новости, она собрала Нили и пошла навестить Марию Ромли.

Фрэнси с папой вышли тоже, держась за руки. Джонни надел свой единственный наряд – фрак и котелок и выглядел потрясающе. Стоял чудесный октябрьский день. Теплое солнце и свежий ветерок вместе постарались, чтобы в каждом закоулке ощущался острый запах океана. Прошли несколько кварталов, завернули за угол и оказались в том самом районе. Только в таком гигантском спруте, как Бруклин, могли рядом существовать такие контрасты. В этом районе обитали американцы в пятом или шестом поколении. А в районе у Ноланов, если ты сам родился в Америке, то уже мог гордиться так, словно приплыл на «Мэйфлауэре».

По правде, в классе только у Фрэнси отец с матерью родились уже в Америке. В начале учебного года учительница вызывала учеников по списку и спрашивала, откуда они родом. Все отвечали примерно одно и то же.

– Я американка из Польши. Мой отец родился в Варшаве.

– Я американец родом из Ирландии. Отец с матерью родились в графстве Корк.

Когда учительница назвала фамилию Ноланов, Фрэнси гордо ответила:

– Я американка.

– Знаю, что американка, – с некоторым раздражением сказала учительница. – Но кто ты по национальности?

– Американка! – еще более гордо повторила Фрэнси.

– Или ты скажешь, где родился твой отец, или я пошлю тебя к директору.

– Мои родители американцы. Они родились в Бруклине.

Все дети обернулись, чтобы посмотреть на девочку, чьи родители не приехали из другой страны. И тогда учительница сказала:

– В Бруклине? Хм. Да, тогда ты, пожалуй, американка.

А довольная Фрэнси преисполнилась гордости. Какое удивительное место этот Бруклин, думала она, если, просто родившись здесь, ты становишься американцем!

Папа рассказал ей об этом незнакомом районе: предки его жителей приехали в Америку больше ста лет назад, в основном из Шотландии, Англии и Уэльса. Мужчины – мебельщики, первоклассные столяры. Есть среди них и мастера по металлу, которые работают с серебром, золотом и медью.

Папа пообещал как-нибудь сводить Фрэнси в испанскую часть Бруклина. Мужчины там занимаются изготовлением сигар, они не скупятся потратить несколько пенни в день, чтобы нанять человека, который читает им во время работы. Читает прекрасные книги.

Фрэнси и Джонни шли по тихой воскресной улице. Фрэнси увидела лист, который сорвался с ветки, и побежала, чтобы подхватить его. Ярко-красный, с золотым ободком. Она любовалась листом и думала, неужели ей еще раз может встретиться что-то столь же прекрасное. Из-за угла вывернула женщина – сильно нарумяненная, в боа из перьев. Она улыбнулась Джонни и спросила:

– Скучаете, мистер?

Джонни взглянул на нее и мягко ответил:

– Нет, сестра.

– Точно? – спросила она игриво.

– Точно, – спокойно ответил он.

Она пошла дальше. Фрэнси подбежала к отцу и дернула его за рукав:

– Это дурная женщина, папа? – взволнованно спросила она.

– Нет.

– А по виду *дурная*.

– Дурных людей очень мало на свете. Много людей, которым не повезло.

– Но у нее же лицо размалевано и…

– Она знавала лучшие дни, – сказал он, и это выражение ему самому понравилось. – Да, она знавала лучшие дни.

Джонни впал в задумчивое настроение. Фрэнси отбежала вперед и продолжила собирать листья.

Они подошли к школе, и Фрэнси с гордостью показала ее папе. Позднее солнце подкрасило неяркие кирпичи, а маленькие окна, казалось, дрожат в его лучах. Джонни долго смотрел, потом сказал:

– Да, вот это школа так школа. Вот это я понимаю.

И, как всегда, когда его что-то волновало или трогало до глубины души, он выразил свои чувства пением. Прижал старый котелок к сердцу, встал ровно и, глядя на школу, запел:

Школьные дни, школьные дни,
Добрые старые дни.
Читать и писать,
Задачи решать…

Человеку со стороны это показалось бы глупым: мужчина в зеленоватом фраке и свежей рубашке держит за руку худую изможденную девочку и самозабвенно поет посреди улицы пошлую песенку. Но, по мнению Фрэнси, Джонни вел себя абсолютно правильно и даже прекрасно.

Они перешли улицу и вышли на поле, которое в народе называлось пустырем. Фрэнси набрала целый букет золотарников и диких астр, чтобы принести домой. Джонни рассказал ей, что когда-то здесь были индейские захоронения и он мальчиком часто приходил сюда, искал наконечники стрел. Фрэнси предложила поискать. Они побродили с полчаса и ничего не нашли. Джонни припомнил, что в детстве он тоже ни разу ничего не нашел. Это ужасно рассмешило Фрэнси. Тогда папа признался, что, может, это вовсе и не индейское кладбище, просто кто-то выдумал эту историю про индейцев. Если говорить начистоту, то Джонни сам ее и выдумал.

Собрались домой, и у Фрэнси к глазам подступили слезы, потому что папа так ничего и не сказал о ее переводе в новую школу. Он заметил ее слезы и мгновенно придумал план.

– Вот как мы поступим, малыш. Обойдем все дома в этом районе,

выберем самый красивый и запишем адрес. Потом я сочиню письмо твоему директору, что мы переезжаем и ты переходишь в другую школу.

Они выбрали дом – белый, одноэтажный, с острой крышей и палисадником, в котором росли хризантемы. Джонни аккуратно записал адрес.

– Ты понимаешь, что мы поступаем не очень хорошо?

– Почему, папа?

– Есть поговорка: на чужой каравай рот не разевай.

– Но это же вроде белая ложь…

– Это вроде такой лжи, которая во благо. Так что тебе придется вести себя в два раза лучше, чтобы оправдать эту ложь. Нельзя получать плохих оценок, опаздывать, пропускать занятия. Помни, что ты не должна дать директору повода посылать письмо почтой.

– Папа, я буду самой лучшей ученицей, если попаду в эту школу.

– Хорошо. А теперь я покажу тебе короткий путь до школы, через парк. Я хорошо знаю его. Да, господа, я его хорошо знаю.

Он показал Фрэнси парк и как через него пройти по диагонали, чтобы выйти прямиком к школе.

– Тебе понравится эта дорога. В парке можно по дороге в школу наблюдать за природой, как меняются времена года. Что ты на это скажешь?

Фрэнси вспомнились слова, когда-то прочитанные мамой, и она ответила:

– О, чаша моя полна до краев!

И это была правда.

Когда Кэти узнала про их план, она ответила:

– Решайте сами. Только меня не втягивайте. Если полиция придет вас арестовать за то, что вы дали ложный адрес, я честно скажу, что к этому отношения не имею. Одна школа ничем не лучше и не хуже другой. Я вообще не понимаю, почему она хочет перейти. Какая разница, в какую школу ходить, домашнее задание все равно зададут.

– Хорошо, договорились, – ответил Джонни. – Фрэнси, вот тебе пенни. Сбегай в кондитерскую лавку, купи лист писчей бумаги и конверт.

Фрэнси сбегала туда и обратно. Джонни написал записку, в которой говорилось, что Фрэнси переезжает к родственникам по такому-то адресу и ее нужно перевести в другую школу. Он добавил, что Нили остается жить дома, ему не требуется перевод. Внизу Джонни поставил свою подпись и для солидности подчеркнул ее.

На следующее утро Фрэнси дрожащей рукой подала записку

директрисе своей школы. Дама прочитала ее, хмыкнула, выписала бланк перевода, отдала Фрэнси вместе с табелем и отпустила ее. Школа была и так переполнена.

Фрэнси отнесла документы директору новой школы. Он пожал ей руку и выразил надежду, что в новой школе ей понравится. Дежурный отвел ее в класс. Учитель прервал урок и представил Фрэнси ученикам. Фрэнси обвела взглядом ряды девочек. Одеты все бедно, но чисто. Ее посадили за отдельную парту, и она с охотой принялась за обычные школьные дела.

Учителя и ученики в новой школе были не такие грубые, как в прежней. Да, попадались недобрые дети, но это была обычная детская злость, а не стадная травля слабого. Учителя часто теряли терпение и могли рассердиться, но не издевались. Телесных наказаний тут не применяли вовсе. Все родители были коренные американцы, они слишком хорошо знали права, данные им Конституцией, чтобы безропотно сносить несправедливость. Они не позволяли унижать и оскорблять себя, в отличие от вновь прибывших эмигрантов или американцев в первом поколении.

Фрэнси обнаружила, что самая большая разница по сравнению с прежней школой заключалась в технике-смотрителе. Это был румяный седой мужчина, к которому даже директор обращался *мистер* Йенсон. У него были свои дети и внуки, которых он очень любил. И ко всем школьникам относился по-отечески. В дождь, когда дети приходили промокшие, он отсылал их в котельную обсохнуть у печи. Заставлял разуться и вешал мокрые чулки на веревку сушиться, а старые разбитые ботинки выстраивал в ряд перед печкой.

В котельной было хорошо. Белоснежные стены с высокими окнами, большая выкрашенная в красный цвет печь создавали уют. Фрэнси любила сидеть здесь, она наслаждалась теплом и любовалась тем, как оранжевые и синие язычки пламени пляшут над черными угольками (мистер Йенсон оставлял дверцу печи открытой, когда дети сушились). В дождливые дни Фрэнси выходила из дома пораньше и шла медленней обычного, чтобы посильнее промокнуть и получить приглашение на просушку в котельную.

Вообще-то мистер Йенсон нарушал правила, оставляя детей сушиться у себя в котельной, но все учителя его уважали и поэтому не возражали. Фрэнси слышала разные истории, которые в школе рассказывали про мистера Йенсона. Говорили, что он учился в колледже и знает побольше самого директора. Говорили, что после женитьбы, когда пошли дети, он решил, что заработает больше денег школьным техником-смотрителем, чем учителем. Как бы то ни было, его любили и уважали. Однажды Фрэнси

видела его в кабинете директора. Он сидел в своем чистом полосатом халате, положив ногу на ногу, и рассуждал о политике. Фрэнси слышала, что директор тоже часто заходит в котельную к мистеру Йенсону, чтобы перебросится словечком и выкурить сигарету.

Если мальчик провинился, его отправляли не к директору на порку, а к мистеру Йенсону на беседу. Мистер Йенсон никогда не ругал за плохое поведение. Он рассказывал про своего младшего сына, который был питчером в команде Бруклина. Он говорил о том, что такое демократия и что такое быть хорошим гражданином. О справедливом обществе, в котором каждый делает все, что может, ради общего блага. После разговора с мистером Йенсоном любой хулиган брался за ум и становился послушным.

После окончания школы выпускники просили директора из почтения к его должности расписаться на первой странице памятного альбома, но автографом мистера Йенсона дорожили гораздо больше и вторую страницу всегда предоставляли ему. Директор на ходу небрежно ставил размашистую подпись. Не так поступал мистер Йенсон. Он все превращал в церемонию. Клал альбом на свой большой стол с откидной крышкой, зажигал над ним лампу. Садился, тщательно протирал очки и выбирал ручку. Окунал перо в чернила, щурился, отряхивал перо и снова окунал в чернила. После этого выводил свое имя изящным, как на старинных гравюрах, почерком и аккуратно промокал. Его подпись была самой красивой в альбоме. Если набраться смелости и попросить, то он брал альбом домой, чтобы в нем расписался его сын, который играл за «Доджеров». Это был потрясающий подарок для мальчиков. Девочек, конечно, это не интересовало.

У мистера Йенсона был такой великолепный почерк, что он по просьбе директора заполнял все дипломы.

Мистер Мортон и мисс Бернстоун преподавали и в этой школе. Когда они вели урок, мистер Йенсон обычно садился на заднюю парту и тоже слушал. В холодную погоду он приглашал мистера Мортона и мисс Бернстоун зайти в котельную, чтобы выпить чашечку горячего кофе перед тем, как отправиться в следующую школу. У него стояла газовая плита, а на маленьком столике имелось все необходимое, чтобы заварить кофе. Он подавал крепкий, горячий черный кофе в толстых чашках, и приходящие учителя благодарили его от всего сердца за доброту.

Фрэнси училась в новой школе с удовольствием. Она очень старалась быть хорошей ученицей. Каждый раз, проходя мимо дома, адрес которого

они с папой указали в записке, Фрэнси поглядывала на него с благодарностью и теплотой. В ветреный день, когда перед домом носились обрывки газет, Фрэнси подбирала мусор и выбрасывала в сточную канаву. По утрам вешала мешок для мусора на забор, если замечала, что мусорщик, вытряхнув его, по небрежности бросил на тротуар. Обитатели этого дома привыкли к Фрэнси и считали ее воспитанным ребенком, который помешан на чистоте.

Фрэнси любила свою новую школу. Каждый день ей приходилось в общей сложности преодолевать сорок восемь кварталов, но и дорогу она тоже любила. Она выходила из дома гораздо раньше, чем Нили, а возвращалась намного позже. Кое-какие неудобства, конечно, причинял обед. Дойти до дома – а это двенадцать кварталов, – поесть, вернуться обратно в школу, и все успеть за один час. Ясно, что на еду оставалось совсем немного времени. А мама не разрешала брать обед с собой. Она так рассуждала:

– Фрэнси и без того отобьется от дома, когда подрастет. Но пока она ребенок, должна жить, как положено ребенку, и приходить домой на обед, как положено ребенку. Разве моя вина, что ей далеко идти? Разве не сама она выбрала эту школу?

– Но, Кэти, это очень хорошая школа, – возражал папа.

– Хорошее без плохого не бывает. Любишь кататься – люби и саночки возить.

Так решился вопрос с обедом. У Фрэнси оставалось пять минут, чтобы съесть обед, – этого хватало, чтобы забрать из дома сэндвич, а съедала она его по дороге обратно в школу. Ей даже в голову не приходило, что Кэти над ней издевается. Фрэнси была счастлива учиться в новой школе и соглашалась платить за это счастье любую цену.

Ей очень повезло, что она нашла эту школу. Благодаря новой школе Фрэнси открыла, что есть другая жизнь, кроме той, которую она знала с рождения, и эта другая жизнь не так уж недостижима.

24

Фрэнси считала время не по дням или месяцам, а по каникулам. Ее год начинался четвертого июля, потому что накануне заканчивалась учеба, это был первый нешкольный день. За неделю до этого дня она начинала собирать петарды. Каждый сэкономленный пенни шел на покупку

маленькой хлопушки. Она складывала их в коробку под кроватью. По меньшей мере десять раз на дню она выдвигала коробку, перекладывала хлопушки, подолгу смотрела на розовую ткань, на белый плетеный стержень и ломала голову, как же они устроены. Она нюхала кусочек трута, который бесплатно прилагался к каждой хлопушке, и, если его поджечь, он долго тлел; от него запускали хлопушки.

Когда великий день наступал, Фрэнси с большой неохотой запускала петарды. Обладать ими гораздо приятнее, чем запускать. В том году, когда дела шли совсем плохо и ни одного пенни сэкономить не удалось, Фрэнси с Нили насобирали бумажных пакетов, в положенный день наполнили их водой, закрутили и сбросили с крыши на улицу. Шум был почти такой же, как от фейерверка. Прохожие возмущались, задирали головы с сердитым видом, когда пакеты пролетали у них под носом, но поделать ничего не могли – как поспоришь с обычаем детей бедняков отмечать Четвертое июля таким образом.

Следующий праздник – Хеллоуин. Нили мазал лицо сажей, надевал кепку задом наперед, а пальто шиворот-навыворот. Насыпал в черный материнский чулок золу и расхаживал в таком виде по улицам, размахивая «черным джеком» и выкрикивая время от времени ругательства.

Фрэнси, вместе с другими девочками, бродила по улицам, зажав в руке белый мелок. Девочки наскоро рисовали большой крест на спине у прохожих. Этот ритуал дети исполняли, не понимая его смысла. Знак остался, а причина, его породившая, забылась. Этот обычай появился в Средние века, когда так помечали дома и людей, которых поразила чума. Возможно, разбойники в те времена зло шутили, помечая таким знаком неповинных людей, и эта традиция пережила века и превратилась в бессмысленную забаву на Хеллоуин.

День выборов Фрэнси считала величайшим из всех праздников. Его, как никакой другой, отмечал весь район. Может, в других частях страны люди тоже голосуют, но уж точно не так, как в Бруклине, думала Фрэнси.

Джонни показал Фрэнси Устричный дом на Скул-стрит. Этому зданию больше ста лет, оно стоит с тех пор, как Большой вождь Таммани высадился здесь со своими храбрыми воинами. Жаркое из устриц, которое готовят тут, славится по всему штату. Но это заведение славилось не только устрицами. Здесь устраивали тайные встречи главные политики из Городского совета. Партийные лидеры встречались, чтобы потолковать с глазу на глаз в отдельном зале, и, глотая сочных устриц, решали, кого пропустить на выборы, а кого съесть.

Фрэнси часто ходила мимо Устричного дома и смотрела на него

с волнением. На дверях никакой вывески, на окнах с короткими занавесками из коричневого льна на медном стержне тоже ничего, кроме папоротника в горшке. Однажды Фрэнси видела, как дверь открылась, чтобы кого-то впустить. Она заметила низкую комнату, слабо освещенную лампами с красными абажурами, в ней густой дым от сигар.

Фрэнси, вместе с другими соседскими детьми, участвовала в некоторых избирательных ритуалах, не понимая их смысла и причины. В ночь выборов они выстраивались в шеренгу, клали руки друг другу на плечи и змейкой шествовали по улицам, распевая:

Таммани, Таммани,
Великий вождь
Сидит в вигваме,
Машет победителям,
Таммани, Таммани[18].

Фрэнси с большим интересом слушала дебаты между мамой и папой о достижениях и просчетах партии. Папа был убежденным демократом, а мама не верила в партию. Она ее критиковала и говорила, что папа впустую тратит свой голос.

– Ну, не скажи, Кэти, не скажи, – возражал папа. – В общем и целом, партия делает много хорошего для людей.

– Воображаю себе, – фыркала мама.

– Все, чего они хотят от людей, – это их голоса, а погляди, сколько они дают взамен.

– Назови хоть одну вещь, которую *они* дают.

– Допустим, тебе нужен совет по юридическому вопросу. Нет нужды обращаться к адвокату. Просто спроси своего депутата.

– Слепые ведут слепых.

– Ну почему ты не веришь! Может, они и делают какие-то глупости, но уж законы-то они знают вдоль и поперек.

– Вчини иск городу, и посмотришь, как твои Таммани тебе помогут.

– Или вот возьмем государственную службу, – Джонни переменил тему. – Они знают, когда можно сдать экзамен на полицейского, пожарного или почтальона. Если интересуешься, всегда подскажут.

– Муж миссис Лэйви сдал экзамен на почтальона три года назад. Он до сих пор водит грузовик.

– Вот именно! Потому что он республиканец. Будь он демократом, его имя стояло бы первым в списке претендентов, уж о нем бы позаботились. Я слышал про одну учительницу, она хотела перевестись в другую школу. Таммани решили вопрос.

– Почему? Может, она была хорошенькая?

– Не имеет значения. Это очень мудро с их стороны. Учителя воспитывают будущих избирателей. А эта учительница, уж будь уверена, при любом случае будет хвалить Таммани своим ученикам. Все мальчики пойдут голосовать, когда вырастут, ты же знаешь.

– С чего бы это?

– Потому что это почетное право.

– Почетное! Хм! – фыркнула Кэти.

– А теперь давай представим, что у тебя сдох пудель. Как ты поступишь?

– Скажи сначала, откуда у меня возьмется дохлый пудель?

– Неужели ты не можешь для поддержания разговора на минутку представить, что у тебя сдох пудель?

– Хорошо. У меня сдох пудель. Что дальше?

– Ты обращаешься в штаб-квартиру, и мальчик забирает его у тебя. Представь, что Фрэнси хочет получить разрешение на работу, но ей еще мало лет.

– Они помогут устроиться на работу?

– Конечно.

– А ты думаешь, это правильно – разрешать маленьким детям работать на фабрике?

– Хорошо, представь, что у тебя сын прогуливает школу и шляется по улицам, он превращается в тунеядца, а закон не разрешает ему работать. Разве не лучше будет, если он получит фальшивое разрешение на работу?

– В таком случае – конечно, – согласилась Кэти.

– Представь себе, сколько избирателей они обеспечивают работой! Знаешь, как они это делают? Они устраивают проверку на фабрике, выявляют нарушения закона, но закрывают глаза. В благодарность за это хозяин сообщает им, когда у него появляются рабочие места, и Таммани узнают про них первыми! Или вот еще такой пример. У человека остались родственники в той стране, откуда он приехал, а он не может их перевезти сюда из-за всяких бюрократических проволочек. Вот, Таммани и тут помогут, решат вопрос.

– Понятно, они завозят сюда иностранцев, помогают им оформить гражданство, а потом говорят – голосуйте за демократов, или отправим вас

восвояси.

– Издевайся сколько хочешь, все равно Таммани заботятся о бедных людях. Допустим, человек заболел и не может заплатить за квартиру. Неужели ты думаешь, что партия допустит, чтобы хозяин его выселил? Нет, шалишь. Никогда этому не бывать, если человек демократ.

– А хозяева, видать, все сплошь республиканцы, – ответила Кэти.

– Нет. Система работает в обе стороны. Представь, что у хозяина заморочки с жильцом, который вместо квартплаты дал ему в нос. Что тогда? Партия защищает хозяина.

– Если сравнить, сколько твои Таммани дают людям и сколько берут, то выйдет, что берут в два раза больше. Вот погоди уже, скоро мы, женщины, будем голосовать!

Джонни рассмеялся.

– Ты не веришь, что мы будем голосовать? Этот день не за горами. Попомни мои слова. Мы отправим всех этих продажных политиканов туда, где им самое место, – за решетку.

– Если наступит день, когда женщины будут голосовать, я за руку поведу тебя на избирательный участок, и ты проголосуешь, как я скажу.

Он положил руку ей на плечо и приобнял.

Кэти улыбнулась в ответ. Фрэнси невольно отметила, что улыбка у мамы получилась загадочная, как у той женщины, портрет которой она видела в школе, ее зовут «Мона Лиза».

Популярность Таммани во многом обяснялась тем, что они завлекали детей и воспитывали их в партийном духе. Самому тупому прислужнику политического босса хватало смекалки, чтобы сообразить – время уж точно не стоит на месте, и сегодняшний школьник завтра станет избирателем. Партия вербовала в ряды своих сторонников не только мальчиков, но и девочек. В ту пору женщины еще не получили права голоса, но политики знали, что в Бруклине мужья находятся под большим влиянием своих жен. Воспитай из девочки сторонницу партии, и можешь быть уверен, что, когда она вырастет и выйдет замуж, уж она позаботится о том, чтобы ее муж голосовал только за демократов. Для завоевания детских сердец Ассоциация Мэтти Мэгони каждое лето устраивала экскурсии для семей с детьми. Хотя Кэти не питала к партии никаких чувств, кроме презрения, она не видела причин отказываться от возможности приятно провести время. Когда Фрэнси узнала, что они поплывут на корабле, она пришла в такое волнение, на которое способен только десятилетний ребенок, если никогда раньше ни на чем не плавал. Джонни отказался от этого путешествия и не понимал, почему Кэти согласилась.

– Я хочу поехать, потому что люблю жизнь, – дала она странное объяснение.

– Если жизнь – это суматоха, то я на такое не подписываюсь, – ответил Джонни.

Но все-таки он поехал. Он подумал, что путешествие может быть познавательным и хотел поспособствовать образованию детей. День был жаркий, душный. Палуба кишмя кишела детьми, обезумевшими от возбуждения, они носились туда-сюда и постоянно пытались свалиться в реку Гудзон. Фрэнси все смотрела и смотрела на воду, пока у нее впервые в жизни не заболела голова. Джонни рассказал детям, как Генри Гудзон плыл по этой самой реке много лет назад. Фрэнси гадала, тошнило мистера Гудзона, как ее, или нет. Мама сидела на палубе, она была очень красивая в зеленой соломенной шляпке и желтом платье в горошек, которое одолжила у тети Эви. Люди окружили ее и смеялись. Мама была прекрасной рассказчицей, всем нравилось ее слушать.

Вскоре после полудня корабль причалил возле горной долины на севере штата, демократы высадились на берег и разбрелись. Дети бегали и тратили свои билетики. Неделю назад все дети получили девять зеленых полосок с надписями: «хот-дог», «газированная вода», «карусель» и так далее. Фрэнси тоже получила, но какие-то смекалистые мальчики уговорили ее сыграть на них в «шарики». Мальчики убедили ее, что она запросто может выиграть пятьдесят билетиков и здорово повеселиться в поездке. Фрэнси плохо играла в «шарики» и быстро лишилась всех билетиков. Зато Нили выиграл три билетика, ему повезло. Фрэнси спросила маму, не мог бы Нили дать ей один билетик. Кэти воспользовалась случаем, чтобы прочитать Фрэнси лекцию о вреде азартных игр.

– У тебя тоже были билетики. Но ты возомнила себя умнее всех и полезла куда не следует. Когда люди впутываются в азартную игру, они думают только о победе. Им в голову не приходит, что они могут проиграть. Запомни раз и навсегда: в любой игре всегда есть проигравший, и ты можешь стать им с такой же вероятностью, как и кто-то другой. Если ты усвоишь этот урок всего лишь ценой потери билетиков, считай, что дешево отделалась.

Мама была права. Фрэнси *понимала*, что она права. Но от этого ей не становилось легче. Ей хотелось кататься на каруселях, как все. Хотелось газировки. Она стояла возле прилавка с хот-догами и горестно смотрела, как дети уплетают их, когда с ней заговорил какой-то мужчина. В форме, как у полицейского, только золота побольше.

– Что, нет билетиков, девочка? – спросил он.

– Я забыла их дома, – соврала Фрэнси.

– Я и сам в детстве не очень хорошо играл в «шарики», – он вынул из кармана три полоски. – Мы каждый год учитываем, что бывают такие случаи. Только чаще проигрывают свои билетики мальчики. Девочки обычно дорожат тем, что имеют, даже самой малостью.

Фрэнси посмотрела на билетики, поблагодарила и хотела уйти, когда он спросил:

– Это не твоя ли мама сидит вон там в зеленой шляпке?

– Да, – Фрэнси подождала, но он больше ничего не сказал. Тогда она спросила: – А что?

– Молись каждый вечер, чтобы вырасти хотя бы наполовину такой же красавицей, как твоя мама. Непременно молись.

– А рядом с ней стоит мой папа.

Фрэнси надеялась услышать похвалу и папе – он ведь тоже очень красивый. Но мужчина смерил Джонни взглядом и промолчал. Фрэнси убежала.

Мама велела Фрэнси подходить к ней каждые полчаса, отмечаться. Когда Фрэнси подошла в следующий раз, Джонни допивал кружку бесплатного пива. Мама поддразнила ее:

– Ты как тетя Сисси – та вечно заговаривает с мужчинами в форме.

– Он дал мне запасные билетики.

– Я видела, – кивнула Кэти и поинтересовалась довольно небрежно: – О чем он спрашивал тебя?

– Он спросил, ты моя мама или нет.

Фрэнси не стала повторять его слова о том, что мама красавица.

– Я так и думала, – Кэти уставилась на свои руки.

Руки были натруженные, красные, разъеденные мыльной водой. Она вынула из сумочки пару хлопчатобумажных перчаток. Надела их, несмотря на жару. И вздохнула:

– Я ужасно много работаю. Иной раз забываю, что я женщина.

Фрэнси удивилась. Мамины слова походили на жалобу, а Фрэнси никогда не слышала, чтобы мама жаловалась. Удивило Фрэнси и то, что мама ни с того ни с сего застеснялась своих рук. Убегая прочь, она услышала, как мама спрашивает соседку:

– Кто этот мужчина – вон там, в форме?

– Сержант Майкл Макшейн. Странно, что вы не знаете. Он же с вашего избирательного участка.

Веселье продолжалось. На всех столах стояли бочонки с пивом, и почтенным демократам наливали бесплатно. Фрэнси была в приподнятом настроении, кричала, носилась и устраивала кучу-малу, как все дети. Пиво лилось рекой, как вода в бруклинской сточной канаве после ливня. Духовой оркестр наяривал. Чего только не играли: «The Kerry Dancers», и «When Irish Eyes Are Smiling», и «Harrigan, That’s Me». Играли и «The River Shannon», и неофициальный гимн Нью-Йорка «The Sidewalks of New York».

Дирижер объявлял перед каждым номером программы: «Сейчас оркестр Мэтти Мэгони сыграет…» Доиграв мелодию, музыканты кричали хором: «Ура Мэтти Мэгони!» После каждой кружки пива слушатели тоже кричали: «Да здравствует Мэтти Мэгони!» Возле каждого аттракциона висела табличка: «Кросс на приз Мэтти Мэгони», «Бег в мешках на приз Мэтти Мэгони», и все в таком роде. День еще не успел закончиться, а Фрэнси уже не сомневалась, что Мэтти Мэгони – величайший из людей.

После обеда Фрэнси решила, что нужно найти мистера Мэгони и лично поблагодарить его за чудесный праздник. Она искала его везде, спрашивала у всех, но странное дело, никто не знал Мэтти Мэгони, никто его не видел. Выходит, на пикник он не пришел. Его присутствие ощущалось везде, но сам он оставался невидимкой. Один мужчина сказал Фрэнси, что, возможно, никакого Мэтти Мэгони не существует, это просто имя – должен же кто-то возглавлять партию.

– Я голосую уже сорок лет, – сказал мужчина. – И кандидата всегда зовут Мэтти Мэгони. Может, там разные люди, но имя у них одинаковое. Я не знаю, кто это, девочка. Честно тебе скажу. Знаю только одно – я всегда голосую за демократов.

Обратный путь по реке Гудзон при лунном свете запомнился фейерверками, которые запускали мужчины. Дети обгорели на солнце, капризничали, их тошнило. Нили заснул у мамы на коленях. Фрэнси сидела на палубе и слушала, как разговаривают мама с папой.

– Ты, случайно, не знаешь сержанта Майкла Макшейна? – спросила Кэти.

– Слышал о нем. Его называют «Честный полицейский». Партия его ценит. Не удивлюсь, если его выдвинут в депутаты.

Мужчина, сидевший рядом, наклонился и коснулся рукой плеча Джонни.

– Но у комиссара полиции больше шансов, приятель, – сказал он.

– А что он за человек, этот Макшейн? – спросила Кэти.

– Он как будто из романа Элджера. Приехал из Ирландии двадцать

пять лет назад с рюкзаком за плечами. Работал охранником в доке, по вечерам учился и вышел в люди. Продолжил учиться, сдал экзамены и дослужился до сержанта, – ответил Джонни.

– Наверное, жена у него из образованных, помогала ему?

– Представь себе, нет. Сразу после приезда он поселился в одной ирландской семье, жил в ней, пока не встал на ноги. В этой семье была дочка, она вышла за какого-то бродягу, тот ее бросил во время медового месяца, потом его убили в драке. А девушка ждала ребенка, и попробуй, докажи соседям, что он от законного мужа. Семье позора не миновать, и тут мистер Макшейн женится на ней и дает ребенку свое имя. В благодарность за то, что для него сделала эта семья. Брак не по любви, конечно, но он к жене очень хорошо относится, как я слышал.

– А общие дети у них есть?

– Четырнадцать, я слыхал.

– Четырнадцать!

– Но в живых остались только четверо. Остальные умерли совсем маленькими. Вроде как от туберкулеза. Передался им по наследству от матери. Да, пришлось ему хлебнуть на своем веку, – задумчиво подытожил Джонни. – Он хороший человек.

– Жена у него жива?

– Жива, но сильно болеет. Недолго ей жить осталось.

– Ну, такие могут долго протянуть.

– Кэти! – Джонни возмутился реплике жены.

– А что Кэти! Я не виню ее за то, что она вышла замуж за бродягу и родила от него ребенка. Это ее право! Но я виню ее за то, что она не лечилась. Почему она перекладывает свои проблемы на хорошего человека?

– Нет смысла это обсуждать.

– Надеюсь, она умрет, и скоро.

– Тише, Кэти.

– Да, надеюсь. Тогда он сможет жениться снова – на полной сил, здоровой женщине, которая родит ему здоровых детей. На это имеет право любой хороший человек.

Джонни промолчал. В душе у Фрэнси, пока она слушала этот разговор, росла тревога, которой она не могла найти объяснения. Она встала с места, подошла к папе, взяла его руку и сильно сжала. Джонни широко открыл глаза от удивления. Он притянул дочь к себе, крепко обнял. Но сказал только:

– Посмотри, какая лунная дорожка на воде.

Вскоре после пикника демократическая партия начала готовиться к Дню выборов. Всем детям в районе раздали значки с физиономией Мэтти. Фрэнси получила несколько и долго смотрела на них. Загадочный Мэтти вырос в ее воображении до гигантских размеров, занял место Святого Духа – невидимый, но вездесущий. На значке был изображен мужчина с заурядным лицом, с волнистым чубом и с усами, как велосипедная ручка. По виду он ничем не отличался от любого мелкого политика. Фрэнси мечтала увидеть его во плоти – хотя бы раз в жизни.

Из-за значков все посходили с ума. Дети менялись ими, играли в них, использовали как валюту местного значения. Нили продал мальчику свою футболку за десять значков. Джимпи, владелец кондитерской лавки, обменял пятнадцать значков, имевшихся у Фрэнси, на конфету ценой в пенни. У Джимпи был договор с партией, он возвращал значки и получал за них деньги. Фрэнси, одержимая мечтой увидеть Мэтти, повсюду натыкалась на его лицо. То ей встретятся мальчики, которые перекидываются рекламками с его изображением. То он улыбается с расплющенной под колесом трамвая жестянки, которой играют в классики. Мэтти прятался в карманах Нили. Заглянув в канализационный люк, Фрэнси видела лицо Мэтти на плакате, который покачивался на воде. Его лицо смотрело с листовок, валявшихся в слякоти у заборов. Однажды в церкви Фрэнси заметила, как Панки Перкинс бросил в банку для пожертвований два значка вместо двух пенни, которые дала ему мать, а после службы пошел в лавку и купил четыре сигареты «Sweet Caporal» на два пенни. Фрэнси встречала лицо Мэтти везде, но так ни разу и не увидела его самого.

За неделю до выборов Фрэнси с Нили и мальчиками собирала «дань» – так назывались поленья для больших костров, которые разжигали в ночь выборов. Фрэнси помогала укладывать «дань» в подвале.

В День выборов Фрэнси встала ни свет ни заря и увидела человека, который подошел к их дому и постучал в дверь. Джонни подал голос, и человек спросил:

– Нолан?

– Да, – ответил Джонни.

– Будьте на избирательном участке в одиннадцать, – мужчина отметил фамилию Нолана в списке и протянул ему сигару. – Подарок от Мэтти Мэгони.

С этим словами он отправился к следующему демократу.

– А зачем он тебя зовет, ты ведь и так пошел бы? – спросила Фрэнси.

– Конечно, пошел бы, но они каждому назначают определенное время, для порядка. А то все сразу придут, и получится столпотворение. Это нехорошо.

– Почему нехорошо?

– Потому.

– Я тебе объясню почему, – вмешалась мама. – Потому что они хотят следить за теми, кто голосует. Поджидают человека к определенному часу и, если он передумал голосовать за Мэтти, вразумляют его с Божьей помощью.

– Все-таки женщины ничего не смыслят в политике, – сказал Джонни и закурил сигару от Мэтти.

Фрэнси помогала Нили перетаскивать поленья в День выборов. Они сложили их в самый большой костер в квартале. Фрэнси примкнула к другим детям, и они плясали вокруг костра, как индейцы, распевая «Таммани, Таммани». Когда костер догорел дотла, оставив после себя горку золы, мальчики совершили набег на тележки евреев-торговцев и добыли картошки, которую стали печь в золе. Печеную картошку называли «мики». На всех ее не хватило, и Фрэнси ничего не досталось.

Она стояла на улице, смотрела, как высвечиваются результаты выборов на простыне, натянутой между окнами углового дома. Цифры проецировались на этот экран с помощью волшебного фонаря, установленного на другой стороне улицы. При появлении нового числа Фрэнси кричала вместе с детьми:

– Новости от избирателей!

Время от времени на экране появлялось лицо Мэтти, и толпа приветствовала его криком. В том году демократ был избран президентом, демократ-губернатор штата переизбран, но для Фрэнси это означало одно: Мэтти Мэгони победил.

После выборов политики забывали о своих обещаниях и наслаждались заслуженным отдыхом до Нового года, когда наступала пора готовиться к следующим выборам. Второго января в штаб-квартире демократов отмечали женский день. Единственный день в году, когда в сугубо мужской мир допускали женщин, их угощали вишневой наливкой и маффинами. Весь день сторонники Мэтти галантно встречали и развлекали женщин. Сам Мэтти не показывался. Во время визита женщины оставляли карточку со своим именем на стеклянном блюде, которое стояло в холле на столе.

Презрение, которое питала Кэти к политиканам, не мешало ей каждый год посещать штаб-квартиру демократов. Она чистила и наглаживала серый, расшитый позументом костюм, надевала его, лихо сдвигала зеленую бархатную шляпку на правый глаз. Она даже давала писарю, который открывал свою временную лавочку возле штаб-квартиры, десять центов, чтобы сделал карточку с ее именем. Эта монета предназначалась для жестяного банка, но Кэти считала, что раз в году может позволить себе безумство. Писарь выводил «миссис Джон Нолан», украшая заглавные буквы цветочками и ангелочками.

Дома семья ждала ее возвращения. Всем не терпелось узнать подробности.

– Как все прошло в этом году? – спрашивал Джонни.

– Так же, как в прошлом. Толкучка, как всегда. Толпа разряженных женщин в новых платьях – держу пари, что специально купили для этого случая. Как всегда, лучше всех одеты проститутки, – сказала Кэти в своей прямолинейной манере. – И, как всегда, на одну порядочную женщину две проститутки.

25

Джонни был из числа людей, склонных к навязчивым идеям. Он вбил себе в голову мысль, что жизнь оказалась ему не по зубам, и он пил, чтобы забыться. Фрэнси научилась различать, когда он выпил больше обычного. В этом случае его походка становилась ровнее. Он ступал осторожно, почти не отклоняясь от прямой. Пьяный, Джонни делался тихим и ко всему равнодушным. Не спорил, не пел, не выражал чувств. Был задумчив. Люди, не знавшие Джонни, считали его трезвым именно тогда, когда он напивался, потому что на трезвую голову он фонтанировал песнями и был эмоциональным. А в пьяном виде Джонни походил на уравновешенного и серьезного мужчину, который обдумывает свои дела.

Фрэнси очень не любила, когда у папы начинался запой – не потому, что осуждала его, а потому, что он превращался в чужого, незнакомого человека. Не разговаривал с ней и вообще ни с кем. Смотрел на нее как посторонний. Если мама заговаривала с ним, отворачивался и от нее.

Когда Джонни выходил из запоя, ему не давала покоя мысль, что он плохой отец. Ему казалось, что он должен учить своих детей жизни. Он прекращал пить на какое-то время, принимал решение трудиться в поте лица, а все свободное время посвящать Фрэнси и Нили. Образованию он

придавал такое же огромное значение, как Мария Ромли, мать Кэти. Он хотел научить детей всему, что знал сам, чтобы к своим четырнадцати и пятнадцати годам они знали столько же, сколько он в свои тридцать. Джонни надеялся, что дальше они будут учиться самостоятельно, и по его расчетам выходило, что, когда им исполнится тридцать лет, они будут в два раза умнее, чем он в тридцать.

Джонни полагал – исходя из своих представлений, – что детям пригодятся география, основы гражданского права, социология. Поэтому он повел их на Бушвик-авеню.

Бушвик-авеню – роскошный бульвар в старом Бруклине. Широкий, тенистый, и дома на нем богатые, солидные, из больших гранитных блоков, с высокими каменными ступенями. Здесь жили крупные политики, семьи богатых пивоваров, процветающие эмигранты, которые прибыли первым классом, а не третьим. Они привезли с собой в Америку свои деньги, свой статус, писанные маслом картины старых мастеров и поселились в Бруклине.

Автомобили уже появились на улицах, но эти семьи предпочитали ездить в великолепных экипажах, запряженных породистыми лошадьми. Папа показал Фрэнси разные типы карет и рассказал про них. Она с благоговением смотрела, как они проезжают мимо.

Были там лакированные изящные экипажи, обитые белым атласом, с большими зонтиками, украшенными бахромой, в них ездили красивые утонченные женщины. Были хорошенькие плетеные повозки, со скамейками с четырех сторон, на которых сидели счастливчики-дети, их вез шетландский пони. Фрэнси смотрела на величественных гувернанток, которые сопровождали этих детей, – особы из другого мира, в накидках и крахмальных чепцах, они сидели на облучке и управляли пони.

Фрэнси увидела и практичные двухместные экипажи, запряженные одной лошадью, ими управляли щеголеватые молодые люди в лайковых перчатках с раструбами, напоминавшими манжеты.

Солидные семейные экипажи, запряженные несколькими лошадьми, не произвели на Фрэнси большого впечатления, потому что любой гробовщик в Уильямсбурге предоставлял не один такой на выбор.

Больше всего Фрэнси понравились двухколесные кебы. Было что-то волшебное в том, как ловко они скользили на двух колесах, а забавная дверца захлопывалась сама собой, когда пассажир занимал место! Фрэнси по наивности полагала, что дверца нужна для защиты пассажиров от конского помета. Будь я мужчина, думала Фрэнси, вот такую работу хотела б иметь – управлять подобным экипажем. Какое счастье – сидеть на

возвышении с послушным кнутом в руке! Какое счастье – носить такое просторное пальто с большими пуговицами, бархатным воротником и высокую заломленную шляпу с кокардой на ленте! Какое счастье – укрывать колени свернутым клетчатым одеялом, с виду таким дорогим! Фрэнси вполголоса изобразила крик кучера:

– Подвезти, сэр? Подвезти?

– Любой может свободно ездить в таком прекрасном кебе, – произнес Джонни, опять воодушевляясь своей любимой мечтой о Демократии, и уточнил:

– При условии, что у него есть деньги. Теперь ты понимаешь, что значит – жить в свободной стране.

– Как же свободно ездить – если нужно *платить*? – спросила Фрэнси.

– Свободно в том смысле, что, если у тебя есть деньги, никто не запрещает ездить в таком экипаже, и не важно, кто ты. В тех странах, откуда многие приехали, не всем людям разрешено ездить в экипажах, даже если у них есть деньги.

– Но ведь страна была бы еще свободнее, если б мы ездили бесплатно, – упорствовала Фрэнси.

– Нет, – отрезал Джонни.

– Почему нет?

– Потому что это называется социализм, а не демократия, – торжествующе провозгласил Джонни. – А нам тут социализм не нужен.

– Почему?

– Потому что у нас есть демократия, самая лучшая вещь на свете, – подвел итог Джонни.

Ходил слух, что будущий мэр Нью-Йорка живет на Бушвик-авеню в Бруклине. Эта новость волновала Джонни.

– Посмотри на эти дома, Фрэнси! Как ты думаешь, в каком живет будущий мэр?

Фрэнси огляделась по сторонам, потом потупилась и ответила:

– Не знаю, папа.

– В этом! – объявил Джонни с таким ликованием, словно играл на фанфарах. – И когда-нибудь у крыльца этого дома будут стоять два фонарных столба. И если даже ты заблудился в этом огромном городе, но видишь дом с двумя фонарями, тебе ясно, что здесь живет мэр величайшего города в мире.

– А зачем ему два фонаря? – поинтересовалась Фрэнси.

– Потому что это Америка. А в такой стране, как Америка, где

вершатся такие дела, – Джонни сформулировал туманно, но патриотично. – В такой стране, как Америка, любой знает, что правительство избрано народом, из народа и для народа, и ему не нужно прятаться от народа, как бывает в странах, откуда многие приехали.

Джонни начал напевать вполголоса. Скоро чувства захватили его, и он запел громче. Фрэнси стала подпевать. Джонни пел:

О, великий старый флаг,
Ты взметнулся высоко,
Так развевайся над миром…[19]

Люди посматривали на Джонни с любопытством, а одна сердобольная леди бросила ему пенни.

В памяти Фрэнси сохранилось еще одно воспоминание о Бушвик-авеню. Оно было связано с ароматом роз. Это были розы… розы… с Бушвик-авеню. Транспорт куда-то исчез. На тротуаре толпился народ, полиция его сдерживала. Пахло розами. Затем появилась кавалькада: полицейские верхом на лошади и большой открытый автомобиль, в котором сидел веселый человек с добрым лицом, его шею обвивала гирлянда из роз. Кто-то в толпе приветствовал его радостными криками. Фрэнси сжала папину руку. Вокруг говорили:

– Только подумать! Он тоже был наш, парень из Бруклина!

– Почему *был*? Бредишь, что ли? Он и сейчас живет в Бруклине!

– Да ну?

– Ну да! И живет прямо здесь, на Бушвик-авеню.

– Посмотрите на него! Вы посмотрите на него! – кричала какая-то женщина. – Он совершает подвиги, а сам такой простой, как обычный человек! Как мой муж, только покрасивее!

– Холодно, поди, там было, – сказал какой-то мужчина. – Не отморозил ли он там себе кой-чего, – добавил охальник.

Мужчина, похожий на живой труп, хлопнул Джонни по плечу:

– Приятель, – обратился он. – Ты правда веришь, что этот полюс торчит прямо из земли?

– Конечно, – ответил Джонни. – Ведь этот человек добрался до него и водрузил на него американский флаг.

Тут маленький мальчик заорал:

– Едет!

– Аааа! – откликнулась толпа.

Вопль ликования, который сотряс толпу, когда автомобиль проезжал мимо них, подхватил и Фрэнси. Охваченная восторгом, она кричала во всю глотку:

– Да здравствует доктор Кук[20]! Да здравствует Бруклин!

26

Большинство детей, выросших в Бруклине перед Первой мировой войной, вспоминают День благодарения с особой теплотой. В этот день дети наряжались кто во что горазд, надевали грошовые маски, выходили на улицы, попрошайничали и устраивали «шумные ворота».

Фрэнси отнеслась к выбору маски очень ответственно. Она остановилась на желтокожем китайце с усами из веревочек. Нили купил белую маску смерти с ухмыляющимся черным ртом. Папа в последний момент принес каждому по оловянному рожку, Фрэнси – красный, Нили – зеленый.

Какой костюм Фрэнси соорудила для Нили! Мамино старое платье спереди укоротила до щиколоток, чтобы он мог передвигаться. Сзади длинный подол волочился по земле как шлейф. Нили напихал за пазуху мятых газет, и получился огромный бюст. Чтобы не замерзнуть, надел рваный свитер. Вырядившись таким образом, натянул маску смерти, а на макушку водрузил старый папин котелок. Только тот оказался велик и съехал ему на уши.

Фрэнси надела мамину желтую блузку, ярко-синюю юбку и подпоясалась красным кушаком. Маску китайца она прикрепила красной повязкой и завязала ее под подбородком. Мама заставила натянуть на голову шапку, сделанную из шерстяного чулка, потому что было холодно. Фрэнси положила два грецких ореха в прошлогоднюю пасхальную корзинку, и дети вышли на улицу.

На улицах было полно ряженых детей в масках, они оглушительно дудели в оловянные рожки. У некоторых детей родители по бедности не могли купить им даже маску за пенни. Такие вымазали лица жженой пробкой. Дети из семей побогаче нарядились в костюмы, купленные в магазине: индеец в бахроме, ковбой в шляпе, молочница в марлевом платье. Некоторые просто обмотались грязной простыней и называли это костюмом.

Фрэнси прибилась к одной стайке и бродила с ней. Некоторые владельцы магазинов закрывали двери перед носом у детей, но

большинство припасали для них какой-нибудь гостинец. Хозяин кондитерской несколько месяцев собирал обломки сладостей, а теперь разложил в маленькие пакетики и вручал каждому заходившему ребенку. Он поступал так, потому что его доход состоял в основном из тех грошей, которые приносили дети, и он хотел ладить с ними. Булочникам приходилось выпекать множество мягких пончиков, чтобы раздать детям. В булочную старшие обычно посылали детей, и они выбирали те заведения, где их привечали. Зеленщик пожертвовал бананами и полугнилыми яблоками. Те торговцы, которые не имели с детей никакого барыша, или закрывались, или читали взамен угощения проповедь, что попрошайничать стыдно. В ответ дети устраивали дикий шум перед входом в магазин – топали, кричали, свистели и дудели. Отсюда пошло название этой забавы – «шумные ворота».

К полуночи все закончилось. Фрэнси устала от своего большого не по размеру костюма. Ее маска помялась, она была сделана из дешевой марли, которую сильно накрахмалили, придали форму и так высушили. Какой-то мальчишка отнял у нее рожок и сломал пополам об колено. Ей встретился Нили, который шел с окровавленным носом. Он подрался с мальчишкой, который хотел отнять у него корзинку. Нили не уточнил, кто победил, но кроме своей корзины он держал в руке еще одну. Они вернулись домой как раз к вкусному праздничному ужину – жаркое, домашняя лапша, а после ужина слушали папины рассказы о том, как он отмечал День благодарения, когда был маленьким.

Именно в День благодарения Фрэнси впервые сознательно соврала, была разоблачена и решила стать писательницей.

Накануне Дня благодарения в классе у Фрэнси устроили представление. Учительница выбрала четырех девочек, каждая прочитала стихотворение про День благодарения, а в руке держала символ праздника. У одной – кукурузный початок, у другой – лапка индейки, вместо целой индейки. У третьей – корзина с яблоками, а у четвертой – пятицентовый тыквенный пирог размером с блюдце.

После репетиции лапку индейки и кукурузный початок выбросили в мусорную корзину. Яблоки учительница убрала, чтобы отнести домой. Она спросила, не хочет ли кто-нибудь тыквенного пирога. Тридцать ртов наполнились слюной, тридцать рук дрогнули, но ни одна не поднялась. Среди детей было много бедных, еще больше голодных, но гордость никому не позволила принять подачку. Не дождавшись ответа, учительница решила выкинуть пирог.

Фрэнси не выдержала, невыносимо было представить этот чудесный пирог в мусорной корзине, к тому же она никогда не ела тыквенного пирога. Это чудесная еда первых поселенцев, которые ездили в фургонах, сражались с индейцами. Ей безумно хотелось попробовать пирога. Вмиг она придумала, что сказать, и подняла руку.

– Я рада, что нашелся желающий, – кивнула учительница.

– Я не хочу его есть сама, – гордо соврала Фрэнси. – Но я знаю одну бедную семью и отдам пирог ей.

– Замечательно! – ответила учительница. – Ты правильно понимаешь, в чем дух Дня благодарения.

Фрэнси съела пирог по дороге домой. То ли из-за угрызений совести, то ли из-за непривычного вкуса, но он ей не понравился. Как будто жуешь кусок мыла. В понедельник учительница встретила Фрэнси в коридоре возле класса и спросила, понравился ли бедной семье пирог.

– Ужасно понравился! – ответила Фрэнси. Увидев интерес на лице учительницы, она решила продолжить рассказ: – В этой семье две девочки, у них золотые кудри и большие голубые глаза.

– Вот как? – спросила учительница.

– И они… они двойняшки, – продолжила Фрэнси.

– Как интересно.

– Одну зовут Памела, – Фрэнси почувствовала прилив вдохновения. – А другую Камилла. (Эти имена Фрэнси придумала для кукол, которых у нее никогда не было.)

– И они очень, очень бедны, – добавила учительница.

– Очень, очень. Они ничего не ели три дня и умерли бы, так доктор сказал. Если бы я не принесла им пирог.

– Пирог был очень маленький, чтобы спасти от голодной смерти двух человек, – заметила учительница.

Фрэнси поняла, что она завралась. Она ненавидела свой внутренний голос, который нашептывал ей эту несуразную ложь. Учительница наклонилась и обняла Фрэнси. Девочка заметила слезы на глазах учительницы. У Фрэнси сдали нервы, раскаяние затопило душу горькой водой.

– Я все наврала, – призналась она. – Я сама съела пирог.

– Я знаю.

– Только не пишите письмо домой, – взмолилась Фрэнси, думая про ненастоящий адрес, который они с папой указали. – Я буду каждый день оставаться после уроков, я…

– Я не собираюсь наказывать тебя за то, что ты наделена

воображением.

Очень ласково учительница объяснила, в чем разница между ложью и выдумкой. Ложь – когда ты говоришь неправду по злобе или из трусости. Выдумка – когда ты сочиняешь то, что могло бы произойти. Или рассказываешь не то, как было на самом деле, а то, как должно быть.

Пока учительница говорила, у Фрэнси с души будто камень упал. В последнее время ее одолевало желание приукрашивать. Вместо того чтобы рассказать все как есть, без затей, она добавляла красок, остроты, нерва. Эта манера очень раздражала Кэти, она требовала, чтобы Фрэнси говорила чистую правду и перестала фантазировать. Но голая, неприукрашенная правда не устраивала Фрэнси. Она испытывала потребность ее принарядить.

Кэти и сама была не прочь расцветить жизнь красками, а Джонни – тот и вовсе жил в полувыдуманном мире, но в детях эту черту они старались искоренить. Возможно, у них были на то свои причины. Возможно, они понимали, что дар воображения окрашивает их нищую и безотрадную жизнь в розовый цвет и помогает смириться с ней. Наверное, Кэти считала, что, не будь у них с Джонни этой способности, они бы трезвее смотрели на жизнь, увидели ее в подлинном свете, ужаснулись и нашли способ что-то изменить.

Фрэнси навсегда запомнила слова учительницы. «Знаешь, Фрэнси, многие люди будут думать, что истории, которые ты все время сочиняешь, – ужасная ложь, потому что они не похожи на правду в том смысле, в каком люди понимают правду. В будущем, когда что-то произойдет, ты *расскажи* все как было, но для себя *запиши*, как, по-твоему, должно быть. Правду *говори*, а выдумку *записывай*. Тогда ты их не перепутаешь».

Это был самый лучший совет, который Фрэнси получила в жизни. Правда и фантазия так перемешивались у нее в уме – как у всякого одинокого ребенка, – что она сама не могла их различить. Но учительница все ей разъяснила. После ее слов Фрэнси стала записывать маленькие истории о том, что видела, чувствовала и делала. Со временем она приучилась рассказывать правду, только чуть-чуть приукрашивая факты.

Фрэнси было десять лет от роду, когда она открыла для себя этот выход – писать. Что именно она писала, не имело особого значения. Важно то, что попытка записать историю сохраняла в ее сознании грань между правдой и вымыслом.

Не будь этого спасения, Фрэнси рисковала вырасти большой лгуньей.

27

Рождество было волшебной порой в Бруклине. Оно ощущалось в атмосфере задолго до наступления. Его первым предвестником являлся мистер Мортон, который загодя начинал разучивать в классе рождественские хоралы. Но самый верный признак приближения Рождества – витрины магазинов.

Нужно быть ребенком, чтобы ощущать все волшебство магазинных витрин, в которых выставлены куклы, салазки и прочие игрушки. И за все эти чудеса не нужно платить. Фрэнси могла любоваться ими бесплатно, и это было почти так же упоительно, как обладать.

О, какое потрясение Фрэнси испытала, когда завернула за угол и увидела еще один магазин, украшенный к Рождеству! О, эти чистые сияющие стекла, за которыми мерцал ватный снег, присыпанный блестками! Куклы с соломенно-желтыми волосами и куклы с волосами, которые нравились Фрэнси еще больше: цвета крепкого кофе с большим количеством сливок. Кукольные лица ангельской красоты, а платья из числа тех одежд, которых на земле Фрэнси никогда не встречала. Куклы стояли в легких картонных коробках. Чтоб они не упали, за шею и ноги их придерживали ленточки, пропущенные через отверстия в задней стенке коробки. О, эти синие глаза в обрамлении густых ресниц, они смотрели в самую глубину сердца девочки, а маленькие ручки тянулись к ней, словно умоляя: «Пожалуйста, стань моей мамой!» У Фрэнси никогда не было куклы, если не считать четырехсантиметрового пупса, который стоил никель.

А санки! Это была несбыточная мечта каждого ребенка! Новые санки, на которых кто-то додумался нарисовать цветок – синий с ярко-зелеными листьями, у санок черные полозья, гладкий руль из твердого дерева, они покрыты блестящим лаком! А какие названия написаны на них! «Розовый бутон»! «Магнолия»! «Снежный король»! «Молния»! Фрэнси думала: «Будь у меня такие санки, я бы ни о чем больше не просила Бога до конца жизни!»

Были там и ролики из блестящего металла с ремешками из хорошей коричневой кожи, они лежали на ватном сугробе посреди слюдяного снега и жаждали движения, чуткие серебристые колесики подрагивали, дунь на них – и они закрутятся.

Много там было удивительных вещей. Фрэнси не могла все вместить в сознание, голова кружилась, начинало подташнивать от созерцания этой

красоты, от историй про игрушки в витринах, рождавшихся в воображении.

Елки начинали продавать за неделю до Рождества. Их ветки были связаны, чтобы не раскидывались во всю ширь: так деревья удобнее перевозить. Продавцы елок арендовали место на тротуаре возле какого-нибудь магазина, огораживали его веревкой на колышках и сваливали туда елки. Целыми днями они прохаживались туда-сюда вокруг пахучих деревьев, дули на окоченевшие руки без перчаток и с робкой надеждой поглядывали на прохожих. Одни просили отложить дерево до конца дня, другие приценивались, присматривались и сразу покупали. Но большинство подходило просто, чтобы коснуться ветки, незаметно сжать в щепотку колючие иголки и вдохнуть смоляной дух. Холодный воздух был пропитан хвойным ароматом и запахом апельсинов, которые появлялись в магазинах только на Рождество, и на короткое время убогие улочки делались праздничными.

*** * ***

Существовал в Бруклине довольно жестокий обычай. Он касался тех деревьев, которые остались не проданными до полуночи сочельника. Все знали, что если дождаться этого часа, то дерево не придется покупать – «само к тебе прилетит». И это следовало понимать буквально.

В канун Рождества Всеблагого Спасителя Нашего, ближе к полуночи охотники собирались возле нераспроданных деревьев. Продавец швырял в них дерево за деревом, начиная с самого большого. Доброволец становился напротив. Если не падал от удара, то дерево доставалось ему. Если упал – упустил свой шанс выиграть дерево. Только самые крепкие мальчики и немногие юноши рисковали вставать под большое дерево. Остальные скромно ждали, пока не дойдет очередь до дерева, которое им по силам. Малыши дожидались крошечных елочек в фут высотой и визжали от счастья, когда получали их.

В тот сочельник, когда Фрэнси было десять лет, а Нили девять, мама в первый раз разрешила им попытать счастья в елочных соревнованиях. Фрэнси присмотрела себе дерево еще днем. Она простояла возле него до вечера, моля Бога, чтобы его не купили. К великой радости, в полночь она обнаружила дерево на месте. Самая большая елка из всех стоила так дорого, что всем оказалось не по карману. Десять футов высотой. Ветки до самого верха были связаны новой белой веревкой.

Продавец выбрал его первым. Не успела Фрэнси и слова сказать, как соседский парень лет восемнадцати, по имени Панки Перкинс, выступил вперед и велел кидать в него. Продавец спросил, с чего Панки так обнаглел. Он оглядел толпу и крикнул:

– Есть еще желающие?

Фрэнси сделала шаг вперед и сказала:

– Я, мистер.

Продавец елок саркастически рассмеялся. Дети захихикали. Взрослые, которые собрались поглазеть, захохотали.

– Не дури. У тебя сил не хватит, – сказал продавец.

– А вместе с братом хватит.

Фрэнси вытащила Нили из толпы. Продавец посмотрел на них – худенькая девочка, щеки уже ввалились от недоедания, но подбородок еще по-детски круглый. Посмотрел на ее брата – мальчик со светлыми волосами и круглыми голубыми глазами, Нили Нолан, весь простодушие и доверчивость.

– Двое – это нечестно! – взвизгнул Панки.

– Заткни свою грязную пасть, – посоветовал ему продавец, которому принадлежала вся власть в этот момент. – Эти малыши не из трусливых. А ну, все отойди. Сейчас эти ребятишки покажут, на что они годятся.

Все расступились, образовав живой коридор. Фрэнси с Нили стояли на одном конце, а мужчина с огромной елкой – на другом. Это походило на человеческую воронку, ее узкий конец образовывала Фрэнси с братом. Елочник согнул могучие руки, изготовясь бросить елку. Он видел, какие крошечные фигурки стоят в конце коридора напротив. На долю секунды продавцу елок приоткрылись муки Гефсиманского сада.

«Господи Иисусе, – страдала его душа. – Нужно отдать им эту елку просто так, пожелать счастливого Рождества и отпустить с Богом. Что мне в этой елке? В этом году я ее уже не продам, а до следующего она не дотянет».

Дети серьезно смотрели на него, пока он вел свой диалог с самим собой.

«Нет, так не годится, – отвечал здравый смысл. – Если я поступлю так, остальные тоже захотят получить елку задарма. И на следующий год ни одна душа не станет покупать у меня. Все будут ждать халявы на блюдечке. Я же не богач, чтобы раздавать елки направо и налево за просто так. Я обязан думать о себе и о своих детях, а не об этих».

Наконец он принял решение.

«Ладно, какого черта. Этим шпендрикам выпало родиться в таком

мире. Пусть привыкают. Пусть учатся получать не только подарки, но и шишки. Да, черт возьми, какие тут подарки, в этой треклятой жизни, будь она неладна, кругом одни шишки, шишки, шишки!»

И он со всего размаху швырнул елку, а сердце у него выло:

– Это треклятая, чертова, поганая жизнь!

Фрэнси увидела, как ель вылетела из его рук. На мгновение и время, и пространство потеряли значение. Весь мир замер, пока огромное, темное чудовище летело в воздухе. Оно направлялось прямо на нее, и все мысли, все воспоминания у нее в голове испарились куда-то. Ничего не осталось, пустота – и колючая туша, которая, приближаясь, становилась все больше и больше. Фрэнси покачнулась, когда дерево долетело до них и рухнуло на землю с пронзительным свистом. У Нили подогнулись колени, но она с силой дернула брата за руку и не дала упасть. Колючая зеленая тьма накрыла Фрэнси. Потом она почувствовала острую боль во лбу сбоку, куда пришелся удар ствола. Нили дрожал.

Когда мальчики из тех, что постарше, оттащили дерево в сторону, все увидели, что Фрэнси и ее брат стоят прямо, рука в руку, бок о бок. По лицу Нили из царапин текла кровь. Сейчас он особенно походил на младенца – изумленный взгляд голубых глаз и кожа, казавшаяся еще нежнее по контрасту с красными струйками крови. Но брат с сестрой улыбались. Разве не они выиграли самую большую елку в районе? Кто-то из ребят крикнул: «Ура!» Взрослые зааплодировали. Елочник поздравил их, заорав:

– А теперь валите к черту со своей елкой, вшивые говнюки!

Брань окружала Фрэнси с самого рождения. У людей, среди которых она жила, сквернословие играло особую роль. Это был просто способ выразить свои чувства, единственно доступный необразованному человеку с маленьким словарным запасом, своего рода диалект.

Одни и те же слова могли передавать самые разные смыслы в зависимости от выражения лица и интонации говорившего. И теперь, когда Фрэнси услышала, как ее с братом назвали «вшивыми говнюками», она застенчиво улыбнулась этому доброму человеку. Она поняла, что на самом деле он хотел сказать: «До свидания, дети – и да хранит вас Бог».

Дотащить елку до дома оказалось непросто. Они продвигались по чуть-чуть. Сильно мешал какой-то мальчишка, который, пробегая мимо, с криком «бесплатная карета, эх, прокатимся» вскочил верхом на елку, и пришлось тянуть его тоже. Но мальчишке в конце концов наскучило, и он спрыгнул.

В каком-то смысле даже хорошо, что путь с елкой до дома оказался

таким долгим. Они успели насладиться своей победой. Фрэнси обмерла от счастья, когда прохожая женщина сказала: «Надо же, никогда не видела таких огромных елок». Мужчина крикнул им вслед: «Ребяты, вы ж, поди, банк грабанули, чтобы купить такую громадину!» Полицейский на углу остановил их, осмотрел дерево и важно предложил купить его за десять, даже за пятнадцать центов при условии, что они дотащат его к нему домой. Фрэнси чуть не лопнула от гордости, хотя понимала, что он шутит. Она ответила, что не продадут елку даже за доллар, вот. Он покачал головой и назвал ее дурочкой, коль отказалась от такой выгодной сделки. Полицейский уже свернул за угол, а Фрэнси все улыбалась и отрицательно качала головой.

Они словно оказались участниками рождественского спектакля, который разыгрывался морозной рождественской ночью на подмостках улицы, в нем участвовали разные персонажи – добрый полицейский, брат Нили, сама Фрэнси. Фрэнси знала все роли. Полицейский играл свою роль правильно, и Фрэнси радостно подавала реплики, а в ремарках между репликами значилось «все улыбаются».

Чтобы поднять елку по узкой лестнице, пришлось позвать на помощь папу. Папа спустился бегом. Фрэнси с облегчением отметила по его походке, что он пока еще трезв.

Папино изумление при виде гигантской елки тоже потешило гордость. Он притворился, будто не верит, что эта елка принадлежит им. Фрэнси здорово повеселилась, убеждая его, хотя с самого начала понимала, что все это игра. Папа взял елку и пошел впереди, а Фрэнси с Нили поддерживали ее сзади, и так они поднимали елку на третий этаж. Джонни от полноты чувств запел, не заботясь о том, что уже довольно поздно. Он пел «Святую ночь». Стены на узкой лестнице вбирали звуки его приятного голоса, задерживали на мгновение и возвращали еще более сладостными. Люди открывали двери квартир и выходили на площадку, восхищенные и довольные тем, что эта минута в их жизни отмечена неожиданным событием.

Фрэнси увидела сестер Тинмор, они стояли рядом в дверном проеме, волосы в папильотках, а из-под широких халатов виднелись накрахмаленные нижние рубашки. Они стали подпевать Джонни тонкими пронзительными голосами. Флосс Гэддис, ее мать и ее брат Хэнни, который умирал от чахотки, стояли возле своей двери. Хэнни плакал, и Джонни, увидев его, перестал петь – подумал, может, песня так огорчила его.

Флосси была в костюме, она дожидалась кавалера, чтобы пойти с ним на бал-маскарад, который начинался после полуночи. Она стояла в наряде

танцовщицы из бара на Клондайке, в черных шелковых чулках и туфлях на каблуках-рюмочках, под левым коленом красная подвязка, а в правой руке черная маска наготове. Она улыбнулась, глядя Джонни прямо в глаза. Положила руку на бедро, соблазнительно изогнула его – так ей, по крайней мере, казалось – и уперлась им в дверную притолоку. С единственной целью – развеселить Хэнни, Джонни сказал:

– Флосс, у нас нет ангела, чтобы украсить верхушку елки. Может, ты его заменишь?

Флосс уже хотела отпустить скабрезное замечание, что пока вскарабкаешься на елку, так всю задницу обдерешь. Но передумала. Было что-то такое в этом величественном дереве, несмотря на его униженное положение сейчас, когда его связанным волокли по лестнице, и в этих лучащихся счастьем детях, и в этом благорасположении соседей, таком редком, что она устыдилась своих несказанных слов. И произнесла только:

– Ну, ты и шутник, Джонни Нолан.

Кэти стояла на площадке последнего лестничного пролета одна, скрестив руки на груди. Она услышала пение. Она посмотрела вниз и увидела, как медленно процессия продвигается вверх по лестнице. И глубоко задумалась.

«Дети считают, что все прекрасно, – размышляла Кэти. – Чего еще желать – им даром досталась такая елка, и отец веселится вместе с ними, и поет песни, и соседи довольны. Они считают, что им крупно повезло в жизни, и радуются, что снова Рождество. Они не понимают, что мы живем на жалкой улице, в жалком доме, среди не очень-то хороших людей. Джонни с детьми не видят убожества вокруг и не понимают, какое это убожество – радоваться этому убожеству. Мои дети должны вырваться отсюда. Но как этого добиться? Похоже, что недостаточно читать в день по странице из этих великих книг и собирать гроши в жестянку. Деньги! Помогли бы деньги? Да, многое упростили бы. Но одних денег тут недостаточно. Макгэррити держит бар на углу, и денег у него куры не клюют. У его жены бриллиантовые сережки. Но его дети не так воспитанны и умны, как мои. Его дети жадные и злые, потому что у них есть вещи, которыми они хвастаются перед бедными. Я видела, как дочь Макгэррити на улице ела конфеты прямо из пакета, а вереница голодных детей смотрела ей в рот. У них сердце кровью обливалось, когда они смотрели. А когда она наелась до отвала, то выбросила остатки в сточную канаву вместо того, чтобы отдать им. Нет, нет, деньги еще не все. Дочка Макгэррити каждый день меняет банты в волосах, и каждый стоит

пятьдесят центов, на пятьдесят центов мы вчетвером можем прожить целый день. А волосы у нее жидкие и сизого цвета. У моего Нили кепка дырявая и мятая, а волосы густые, темно-золотистые и вьются. У моей Фрэнси вообще нет банта, а волосы длинные и блестящие. Разве за деньги такое купишь? Нет. Значит, есть что-то важнее денег. Мисс Джексон работает в Социальном центре, она не получает денег. Она преподает бесплатно, из благотворительности. Живет в маленькой комнате на верхнем этаже. У нее только одно платье, но оно всегда чистое и отглаженное. Когда разговаривает, она смотрит тебе прямо в глаза. Когда слушаешь ее, кажется, что был болен и вот теперь выздоравливаешь от звука ее голоса. Она разбирается в жизни – мисс Джексон. Она понимает в жизни. Она может жить среди грязи и убожества и оставаться чистой и красивой, она как актриса в театре, на которую любуешься, но дотронуться не решаешься. Какая разница между ней и миссис Макгэррити, у которой куча денег, но сама она жирная и грязно заигрывает с водителями, которые привозят пиво в бар ее мужа! Так в чем же разница между ней и мисс Джексон, у которой нет денег?»

И Кэти нашла ответ. Он был настолько прост, что она почувствовала изумление, похожее на боль. Образование! Вот в чем разница! Вся разница в образовании! Образование вытащит ее детей из грязи и убожества. Доказательства? У Мисс Джексон есть образование, а у миссис Макгэррити нет. О! Это то самое, о чем Мария Ромли, ее мать, твердила все эти годы. Только мать не знала, как это назвать одним словом: образование!

Глядя, как дети с елкой карабкаются наверх, прислушиваясь к их голосам, пока еще совсем детским, Кэти приняла решение дать детям образование.

«Фрэнси способная, – думала она. – Она должна окончить среднюю школу и, может, даже продолжить учебу. Она умеет учиться и выйдет со временем в люди. Но, получив образование, она отдалится от меня. Что ж, мы и сейчас не близки. Она любит меня меньше, чем мальчик. Я чувствую, как она отдаляется. Она не понимает меня. Все, что она понимает, – это то, что я не понимаю ее. Может, когда получит образование, она будет стыдиться меня – того, как я разговариваю, например. Но у нее очень сильный характер, и она не подаст виду. Будет стараться изменить меня. Будет навещать, помогать зажить лучше, а я буду злиться на нее из-за того, что она выше меня. Она многое узнает, когда вырастет. Ей придется многое узнать ради ее же блага. Она узнает, что я люблю ее не так сильно, как мальчика. Это так, и я ничего не могу с этим поделать. Но она не поймет, почему так. Иногда мне кажется, что она и теперь это знает. Она уже

отдаляется от меня, скоро оторвется совсем. Переход в другую, дальнюю школу – это только первый шаг прочь от меня. А Нили никогда не оставит меня, вот почему я люблю его больше. Он прикипит ко мне и всегда будет понимать меня. Хочу, чтобы он стал врачом. Он должен стать врачом. Может, он будет еще и на скрипке играть. У него есть музыкальный талант. Достался ему от отца. Нили уже играет на пианино лучше, чем мы с Фрэнси. Да, у его отца есть музыкальный талант, но он не принес ему счастья. Только разрушает его. Не умей Джонни петь, люди не звали бы его в компании и не спаивали. Что проку в красивом пении, если и ему, и нам от этого только хуже? С мальчиком все будет по-другому. Он получит образование. Уж я придумаю способ. Джонни осталось недолго быть с нами. Боже правый, когда-то я любила его так сильно – и сейчас люблю иногда. Но от него никакой пользы… никакой пользы. Прости меня, Господи, за эти мысли».

Вот о чем размышляла Кэти, пока дети вместе с Джонни тащили елку по лестнице. Люди смотрели на нее – на ее спокойное красивое приветливое лицо – и понятия не имели, какие тяжелые мысли рождаются у нее в голове.

Елку поставили в гостиной, накрыли простыней ковер, чтобы защитить розы от иголок. Дерево стояло в большом цинковом ведре, заполненном битым кирпичом, чтобы не падало. Когда веревку разрезали, ветви раскинулись и заполонили всю комнату. Ветви накрыли пианино, и казалось, что стулья стоят в лесу. Денег на елочные игрушки и фонарики не нашлось. Но дерева самого по себе было вполне достаточно. В комнате зуб на зуб не попадал. Дела у них в том году шли из рук вон плохо – так плохо, что угля для печи в гостиной не удалось прикупить. Воздух в гостиной был холодный, чистый, хвойный. Каждый день всю неделю, пока елка стояла там, Фрэнси надевала свитер, вязаную шапку и садилась под дерево. Сидела под ним, вдыхала его запах и любовалась густой зеленью. О, великая тайна гордого дерева, заключенного в цинковое ведро и плененного в комнате многоквартирного дома!

Хоть в том году они сильно бедствовали, Рождество отпраздновали хорошо, и дети не остались без подарков. Мама подарила им по паре длинных шерстяных рейтуз на вырост и по шерстяной же кусачей рубашке с длинными рукавами. Тетя Эви сделала один подарок на двоих: коробку домино. Папа научил их играть. Нили игра не понравилась, так что папа с Фрэнси играли вдвоем, он проигрывал и делал вид, что сердится.

Бабушка Мария Ромли подарила очень хорошие подарки. Она своими руками сделала каждому по наплечнику. Наплечник состоял из двух овалов, которые она вырезала из ярко-красной шерстяной материи. На одном овале вышила пряжей синий крест, а на другом – золотое сердце с коричневым терновым венком. Черный кинжал пронзал сердце, и с его острия стекали две красные капли крови. Крест и сердце были крохотные и вышиты микроскопическими стежками. Овалы были соединены между собой и прикреплены к корсетному шнуру. Перед тем как подарить наплечники, Мария Ромли отнесла их к священнику – освятить. Надевая наплечник Фрэнси через голову, Мария Ромли произнесла по-немецки: «Хайлигес Вайнахтен», «Со святым Рождеством», потом добавила: «Теперь ангелы небесные не покинут тебя».

Тетя Сисси подарила Фрэнси хорошенький пакетик. Фрэнси открыла его и увидела спичечную коробочку. Маленькую, оклеенную гофрированной бумагой, а сверху – алая глициния из блесток. Фрэнси открыла коробочку. В ней лежали десять кружочков, каждый завернут в кусочек розовой парчи. Оказалось, что каждый кружочек – это пенни, только золотой. Сисси рассказала, что она купила немножко золотой пудры, смешала с капелькой бананового масла и позолотила каждый пенни. Этот подарок понравился Фрэнси больше всего. Она то и дело открывала коробочку – даже прикосновение к ней доставляло огромное удовольствие – и любовалась кобальтовой синевой бумаги, волшебной внутренностью коробочки из тончайшего дерева. Золотые пенни, завернутые в сказочную ткань, казались чудом, которое никогда не надоест. Все согласились, что они слишком хороши, чтобы их тратить. В течение дня Фрэнси потеряла два пенни. Мама сказала, что монеты будут целее в жестянке. Она пообещала, что Фрэнси получит их обратно, когда жестянку вскроют. Фрэнси не сомневалась в том, что мама права – в банке пенни будут целее, и все же с болью опустила золотые кружочки в темноту жестяной банки.

Папа приготовил для Фрэнси специальный подарок. Почтовая открытка, на ней изображена церковь. Купол покрыт слюдяной пылью, которая блестит лучше, чем настоящий снег. Окошечки церкви сделаны из квадратиков блестящей оранжевой бумаги. Чудо этой открытки заключалось в том, что, когда Фрэнси поднимала ее, свет проходил через бумажные окошки и на искрящийся снег падали золотистые блики. Это было сказочное зрелище. Мама сказала, что, раз открытка не подписана, пусть Фрэнси прибережет ее и на следующий год пошлет кому-нибудь.

– Нет, ни за что, – ответила Фрэнси. Она прижала открытку двумя руками к груди.

Мама рассмеялась:

– Научись понимать шутки, Фрэнси, иначе нелегко тебе придется в жизни.

– Рождество не время, чтобы поучать, – заметил папа.

– Зато самое время, чтобы напиться, – вспыхнула мама.

– Я ж всего два стаканчика, Кэти, – оправдывался папа. – Меня поздравили с Рождеством.

Фрэнси ушла в спальню и закрыла за собой дверь. Она не могла слышать, как мама бранит папу.

Перед ужином Фрэнси раздала подарки, которые приготовила для родных. Маме – держалку для шляпных булавок. Она смастерила ее из штырька, который за пенни купила в аптеке Кнайпа. Обшила его голубой атласной лентой, присборенной по краям. Сверху – петля из ленты, чтобы подвесить держалку рядом с комодом и мама могла втыкать в нее шляпные булавки.

Для папы она сделала брелок для часов из катушки, четырех гвоздиков и двух шнурков от ботинок. У Джонни не было часов, но он взял затычку от раковины, прикрепил к ней брелок и носил в кармане жилета весь день, как будто это часы. Для Нили у Фрэнси был заготовлен и вовсе прекрасный подарок: «шарик» за пять центов, который походил на огромный опал. У Нили была целая коробка таких «бросалок» для игры в «шарики», маленьких коричневых или синих, сделанных из глины, которые продавались по двадцать штук за пенни. Но ни одного нормального «шарика» не было, и в серьезной игре он участвовать не мог. Фрэнси заметила, как он указательным пальцем то и дело поглаживает «шарик», зажатый в кулаке. Похоже, подарок ему понравился, и Фрэнси порадовалась, что купила брату именно «шарик», а не дешевый пистолет за пенни, как сначала собиралась.

Нили спрятал «шарик» в карман и объявил, что у него тоже есть подарки. Он побежал в спальню, залез под кровать и вытащил оттуда липкий пакет. Пакет вручил маме со словами: «*Сама* раздай», и отошел в сторонку. Мама открыла пакет. В нем были длинные конфеты-тянучки, каждому по штуке. Мама пришла в неописуемый восторг. Сказала, что лучшего подарка в жизни не получала. Поцеловала Нили три раза. Фрэнси изо всех сил старалась не ревновать из-за того, что подарку Нили мама обрадовалась гораздо больше.

Не прошло и недели, как Фрэнси второй раз в жизни соврала по-крупному. Тетя Эви принесла два билета. Какая-то протестантская организация устраивала праздник для бедняков всех вероисповеданий. На сцене будет украшенная елка, покажут рождественский спектакль и всем детям раздадут подарки. Кэти заявила, что не отпустит своих детей-католиков на елку к протестантам. Эви убеждала ее проявить веротерпимость. Мама наконец сдалась, и Фрэнси с Нили отправились на праздник.

Зал был огромный. Мальчиков рассадили на одной половине, девочек – на другой. Праздник удался, только пьеса оказалась религиозная и скучная. После спектакля служительницы пошли между рядами, раздавая подарки. Девочкам – доску для письма, мальчикам – лото. Потом немного попели, и какая-то дама поднялась на сцену и объявила, что всех ждет необыкновенный сюрприз.

Сюрпризом оказалась хорошенькая нарядно одетая девочка, она вышла на сцену. В руках она держала прекрасную куклу ростом с фут. С золотыми волосами, как настоящие, с ресницами, как настоящие, и с голубыми глазами, которые открывались и закрывались. Дама вывела девочку вперед и начала речь.

– Эту девочку зовут Мэри.

Маленькая Мэри улыбнулась и поклонилась. Девочки в зале улыбнулись ей в ответ, а мальчики из тех, что приближались к подростковому возрасту, присвистнули.

– Мама девочки Мэри купила эту куклу и заказала для нее в точности такой же наряд, как у Мэри.

Мэри сделала шаг вперед и подняла куклу над головой. Потом отдала куклу даме, чтобы оправить юбочку и сделать реверанс. И правда, убедилась Фрэнси. Голубое шелковое платье, обшитое кружевами, розовый бант в волосах, черные лаковые туфельки и белые шелковые носочки – все у куклы было точь-в-точь как у красавицы-девочки.

– Эту куклу зовут Мэри в честь доброй девочки, которая дарит ее вам, – продолжила дама, а девочка снова мило улыбнулась. – Мэри хочет подарить эту куклу какой-нибудь бедной девочке, которую зовут тоже Мэри.

Словно ветерок по полю ржи пробежал взволнованный шепот по рядам девочек в зале.

– Есть ли среди вас бедная девочка по имени Мэри?

Наступила тишина. В зале было не меньше сотни девочек по имени

Мэри. Замолчать всех заставило слово «бедная». Ни одна Мэри не встала, как бы ни хотелось ей получить куклу, потому что не желала становиться символом всех бедных девочек, которые собрались в зале. Они начали перешептываться между собой: никакие они не бедные, и дома у них есть куклы получше, чем эта, и наряды покрасивее, чем у этой девочки, да только неохота надевать. Фрэнси оцепенела, она страстно желала эту куклу.

– Так что же? – спросила дама. – Ни одной Мэри в зале?

Она подождала и повторила свое предложение. Никто не отозвался. Она заговорила с сожалением:

– Очень жаль, что среди вас нет девочки по имени Мэри. Придется малышке Мэри забрать эту куклу домой.

Девочка улыбнулась, поклонилась и развернулась, чтобы покинуть сцену вместе с куклой.

Фрэнси больше не могла терпеть, просто не могла. Как в ту минуту, когда учительница хотела выбросить тыквенный пирог в мусорную корзину. Она вскочила и вытянула руку как можно выше. Дама заметила ее и остановила девочку с куклой.

– О! У нас все-таки нашлась одна Мэри, очень робкая Мэри, но это не важно, Мэри есть Мэри. Поднимись к нам на сцену, Мэри.

Дрожа от смущения, Фрэнси прошла по длинному проходу и стала подниматься на сцену. Она споткнулась на лестнице, и девочки захихикали, а мальчики захохотали.

– Как тебя зовут? – спросила дама.

– Мэри Фрэнсис Нолан, – прошептала Фрэнси.

– Громче. И смотри в зал.

С жалким видом Фрэнси посмотрела в зал и повторила как можно громче:

– Мэри Фрэнсис Нолан.

Лица в зале казались ей воздушными шариками на веревочках. Фрэнси подумала – еще немного, и все шарики сорвутся с привязи и взлетят под потолок.

Девочка-красавица подошла к ней и вручила куклу. Фрэнси обняла куклу, словно ее руки для этого были созданы. Словно росли в ожидании этой куклы. Красавица Мэри протянула ладошку, чтобы пожать руку Фрэнси. Несмотря на смущение и растерянность, Фрэнси отметила, что ручка была белой, изящной, с разводами голубых вен и блестящими овальными ноготками, розовыми, как сердцевина ракушки.

Пока Фрэнси возвращалась на место, дама говорила:

– Вы только что увидели настоящее доброе дело, в котором проявился

дух Рождества. Малышка Мэри очень богатая девочка, ей подарили на Рождество много прекрасных кукол. Но она не жадная девочка. Она захотела осчастливить какую-нибудь бедную Мэри, которой не так повезло в жизни. Поэтому она подарила куклу этой бедной девочке, которую тоже зовут Мэри.

Глаза Фрэнси наполнились горючими слезами. «Почему бы им просто не подарить мне куклу? – думала она. – И не твердить без конца про то, что я такая бедная, а она такая богатая? Почему они не могут подарить просто, без всех этих слов?»

Но на этом позор Фрэнси не закончился. Когда она шла по проходу на свое место, девочки наклонялись к ней и злобно шипели:

– Нищенка, нищенка, нищенка!

«Нищенка, нищенка, нищенка», – клубилось вокруг нее. Эти девочки чувствовали себя гораздо богаче, чем Фрэнси. Они были так же бедны, как она, но у них имелось то, чего не хватило ей, – гордость. И Фрэнси это понимала. Она не испытывала угрызений совести из-за того, что соврала и получила куклу обманом. Она заплатила за свою ложь и за куклу ценой своего достоинства.

Фрэнси вспомнила, как учительница советовала ей записывать свои мечты вместо того, чтобы рассказывать. Может, и за куклой не следовало так рваться, а нужно было сочинить историю про нее. Но нет же! Нет! *Обладание* этой куклой в сто раз лучше любой истории про куклу. Когда в конце праздника все встали, чтобы спеть «Усыпанный звездами флаг», Фрэнси уткнулась лицом в кукольное лицо. Она вдохнула прохладный нежный запах расписанного фарфора, чудесный незабываемый запах кукольных волос, ощутила божественное прикосновение новой кисеи. Кукольные ресницы, как живые, коснулись щеки Фрэнси, и она задрожала от наслаждения. Дети пели:

Над землей свободы,
Над родиной храбрых.

Фрэнси крепко-крепко сжала крошечную ручку куклы. Пальцы свело судорогой, и ей показалось, что кукла ответила на пожатие. Фрэнси почти уверилась в том, что кукла живая.

Маме Фрэнси сказала, что куклу выиграла в лотерею. Правду рассказать не отважилась. Мама терпеть не могла все, что попахивало

благотворительностью, и, узнай она правду, выкинула бы куклу. Нили не выдал сестру. Теперь у Фрэнси появилась кукла, и очередная ложь легла камнем на душу. В тот день она сочинила историю про девочку, которой так сильно хотелось куклу, что она согласилась обречь свою бессмертную душу на вечные скитания в Чистилище, лишь бы только заполучить ее. Рассказ получился хороший, но, перечитав его, Фрэнси подумала: «Эта девочка в рассказе удалась, однако мне от этого ничуть не легче».

Фрэнси подумала о том, что в следующую субботу покается на исповеди. И не важно, какое наказание назначит святой отец, она увеличит его втрое. Но это тоже не помогло ей.

И тогда она вспомнила еще об одном средстве! Может, ей удастся превратить ложь в правду! Она знала, что, когда дети католиков принимают первое причастие, им дают еще одно имя в честь какого-либо святого. Какой простой выход! Во время конфирмации она возьмет имя Мария или Мэри.

Вечером, после чтения страницы из Библии и страницы из Шекспира, Фрэнси посоветовалась с мамой.

– Мама, когда я буду принимать первое причастие, можно мне взять второе имя Мэри?

– Нет.

Сердце у Фрэнси оборвалось.

– Почему?

– Потому что, когда тебя крестили, тебя назвали Фрэнсис в честь невесты твоего дяди Энди.

– Я знаю.

– А в честь моей мамы тебя назвали Мэри. Твое настоящее имя Мэри Фрэнсис Нолан.

Фрэнси брала куклу в постель и спала не шевелясь, чтобы не потревожить ее. Иногда просыпалась среди ночи, шептала: «Мэри», осторожно касалась пальцем малюсенькой туфельки. От прикосновения к кусочку гладкой тонкой кожи она вздрагивала.

Это была первая и последняя кукла в ее жизни.

28

Время для Кэти летело быстро. Она часто повторяла: «Не успеешь оглянуться – уже Рождество». А в самом начале каникул говорила: «Не успеешь оглянуться – уже в школу». Весной, когда Фрэнси радостно

закидывала шерстяные рейтузы подальше, мама поднимала их со словами: «Не успеешь оглянуться – уже зима, они снова тебе понадобятся». О чем мама говорит? Ведь весна только началась. Зима никогда больше не наступит.

Ребенку мало знакомо такое понятие, как будущее. Его будущее не простирается дальше следующей недели, а год от Рождества до Рождества кажется вечностью. Так Фрэнси и воспринимала течение времени, пока ей не исполнилось одиннадцать лет.

Между одиннадцатым и двенадцатым днем рождения все изменилось. Будущее стало приходить быстрее, дни укоротились, а число дней в неделе как будто уменьшилось. Умер Хэнни Гэддис, и, наверное, его смерть повлияла на Фрэнси. Она постоянно слышала, что он умирает. Она слышала это так часто, что в конце концов поверила, что это обязательно случится. Но случится в далеком, далеком будущем. И вот это далекое будущее наступило. Далекое будущее превратилось в настоящее, а потом в прошлое. Фрэнси задумалась – всегда ли чья-то смерть открывает ребенку быстротечность времени? Но нет, дедушка Ромли умер, когда Фрэнси было девять лет, через неделю после ее первого причастия, а Рождество, насколько она помнит, все равно наступило очень не скоро.

Теперь изменения происходили так быстро, что у Фрэнси кружилась голова. Нили, который был всего на год младше, вдруг вымахал и стал на голову выше. Моди Донован уехала. А когда приехала в гости через три месяца, Фрэнси едва узнала ее. Она изменилась, за три месяца превратилась в женщину.

Фрэнси, которая точно *знала*, что мама всегда права, обнаружила, что иногда мама ошибается. Фрэнси заметила, что многие черты, которые ей так нравятся в папе, другим людям кажутся смешными. Весы в чайном магазине блестели уже не так ярко, и она разглядела, что кофейные зерна мелкие и раздавленные.

Субботними ночами она больше не ждала возвращения мистера Томони из Нью-Йорка. Внезапно ей пришло в голову, как глупо он себя ведет – живет здесь, ездит в Нью-Йорк и снова возвращается сюда, чтобы снова мечтать о Нью-Йорке. У него же есть деньги. Так почему он не переедет в Нью-Йорк, если так его любит?

Все кругом менялось. Фрэнси паниковала. Ее мир ускользал от нее, а что займет его место? *И вообще, что, собственно, изменилось*? Как всегда, каждый вечер она читала страницу из Библии и страницу из Шекспира. Каждый день по часу играла на пианино. Кидала пенни в жестяную банку. Лавка старьевщика никуда не делась, и все остальные

лавки тоже. Ничего же не изменилось. *Значит, изменилась она сама*.

Она рассказала об этом папе. Он попросил ее высунуть язык и померил пульс. Печально покачал головой и ответил:

– Тяжелый случай, очень тяжелый.

– Что со мной?

– Ты взрослеешь.

Взросление отравляло очень многое в жизни. Оно испортило славную игру, в которую они играли, если в доме нечего было есть. Когда деньги заканчивались и продукты тоже подходили к концу, Кэти затевала с детьми игру в Северный полюс – как будто они исследователи, и в пути их застала снежная буря, а запасов у них совсем немного. И нужно продержаться, пока не подоспеет помощь. Мама делила остатки еды из буфета на порции и называла их рационом, а когда, поев, дети жаловались на голод, отвечала: «Мужайтесь, друзья, спасательная экспедиция уже в пути». Когда деньги появлялись, мама накупала продуктов и непременно приносила маленький тортик, в ознаменование победы втыкала в него флажок и говорила: «Мы победили, друзья. Мы добрались до Северного полюса».

Однажды, после очередной *победы* над Северным полюсом, Фрэнси спросила у мамы:

– Когда исследователи голодают и терпят разные лишения, они это делают ради какой-то *цели*. Они совершают важные открытия. Например, открывают Северный полюс. А ради какой цели голодаем мы?

И Кэти вдруг посмотрела на нее устало. И произнесла слова, которых Фрэнси тогда не поняла:

– Ты догадалась, в чем тут подвох.

Взросление отравило удовольствие от театра – ну, не от театра как такового, а от пьес. Фрэнси не нравилось, что главное событие происходит, как по заказу, в нужный момент.

Вообще Фрэнси горячо любила театр. Когда-то она хотела быть подружкой шарманщика, потом школьной учительницей. После первого причастия решила пойти в монахини. А в одиннадцать лет захотела стать актрисой.

Дети в Уильямсбурге мало чего видали на своем веку, но театр видели все. В те времена существовало много хороших трупп по соседству: «Блэнис», «Корс Пайтон», «Ликеум Филиппа». «Ликеум» вообще находился за углом. Местные звали его запросто «лыко». Фрэнси ходила в него на дневные представления каждую субботу (только не летом, когда театр закрывался), если удавалось наскрести десять центов. Она сидела на

галерке и часто приходила за час до начала спектакля, чтобы занять место в первом ряду.

Фрэнси была влюблена в Гарольда Кларенса, премьера. После субботнего утренника она дожидалась его у служебного входа и потом провожала до старого дома из бурого камня, где он жил, совсем не по-театральному, в скромной меблированной комнате. Даже по улице он шел походкой актера старой школы, не сгибая коленей, а его лицо сохраняло розовый румянец, словно в гриме юноши. Он шел на прямых ногах, не спеша, не глядя по сторонам, и курил солидного вида сигару, которую выбрасывал перед тем, как войти в дом, потому что квартирная хозяйка не позволяла великому актеру курить в помещении. Фрэнси стояла у поребрика и с почтением смотрела на выброшенный окурок. Однажды она сняла с него бумажную окантовку и целую неделю носила на пальце, как будто обручальное кольцо.

В одну из суббот Гарольд и его труппа давали «Возлюбленную священника», там обаятельный сельский священник влюбляется в Герри Морхауз, ведущую актрису. Главная героиня устроилась на работу в бакалейную лавку. А злодейка тоже влюбилась в красивого молодого священника и вечно измывалась над героиней. Она заявлялась в своих злодейских мехах и бриллиантах в лавку и заказывала фунт кофе. И там был один жуткий момент, когда она произносила роковые слова: «Смолоть мне!» Зал просто стонал. Все понимали – у хрупкой, прелестной героини не хватит сил управиться с огромным колесом кофейной мельницы. И еще все понимали – девушку выгонят с работы, если она не выполнит приказ. И вот она, бедняжка, лезла из кожи вон, но колесо не поддавалось. Она умоляла злодейку пощадить ее, говорила, как нужна ей эта работа. А злодейка знай твердила: «Смолоть», и только! И вот когда, казалось, все пропало, являлся красавчик Гарольд, с розовым лицом, в наряде священника. Смекнув, в чем дело, он через всю сцену швырял свою широкополую шляпу выразительным, но непристойным жестом, подходил на прямых ногах к мельнице, молол кофе и спасал героиню. Воцарялась гробовая тишина, когда запах свежесмолотого кофе распространялся по театру. Потом начинался сумасшедший дом. Настоящий кофе! Реализм на сцене! Все видели кофейную мельницу в жизни тысячу раз, но на сцене впервые, это была революция! Злодейка, скрежеща зубами, говорила: «Опять осечка!» Гарольд обнимал Герри, перетягивая все внимание на себя, и занавес падал.

Во время антракта Фрэнси держалась в стороне от детей, которые коротали время тем, что плевали на богачей, сидевших в партере, где места

стоили по тридцать центов. Вместо этого она обдумывала увиденное на сцене. Все это очень хорошо и мило, если герой появляется в нужный момент, чтобы смолоть кофе. А если он припоздал, что тогда? Героиню выгонят с работы. Ну ладно, и что тогда? Поголодает она и найдет другую работу. Будет драить полы, как мама, или клянчить чоп суи у своих дружков, как Флосс Гэддис. На этой работе в бакалейной лавке свет клином сошелся только потому, что это пьеса.

Пьеса, которую показали в следующую субботу, Фрэнси тоже не понравилась. Ну ладно. Возлюбленный героини, который давным-давно пропал, появляется как раз в нужный момент, чтобы заплатить по закладной. А опоздай он, что тогда? Домовладелец велел бы всем выметаться через тридцать дней – по крайней мере, так водится у них в Бруклине. За этот месяц авось что-нибудь да произойдет. А нет – так нет, извольте выметаться, и ничего страшного. Хорошенькая героиня устроится на фабрику, будет работать на сдельщине, а ее чувствительный братик пойдет торговать газетами вразнос. Их мама будет драить полы с утра до вечера. И они выживут. Держу пари, что выживут, мрачно думала Фрэнси. Умереть не так-то просто, еще надо постараться.

Фрэнси не могла уразуметь, отчего героиня не вышла замуж за главного злодея. Это сразу решило бы проблему с квартплатой, да и вообще ясно, что он любит ее, раз готов на все, пока она от него нос воротит. По крайней мере, он рядом, а главный герой неизвестно где ловит журавля в небе.

Фрэнси сама написала третий акт к этой пьесе – что случится, *если*. Она придумала все диалоги и обнаружила, что сочинять пьесы совсем нетрудно. Когда пишешь рассказ, нужно объяснять, почему люди поступают так, а не иначе, а когда пишешь пьесу, ничего объяснять не нужно: люди сами в диалогах все объясняют. И Фрэнси в очередной раз поменяла планы на будущее. Она передумала становиться актрисой. Решила, что будет писать пьесы.

29

Летом того же года Джонни осознал, что его дети растут, понятия не имея о великом океане, который омывает берега Бруклина. Джонни решил, что им следует выйти в море. Он задумал добраться до лодочного причала в Канарси, взять лодку и немного порыбачить. Джонни никогда не ловил рыбу и не плавал на лодке. Но тем не менее у него созрел такой план.

Загадочным и причудливым путем, известным только самому Джонни, он пришел к мысли, что в поездку обязательно нужно взять малышку Тилли. Малышка Тилли – четырехлетняя дочь соседей, которую Джонни никогда не видел. Да, Джонни ни разу не видел малышку Тилли, но ему в голову втемяшилась мысль сделать для нее что-нибудь хорошее из-за ее брата Гасси. И эта мысль накрепко связалась с планом поездки в Канарси.

Гасси, мальчик шести лет, был жуткой легендой района. Коренастое злобное создание с отвисшей нижней губой. Его родила женщина и вскормила грудью. Но на этом сходство с нормальными детьми заканчивалось. Мать попыталась отнять его от своей огромной груди, когда ему исполнилось девять месяцев, но Гасси этому категорически воспротивился. Отлученный от груди, он отказывался брать соску, принимать какую-либо пищу или воду. Он лежал в своей люльке и плакал. Мать, опасаясь, что он умрет от голода, снова приложила его к груди. Довольный, он начал сосать и, не принимая другой пищи, питался исключительно грудным молоком до двух лет. Потом молоко у матери кончилось, потому что она снова забеременела. Гасси пребывал в мрачном настроении и выжидал девять месяцев. От коровьего молока, в каком бы сосуде его ни предлагали, он отказывался и пристрастился к черному кофе.

Наконец малышка Тилли родилась, и материнская грудь снова наполнилась молоком. Увидев, как Тилли сосет грудь, Гасси закатил истерику. Кидался на пол, визжал и бился головой. Он не ел четыре дня и не ходил в туалет. Он исхудал, и мать испугалась. Она подумала – не случится большой беды, если разок приложить его к груди. Это была большая ошибка. Гасси повел себя как наркоман, получивший дозу после долгого перерыва. Он и не думал завязывать.

Он высасывал у матери все молоко до капли, и малышке Тилли, болезненной и слабой, пришлось перейти на бутылочку.

Гасси в ту пору исполнилось уже три года, для своих лет он был крупным ребенком. Как все мальчики, он носил штаны до колен и грубые ботинки с медными набойками. Едва завидев, что мать расстегивает платье, он подбегал к ней. Он клал локоть матери на колено и сосал ее грудь, стоя, небрежно скрестив ноги и обводя взглядом комнату. Пировать в этой позе ему не составляло труда, потому что без корсета материнская грудь вываливалась чуть ли не до колен. Гасси, сосущий грудь, представлял жутковатое зрелище и чем-то напоминал завсегдатая бара, который потягивает толстую сигару, закинув ноги на стойку.

Соседи узнали про странности Гасси и, конечно, возбужденным

шепотом обсуждали его патологическое пристрастие к материнской груди. Отец Гасси дошел до того, что отказался спать с женой, говорил, что она вскармливает чудовище. Бедная днем и ночью ломала голову, как отучить Гасси от груди. Она понимала, что он уже слишком большой, чтобы сосать грудь. Ему четвертый год. Она опасалась, что постоянные зубы у него вырастут кривыми.

Однажды она взяла банку с дегтем, щетку и закрылась в ванной, где старательно вымазала левую грудь. Вокруг соска нарисовала губной помадой страшную рожу с огромными зубами. Она застегнула платье, вышла в кухню и села на стул возле окна. Когда Гасси увидел мать, он отшвырнул под раковину кубики, с которыми играл, и подошел к ней, чтобы пообедать. Он скрестил ноги, оперся локтем на ее колено и замер в ожидании.

– Гасси хочет ням-ням? – ласково спросила мать.

– Дя!

– Хорошо. Гасси получит вкусный ням-ням.

Мать резко распахнула платье, и на Гасси уставилась страшная зубастая рожа. На мгновение он обомлел от страха, а потом с криком помчался прочь, залез под кровать и просидел там двадцать четыре часа. Наконец он вылез дрожа. Он опять переключился на черный кофе и вздрагивал каждый раз, когда натыкался взглядом на материнскую грудь. Так Гасси был отлучен от груди.

Его мать поделилась своим достижением с соседями. Это положило начало новому способу отлучения младенцев от груди, который назывался «показать ребенку рожу Гасси».

Джонни слышал эту историю, но противного Гасси выкинул из головы. А малышка Тилли не выходила из головы. Он думал, что девочка лишилась чего-то очень важного в жизни и, наверное, чувствует себя обделенной. Он вообразил, что плавание на лодке хоть как-то залечит рану, которую нанес ей ненормальный брат. Джонни послал Фрэнси спросить, не отпустят ли малышку Тилли с ними. Удивленная мать охотно согласилась.

В следующее воскресенье Джонни с тремя детьми отправился на Канарси. Фрэнси было одиннадцать лет, Нили десять, а малышке Тилли – четыре года. Джонни был в котелке и смокинге, в манишке со свежим воротничком. Фрэнси и Нили были одеты как обычно. Малышку Тилли мать приодела по такому случаю в дешевое, но красивое кружевное платье, отделанное розовой лентой.

В трамвае они сели на переднее сиденье, и, пока ехали, Джонни подружился с водителем, рассуждал с ним о политике. Вышли на конечной

остановке – в Канарси, и подошли к маленькой пристани, возле которой стояла покосившаяся лачуга. Пара подмокших лодок покачивалась у берега на полусгнивших веревках. Объявление на лачуге гласило: «Аренда удочек и лодок». Пониже буквами покрупнее было написано: «ПРОДАЖА СВЕЖЕЙ РЫБЫ».

Джонни потолковал с дяденькой из лачуги о том о сем и, как обычно, подружился с ним. Дяденька пригласил его к себе в избушку промочить горло, чтобы глаза с утра получше разлеплялись, и добавил, что он этот эликсир опробовал перед сном – глаза от него так и слипаются.

Пока Джонни в избушке разлеплял глаза, Нили и Фрэнси обсуждали – каким образом эликсир, от которого глаза слипаются, поможет их разлепить. Малышка Тилли стояла рядом в своем кружевном платьице и молчала.

Джонни вышел с удочкой в одной руке и жестянкой, наполненной червями, в другой. Добрый дяденька отвязал ту из лодок, что выглядела покрепче, вручил конец веревки Джонни, пожелал ему удачи и вернулся в свою хижину.

Джонни положил рыболовные снасти на дно лодки и помог детям залезть. Потом наклонился, стоя на пристани с веревкой в руке, и завел поучительную речь.

– В лодку можно садиться двумя способами – правильно и неправильно, – изрек Джонни, который никогда ни на чем не плавал, если не считать той единственной экскурсии в честь Мэтти Мэгони. – Правильно сесть – это значит как следует оттолкнуть лодку, а потом запрыгнуть в нее, пока она не уплыла в море.

Вот так.

Джонни распрямился, оттолкнул лодку, прыгнул и… свалился в воду. Окаменев, дети смотрели на него. Секунду назад папа возвышался над ними, стоя на пристани. И вот он уже под ними, в воде. Вода доходила ему до шеи, маленькие нафабренные усы и котелок оставались сухими. Котелок ровно сидел на голове. Джонни, удивленный не меньше детей, посмотрел на них и крикнул:

– Не смейте, черт подери, смеяться!

Он вскарабкался в лодку, едва не перевернув ее. Дети не смели смеяться вслух, но про себя Фрэнси хохотала так, что меж ребрами закололо. Нили старался не смотреть на сестру. Он понимал – если их взгляды встретятся, он расхохочется. Малышка Тилли молчала. Воротничок и манишка Джонни превратились в бумажное месиво. Он сорвал их и выбросил за борт. Он стал грести рывками, но с большим достоинством,

и вывел лодку в море. Когда место показалось ему подходящим, Джонни объявил, что они «бросают якорь». Оказалось, что такое красивое выражение означает кинуть в воду кусок железа, привязанный к веревке, и дети расстроились.

С ужасом они смотрели, как папа насаживает испачканного в земле червяка на крючок. Рыбная ловля началась. Она заключалась в том, что Джонни забрасывал удочку с червяком, многозначительно смотрел на нее некоторое время, потом вытаскивал без червяка и без рыбы, и все повторялось сначала.

Солнце поднялось высоко и палило нещадно. Смокинг у Джонни высох, торчал колом и приобрел зеленоватый оттенок. Дети страдали от жары и начали обгорать. Им казалось, прошло уже много-много часов, когда папа наконец, к их великому счастью, объявил, что пора перекусить. Он смотал удочку, отложил ее, вытащил якорь и стал грести к пристани. Похоже, лодка попала в водоворот, потому что пристань все время удалялась. Наконец они причалили к берегу в нескольких сотнях ярдов от пристани. Джонни привязал лодку, велел детям дожидаться и вышел на берег. Он пообещал принести им вкусной еды.

Чуть погодя он вернулся, поглядывая по сторонам, и принес хот-догов, черничного пирога и земляничных тянучек. Они сидели в покачивающейся лодке, привязанной к сгнившему причалу, смотрели на мутную зеленую воду, от которой пахло гнилой рыбой, и жевали. На берегу Джонни пропустил стаканчик-другой и почувствовал раскаяние оттого, что запретил детям смеяться над своим падением в воду. Он сказал им, что если хотят, то могут посмеяться. Но детям почему-то расхотелось смеяться. Момент прошел. Папа показался Фрэнси подозрительно веселым.

– Вот это настоящая жизнь, – говорил Джонни. – Вдали от сумасшедшей толпы. Ах, что может быть лучше, чем плыть по морю на корабле. Мы уплывем куда глаза глядят, – загадочно закончил он.

После вкусного обеда Джонни снова вывел лодку в море. Пот из-под котелка тек у него по лицу ручьями, и вакса растопилась, отчего обычно идеально уложенные усы топорщились над верхней губой в разные стороны. Настроение у него было прекрасное. Он греб и распевал с воодушевлением:

Плывем, плывем, за горизонт…

Джонни все греб и греб, а лодка кружилась на месте и никак не могла

отплыть от берега. В конце концов на ладонях у него вздулись такие волдыри, что больше грести он не мог. Он торжественно объявил, что берет курс на берег. Мало-помалу ему удалось добраться до пристани. Он не замечал, что лица у всех троих детей, свекольно-красные от солнечных ожогов, стали местами зеленеть. Он даже не догадывался, что хот-доги, черничный пирог, земляничные тянучки и червяки, извивающиеся на крючке, не пошли детям на пользу.

У берега Джонни спрыгнул на причал, дети за ним. Только малышка Тилли не допрыгнула и упала в воду. Джонни быстро лег на живот, протянул руку и выловил Тилли из воды. С испорченного кружевного платья стекала вода, но малышка Тилли молчала. Несмотря на то что день был душный, жаркий, Джонни снял смокинг, опустился на колени и закутал в него ребенка. Рукава волочились по песку. Тогда Джонни взял ее на руки и стал ходить туда-сюда, укачивая и напевая колыбельную. Малышка Тилли не понимала ничего из того, что произошло в этот день. Не понимала, почему ее посадили в лодку, почему она упала в воду, почему этот дяденька нянчится с ней. Она молчала.

Когда Джонни решил, что Тилли успокоилась, он поставил ее на землю и пошел в хижину, где раньше принимал эликсир, который то ли слепляет, то ли разлепляет глаза. Там он купил три камбалы за четверть доллара. Вышел с рыбой, завернутой в газету. Сказал детям, что обещал маме привезти свежей рыбы.

– Главное, что я привезу рыбу из Канарси. А уж кто ее поймал – не имеет значения. Главное, что мы ездили на рыбалку и вернулись с рыбой, – объяснил он детям.

Дети сообразили – папа хочет, чтобы мама думала, что рыбу поймал он. Папа не просит их врать. Он только просит не очень вдаваться в подробности. Дети все поняли.

Они вошли в один из тех трамваев, где две длинные скамьи укреплены друг против друга. Странную они представляли компанию.

Впереди Джонни в жестких от соли брюках и дырявой майке, в котелке и с торчащими усами. За ним малышка Тилли, утонувшая в просоленном смокинге, из-под которого капает вода, оставляя омерзительную дорожку на полу. Фрэнси и Нили замыкали шествие. Лица у них были красные, как кирпич. Они держались очень прямо, чтобы не вырвало.

Люди заходили в вагон, садились напротив и с интересом посматривали на них. Джонни сидел выпрямившись, положив рыбу на колени, и старался не думать о дырявой майке, выставленной на всеобщее

обозрение. Он смотрел поверх голов пассажиров и делал вид, что читает рекламу.

Люди все заходили и заходили, в вагоне стало тесно, но никто так и не сел на скамейку рядом с ними. Вдруг одна рыбина выскользнула из размокшей газеты, и шлепнулась на пол, и лежала там, покрытая слизью, в пыли. Тут уж малышка Тилли не выдержала. Она посмотрела в рыбьи стеклянные глаза, ничего не сказала, но ее стошнило прямо на смокинг Джонни. Фрэнси и Нили, словно ждали сигнала, последовали ее примеру. Джонни сидел с двумя рыбинами на коленях, одна лежала у его ног, и внимательно читал рекламу. Он не знал, как поступить.

Когда ужасная поездка закончилась, Джонни отвел Тилли домой. Он отдавал себе отчет, что должен объясниться с ее матерью. Но женщина не дала ему рот открыть. Увидев перепачканную дочь, с которой стекала вода, она заголосила. Она сорвала с нее смокинг, швырнула его Джонни в лицо и назвала его Джеком Потрошителем. Джонни не раз пытался открыть рот, но она его не слушала. Малышка Тилли молчала. Наконец Джонни вставил словечко:

– Мадам, думаю, что ваша дочка потеряла дар речи.

Тут с ее матерью приключилась истерика.

– Это ты во всем виноват, ты! – кричала она Джонни.

– Может, вы попросите ее что-нибудь сказать?

Мать схватила дочь на руки, стала ее трясти.

– Говори! – кричала она. – Скажи что-нибудь!

И малышка Тилли вдруг открыла рот, радостно улыбнулась и сказала:

– Пасибо!

Кэти как следует отругала Джонни и сказала ему, что он совсем не умеет обращаться с детьми. Детей, которые получили сильные ожоги, бросало то в жар, то в холод. При виде единственного костюма Джонни, который был безнадежно испорчен, Кэти чуть не расплакалась. Чтобы его почистить, отпарить и отгладить, придется заплатить целый доллар, да и то прежний вид ему уже не вернешь. Что касается рыбин, то оказалось, что они находятся в различной стадии гниения, и их выбросили в мусорное ведро.

Дети отправились в постель. Между приступами лихорадки, которые перемежались рвотой, они прятали головы под подушки и беззвучно смеялись так, что кровать тряслась, вспоминая, как папа свалился в воду.

Джонни полночи просидел на кухне у окна, пытаясь понять, отчего все сложилось так ужасно. Он спел много песен о том, как корабли уходят

в море, отдают швартовы и бросают якоря. Он не понимал, почему в жизни все вышло не так, как поется в песнях. Детям полагалось вернуться счастливыми, с пробужденной на всю жизнь любовью к морю, а ему – с богатым уловом. Почему, ну почему все обернулось не так, как в песнях? Откуда эти кровавые волдыри на ладонях, испорченный костюм, солнечные ожоги, тухлая рыба и рвота? Почему мать малышки Тилли не поняла его замысла и не оценила результата? Он ничего не понимал – вообще ничего не понимал.

Песни о море сыграли с ним злую шутку.

30

«Теперь я женщина», – написала Фрэнси в своем дневнике тем летом, когда ей исполнилось тринадцать лет. Она посмотрела на эту фразу и задумчиво почесала комариный укус на ноге. Перевела взгляд на свои ноги – по-прежнему тощие как палки. Она зачеркнула написанное предложение и написала: «Скоро я буду женщиной». Посмотрела на свою грудь, плоскую как доска, и вырвала страницу из дневника. Стала писать с чистого листа.

«Нетерпимость – это причина всех войн, погромов, казней, линчеваний, – писала она, изо всех сил нажимая ручкой. – Нетерпимость делает людей жестокими к детям и друг к другу. Она почти всегда виновата в злобе, насилии, терроре, в том, что доброта и душевность покидают наш мир».

Фрэнси прочитала написанное вслух. Слова звучали так, словно их вынули из консервной банки. Вся свежесть улетучилась. Фрэнси закрыла тетрадь и убрала ее в ящик.

* * *

Та летняя суббота отмечена в ее дневнике как самый счастливый день в жизни. Фрэнси впервые увидела свое имя напечатанным. Школа в конце года выпустила журнал с лучшими сочинениями, написанными на уроках литературы школьниками из каждой параллели. Сочинение Фрэнси, которое называлось «Зимняя пора», было выбрано как лучшее от седьмых классов. Журнал стоил десять центов, и Фрэнси пришлось дожидаться субботы, чтобы купить его после сдачи утиля. Накануне школа закрылась

на летние каникулы, и Фрэнси переживала, что журнала ей не видать. Но мистер Йенсон сказал, что будет работать в субботу и выдаст ей журнал, если она занесет десять центов.

И вот в субботу днем Фрэнси стояла возле своего дома с журналом в руках, открытым на странице с ее сочинением. Она надеялась, что кто-то из прохожих поинтересуется, что она читает.

За обедом она показала журнал маме, но мама торопилась обратно на работу, и у нее не было времени читать. По крайней мере, раз пять за время обеда Фрэнси упомянула, что ее сочинение напечатали. Наконец мама сказала:

– Да, да. Понимаю. К этому все идет. Тебя будут печатать, и ты к этому привыкнешь. А сейчас не бери в голову. Лучше подумай о посуде, не забудь ее помыть.

Папа сидел в офисе профсоюза. Она расскажет ему о журнале только в воскресенье, Фрэнси не сомневалась, что он обрадуется. И вот она стояла на улице, держала в руках свою славу. Она не могла расстаться с журналом даже на минуту. Время от времени она поглядывала на свое имя, набранное печатными буквами, и ликование от раза к разу не становилось меньше.

Фрэнси увидела, как из другого подъезда выходит девушка по имени Джоанна. Джоанна вышла погулять с ребенком, он сидел в коляске. У домохозяек, которые остановились посудачить по дороге в магазин или из магазина, вырвался вздох возмущения при виде Джоанны. Знаете, она ведь не замужем. Эта девушка сбилась с дорожки. И ребенок у нее незаконнорожденный – «ублюдок», такое слово употребляли у них в Уильямсбурге, и эти честные женщины были убеждены, что Джоанна не имеет права вести себя как порядочная да еще и гулять с ребенком, вывозить его на свет божий. Они считали, что его надо спрятать подальше от людских глаз.

Джоанна и ее ребенок вызывали у Фрэнси большой интерес. Она слышала, как мама с папой говорили про них. Фрэнси пристально вглядывалась в ребенка, когда Джоанна с коляской проходила мимо. Чудесная малышка со счастливым лицом ехала в колясочке. Может, конечно, Джоанна и *дурная* девушка, но к своему ребенку она относится куда лучше и ласковее, чем эти честные женщины. Малышка была в нарядном кружевном чепчике и в чистеньком белом платьице со слюнявчиком. Покрывальце на коляске без единого пятнышка, искусно вышито вручную.

Джоанна работала на фабрике, а с ребенком сидела ее мать. Но та стеснялась выходить с ним на прогулку, и малышка дышала воздухом

только по выходным, когда Джоанна не работала.

Да, эта малышка прекрасна, пришла к выводу Фрэнси. Она похожа на свою мать, Джоанну. Фрэнси припомнила, как папа расписывал Джоанну, когда они с мамой обсуждали ее.

«Кожа у нее, как лепесток магнолии» (Джонни никогда не видел магнолий). «Волосы черные, как вороново крыло» (он никогда не видел воронов). «А глаза темные и глубокие, как лесное озеро» (Джонни никогда не бывал в лесу, да и озер не видел. Не считать же озером фонтан, в который мужчины бросали десятицентовые монеты и загадывали, с каким счетом сыграет «Доджерс». Тот, кто угадывал, забирал все монеты). Но папа точно описал Джоанну. Джоанна была красавица.

– Может, оно и так, – ответила Кэти. – Но какая польза в ее красоте? Это проклятье для девушки. Я слышала, что ее мать без мужа родила двоих детей. И вот сейчас ее сын сидит в Синг-Синге, а дочь прижила ребенка. У них в роду, должно быть, течет дурная кровь, и нечем тут восхищаться.

– Впрочем, – добавила Кэти с высокомерием, которое, как ни удивительно, прорывалось у нее порой. – Мое дело сторона. Я в него не собираюсь вмешиваться. Я, конечно, не стану оплевывать эту девушку за то, что она дурно поступила. Но и приглашать ее в гости только потому, что она поступила дурно, не намерена. Она так же страдала, давая жизнь этому ребенку, как любая замужняя женщина. Если в глубине души она не испорчена, то она вынесла урок из страданий и позора и никогда не повторит ошибки. Если она в душе испорчена, то ей наплевать, что думают о ней люди. Так что на твоем месте, Джонни, я бы не слишком жалела ее.

Неожиданно Кэти обернулась к Фрэнси и сказала:

– Пусть Джоанна послужит тебе уроком!

И вот в субботу Фрэнси стояла и смотрела, как Джоанна прогуливается с коляской, и размышляла, какой урок должна преподать ей Джоанна. Видно, что Джоанна гордится своим ребенком. Может, в этом состоит урок? Джоанне всего семнадцать лет, она хочет со всеми дружить и верит, что все хотят дружить с ней. Она улыбнулась добропорядочным женщинам с мрачными лицами, но улыбка слетела с ее лица, когда в ответ они нахмурились. Она улыбнулась детям, игравшим во дворе. Некоторые улыбнулись в ответ. Она улыбнулась Фрэнси. Та хотела улыбнуться тоже, но сдержалась. Может, урок состоит в том, чтобы не улыбаться таким девушкам, как Джоанна?

Добропорядочным матерям семейств, руки которых оттягивали сумки

с овощами и мясом, похоже, нечем было заняться в ту субботу. Они сбивались в кучки и шептались между собой. Шепот замолкал, когда Джоанна приближалась, и снова возобновлялся, когда она удалялась.

С каждым кругом щеки у Джоанны алели ярче, голова поднималась выше, а юбка колыхалась сильнее. Казалось, гуляя, она становится все красивее и надменнее. Она останавливалась поправить покрывальце чаще, чем требовалось. Женщины приходили в бешенство, видя, как она гладит ребенка по щеке и ласково улыбается ему. Как она смеет! Как она смеет, думали они, вести себя так, словно у нее есть право?

У многих добропорядочных женщин были дети, которых они воспитывали криками и тумаками. Многие женщины ненавидели своих мужей, которые лежали рядом с ними по ночам. И занятия любовью многим из них не доставляли никакой радости. Они выполняли супружеский долг механически и про себя молили Бога – лишь бы только это не привело к очередному ребенку. От их безрадостной покорности мужчины становились грубыми и жестокими. Для большинства пар любовь превратилась в грубое скотство с обеих сторон, и чем скорее отделаешься, тем лучше. Эти женщины ненавидели Джоанну потому, что догадывались – у нее с отцом ее ребенка все было не так.

Джоанна почувствовала их ненависть, но не подчинилась ей. Она не уступила и не унесла ребенка домой. Кто-то должен был сдаться. Первыми не выдержали добропорядочные женщины. У них лопнуло терпение. Нужно же с этим что-то делать. Когда Джоанна в очередной раз проходила мимо, костлявая женщина крикнула:

– И тебе не стыдно?

– Чего мне стыдиться? – спросила Джоанна.

Этот вопрос привел женщину в ярость.

– Она еще спрашивает – чего! – обратилась она к товаркам. – Я объясню тебе чего. Того, что ты непотребная девка, ты шлюха. Какое право ты имеешь прохаживаться тут со своим ублюдком на глазах у невинных детей!

– Мне кажется, у нас свободная страна, – ответила Джоанна.

– Только не для таких, как ты. Убирайся с глаз долой, убирайся с улицы!

– А то что будет?

– Убирайся с улицы, потаскуха! – требовала костлявая.

Голос девушки дрогнул, когда она отвечала:

– Выбирай выражения!

– Еще чего – будем мы выбирать выражения ради уличной девки! –

вклинилась другая женщина.

Мужчина, проходивший мимо, приостановился. Он коснулся руки Джоанны и сказал:

– Послушай, сестра, тебе лучше пойти домой, пока эти ведьмы не поостынут. Ты их не одолеешь.

Джоанна отдернула руку и ответила:

– Не лезьте не в свое дело!

– Я просто хотел как лучше, сестра. Прости, – и мужчина пошел дальше.

– Почему бы тебе не пойти с ним? – издевалась костлявая. – Неплохо заработаешь, четвертак получишь.

Все захохотали.

– Вы просто завидуете, – спокойно сказала Джоанна.

– Мы? Тебе? В своем уме, ты? – Костлявая произнесла «ты» так, словно это было имя Джоанны. – Чему завидовать-то?

– Тому, что я нравлюсь мужчинам. Вот чему. Радуйся, что успела завести мужа, – обратилась Джоанна к костлявой. – Сейчас бы никто на тебя не позарился. Держу пари, что твой муж ненавидит тебя. Держу пари, что ненавидит.

– Сука! Ты сука! – истерически завизжала костлявая. И, повинуясь инстинкту, который одержал верх даже в Христов день, она схватила камень и швырнула его в Джоанну.

Это послужило знаком для других женщин, и они тоже стали кидаться камнями. Одна так увлеклась, что схватила кусок конского навоза. Некоторые камни задевали Джоанну, а один задел острым краем лобик ребенка. По личику в тот же миг потекла алая струйка, испачкав слюнявчик, а девочка заплакала и протянула ручки к матери.

Те женщины, которые только собирались швырнуть камни, медленно опустили их обратно на землю. Побоище завершилось. Женщинам вдруг стало стыдно. Они не хотели ранить ребенка. Они хотели всего лишь загнать Джоанну домой. Компания распалась, все поодиночке разошлись по домам. Дети, которые собрались вокруг послушать и посмотреть, что происходит, вернулись к своим играм.

Джоанна заплакала и достала дочь из коляски. Девочка тихонько хныкала, словно понимая, что не имеет права плакать в полный голос. Джоанна прижалась щекой к щеке ребенка, и ее слезы смешались с кровью. Добропорядочные женщины одержали победу. Джоанна ушла с дочерью домой, оставив коляску посреди тротуара.

Фрэнси видела всю сцену от начала до конца. Слышала каждое слово.

Она помнила, как Джоанна улыбнулась ей, а Фрэнси отвернулась вместо того, чтобы улыбнуться в ответ. Почему она не улыбнулась в ответ? Почему не улыбнулась? Теперь она будет мучиться – мучиться до конца жизни, вспоминая, что не улыбнулась в ответ.

Мальчики затеяли игру в пятнашки вокруг пустой коляски, хватались за ее края и дергали туда-сюда, стараясь осалить друг друга. Фрэнси отогнала их, подвезла коляску к подъезду Джоанны и поставила на тормоз. Существовало неписаное правило: нельзя красть вещь, если она стоит возле подъезда владельца.

Журнал со своим сочинением Фрэнси по-прежнему держала в руке. Она остановилась возле коляски, чтобы еще раз взглянуть на свое имя. «Зимняя пора. Фрэнси Нолан». Ей захотелось что-то совершить, принести искупительную жертву за то, что она не улыбнулась Джоанне. Фрэнси подумала про свой рассказ в журнале, которым так гордилась. Ей не терпелось показать журнал папе, и тете Эви, и Сисси. Она вообще никогда не расставалась бы с ним и время от времени открывала, чтобы снова согреть душу этим блаженным чувством. Если она лишится журнала, другой экземпляр взять будет негде. Фрэнси приподняла в коляске детскую подушечку и положила под нее журнал, открытый на странице с ее рассказом.

На белоснежной подушке она заметила несколько капель крови. Перед глазами всплыли струйки крови на личике ребенка, протянутые к матери ручки. Судорога пробежала по телу, а когда боль отпустила, Фрэнси почувствовала слабость. Накатила новая волна, еще сильнее, потом отпустила. Фрэнси побежала к своему подъезду, залезла в подвал и сидела там в самом темном углу, на куче джутовых мешков, и приступы боли накатывали один за другим. В паузах между ними ее трясло. Она ждала, когда же приступы прекратятся. А если не прекратятся, она умрет – по-настоящему умрет, и все.

Спустя время приступы стали слабее, перерывы между ними удлинились. Фрэнси уже могла соображать. Да, Джоанна преподала ей урок, но совсем не тот, который имела в виду мама.

Фрэнси думала о Джоанне. Часто вечерами, возвращаясь из библиотеки и проходя мимо дома Джоанны, Фрэнси замечала ее с молодым человеком, они стояли близко друг к другу в узком вестибюле. Фрэнси видела, как юноша ласково перебирает прекрасные волосы Джоанны, а Джоанна гладит рукой его по щеке. Свет уличного фонаря падал на лицо Джоанны, такое нежное и мечтательное. Так все начиналось, а закончилось ребенком и позором. Почему? Почему? Ведь начало казалось таким

прекрасным и правильным. Почему же?

Фрэнси знала, что одна из женщин, бросавших камни в Джоанну, родила ребенка всего через три месяца после свадьбы. Фрэнси стояла среди детей, которые выстроились вдоль тротуара и смотрели, как свадебное шествие направляется в церковь. Она прекрасно видела выпирающий живот, который не могла скрыть длинная фата девственницы. Она видела, как крепко отец держит за руку жениха. У жениха под глазами пролегли черные круги и вид был несчастный.

У Джоанны не было отца, вообще никаких родственников-мужчин. Некому было крепко взять ее ухажера за руку и отвести к алтарю. Вот в чем ошибка Джоанны, решила Фрэнси – не в том, что та дурно поступила, а в том, что не смогла довести своего парня до церкви.

Фрэнси, конечно, не знала всей подноготной этой истории. В принципе, юноша любил Джоанну и хотел на ней жениться после того, как, по местному выражению, «заделал ей ребенка». У него была семья – мать и три сестры. Он сказал им, что хочет жениться на Джоанне, и они его отговорили.

Не будь дураком, сказали они. Она скверная девушка. И вся семья у нее такая. И потом, откуда тебе знать, что этот ребенок от тебя? Если она позволила до свадьбы лишнее тебе, могла позволить и другим. Женщины, они хитрые. Уж мы-то знаем. Сами небось женщины. Ты честный, добрый, доверчивый. Она говорит, что, кроме тебя, у нее никого не было. Она врет. Не дай себя одурачить, сынок, не будь дураком, братец. Если приспичило жениться – женись на честной девушке, которая не будет спать с тобой, пока священник не проделает все, что в таких случаях положено. Если женишься на этой девушке – ты мне больше не сын, ты нам больше не брат. Ты никогда не узнаешь, твой это ребенок или нет. Будешь мучиться сомнениями, пока сам на работе. Ломать голову, кто прыгнет в постель к твоей жене после того, как ты уйдешь утром. Да, сынок, да, братик, все женщины таковы. Уж *мы*-то знаем. *Сами* женщины. *Знаем*, как поступают женщины.

Молодой человек поддался на уговоры. Мать и сестры выдали ему денег, и он переехал в Джерси, снял там комнату и устроился на работу. Джоанне его адрес не сообщили. Больше он никогда не видел Джоанну. Джоанна не вышла замуж. Она родила ребенка.

Приступы почти прекратились, и тут Фрэнси обнаружила, к своему ужасу, что с ней творится что-то неладное. Она прижала ладонь к сердцу, чтобы нащупать место его разрыва. Она много раз слышала папины песни

про сердце: в них сердце болит – разрывается – поет – изнемогает под бременем – выпрыгивает из груди от счастья – наливается свинцом от горя – падает в пятки – замирает. Фрэнси уверовала, что сердце на самом деле все это проделывает. И сейчас она перепугалась, что ее сердце от жалости к ребенку Джоанны разорвалось в груди, и теперь кровь вытекает из тела.

Она поднялась домой и посмотрелась в зеркало. Под глазами черные тени, голова болит. Фрэнси легла на старую кожаную кушетку на кухне и стала ждать маминого возвращения.

Она рассказала маме, что произошло в подвале. Только про Джоанну ничего не сказала. Кэти вздохнула и проговорила:

– Так рано? Тебе только тринадцать. Я ожидала этого не раньше чем через год. У меня началось в пятнадцать.

– Значит… значит… такое бывает?

– Такое бывает со всеми девочками, когда они становятся женщинами.

– Какая же я женщина?

– Это значит, что ты превращаешься в женщину.

– Когда это закончится?

– Через несколько дней. Но через месяц повторится снова.

– И так будет до самой смерти?

– Нет, но очень долго. Пока тебе не исполнится сорок лет, а, может, и пятьдесят. – Кэти помолчала и добавила: – Моей маме было пятьдесят, когда я родилась.

– А, это нужно для того, чтобы родить ребенка?

– Да. Веди себя хорошо. Помни, что теперь у тебя может родиться ребенок.

Перед глазами Фрэнси вновь мелькнула Джоанна с ребенком на руках.

– Не разрешай мальчикам целовать тебя, – сказала мама.

– От поцелуев рождаются дети?

– Нет. Но часто то, от чего рождаются дети, начинается с поцелуев, – ответила мама и добавила: – Помни про Джоанну.

Надо же, Кэти ничего не знала про сцену, которая разыгралась на улице. И про то, что Джоанна не выходит у Фрэнси из головы. Как же мама угадала? Фрэнси решила, что мама обладает даром чтения мыслей, и посмотрела на нее с новым уважением.

Помни про Джоанну. Помни про Джоанну. Фрэнси не могла забыть про Джоанну. С того самого дня, когда увидела, как женщины бросают камни в Джоанну, Фрэнси невзлюбила женщин. Их злобные выходки

внушали ей страх, их инстинкты пугали. Она стала ненавидеть женщин за то, что они предают друг друга и жестоки друг к другу. Все женщины схватили камни, ни одна не посмела заступиться за Джоанну, опасаясь, что ее тоже заклеймят позором. Заступился только прохожий мужчина, и говорил он добрым голосом.

У всех женщин есть общее: они в муках рожают детей. Казалось бы, эта боль должна объединять их, вызывать сочувствие друг к другу и желание защищать друг друга от мира мужчин. Но нет. Из-за родовых мук их сердца как будто грубеют, души съеживаются. Они объединяются только с одной целью: чтобы затравить какую-нибудь женщину… не важно, забить камнями или сплетнями. Похоже, это единственный вид дружбы, на которую они способны.

Мужчины совсем другие. Они могут ненавидеть друг друга, но всегда придут на помощь, если случится беда или какая-нибудь женщина попытается заманить в ловушку.

Фрэнси открыла тетрадь, которая служила ей дневником. Она отступила строчку после того абзаца, в котором рассуждала о нетерпимости, и написала: «Пока я живу на свете, у меня не будет ни одной подруги. Я больше не доверяю женщинам, кроме мамы и иногда тети Эви и тети Сисси».

31

Два очень важных события произошли в том году, когда Фрэнси исполнилось тринадцать лет. В Европе началась война, а Барабанщик влюбился в тетю Эви.

Муж тети Эви и его конь Барабанщик отчаянно враждовали друг с другом в течение восьми лет. Муж тети Эви ненавидел Барабанщика, плохо с ним обращался, норовил ударить и ткнуть, проклинал и слишком туго натягивал поводья. Конь не оставался в долгу перед дядей Вилли Флиттманом. Барабанщик хорошо знал маршрут и сам останавливался у нужного дома. Как только Флиттман, отдав бутылки с молоком, садился обратно, конь трогался с места. В последнее время он завел новый обычай: стоило Флиттману сойти, чтобы отдать молоко, конь пускался рысцой. Иной раз Флиттману приходилось пробегать по полквартала, чтобы догнать Барабанщика.

К полудню Флиттман заканчивал развозить молоко. Он заходил домой пообедать, а потом отводил Барабанщика в конюшню, там мыл и его,

и тележку. Барабанщик повадился проделывать одну штуку. Когда Флиттман наклонялся, чтобы помыть ему живот, поливал его мочой. Чтобы не пропустить этот момент, коллеги Флиттмана собирались заранее и здорово веселились. Флиттману надоело быть всеобщим посмешищем, и он стал мыть Барабанщика у своего дома. Летом все ничего, но зимой это было довольно жестоко по отношению к Барабанщику. Если день выдавался морозный, тетя Эви часто выходила и говорила Вилли, чтобы не поливал лошадь в такой холод ледяной водой. Барабанщик сообразил, что Эви на его стороне. Пока она спорила с мужем, он жалобно ржал, положив морду ей на плечо.

Однажды в мороз Барабанщик решил взять дело в свои руки – или, как выразилась тетя Эви, в свои копыта. Фрэнси зачарованно слушала рассказ тети Эви. Никто не умел рассказывать так, как она. Она играла за всех участников – даже за лошадь, и еще прибавляла, что каждый из них думал в ту минуту, получалось очень смешно. Все происходило, по словам Эви, так.

Вилли во дворе мыл дрожащего от холода коня холодной водой и куском желтого хозяйственного мыла. Эви стояла у окна и смотрела. Флиттман наклонился, чтобы помыть Барабанщику живот, и тот напружинился. Флиттман подумал, что конь собирается снова пописать на него. У маленького, уставшего и задерганного человека сдали нервы, и он ударил коня в живот. Конь поднял копыто и ударил Флиттмана по голове. Флиттман упал под копыта коня и потерял сознание.

Эви выбежала во двор. Конь радостно заржал при виде Эви, но она не обратила на него никакого внимания. Оглянувшись, Барабанщик увидел, что Эви пытается вытащить Флиттмана из-под его копыт, и начал двигаться. Может, он хотел оттащить тележку в сторону, чтобы помочь Эви, а может, довершить дело, переехав Флиттмана тележкой. Эви крикнула: «Эй, мальчик!», и Барабанщик сразу остановился.

Какой-то мальчишка сбегал, позвал полицейского, полицейский вызвал «скорую помощь». Доктор со «скорой» не смог определить, что у Флиттмана – перелом или сотрясение, и отвез его в больницу Гринпойнт.

Барабанщик с тележкой, заваленной пустыми молочными бутылками, остался во дворе. Его требовалось отвести в конюшню. Эви никогда раньше не правила лошадьми, но не видела тут особых трудностей. Она надела старое мужнино пальто, замотала голову платком, вскарабкалась на козлы, взяла в руки поводья и крикнула: «Барабанщик, домой». Конь обернулся, посмотрел на нее любящим взглядом и пошел жизнерадостной рысцой.

К счастью, он знал дорогу. Эви понятия не имела, где находится конюшня. Барабанщик был умный конь. На каждом перекрестке останавливался и ждал, пока Эви посмотрит направо и налево. Если дорога свободна, Эви командовала: «Вперед, мальчик». Если приближался другой транспорт, она говорила: «Погоди минутку, мальчик». Таким манером они без осложнений добрались до конюшни, и Барабанщик гордо прогалопировал на свое место в стойле. Другие извозчики, которые мыли лошадей, сильно удивились, увидев женщину на козлах. Они подняли такой гвалт, что прибежал хозяин конюшни узнать, в чем дело. Эви рассказала ему, что случилось.

– Я так и знал, что этим кончится, – кивнул хозяин. – Флиттман никогда не любил этого коня, а конь его. Ладно, найдем другого возничего.

Эви, опасаясь, как бы ее муж не потерял работу, попросилась сама развозить молоко, пока Флиттман в больнице. Она сказала – молоко ведь развозят затемно, когда еще не рассвело, так что никто и не заметит, что она женщина. Хозяин расхохотался ей в лицо. Она сказала, что эти двадцать два доллара пятьдесят центов в неделю очень им нужны. Она умоляла так горячо и была такой хорошенькой, миниатюрной, обворожительной, что хозяин не устоял. Он вручил ей список клиентов и велел мальчикам загрузить тележку. Лошадь знает маршрут, добавил он, так что справитесь. Один из возниц предложил ей брать с собой собаку из конюшни, чтобы охраняла молоко от воришек. Хозяин согласился. Он велел Эви явиться на работу к двум часам ночи. Эви стала первой женщиной – развозчицей молока.

Дела у нее шли прекрасно. Возницы в конюшне полюбили ее и говорили, что она справляется с работой лучше Флиттмана. Ей не хватало опыта, зато она была доброй и женственной, и мужчинам нравился ее грудной с придыханием голос. А уж Барабанщик был счастлив без задних ног и помогал Эви изо всех сил. Он останавливался без напоминаний возле каждого дома по списку и трогался с места только после того, как Эви удобно устроится на козлах.

Как и Флиттман, Эви оставляла Барабанщика во дворе, пока обедала. Погода стояла морозная, поэтому она сняла старое одеяло со своей кровати и накидывала на коня, чтобы он не простудился, дожидаясь ее. Она забирала мешок с овсом наверх, чтобы овес немного согрелся перед кормежкой. Она считала смерзшийся овес неаппетитным. Конь наслаждался теплой едой. Когда он заканчивал жевать, она угощала его половинкой яблока или кусочком сахара.

Эви считала, что для мытья на улице слишком холодно. Она снова

стала мыть Барабанщика в конюшне. Желтое хозяйственное мыло она сочла слишком едким, поэтому купила кусок туалетного мыла и принесла большое старое банное полотенце, чтобы вытирать Барабанщика. Возницы в конюшне предлагали ей мыть лошадь и тележку за нее, но она сказала, что лошадь будет мыть сама. Двое чуть не подрались из-за того, кто будет мыть тележку. Эви разрешила их спор, сказав, что они могут это делать по очереди.

Воду для мытья Барабанщика она подогревала на газовой плите в конторе у хозяина конюшни. Ей и в голову не приходило поливать коня холодной водой. Она мыла его теплой водой, ароматным мылом и насухо вытирала полотенцем. Он никогда не выражал недовольства во время мытья. Напротив, довольно пофыркивал и радостно ржал. Его кожа покрывалась мурашками от наслаждения, когда Эви вытирала его. Когда она терла ему грудь, он клал свою огромную морду на ее хрупкое плечо. Сомнений быть не могло. Конь по уши влюбился в Эви.

Когда Флиттман выздоровел и вернулся на работу, Барабанщик, увидев его на козлах, отказался покинуть конюшню. Делать нечего, Флиттману заменили маршрут и лошадь. Но выходить с любым другим возницей Барабанщик тоже не пожелал. Хозяин хотел уже продать коня, но тут его осенила идея. Среди возниц нашелся женоподобный молодой человек, который к тому же пришепетывал. Его посадили на место Флиттмана. Барабанщик эту кандидатуру одобрил и соблаговолил выйти из конюшни.

Так Барабанщик вернулся к работе. Но каждый божий полдень он сворачивал на улицу, где жила Эви, и останавливался возле ее подъезда. Он отказывался возвращаться в конюшню, пока Эви не спустится, не угостит его половинкой яблока или кусочком сахара, не погладит по носу и не назовет хорошим мальчиком.

– Какой странный конь, – заметила Фрэнси, когда Эви закончила свой рассказ.

– Может, и странный, но он точно знает чего хочет.

32

В тот день, когда Фрэнси исполнилось тринадцать лет, она начала вести дневник, сделав первую запись: *«15 декабря. Сегодня я вступаю в подростковый возраст. Что-то принесет мне следующий год? Интересно»*.

Следующий год принес ей немного, судя по записям в дневнике,

которые становились все реже и отрывочней. Вести дневник она начала потому, что героини прочитанных романов все сплошь вели дневники, которые наполняли вздохами и ахами. Фрэнси полагала, что ее дневник будет таким же, но, если не считать восторженных отзывов об актере Гарольде Кларенсе, записи получались вполне прозаические. В конце года она перелистала дневник и кое-что перечитала.

8 января. У бабушки Марии Ромли есть красивый резной ящик, который ее прапрадедушка сделал в Австрии более ста лет назад. В нем она хранит черное платье, белую нижнюю юбку, туфли и чулки. Это ее похоронная одежда, потому что она не хочет, чтобы ее хоронили в саване. Дядя Вилли Флиттман сказал, чтобы его кремировали, а пепел развеяли с вершины статуи Свободы. Он считает, что в следующей жизни будет птицей и хочет правильно начать. Тетя Эви сказала, что она уже была птицей, кукушкой. Мама поругала меня за то, что я засмеялась. Интересно, что лучше – кремация или погребение?

10 января. Папа сегодня болеет.

21 марта. Нили наломал вербы в парке Маккаррена и подарил ее Гретхен Хан. Мама сказала, что ему рано засматриваться на девочек. Еще успеешь, сказала она.

2 апреля. Папа не работает уже три недели. У него что-то с руками. Трясутся так сильно, что не может ничего держать.

20 апреля. Тетя Сисси говорит, что ждет ребенка. Не верится, потому что живот у нее совсем плоский. Я слышала, как мама сказала, что Сисси крепка задним местом. Сомневаюсь.

8 мая. Папа снова болеет.

9 мая. Сегодня папа пошел на работу, но вернулся. Сказал, что обошлись без него.

10 мая. Папа болен. Днем ему привиделся кошмар, он кричал. Меня послали за тетей Сисси.

12 мая. Папа не работает уже месяц. Нили хочет выправить документы, чтобы пойти работать, а школу бросить. Мама не разрешает.

15 мая. Сегодня вечером папа пошел на работу. Сказал, что он отвечает за семью. Он отругал Нили за то, что тот хочет работать.

17 мая. Папа пришел домой больной. Какие-то дети бежали за ним по улице и дразнили его. Ненавижу детей.

20 мая. Нили теперь разносит газеты. Не соглашается, чтобы я помогала ему.

28 мая. Карни сегодня не ущипнул меня за щеку. Ущипнул другую

девочку. Наверное, я выросла, он больше не будет платить мне за щипки.

30 мая. Мисс Гарндер сказала, что мое сочинение про зиму хотят опубликовать в журнале.

2 июня. Папа пришел домой больной. Мы с Нили помогли ему подняться по лестнице. Папа плакал.

4 июня. Сегодня получила «пять» за сочинение. Задали тему «Кем я хочу стать». У меня только одна ошибка. Я написала «драматургист», а мисс Гарндер сказала, что правильно «драматург».

7 июня. Сегодня папу принесли домой двое мужчин. Он был больной. Мамы не было. Я уложила папу в кровать и дала ему черный кофе. Когда мама вернулась, она сказала, что я все сделала правильно.

12 июня. Мисс Тинмор задала мне сегодня серенаду Шуберта. Мама обогнала меня. Ей задали «Вечернюю звезду» Таннхаузера. Нили говорит, что он обогнал нас обеих. Он играет регтайм Александера без нот.

20 июня. Ходили в театр. Смотрели «Девушку с золотого Запада». Это лучший спектакль, который я видела. С потолка сочилась кровь.

21 июня. Папы не было два дня. Не знаем, где он пропадал. Пришел больной.

22 июня. Сегодня мама перестилала мою постель, нашла под матрасом дневник и прочитала. Слово «пьяный» она велела везде зачеркнуть и написать «больной». Хорошо, что я ничего не писала про маму. Если у меня будут дети, я ни за что не стану читать их дневники, потому что считаю, даже ребенок имеет право на личную жизнь. Если мама снова найдет мой дневник и прочитает, она поймет, на что я намекаю, – надеюсь.

23 июня. Нили сказал, что у него есть подружка. Мама сказала, что ему еще рано. Сомневаюсь.

25 июня. Сегодня у нас были дядя Вилли, тетя Эви, Сисси и ее новый Джон. Дядя Вилли выпил много пива и орал. Он кричал, что новая лошадь, Бесси, не только ссыт на него, но делает кое-что похуже. Мама поругала меня за то, что я смеялась.

27 июня. Сегодня мы закончили читать Библию. Начинаем сначала. Шекспира мы уже прочитали четыре раза от начала до конца.

1 июля. Нетерпимость – это причина всех войн…

Фрэнси прикрыла слова ладонью. Подождала немного, не почувствует ли снова волнение, как тогда, когда писала. Но нет, прежнее чувство не вернулось. Фрэнси перевернула страницу и прочла следующую запись.

4 июля. Сержант Макшейн сегодня принес папу домой. Папа не

арестован, как мы сначала подумали. Он болен. Мистер Макшейн дал нам с Нили четверть доллара. Мама велела вернуть ему деньги.

5 июля. Папа снова болен. Не знаю, сможет ли он вообще работать?

6 июля. Сегодня начали играть в экспедицию на Северный полюс.

7 июля. Северный полюс.

8 июля. Северный полюс.

9 июля. Северный полюс. Спасение пока не пришло.

10 июля. Сегодня вскрыли жестянку. Там восемь долларов и двадцать центов. Мои золотые пенни почернели.

20 июля. Потратили все деньги из жестянки. Мама подрядилась стирать белье у миссис Макгэррити. Я помогала ей гладить, но прожгла дырку на панталонах миссис Макгэррити. Мама больше не разрешает мне гладить.

23 июля. Я устроилась на работу в ресторан Хендлера, только на лето. Мою посуду в обед и вечером, когда много посетителей. Тратится много жидкого мыла из бочонка. В понедельник приходит мужчина, забирает три бочонка жирных отходов, а в среду привозит один бочонок жидкого мыла. Ничего на свете не пропадает зря. Я получаю два доллара в неделю, и еще меня кормят. Работа не тяжелая, но мне ужасно не нравится это мыло.

24 июля. Мама сказала, что не успеешь оглянуться, как я стану женщиной. Сомневаюсь.

28 июля. Флосс Гэддис и Фрэнк собираются пожениться, как только он получит повышение. Фрэнк говорит, президент Вильсон так правит страной, что не успеешь оглянуться, как втянет нас в войну. Он говорит, что женится на случай войны, чтобы обзавестись женой и детьми, тогда его не призовут в армию. Флосси говорит, что все это неправда, на самом деле он любит ее. Сомневаюсь. Помню, как год назад Флосси заигрывала с ним, когда он мыл лошадь.

29 июля. Папа сегодня не болеет. Собирается на работу. Сказал маме, чтобы бросала стирать у Макгэррити, и мне тоже велел уйти с работы. Говорит, что мы разбогатеем и поселимся за городом, на природе. Сомневаюсь.

10 августа. Сисси говорит, что скоро у нее опять родится ребенок. Сомневаюсь. Она плоская как доска.

17 августа. Папа работает уже три недели подряд. Ужинаем по-королевски.

18 августа. Папа болеет.

19 августа. Папа болеет, потому что потерял работу. Мистер

Хендлер не хочет меня брать обратно в ресторан. Говорит, что на меня нельзя положиться.

1 сентября. Вечером приходили тетя Эви и дядя Вилли. Вилли пел про Фрэнки и Джонни и вставлял грязные словечки. Тетя Эви залезла на стул и шлепнула его по носу. Мама поругала меня за то, что я смеялась.

10 сентября. Начался последний год моей учебы в школе. Мисс Гарндер сказала, если я по-прежнему буду получать пятерки за сочинения, она поручит мне написать пьесу для выпускного. У меня родилась отличная идея для пьесы. Появляется девушка в белом платье, с длинными волосами – это Судьба. Все девочки выстроятся перед ней и скажут, чего они хотят от жизни, а Судьба скажет, что они получат. В конце девочка в синем платье протянет к Судьбе свои руки и скажет: «А стоит ли жить вообще?» И все хором ответят: «Да!» Только все это будет в рифму. Я рассказала папе про свою идею, но он был очень болен и ничего не понял. Бедный папа.

18 сентября. Я спросила маму, можно ли мне сделать стрижку, и она сказала – ни в коем случае, волосы – главное украшение женщины. Значит, она считает, что я скоро стану женщиной? Надеюсь, что так, потому что я хочу быть сама себе хозяйка и стричь волосы, когда вздумаю.

24 сентября. Сегодня я принимала ванну и обнаружила, что становлюсь женщиной. Пора уже.

25 октября. Скорее бы уже дописать эту тетрадь до конца. Мне надоело вести дневник. В жизни ничего не происходит.

Фрэнси добралась до последней записи. Осталась только одна пустая страница. Что же, чем скорее она испишет тетрадь, тем скорее разделается с дневником и сможет заняться чем-нибудь другим. Она послюнявила карандаш.

2 ноября. Секс – это то, что неизбежно входит в каждую жизнь. Люди сочиняют пьесы против него. Священники читают проповеди против него. Даже принимают законы против него. Но все идет по-прежнему. У девочек в школе только и разговоров, что про секс и про мальчиков. Их ужасно интересует это. А меня секс интересует?

Она посмотрела на последнее предложение. На переносице появилась морщинка. Она зачеркнула предложение и написала: *«И меня секс тоже интересует»*.

33

Да, все подростки в Уильямсбурге страшно интересовались сексом. О нем велись бесконечные разговоры. Те, кто помладше, увлекались эксгибиционизмом (ты покажешь мне, а я тебе). Те, кто поскромнее, маскировали этот интерес «игрой в доктора». Те, кто посмелее, занимались тем, что называли «грязными играми».

В семьях секс был окружен великой тайной. Если дети задавали вопросы, родители не знали, что им отвечать, по той причине, что у этих людей не находилось нужных слов. Каждая супружеская пара имела свои секретные слова для обозначения тех вещей, которыми занималась в постели под покровом ночи. Но мало кто из матерей отваживался повторить эти слова своим детям при дневном свете. Когда дети вырастали, они тоже, в свой черед, изобретали слова, которые не решались повторить при своих детях.

Кэти Нолан была не робкого десятка. Любую проблему брала как быка за рога. Сама она не заводила разговоров о сексе, но если Фрэнси задавала вопросы, отвечала как умела. Когда Фрэнси с Нили были совсем маленькие, они сговорились между собой спросить маму кое о чем. Однажды они подошли к ней, речь держала Фрэнси:

– Мама, откуда мы взялись?

– Мне вас Бог послал.

Дети из католической семьи согласны были на такой ответ, только пожелали уточнить:

– Как именно Бог переслал нас к тебе?

– Не могу объяснить. Для этого потребуется много длинных слов, которых вы не поймете.

– Скажи длинные слова. Может, поймем.

– Если поймете, тем более не стоит их говорить.

– Скажи другими словами. Скажи, как дети попадают на землю.

– Нет, вы еще маленькие. Если я расскажу вам, вы разболтаете другим детям, их мамы сбегутся и набросятся на меня, скажут, что я дурная женщина.

– Хорошо. Скажи тогда, чем девочки отличаются от мальчиков.

Мама задумалась.

– Главное отличие в том, что девочки писают сидя, а мальчики стоя.

– Но мама, я писаю стоя, когда в туалете темно, потому что мне

страшно, – ответила Фрэнси.

– А я сажусь, когда… – открыл рот малыш Нили.

Мама прервала его:

– Ну, в каждом мужчине есть что-то от женщины и наоборот.

На этом разговор закончился, потому что дети были так озадачены, что не решились продолжать расспросы.

Когда Фрэнси, как она записала в дневнике, начала превращаться в женщину, она обратилась к маме с вопросами, которые ее волновали. И Кэти просто и ясно объяснила ей то, что сама знала. Иногда ей приходилось использовать слова, которые считались непристойными, но Кэти произносила их уверенно и спокойно, потому что других не знала. Никто никогда не обсуждал с ней то, что она рассказывала дочери. В то время не издавали книг, чтобы такие люди, как Кэти, могли узнать о сексе по-научному. Если не считать грубоватых слов и самодельных выражений, в объяснениях Кэти не было ничего неприличного.

Фрэнси повезло больше, чем другим детям из Уильямсбурга. Она узнала все, что требовалось, в то самое время, когда полагалось это узнать. У нее не возникало желания уединяться с другими девочками в темных углах, чтобы обмениваться грязными догадками. Фрэнси была избавлена от необходимости узнавать вещи окольными путями в искаженном виде.

Если нормальный секс оставался секретом за семью печатями, то секс извращенный был у всех на виду. Как в любом бедном и перенаселенном районе, сексуальные маньяки представляли кошмар, который преследовал родителей. В каждом районе водился свой маньяк. В том году, когда Фрэнси исполнилось четырнадцать лет, появился такой подонок и в Уильямсбурге. Долгое время он нападал на маленьких девочек, и, несмотря на все усилия полиции, поймать его не удавалось. Причина заключалась в том, что родители пострадавших девочек старались сохранить происшествие в тайне, чтобы никто ничего не узнал, а то девочку затравят, превратят в изгоя и испортят ей остаток детства.

Однажды девочку, которая жила в квартале Фрэнси, убили, и поэтому история выплыла наружу. Это была тихая маленькая девочка семи лет, воспитанная и послушная. Когда она не вернулась домой из школы, мама не сразу забеспокоилась: подумала, что она с кем-то играет. После ужина она пошла искать дочь, расспрашивала одноклассников. Никто не видел девочку после уроков.

Все испугались. Родители позвали детей с улиц домой и заперли на

замок. Макшейн вышел с полудюжиной полицейских, они обследовали подвалы и чердаки.

Наконец девочку нашел ее нескладный семнадцатилетний брат. Маленькое тельце лежало на опрокинутой кукольной коляске в подвале соседнего дома. Порванное платье, штанишки, туфли и красные носочки валялись на груде золы. Брата допросили. На вопросы он отвечал возбужденно и сбивчиво. Его арестовали по подозрению в убийстве. Макшейн был совсем не глуп. Арестом он хотел притупить бдительность убийцы. Макшейн понимал, что убийца, почувствовав себя в безопасности, совершит новую вылазку, тут-то полиция его и схватит.

Родителей тоже привлекли к операции. Детям рассказали про злодея и про то, что он совершает ужасные вещи. Девочек предупредили, чтобы не брали конфет у незнакомцев, не вступали с ними в разговор. Матери выходили, чтобы встретить дочерей после школы. Улицы опустели. Словно Крысолов увел всех детей из города неведомо куда. Весь район пребывал в страхе. Джонни так испугался за Фрэнси, что раздобыл пистолет.

У Джонни был друг по имени Барт, который работал ночным сторожем в банке на углу. Барту было сорок лет, он женился на девушке вдвое моложе и ревновал ее как сумасшедший. Он подозревал, что, пока он в банке, она проводит время с любовником. От этих подозрений он так измучился, что решил – лучше узнать правду, чем пребывать в неизвестности. Он хотел заменить разъедающие душу подозрения пусть разрывающей сердце, но правдой. И вот он стал наведываться домой тайком, в неурочный час, а его друг Джонни Нолан охранял банк вместо него. У них был условный сигнал. Когда бедняге Барту становилось ночью невмоготу, он просил постового полицейского позвонить в дверь Нолану три раза. Если Джонни был дома, он выскакивал из кровати, как пожарный, быстро одевался и бежал в банк, словно от этого зависела его жизнь.

После того как охранник уходил, Джонни ложился на кушетку Барта, ощущая под тощей подушкой пистолет. Он надеялся, что кто-нибудь предпримет попытку ограбить банк, а он спасет деньги и станет героем. Но все ночные бдения проходили без приключений. Даже охраннику так и не удалось застукать свою жену на измене. Проскользнув в дом, он всякий раз обнаруживал, что молодая женщина спит крепким сном в полном одиночестве.

Когда Джонни услышал про изнасилование и убийство, он пошел в банк, чтобы поговорить со своим приятелем Бартом. Он спросил охранника, нет ли у того еще одного пистолета.

– Есть. А что?

– Можешь дать мне?

– Зачем, Джонни?

– Тут один подонок убил девочку из нашего квартала.

– Надо думать, его поймают, Джонни. Точно тебе говорю, поймают они этого сукина сына.

– Но у меня дочь!

– Да, я знаю, Джонни.

– Вот я и прошу у тебя пистолет.

– Это нарушение закона Салливана.

– А уходить с дежурства разве не нарушение закона? Оставлять меня в банке разве не нарушение закона? Откуда ты знаешь – может, я захочу его ограбить?

– Брось, Джонни.

– Если мы нарушаем один закон, почему не можем нарушить другой?

– Ну ладно, ладно. Дам тебе пистолет.

Он открыл ящик стола и вынул пистолет.

– Смотри сюда. Если хочешь кого-нибудь убить – целишься вот так, – он прицелился в Джонни. – И нажимаешь вот сюда.

– Ясно. Дай попробую.

Джонни, в свою очередь, прицелился в Барта.

– Годится, – кивнул Барт. – Правда, сам я никогда из этой штуковины не стрелял.

– А я вообще первый раз держу пистолет в руках, – ответил Джонни.

– Ты осторожнее, – тихо сказал охранник. – Он заряжен.

Джонни вздрогнул и осторожно убрал пистолет.

– Надо же, Барт, я не знал. Мы ведь могли убить друг друга.

– И то верно! – Охранника передернуло.

– Одно движение пальца – и нет человека, – пробормотал Джонни.

– Джонни, ты ведь не собираешься убивать себя?

– Нет, пусть это сделает виски, – Джонни рассмеялся и резко оборвал смех.

Когда он уходил с пистолетом, Барт сказал:

– Дай знать, если поймаешь эту сволочь.

– Хорошо, – пообещал Джонни.

– Ну пока.

– Пока, Барт.

Джонни собрал свою семью и показал пистолет. Он предупредил Фрэнси и Нили, чтобы не прикасались к нему.

– В этом маленьком цилиндре прячется смерть, ее хватит на пятерых, – торжественно произнес он.

Фрэнси подумала, что револьвер похож на гигантский согнутый палец, которым манят смерть и выпускают ее на волю. Она облегченно перевела дух, когда папа убрал пистолет с глаз долой под подушку.

Пистолет пролежал под подушкой у Джонни месяц, никто к нему не прикасался. Нападения в районе не повторялись. Походило на то, что преступник перебрался в другое место. Матери начали успокаиваться. Некоторые, правда, подобно Кэти, продолжали дежурить у дверей или на лестнице, встречая детей из школы. Убийца обычно подстерегал своих жертв на темных лестничных площадках. Кэти считала, что лучше проявлять бдительность, чем потом кусать локти.

И вот, когда все окончательно успокоились и потеряли бдительность, извращенец снова заявил о себе.

Однажды днем Кэти мыла лестницу в соседнем доме. Она услышала детские голоса на улице и поняла, что уроки в школе закончились. Она задумалась, стоит ли идти домой, чтобы встретить Фрэнси в подъезде, как делала все время после ужасного убийства. В конце концов, Фрэнси почти четырнадцать, она большая и сможет сама постоять за себя. Обычно маньяк нападал на девочек лет шести-семи. Может, его поймали в другом районе и посадили в тюрьму. И все же… Кэти поколебалась, но решила пойти домой. Все равно кончается мыло, так что она убьет двух зайцев, если сходит домой.

На улице она огляделась и встревожилась, не увидев Фрэнси среди детей. Потом вспомнила, что Фрэнси ходит в дальнюю школу и возвращается позже. Зайдя в квартиру, Кэти решила подогреть кофе и выпить чашку. Тем временем Фрэнси вернется, и Кэти успокоится. Она зашла в спальню проверить, под подушкой ли пистолет. Разумеется, он лежал там, и Кэти почувствовала себя дурой. Она выпила кофе, взяла новый кусок хозяйственного мыла и собралась обратно на работу.

Фрэнси подошла к дому в обычное время. Открыла дверь, осмотрела длинный узкий коридор, ничего не увидела и закрыла глухую деревянную дверь за собой. В коридоре стало темно. Она сделала несколько шагов по направлению к лестнице, поставила ногу на ступеньку и тут заметила его.

Он вынырнул из маленькой ниши под лестницей, где находился вход в подвал. Двигался бесшумно, но стремительно. Худой, маленького роста, в потертом черном костюме и рубашке без воротничка и галстука. Густые спутанные волосы росли почти от самых бровей. Нос крючком, узкие губы. Фрэнси сделала еще один шаг, а когда получше разглядела его, ноги

приросли к цементу. Она не могла оторвать их! Руками вцепилась в перила и привалилась к ним. Окаменела она оттого, что мужчина приближался с расстегнутыми брюками. Фрэнси уставилась на выставленную наружу часть его тела с ужасом, который полностью парализовал ее. Белый червяк контрастировал с руками и лицом омерзительного землисто-желтого цвета. Фрэнси почувствовала такую же тошноту, как при виде жирных белых личинок, которые копошились в дохлой крысе. Она хотела крикнуть «мама», но горло перехватило, и только струйка воздуха с шипением вырвалась из него. Как в страшном сне – пытаешься закричать, а голоса нет. И шевельнуться она не могла! Не могла шевельнуться! Она так сжимала перила, что руки заболели. Ей показалось, что они сейчас отвалятся. Он приближается, а она не может убежать! Не может! Господи, взмолилась она, сделай так, чтобы из ближней квартиры кто-нибудь вышел!

В эту минуту Кэти вышла на лестницу и медленно спускалась с куском хозяйственного мыла в руке. Она взглянула вниз, увидела мужчину, который приближался к Фрэнси, и Фрэнси, которая приросла к перилам. Кэти не издала ни звука. Никто не заметил ее. Она тихонько повернулась, взлетела на два пролета вверх к своей квартире. Не дрогнувшей рукой вынула ключ из-под коврика, открыла дверь. Не отдавая себе отчета, бросила кусок мыла на крышку корыта. Достала пистолет из-под подушки, взвела курок и спрятала под фартук. Рука с пистолетом дрожала. Она засунула другую руку под фартук, взяла пистолет обеими руками и так сбежала по лестнице.

Убийца достиг лестницы, быстро, как кошка, перепрыгнул через две ступени, закинул руку за шею Фрэнси и зажал ей рот ладонью, чтобы не крикнула. Другой рукой он схватил ее за талию и начал тащить за собой. Он оступился, и обнаженная часть его тела коснулась ее голой ноги. Фрэнси вздрогнула, словно от ожога. Парализованные ноги ожили, она начала лягаться и вырываться. Тогда мерзавец налег на нее всем телом, придавил к перилам. Он стал разжимать ее стиснутые пальцы один за другим. Оторвав от перил одну руку, зажал ее между спиной и перилами и принялся за другую.

Тут послышался шум. Фрэнси посмотрела вверх и увидела маму, которая сбегала по лестнице. Она бежала неловко, с трудом удерживая равновесие из-за того, что обе руки прятала под фартуком. Мужчина увидел ее. Он не мог знать, что у нее револьвер. Он неохотно отпустил жертву и сделал два шага вниз, не отрывая влажного взгляда от Кэти. Фрэнси стояла, по-прежнему вцепившись в перила одной рукой. Она никак не могла разжать пальцы. Мужчина, спустившись с лестницы, прижался

спиной к стене и стал скользить по направлению к двери в подвал. Кэти остановилась, встала на колени, просунула накрытый фартуком пистолет между прутьями перил, вперила взгляд в обнаженную часть тела насильника и нажала курок.

Раздался громкий треск, запахло паленой тканью, фартук вокруг дырки тлел. Рот извращенца скривился, открыв сломанные гнилые зубы. Он прижал обе руки к животу и упал. Когда он коснулся пола, руки разжались. Нижняя часть тела была у него в крови. Узкий коридор наполнился дымом.

Поднялся женский визг. Двери с шумом пооткрывались. Люди из квартир выскакивали в коридор, прохожие ломились с улицы. Через секунду в дверях образовалась пробка, никто не мог ни войти, ни выйти.

Кэти схватила Фрэнси за руку и хотела увести ее домой, но рука девочки как примерзла к перилам. Пальцы не разжимались. В отчаянии Кэти ударила Фрэнси по запястью рукояткой пистолета, и пальцы наконец-то разжались. Кэти повела дочь по лестнице. Навстречу им попадались соседки, повысыпавшие из квартир.

– В чем дело? В чем дело? – кричали они.

– Уже ни в чем. Уже ни в чем, – отвечала Кэти.

Фрэнси не переставала дрожать, и ноги у нее подломились. Последний отрезок пути Кэти пришлось тащить ее по коридору за собой на коленях. Она втащила дочь в квартиру и уложила на кухонную кушетку. Потом заперла дверь и накинула цепочку. Когда клала пистолет рядом с куском хозяйственного мыла, то случайно коснулась дула. Кэти испугалась, какое оно горячее. Кэти ничего не знала об оружии, никогда раньше не стреляла. Она подумала, что от высокой температуры пистолет может выйти из строя. Она приподняла крышку корыта с замоченным бельем и бросила в него пистолет. Туда же последовал кусок хозяйственного мыла, который лежал рядом. Кэти подошла к Фрэнси.

– Он поранил тебя, Фрэнси?

– Нет, мама, – простонала Фрэнси. – Он только… своим… этим самым… он задел мне ногу.

– Где?

Фрэнси указала на голую кожу повыше синих гольфов. Там не было ни синяка, ни царапины. Фрэнси удивилась. У нее было такое чувство, что кожа прожжена до мяса.

– Тут ничего нет, – сказала мама.

– Но мне до сих пор больно, – простонала Фрэнси и выкрикнула как безумная: – Лучше отрежьте мне ногу!

У двери собралась и шумела толпа – людям хотелось узнать, что произошло. Кэти не обращала на них внимания, дверь не отпирала. Она заставила Фрэнси проглотить чашку обжигающе горячего черного кофе, потом стала мерить шагами комнату. Теперь она начала дрожать. Она не знала, что делать дальше.

Нили слонялся во дворе, когда раздался выстрел. Увидев, что люди толпятся у подъезда, он пролез в гущу. Поднялся по лестнице и посмотрел вниз. Насильник лежал там, где упал. Женщины сорвали с него брюки, и те, кто оказался рядом, били его и топтали ногами. Остальные плевали в него. Все выкрикивали ужасные ругательства в его адрес. Нили услышал, что повторяют имя его сестры.

– Фрэнси Нолан?

– Ага. Фрэнси Нолан.

– Точно? Фрэнси Нолан?

– Говорят тебе, сама видела.

– Ее мать выбежала и…

– Фрэнси Нолан!

Нили услышал сирену – подъехала «скорая помощь». Он подумал, что Фрэнси убита. Расплакался и, плача, взбежал по лестнице. Забарабанил в дверь с воплем: «Пусти, мама! Пусти меня!»

Кэти открыла. Увидев Фрэнси на кушетке, он зарыдал еще громче. Фрэнси вторила ему.

– Перестаньте! Перестаньте! – кричала Кэти.

Она трясла Нили до тех пор, пока рыдания не затихли.

– Сбегай за отцом. Разыщи его, где бы он ни был.

Нили отыскал отца в баре Макгэррити. Джонни как раз настроился на долгую неспешную выпивку. Услышав рассказ Нили, он опрокинул залпом стакан и выбежал вместе с ним. Пройти в дом они не смогли. У дверей стояла «скорая помощь», а четверо полицейских прокладывали доктору путь сквозь толпу.

Джонни и Нили вышли через соседний подъезд во двор, помогли друг другу перелезть через забор и вскарабкались по пожарной лестнице. Когда Кэти заметила котелок Джонни за окном, она вскрикнула и побежала за пистолетом. К счастью для Джонни, у нее вылетело из головы, куда она дела пистолет.

Джонни подбежал к Фрэнси и подхватил ее на руки, словно она была маленьким ребенком. Он укачивал и убаюкивал ее. Фрэнси упорно требовала, чтобы ей отрезали ногу.

– Что он ей сделал? – спрашивал Джонни.

– Ничего, зато я с ним разделалась, – мрачно ответила Кэти.

– Ты выстрелила в него из пистолета?

– Из чего же еще?

– Ты попала?

– Как смогла. Но она все твердит про ногу. Он своим… – Кэти взглянула на Нили. – В общем, этим самым коснулся ее ноги, вот здесь.

Кэти указала место. Джонни посмотрел туда, но ничего не увидел.

– Очень плохо, что такое случилось именно с ней, – добавила Кэти. – Она такая впечатлительная. Вдруг теперь не выйдет замуж, под впечатлением.

– Мы приведем в порядок твою ногу, – пообещал папа.

Он положил Фрэнси обратно на кушетку, взял банку с карболкой и протер ногу Фрэнси. Обжигающая боль от кислоты принесла Фрэнси облегчение. Она почувствовала себя очищенной после мерзкого прикосновения.

В дверь постучали. Ноланы затаились и не ответили. Не хотелось в эту минуту пускать в дом посторонних. Голос с сильным ирландским акцентом произнес:

– Откройте. Именем закона.

Кэти отворила дверь. Вошел полицейский в сопровождении фельдшера «скорой помощи» с сумкой. Полицейский указал на Фрэнси:

– Этого ребенка пытались изнасиловать?

– Да.

– Доктор должен осмотреть ее.

– Я не позволю, – возразила Кэти.

– Таков закон, – спокойно ответил полицейский.

Кэти с фельдшером увели Фрэнси в спальню, и перепуганному ребенку пришлось подвергнуться унизительному осмотру. Фельдшер проделал все быстро и деликатно. Закончив, он выпрямился и стал укладывать инструменты в сумку.

– Все в порядке, он ничего не успел, – сказал фельдшер и указал на распухшее запястье Фрэнси. – Как это произошло?

– Мне пришлось ударить ее пистолетом, чтобы она выпустила перила, – пояснила Кэти.

Фельдшер заметил синяк на колене Фрэнси.

– А это что такое?

– Я тащила ее по коридору на коленях.

Фельдшер обратил внимание на пылающее пятно на ноге Фрэнси.

– А это что, бога ради?

– Это отец протер ей кожу карболкой в том месте, где мерзавец коснулся ее.

– Боже правый! – взорвался фельдшер. – Вы пытались вызвать у нее ожог третьей степени?

Он снова открыл сумку, наложил охлаждающую мазь и забинтовал ногу.

– Боже правый! – снова повторил он. – Вы причинили своему ребенку больше вреда, чем преступник!

Фельдшер поправил платье Фрэнси, погладил ее по щеке и сказал:

– Все будет хорошо, девочка. Я сделаю так, чтобы ты заснула. А когда проснешься, скажи себе – мне приснился дурной сон. Дурной сон, и больше ничего. Поняла?

– Да, сэр, – сказала Фрэнси с благодарностью. И снова увидела острую иглу. Ей вспомнилось что-то из прошлого. Она заволновалась. Чистая ли у нее рука? Может, он сейчас скажет…

– Ты смелая, – сказал он, вводя иглу.

«Значит, он ничего не имеет против меня», – сквозь туман подумалось Фрэнси.

После укола она заснула мгновенно.

Кэти с фельдшером прошли на кухню. Джонни и полицейский сидели за столом. Полицейский сжимал в ручище огрызок карандаша и делал пометки в записной книжечке.

– Девочка в порядке? – спросил он.

– В полном, – кивнул фельдшер. – Если не считать шока и следов родительской заботы.

Фельдшер подмигнул полицейскому и обратился к Кэти:

– Помните, когда проснется – нужно говорить, что ей приснился дурной сон. Больше ничего не обсуждайте.

– Сколько я должен вам, док? – спросил Джонни.

– Нисколько, приятель. Я из муниципальной службы.

– Спасибо, – прошептал Джонни.

Фельдшер заметил, что у Джонни трясутся руки. Он вынул из кармана пинтовую фляжку и протянул Джонни.

– Глотни!

Джонни недоуменно посмотрел на него.

– Давай, приятель.

Джонни с благодарностью сделал большой глоток.

Фельдшер передал фляжку Кэти:

– И вы тоже, мадам. Похоже, вам тоже не помешает.

Кэти тоже сделала большой глоток. Полицейский протянул руку:

– А я, что не в счет? Сирота, что ли?

Когда фельдшер получил свою фляжку обратно, в ней оставалось на донышке. Он вздохнул и допил. Полицейский тоже вздохнул и повернулся к Джонни:

– Итак, продолжим. Где вы храните оружие?

– Под подушкой.

– Принесите. Я должен сдать его в участок.

Кэти, совершенно позабыв, куда она бросила пистолет, метнулась в спальню и подняла подушку. Вернулась с пустыми руками, озабоченная.

– Его там нет!

Полицейский рассмеялся:

– Разумеется! Вы же его достали, чтобы выстрелить в подонка.

Кэти потребовалось немало времени, чтобы восстановить в памяти события. Она извлекла пистолет из корыта с бельем. Полицейский вытер оружие, вынул пули и спросил Джонни:

– А разрешение у тебя есть, приятель?

– Нет.

– Непорядок.

– Это не мой пистолет.

– А чей? Кто тебе его дал?

– Не знаю. Никто, – Джонни не хотел втягивать приятеля-охранника в неприятности.

– Откуда же он у тебя?

– Нашел. Да, нашел в сточной канаве.

– Смазанным и заряженным?

– Именно.

– Это все, что ты можешь сказать?

– Все.

– Ну ладно, меня это устраивает. Держись этой линии и дальше.

Водитель «скорой помощи» крикнул из коридора, что отвез раненого в больницу и готов забрать их.

– В больницу? – переспросила Кэти. – Значит, я не убила его.

– Не до конца, – кивнул фельдшер. – Мы подлечим его, чтобы смог дойти до электрического стула на своих двоих.

– Обидно, – вздохнула Кэти. – Я так хотела прикончить его.

– Я успел допросить его при свидетелях прежде, чем он отрубился, – заговорил полицейский. – Маленькая девочка в подвале – это его рук дело.

На его счету еще две жертвы. Вот протокол допроса, с подписью.

Полицейский похлопал себя по карману.

– Не удивлюсь, если я получу повышение, когда о деле узнает комиссар.

– Надеюсь, что получите, – холодно ответила Кэти. – Пусть эта история пойдет хоть кому-то на пользу.

Когда наутро Фрэнси проснулась, папа сказал, что ей приснился дурной сон. Со временем это событие и правда стало казаться Фрэнси сном. В ее душе не осталось глубокой раны. Физический страх отключил эмоциональную реакцию. Ужас, пережитый на лестнице – который продолжался минуты три, – послужил обезболивающим. События, которые последовали затем, слабо отпечатались в ее памяти из-за действия непривычного укола. Даже слушания в суде, где ей пришлось давать показания, казались частью смутного спектакля, где ей отведена совсем коротенькая роль.

В суде выступить потребовалось, но им с Кэти сказали, что это пустая формальность. Фрэнси мало чего запомнила – кроме того, что она рассказала свою историю, а Кэти свою. Рассказ получился коротким.

– Я возвращалась домой из школы, – давала показания Фрэнси. – Когда вошла в коридор, этот человек выскочил и схватил меня. Закричать я не успела. Пока он старался оторвать меня от перил, вышла мама.

Кэти рассказала:

– Я спускалась по лестнице и увидела, как он пытается утащить мою дочь. Я сбегала домой, схватила пистолет (это не заняло много времени), спустилась вниз и выстрелила в него, он хотел спрятаться в подвале, но не успел.

Фрэнси боялась, что маму арестуют за то, что она стреляла в человека. Но нет, обошлось – все кончилось тем, что судья пожал руку маме и Фрэнси тоже.

Смешную неразбериху устроили газетчики. Полупьяный репортер обзванивал вечером, как заведено, все полицейские участки в поисках жареных новостей и узнал про этот случай, но перепутал фамилии. В бруклинской газете появилась статья в половину подвала, в которой говорилось, что миссис О’Лири (так звали полицейского) из Уильямсбурга застрелила в подъезде собственного дома преступника. На следующий день две нью-йоркские газеты напечатали заметку о том, что миссис О’Лири из Уильямсбурга была застрелена преступником в подъезде собственного

дома.

Наконец интерес к этой истории стал угасать. Кэти походила в местных героинях, но со временем насильник-убийца забылся. В памяти соседей отложилось только то, что Кэти Нолан застрелила человека. И о ней теперь отзывались так: этой особе лучше дорожку не переходить. Чуть что не по ней – и застрелит.

Шрам от карболки навсегда остался у Фрэнси на ноге, но стянулся до размеров десятицентовой монеты. Фрэнси постепенно привыкла к нему и перестала замечать.

Что касается Джонни, то его оштрафовали на пять долларов за нарушение закона Салливана – хранение оружия без лицензии. И еще! Молодая жена охранника все же сбежала от него с итальянцем примерно своего возраста.

Через несколько дней сержант Макшейн разыскал Кэти. Он застал ее в тот момент, когда она тащила ведро с золой, и его сердце сжалось от жалости. Он помог ей донести ведро. Она поблагодарила и взглянула снизу вверх ему в лицо. Первый раз она видела его во время поездки, которую устраивал Мэтти Мэгони, тогда он еще спросил у Фрэнси про ее мать, а второй раз, когда Джонни не мог добраться до дома и сержант привел его. До Кэти дошел слух, что его жена находится в туберкулезном санатории для неизлечимо больных и долго не протянет. «Женится ли он еще раз? – спросила сама себя Кэти. – Наверняка, – сама же и ответила на свой вопрос. – Такой видный мужчина, солидный, с хорошей работой. Его любая с руками оторвет». Он снял шляпу, когда разговаривал с Кэти.

– Миссис Нолан, мои ребята и лично я хотим отблагодарить вас за помощь в поимке убийцы.

– Пожалуйста, – вежливо ответила Кэти.

– И вот наша благодарность, ребята просили передать вам! – Он протянул ей конверт.

– Деньги? – спросила она.

– Да. Заберите!

– Если бы ваш муж трудился исправно и ваши дети ни в чем не нуждались… тогда другое дело.

– Это вообще не ваше дело, сержант Макшейн. Вы же видите, что я тружусь исправно и мои дети не нуждаются в подачках.

– Как скажете.

Он спрятал конверт обратно в карман, не сводя с нее глаз.

«Вот женщина – хрупкая, нежное лицо, черные кудри, – думал он. –

А мужества и гордости на шестерых с лихвой. Я взрослый мужчина, мне сорок пять лет. Она же просто девочка (Кэти было тридцать один год, но она выглядела гораздо моложе). Нам обоим не слишком повезло со второй половиной. Ничего не поделаешь».

Макшейн все знал про Джонни и понимал, что при таком образе жизни долго он не протянет. Он жалел Джонни, он жалел свою жену Молли. Он не желал им зла. Ему даже в голову не приходило изменить своей больной жене. «Но разве своей надеждой я причиняю кому-нибудь вред? – спрашивал он себя. – Конечно, нужно подождать. Сколько? Два года? Четыре? Какая разница, я уже столько лет терпел без всякой надежды на счастье. Как-нибудь потерплю еще, когда появилась надежда».

Он еще раз поблагодарил Кэти и официально попрощался. Пожимая ей руку, он подумал: «Она станет моей женой, рано или поздно, Господи, и она не против, я знаю».

Кэти не догадывалась, о чем он думает (или догадывалась?). Может, и догадывалась. Ведь что-то же заставило ее сказать:

– Надеюсь, когда-нибудь вы будете счастливы. Вы этого заслуживаете, сержант Макшейн.

34

Когда Фрэнси услышала, как тетя Сисси говорит маме, что ждет ребенка, она задумалась – интересно, почему Сисси говорит «жду», а не «рожу», как говорят другие женщины. И Фрэнси докопалась до причины, почему Сисси использует именно это слово.

Сисси трижды была замужем. На кладбище Святого Иоанна, что на кипарисовом холме, ей принадлежал участочек с десятью крошечными надгробными камнями, на каждом дата рождения совпадала с датой смерти. Ей исполнилось тридцать пять лет, и она страстно хотела детей. Кэти с Джонни часто обсуждали это, и Кэти опасалась, что Сисси однажды украдет младенца.

Она хотела усыновить ребенка, но очередной Джон и слышать не хотел об этом.

– Чтобы я кормил чужого сопляка, ты в своем уме? – так обычно реагировал он.

– Разве ты не любишь деток, милый? – вкрадчиво мурлыкала она.

– Люблю, конечно. Но только если их сделал я сам, а не какой-нибудь другой говнюк, – отвечал он, не замечая, что обзывает сам себя.

Вообще-то Джон в руках Сисси был как тесто, из которого она лепила что хотела. Только в этом вопросе он оставался тверд и отказывался принять ее точку зрения. Он считал – если ребенок, то только от него, а не от кого другого. Сисси знала это. Она даже уважала его мнение. Но ей позарез нужен был живой ребенок.

Совершенно случайно Сисси узнала, что чудесная шестнадцатилетняя девочка из Маспета забеременела от женатого мужчины и скоро родит. Ее родители, сицилийцы, которые переселились недавно, заперли дочь в темной комнате, чтобы спрятать ее позор от соседей. Отец держал ее на хлебе и воде. Он надеялся, что и она, и ребенок ослабеют и умрут при родах. Чтобы добрая мать не подкармливала дочь, когда его нет дома, он не оставлял ни копейки денег, уходя утром на работу. Каждый вечер он приносил сумку продуктов и следил за тем, чтобы ни крошки не стащили для несчастной. После того как семья завершала трапезу, он выдавал дочери ее дневной рацион – полбуханки хлеба и кувшин воды.

Рассказ об этой жестокости потряс Сисси до глубины души. Она придумала план действий. Судя по убеждениям этих людей, подумала Сисси, они будут рады избавиться от новорожденного ребенка. Она решила взглянуть на эту семейку. Если они с виду здоровые и крепкие, то она предложит забрать у них ребенка.

В первый раз мать семейства не впустила Сисси. Сисси пришла на другой день, нацепив значок на лацкан. Постучала в дверь. Дверь приоткрылась, она показала в щелку свой значок и строгим голосом потребовала впустить ее. Испуганная мать семейства приняла Сисси за сотрудницу иммиграционной службы и открыла дверь. Читать она не умела, а то прочла бы, что на значке написано «Куриный инспектор».

Сисси устроила инспекцию. Девушка оказалась испуганной, настороженной и исхудавшей от скудного питания. Сисси пригрозила матери арестом, если отношение к девочке не изменится к лучшему. Заливаясь слезами, на плохом английском мать семейства кое-как объяснила, что они боятся позора и отец задумал уморить девушку и нерожденного ребенка голодом. Сисси целый день вела переговоры с матерью и дочерью, которую звали Лючия. В основном их разговор напоминал пантомиму. Наконец Сисси удалось втолковать им, что она хочет забрать ребенка, как только он родится. Когда матушка поняла наконец, о чем речь, она покрыла ладонь Сисси поцелуями благодарности. С этого дня Сисси стала обожаемым и доверенным другом семейства.

Едва Джон уходил на работу, Сисси убирала квартиру, потом готовила гору еды для Лючии и отправлялась в итальянский квартал. Она усиленно

откармливала Лючию смешанной ирландско-немецкой кухней. Сисси придерживалась мнения, что, если ребенка еще до рождения перевести на правильное питание, он будет меньше похож на итальянца.

Сисси трогательно заботилась о Лючии. В хорошую погоду выводила ее в парк и заставляла проводить время на солнышке. За время их необычного знакомства она стала для Лючии верной и веселой подругой. Лючия обожала Сисси – единственного человека, который по-доброму относился к ней в ее новом положении. Да и вся семья (кроме отца, который не подозревал о существовании Сисси) полюбила ее. Матушка и другие дети охотно вступили в заговор, чтобы сохранить все в тайне от отца. Они запирали Лючию в ее темнице, заслышав отцовские шаги на лестнице.

В семье Лючии плохо говорили по-английски, а Сисси не знала итальянского, но через несколько месяцев она подучилась у них итальянскому, а они у нее – английскому. Сисси не сказала, как ее зовут, поэтому итальянцы называли ее «синьора Свобода» – в честь дамы с факелом, которая встретила их по прибытии в Америку.

Сисси сама все решала за Лючию, за ее ребенка и за ее семью. Когда обо всем окончательно договорились, Сисси объявила своим родным и знакомым, что ждет ребенка. Никто не обратил на это особого внимания. Сисси вечно ждала ребенка.

Сисси разыскала повивальную бабку, которую никто не знал, и заранее заплатила ей. Она попросила Кэти написать на листе бумаге ее фамилию, фамилию Джона, девичью фамилию самой Сисси и вручила листок повитухе. Она велела повитухе отослать листок в отдел здравоохранения сразу после рождения ребенка. Ни о чем не подозревавшая женщина, которая не говорила по-итальянски (Сисси удостоверилась в этом прежде, чем нанимать ее), пребывала в уверенности, что на бумажке написаны имена отца и матери младенца. Сисси хотела, чтобы свидетельство о рождении было в полном порядке.

Сисси так вжилась в роль беременной по доверенности, что в первые недели изображала тошноту по утрам. Когда Лючия сказала, что ребенок зашевелился, Сисси сообщила мужу, что *она* чувствует, как ребенок толкается.

В тот день, когда у Лючии начались схватки, Сисси вернулась от нее домой и легла в постель. Когда Джон пришел с работы, она сообщила ему, что рожает. Он посмотрел на Сисси – стройную, как балерина, и выразил сомнение. Но она настаивала на своем и потребовала, чтобы он сходил за ее матерью. Мария Ромли посмотрела на Сисси и тоже усомнилась в том,

что дочь рожает. Вместо ответа Сисси издала душераздирающий вопль и заявила, что этих схваток не переживет. Мария внимательно посмотрела на дочь. Она понятия не имела, что у той на уме, но хорошо знала, что спорить с ней бесполезно. Если Сисси сказала, что рожает, значит, рожает, и точка. Только Джон никак не соглашался.

– Посмотрите сами, какая она худая. Нет у нее в животе никакого ребенка.

– Может, он родится у нее из головы. Голова-то у нее большая, сам видишь, – ответила Мария Ромли.

– Ой, вот только глупостей не надо говорить.

– А тебе почем знать? – возмутилась Сисси. – Вот Дева Мария родила вообще без мужчины. Если она сумела, то уж я-то и подавно рожу – слава богу, я замужем, и мужчина у меня есть, да еще какой.

– Да, почем нам знать? – кивнула Мария, повернулась к ошеломленному зятю и сказала ласково: – На свете много вещей, которых мужчинам не понять.

Она посоветовала растерянному зятю выкинуть все сомнения из головы, вкусно поужинать – ужин она ему сейчас приготовит, лечь в постель и заснуть сладким сном.

Заснуть сладким сном ему не удалось. Озадаченный мужчина пролежал всю ночь рядом с женой, не смыкая глаз. То он приподымался на локте и смотрел на нее, то щупал ее плоский живот. Сисси крепко проспала всю ночь.

Когда утром он уходил на работу, Сисси объявила мужу, что к вечеру он станет отцом.

– Хорошо, сдаюсь! – крикнул измученный мужчина и отправился на работу в издательство.

Сисси помчалась к Лючии. Ребенок родился через час после того, как ушел отец девушки. Прекрасная здоровенькая девочка. Сисси была счастлива. Она сказала Лючии, чтобы та покормила малышку грудью первые десять дней, пока та не окрепнет, а потом она заберет девочку. Сисси купила цыпленка и пирог. Мать семейства приготовила цыпленка по-итальянски. Сисси по дороге прихватила бутылочку кьянти в итальянском бакалейном, и они славно пообедали. В доме получилось что-то вроде фиесты. Все радовались. Живот у Лючии стал почти такой же плоский, как раньше. Он больше не выпирал памятником ее бесчестью. Все стало как раньше… точнее, станет, когда Сисси заберет ребенка.

Сисси купала девочку каждый час. Переодевала распашонку три раза за день. Подгузники меняла каждые пять минут, не важно, мокрые они или

нет. Она отмыла и Лючию так, что та благоухала. Сисси расчесывала ей волосы, пока они не засияли, как шелк. Она не знала, что еще сделать для Лючии и младенца. Она с трудом рассталась с ними и только потому, что с работы должен был вернуться отец итальянского семейства.

Первым делом он отправился в чулан, чтобы выдать Лючии ее дневной паек. Он включил газовую горелку и увидел сияющую Лючию и рядом с ней толстенького крепкого младенца, который довольно посапывал во сне. Он изумился. Возможно ли такое на хлебе и воде! По его телу пробежал трепет. Свершилось чудо! Не иначе как Дева Мария вступилась за юную мать. Известно, что в Италии она совершала подобные чудеса не раз. Возможно, теперь его постигнет наказание за то, что так безжалостно обходился со своим кровным чадом. Раскаявшись, он принес дочери полную тарелку спагетти, с горкой. Лючия отказалась есть, сказав, что привыкла к хлебу и воде. Матушка присела рядом с Лючией и заметила, что хлеб с водой пошли на пользу младенцу. Отец окончательно уверовал в чудо. Он даже подобрел к Лючии, но домашние набросились на него с укоризнами. Они запретили ему проявлять мягкосердечие по отношению к обесчещенной.

Сисси мирно лежала в постели, когда ее Джон вернулся вечером домой. Он шутливо спросил:

– Ну как дела, сегодня родила?

– Да, – ответила она тихо.

– Неужто!

– Да, через час после твоего ухода.

– Быть не может!

– Клянусь!

Он оглядел комнату:

– А где же ребенок?

– В инкубаторе на Кони-Айленде.

– Где-где?

– Он родился семимесячным, понимаешь. Весил всего три фунта. Вот почему живота не было видно.

– Ты все выдумываешь, да?

– Как только поправлюсь, отвезу тебя на Кони-Айленд, и ты посмотришь, как он лежит там в стеклянном ящике.

– Чего ты хочешь? Свести меня с ума, да?

– Через десять дней я принесу его домой. Вот только ноготочки вырастут, – вдохновенно сочиняла она.

– Да что за бес вселился в тебя, Сисси? Ты знаешь не хуже меня, что никого не родила сегодня утром.

– Родила. Девочка весом три фунта. Ее положили в инкубатор для выхаживания, а через десять дней я заберу ее оттуда.

– Я сдаюсь, сдаюсь! – крикнул он, выбежал из дома и напился.

Через десять дней Сисси принесла девочку домой. Она была крупная, весила почти одиннадцать фунтов. Джон предпринял последнюю попытку сопротивления:

– Это просто великанша, если учесть, что ей всего десять дней.

– Так учти, что и ты у меня великан, любимый, – прошептала Сисси.

От нее не ускользнула довольная улыбка, которая появилась на его лице. Она обняла его и шепнула ему в ухо:

– Я уже в полном порядке. Если хочешь любви, я готова…

Некоторое время спустя он проговорил:

– Знаешь, а этот ребенок немного похож на меня…

– Особенно уши, – сонно пробормотала Сисси.

Итальянское семейство через несколько месяцев вернулось в Италию. Эти люди были рады оказаться на родине, потому что новая страна не принесла им ничего, кроме страданий, нищеты и позора. Сисси больше никогда ничего не слышала про них.

Все знали, что это не был ребенок Сисси – *не мог* быть. Но она упорно настаивала на своем, и, поскольку другой версии никто не предложил, люди смирились с этой. В конце концов, чего только на свете не случается. Сисси окрестила девочку Сарой, но со временем все стали ее звать малышка Сисси.

Кэти была единственным человеком на свете, кому Сисси рассказала правду о происхождении девочки. Она посвятила сестру в тайну, когда просила написать на листке фамилии, чтобы оформить свидетельство о рождении. Ну и Фрэнси тоже знала правду. Часто по ночам она просыпалась от звука голосов за стенкой – мама с тетей Сисси вели разговоры о ребенке. Фрэнси поклялась себе, что до самой смерти будет хранить тайну тети Сисси.

Еще одним человеком, который знал тайну Сисси, был Джонни. Ему сказала Кэти. Фрэнси подслушала их разговор, когда они считали, что она крепко спит. Папа встал на защиту мужа Сисси.

– Нет, это грязный обман, подло так водить за нос мужчину, кто бы он

ни был. Ему нужно все рассказать. Я расскажу ему.

– Не смей! – резко ответила мама. – Он счастлив. Не разрушай его счастье.

– Счастлив? Когда ему подсунули чужого ребенка? Не понимаю этого.

– Он обожает Сисси. Он все время боится, что она бросит его, он этого не перенесет. А ты знаешь Сисси. Она меняет мужчин, она меняет мужей в надежде родить ребенка. Она уже собиралась бросить и этого, да тут подвернулся этот младенец. Сисси станет совершенно другим человеком. Попомни мои слова. Она теперь угомонится и будет ему куда лучшей женой, чем он заслуживает. Кто такой этот *Джон*, если вдуматься? Пустое место, – Кэти оборвала себя. – Сисси будет хорошей матерью. Ребенок заменит ей весь мир, она перестанет бегать за мужчинами. Поэтому не лезь в это дело, Джонни.

– Вы, женщины Ромли, слишком мудреные штучки, нам, мужчинам, вас не понять, – решил Джонни. Тут его поразила мысль: – Стой! А ты со мной, часом, так не поступала?

Вместо ответа Кэти вывела детей из кроватей и поставила перед Джонни в длинных белых ночных рубашках.

– Взгляни на них, – велела она.

Джонни посмотрел на сына. Как будто волшебное зеркало отразило его самого, но в уменьшенном виде. Он перевел взгляд на Фрэнси. У нее лицо Кэти, только более грустное, а вот глаза ей достались от Джонни. В неожиданном порыве Фрэнси взяла со стола тарелку и прижала к сердцу, как обычно Джонни прижимал свою шляпу, когда пел. Она запела одну из отцовских песенок:

Ее зовут Салли подруги,
Нет девушки краше в округе…

У Фрэнси были интонации Джонни и его жесты.

– Вижу, вижу, – прошептал папа.

Он поцеловал детей, похлопал по спине и велел возвращаться в постель. Когда они ушли, Кэти притянула к себе голову Джонни и что-то прошептала.

– Нет! – удивленно воскликнул он.

– Да, Джонни, – тихо сказала она.

Он надел шляпу.

– Ты куда, Джонни?

– Пройтись.

– Джонни, не приходи, пожалуйста, пьяным… – она посмотрела в сторону спальни.

– Хорошо, Кэти, – пообещал он, нежно поцеловал ее и вышел.

Фрэнси проснулась посреди ночи, не понимая, что ее разбудило. А! Папа еще не вернулся. Вот в чем дело. Она никогда не могла заснуть по-настоящему глубоко, пока его нет дома. Раз уж проснулась, Фрэнси начала думать. Сначала о ребенке Сисси. Потом вообще о том, что такое рождение. Потом о его двойнике – о смерти. О смерти думать не хотелось – пусть люди рождаются, но не умирают. Пока она отгоняла прочь мысли о смерти, послышался папин голос на лестнице – он тихонько напевал. Фрэнси вздрогнула, когда услышала, что он поет последний куплет «Молли Мэлоун». Он никогда раньше не пел этот куплет. Никогда! Почему?..

Но злая горячка
Спалила гордячку,
Так я потерял
Нашу Молли Мэлоун…

Фрэнси не шевелилась. Было правило: если папа возвращается ночью, ему открывает мама. Она не хотела отнимать у детей время сна. Папа допел куплет. Мама не услышала – она не встала с постели. Тогда Фрэнси вскочила на ноги. Песня закончилась раньше, чем она добежала до двери. Когда Фрэнси открыла, папа стоял неподвижно, со шляпой в руке. Он смотрел прямо перед собой, поверх головы Фрэнси.

– Ты выиграл, папа, – сказала она.

– Разве? – переспросил он.

Он прошел в комнату, по-прежнему не глядя на нее.

– Ты допел свою песню.

– Да, пожалуй, я допел свою песню.

Он сел на стул у окна.

– Папа…

– Выключи свет и ложись спать.

Свет обычно не гасили, пока он не придет. Она потушила лампу.

– Папа, ты… болен?

– Нет. Я не пьян, – ответил он внятно из темноты. И Фрэнси по голосу поняла, что это правда.

Она легла в постель и зарылась лицом в подушку. И расплакалась, сама не зная отчего.

35

Оставалась неделя до Рождества. Фрэнси только что исполнилось четырнадцать лет. Нили, как он сам говорил, ждал со дня на день своего тринадцатилетия. Судя по всему, Рождество им предстояло невеселое. С Джонни творилось что-то неладное. Джонни не пил. Конечно, и раньше случались периоды, когда он не пил, но тогда он работал. Теперь же он не пил и не работал, а хуже всего то, что он, хоть и не пил, вел себя как пьяный.

Уже дольше двух недель он не разговаривал ни с кем. Фрэнси помнила, что последний раз она слышала папин голос той ночью, когда он вернулся домой трезвым, напевая заключительный куплет «Молли Мэлоун». Подумать только, после той ночи он и не пел тоже. Он молча приходил и молча уходил. Где-то пропадал допоздна, возвращался домой трезвым, и никто не знал, где он проводит время. Руки у него дрожали ужасно. Он с трудом удерживал вилку, когда ел. И как-то враз сильно постарел.

Вчера он пришел домой, когда все ужинали. Он посмотрел на них, словно хотел что-то сказать. Но не сказал ничего, вместо этого прикрыл глаза на секунду и прошел в спальню. Он жил без всякого распорядка. Приходил и уходил в разное время дня и ночи. Если был дома, то лежал на кровати, не снимая одежды и закрыв глаза.

Кэти ходила поникшая, с белым лицом. В ней чувствовался какой-то надлом, словно в душе она приготовилась к трагедии. Лицо у нее осунулось, щеки ввалились, а живот округлился.

В последнюю неделю перед Рождеством она набрала еще больше работы. Вставала ни свет ни заря, быстро убиралась в домах, чтобы закончить к обеду, и мчалась к Горлингу – это универмаг, который находился в польской части Гранд-стрит. Там она работала с четырех до семи, подавала кофе с бутербродами продавщицам, которым не дозволялось отлучаться на обед из-за наплыва покупателей перед Рождеством. Ее семья отчаянно нуждалась в дополнительных семидесяти пяти центах, которые она за это получала.

Близилось семь часов вечера. Нили вернулся домой после разноски газет, а Фрэнси пришла из библиотеки. Огня в доме не было. Ждали, когда

мама принесет денег, чтобы купить вязанку дров. Дети не снимали пальто и шапок, чтобы не замерзнуть. Фрэнси заметила, что мама развесила выстиранное белье на веревке за окном, и решила снять его. Но одежда заледенела, приняв причудливые формы, и не влезала в окно.

– Давай я попробую. Ну-ка, подите сюда, – сказал Нили, обращаясь к замерзшим кальсонам. Но штанины торчали в разные стороны, и его попытка не удалась.

– Вот чертовы штанины, сейчас я вам покажу, – сказала Фрэнси.

Она ударила по ним изо всех сил, они хрустнули и обвисли. Ей удалось кое-как втащить их. В этот момент она походила на Кэти.

– Фрэнси?

– Чего?

– Ты выругалась!

– Знаю.

– Бог все слышал.

– Ой, прямо!

– Да, он слышал. Он видит и слышит все.

– Нили, ты веришь, что он следит за нашей жалкой комнатушкой?

– А как же, зуб даю.

– Так вот, выбрось это из головы, Нили. У Бога много других дел – он следит, чтобы ни перышка не выпало у воробышка из крыла, чтобы почки вовремя распустились. Ему не до нас.

– Не надо так говорить, Фрэнси.

– Буду говорить. Если бы Бог заглядывал людям в окна, как ты считаешь, он бы знал, что у нас дома не топлено и еды нет ни крошки и что мама из сил выбилась столько работать. И что происходит с папой, Бог бы увидел и уж как-нибудь помог бы ему. Вот что я думаю!

– Фрэнси…

Мальчик растерянно смотрел по сторонам. Фрэнси видела, что он ошарашен.

«Пожалуй, я зашла слишком далеко. Не надо дразнить его», – подумала она и сказала:

– Ладно, Нили. Успокойся.

Они заговорили о чем-то другом и проговорили до прихода Кэти.

Кэти вошла стремительно. Она принесла вязанку дров, которую купила за два цента, банку сгущенного молока и три банана. Она запихнула бумагу и дрова в печь и сразу разожгла огонь.

– Ну, дети, думаю, что у нас на ужин будет овсянка.

– Опять? – простонала Фрэнси.

– Это вовсе не так уж плохо, – ответила мама. – Мы польем ее сгущенкой и украсим кусочками бананов.

– Мама, – попросил Нили. – Пожалуйста, не перемешивай мне сгущенку с кашей. Оставь сверху.

– Давайте порежем бананы и добавим в кашу, – предложила Фрэнси.

– А я хочу съесть свой банан отдельно, – возразил Нили.

Мама положила конец спору:

– Я выдам каждому его банан, и делайте с ним что хотите.

Когда овсянка была готова, Кэти положила детям по полной суповой тарелке каши, поставила на стол, рядом положила по банану и проделала в банке со сгущенкой две дырочки.

– А ты, мама? Не будешь есть? – спросил Нили.

– Попозже поем. Я не голодна сегодня, – вздохнула Кэти.

– Если ты не хочешь есть, тогда, может быть, поиграешь на пианино, пока мы едим. Получится как в ресторане, – предложила Фрэнси.

– В гостиной холодно.

– Зажги масляную печь, – хором ответили дети.

– Хорошо, – Кэти достала переносной масляный обогреватель из буфета. – Только я ведь не очень хорошо играю, сами знаете.

– Ты потрясающе играешь, мама, – искренне ответила Фрэнси.

Кэти было приятно. Она опустилась на колени, чтобы включить обогреватель.

– Что вам сыграть?

– Давай «Разноцветные листочки», – попросила Фрэнси.

– Лучше «Здравствуй, милая весна»! – крикнул Нили.

– Сначала я сыграю «Разноцветные листочки», – сказала мама. – Потому что я не подарила Фрэнси подарок на день рождения.

Она вышла в нетопленую гостиную.

– Я все же порежу банан и положу сверху на кашу. Порежу тоненько, так что получится много, – решила Фрэнси.

– А я лучше съем потом, целиком, – заявил Нили. – Есть буду медленно-медленно, чтобы надолго хватило.

Мама заиграла песенку, которую заказала Фрэнси. В школе ее разучивали с мистером Мортоном. Фрэнси запела под музыку:

«Листочки, листочки, – позвал ветерок,
Наденьте цветные одежки,
Бегите за мной по дорожке…»

– Да ну, это же песенка для малышей, – прервал Нили.

Фрэнси замолчала. Кэти доиграла и приступила к «Мелодии» Рубинштейна. Когда мистер Мортон разучивал с детьми и эту песню, он ее называл «Здравствуй, милая весна». Нили начал подпевать:

Здравствуй, милая весна, мы тебя встречаем песней…

На слове «*песней*» нужно было взять высокую ноту, и он пустил петуха. Фрэнси рассмеялась, Нили вслед за ней, и от смеха не смог петь дальше.

– Знаешь, что мама сказала бы, если б сидела тут с нами? – спросила Фрэнси.

– Что?

– Не успеешь оглянуться – уже весна!

Они снова рассмеялись.

– Скоро Рождество! – проговорил Нили.

– Помнишь, как мы в детстве всегда принюхивались – пахнет Рождеством или нет? – спросила Фрэнси, которой только-только исполнилось четырнадцать.

– А давай сейчас понюхаем! – сорвался с места Нили, приоткрыл окно и высунул в щелочку нос. – Уф!

– Ну, чем пахнет?

– Снегом. Помнишь, как мы в детстве смотрели на небо и пели: «Снежный гусь, снежный гусь, пуха нам сюда натрусь!»

– А когда выпадал снег, мы думали, что это пух снежного гуся. Дай-ка и мне понюхать, – вдруг захотела Фрэнси и высунула нос в щель. – Да, пахнет. Как будто корки от апельсинов смешали с елочной хвоей.

Они закрыли окно.

– Помнишь, ты сказала, что тебя зовут Мэри, чтобы получить куклу. Я тебя не выдал.

– Помню, – с благодарностью ответила Фрэнси. – Я тоже никогда не выдавала тебя. Помнишь, ты сделал сигарету из молотого кофе, а когда курил ее, бумага загорелась, упала на твою рубашку и прожгла большую дырку. Я помогла тебе спрятать рубашку.

– Знаешь, мама ведь нашла ту рубашку, поставила на нее заплатку, а меня ни о чем не спросила, – прошептал Нили.

– Мама особенная, – ответила Фрэнси.

Они задумались над тем, как неисповедимы пути их матери. Огонь

в печи погас, но на кухне было все еще тепло. Нили сел на дальний конец печи, где не так горячо. Мама предупреждала его, что он заработает ожоги, если будет сидеть на печке. Но Нили все равно сидел, любил погреться.

Дети были почти счастливы. На кухне тепло, желудки сыты, мама играет на пианино, от этого уютно и спокойно. Они говорили о том, как праздновали Рождество в прошлые годы, или, по выражению Фрэнси, «вспоминали былые времена».

Во время разговора раздался стук в дверь.

– Это папа, – сказала Фрэнси.

– Нет. Папа всегда поет, когда поднимается по лестнице, чтобы мы знали, что это он.

– Нили, папа не поет с той ночи…

– Откройте! – послышался голос Джонни, затем последовал оглушительный стук, словно дверь пытались выбить.

Мама выбежала из гостиной. Ее глаза казались очень темными на белом лице. Она открыла дверь, ввалился Джонни. Все уставились на него. Таким они его никогда не видели. Джонни всегда следил за своим внешним видом, а сейчас смокинг испачкан, будто Джонни валялся в канаве, а котелок измят. Ни пальто, ни перчаток. Красные от холода руки дрожали. Он ринулся к столу.

– Нет, я не пьян, – сказал он.

– А никто и не… – начала было Кэти.

– Наконец-то с этим покончено. Ненавижу, ненавижу, ненавижу! – Он ударил по столу. Все понимали, что он говорит правду. – Ни капли с той ночи, когда…

Он оборвал фразу, потом добавил:

– Но меня больше не существует. Не существует…

– Что ты, Джонни, – сказала мама успокаивающе.

– Что случилось, папа? – спросила Фрэнси.

– Тсс! Не приставай к папе, – оборвала ее мама и обратилась к мужу: – От завтрака остался кофе, Джонни. Вкусный, горячий, и у нас сегодня есть сгущенка. Я ждала, когда ты вернешься, так что можем поужинать вместе.

Она налила кофе.

– А мы уже поели, – вставил Нили.

– Тсс! – сказала ему мама, добавила в кофе молока и села напротив Джонни. – Пей, Джонни, пока горячий.

Джонни воззрился на чашку. Вдруг резким движением оттолкнул ее, и Кэти охнуть не успела, как чашка клацнула об пол. Джонни опустил голову на руки и зарыдал, содрогаясь всем телом. Кэти подошла к нему.

– Что случилось, Джонни? Что случилось? – спросила она успокаивающим голосом.

Наконец он прорыдал:

– Сегодня меня вышвырнули из профсоюза официантов. Сказали, что я лентяй и пьяница. Сказали, что не видать мне больше работы до конца моих дней, – он на секунду подавил рыдания и с ужасом повторил: – До конца моих дней!

Потом снова заплакал.

– Они потребовали, чтобы я сдал профсоюзный значок, – он погладил маленький бело-зеленый значок на лацкане.

У Фрэнси сжалось горло – она помнила, как папа говорил, что значок вроде украшения, вместо розы в петлице. Джонни так гордился тем, что он член профсоюза.

– Но я не отдал, – зарыдал Джонни.

– Ничего страшного, Джонни. Ты хорошенько отдохнешь, соберешься с силами, и они с распростертыми объятиями примут тебя обратно. Ты хороший официант и прекрасный певец, другого такого им не найти.

– Меня больше не существует. Я не могу петь. Кэти, надо мной смеются, когда я пою. Последние разы они мне давали работу, чтобы я посмешил народ. Вот до чего дошло. Мне конец, – он зарыдал еще сильнее, и казалось, что не успокоится никогда.

Фрэнси захотелось убежать в спальню и спрятать голову под подушку. Она сделала шаг к двери, но мама заметила и строго приказала:

– Останься!

Потом снова обратилась к папе:

– Ступай, Джонни, приляг. Отдохнешь немного, и тебе станет лучше. Масляная печка работает, я поставлю ее к тебе в спальню, там будет тепло и уютно. Я посижу с тобой, пока ты не заснешь.

Кэти обняла его. Нежно, но решительно он снял ее руки со своих плеч и прошел в спальню один, стараясь плакать потише. Кэти повернулась к детям:

– Я пойду, побуду с папой. А вы тут займитесь чем-нибудь.

Дети смотрели на нее с немым вопросом.

– Что вы уставились на меня? – Ее голос сорвался. – Ничего не случилось.

Они отвели глаза в сторону. Кэти прошла в гостиную и забрала оттуда масляную печку.

Фрэнси с Нили долго молчали, не глядя друг на друга. Наконец Нили предложил:

– Давай вспоминать былые времена. Хочешь?
– Нет, – ответила Фрэнси.

36

Джонни умер через три дня. Тем вечером он лег в постель, а Кэти сидела около него, пока он не заснул. Потом легла сама вместе с Фрэнси, чтобы не беспокоить Джонни. Ночью Джонни проснулся, потихоньку оделся и ушел. К вечеру он не вернулся. На другой день они стали искать его. Обошли все места, где он обычно бывал, но оказалось, что его нигде не видели уже с неделю.

Вечером после безуспешных поисков пришел мистер Макшейн, чтобы отвести Кэти в Католический госпиталь. По дороге он рассказал, выбирая самые щадящие выражения, про Джонни. Его нашли ранним утром в подворотне, он лежал, свернувшись калачиком. Был без сознания, когда полицейский наткнулся на него. Смокинг был надет прямо поверх исподнего, и полицейский заметил на шее образок с изображением Святого Антония, поэтому вызвал «скорую помощь» из Католической больницы. В участке полицейский составил отчет, где дал описание неизвестного мужчины, найденного в бессознательном состоянии. Макшейн, просматривая, как положено, отчеты за день, наткнулся на это описание. Шестое чувство подсказало ему, кто этот мужчина. Он отправился в больницу и удостоверился в том, что это действительно Джонни Нолан.

Джонни был еще жив, когда пришла Кэти. Доктор сообщил ей, что у больного воспаление легких, надежды нет. Это вопрос нескольких часов. Он уже впал в предсмертную кому. Кэти провели к нему. В длинной, похожей на коридор, палате стояли пятьдесят коек. Кэти поблагодарила Макшейна и попрощалась с ним. Он понял, что она хочет остаться наедине с Джонни, и ушел.

Кровать умирающего Джонни была отделена ширмой. Для Кэти принесли стул, и она сутки просидела, глядя на него. Он дышал с хрипом, на щеках запеклись дорожки от слез. Кэти сидела рядом, пока он не умер. Глаз он ни разу не открыл. Не сказал ей ни слова.

Был вечер, когда Кэти вернулась домой. Она решила ничего не говорить детям до утра. «Пусть спокойно поспят еще одну ночь, – думала она. – Успеют стать сиротами завтра». Она сказала только то, что папа тяжело заболел, лежит в больнице. Больше ничего. А ее вид отбил у детей охоту приставать с расспросами.

Едва рассвело, Фрэнси проснулась. Она повернула голову вбок и увидела, что на соседней узкой кровати сидит мама и смотрит на Нили. Под глазами у нее залегли черные тени, и казалось, что она просидела в этой позе всю ночь. Заметив, что Фрэнси проснулась, Кэти велела ей встать и одеться. Потом осторожно потрясла Нили, чтобы разбудить, и тоже велела одеваться. Сама вышла на кухню.

В спальне было тускло и холодно, Фрэнси дрожала, пока одевалась. Потом подождала Нили, ей не хотелось идти на кухню одной. Кэти сидела у окна. Дети вошли и встали перед ней в ожидании.

– Ваш папа умер, – сказала Кэти.

Фрэнси стояла как немая. Она не почувствовала ни удивления, ни горя. Вообще ничего не почувствовала. Мамины слова не имели смысла.

– Не плачьте о нем, – приказала мама. Ее дальнейшие слова тоже не имели смысла: – Он теперь далеко, и, может, ему лучше, чем нам.

Один гробовщик платил санитару госпиталя за то, что тот сообщал ему о новых покойниках. Бдительный предприниматель имел преимущество перед конкурентами: он сам приходил к клиенту, пока другие гробовщики ждали, когда клиент придет к ним. Этот предприимчивый гробовщик ранним утром уже стоял на пороге у Кэти.

– Миссис Нолан, – обратился он, незаметно поглядывая на клочок бумаги, где санитар записал ее имя и адрес. – Я соболезную вам в постигшем вас великом горе. Однако прошу вас не забывать, что подобная участь ожидает нас всех.

– Чего вам надо? – прямо спросила Кэти.

– Я хочу предложить вам свою помощь, – он спешил договорить, пока она не прервала его. – Есть ряд проблем, связанных с… с погребением останков, останков…

Он опять бросил быстрый взгляд на бумажку и продолжил:

– Останков бесценного мистера Нолана. Прошу отнестись ко мне как к другу, который поможет вам в эту минуту, когда… который… Короче, я хочу оказать вам услугу.

Кэти поняла его.

– Сколько будут стоить самые простые похороны?

– О, пусть вопрос денег вас не волнует, – заюлил господин. – Я устрою прекрасные похороны. Нет человека, которого я уважал бы больше, чем мистера Нолана (он вообще не знал мистера Нолана). Я лично позабочусь о том, чтобы его похороны прошли на высшем уровне. А о деньгах вообще не думайте.

– Не могу не думать. Кто же о них подумает, если не я.

Он облизнулся:

– Но ведь у вас есть страховка, не так ли?

Это было не утверждение, это был вопрос.

– Есть. Но маленькая, – ответила Кэти.

– Вот как! – Он довольно потер руки. – Я могу вам оказать одну любезность – исключительно из уважения к мистеру Нолану. Получить деньги по страховке – большая морока. Проходит много времени, пока их выдадут. Я могу все сделать вместо вас – и обратите внимание, совершенно бесплатно. Возьму эти хлопоты на себя. От вас требуется только подписать один документик.

Он вытащил из кармана какой-то листок.

– Вы просто передадите ваш страховой полис мне. Я одолжу вам деньги, а потом получу их по страховке.

Все гробовщики оказывали подобную «любезность». С помощью этой хитрости они узнавали, какова сумма страховки. Узнав сумму, забирали себе восемьдесят процентов. Немного денег *приходилось* оставлять на траурную одежду клиентам, чтобы люди не возмущались.

Кэти достала полис. Когда она клала его на стол, гробовщик наметанным глазом выхватил сумму: двести долларов. Со стороны казалось, что он даже не взглянул на полис. После того как Кэти подписала бумагу, он перевел разговор на другую тему. В конце, словно подводя итог, сказал:

– Итак, вот что я предлагаю, миссис Нолан. Я организую похороны по первому разряду с четырьмя экипажами, гроб с никелевыми ручками. Все обойдется вам в сто семьдесят пять долларов. Вообще это стоит двести пятьдесят долларов, так что я не заработаю ни цента.

– Тогда зачем вы за это беретесь? – спросила Кэти.

Господин не растерялся:

– Исключительно из уважения к мистеру Нолану. Я любил его. Чудесный человек и великий труженик.

От него не укрылось, что при этих словах на лице Кэти промелькнуло удивление.

– Ну, не знаю… – колебалась она. – Все-таки сто семьдесят пять долларов…

– Это с заупокойной мессой, – поспешно добавил он.

– Хорошо, – вяло кивнула она. Ее утомил этот разговор.

Гробовщик схватил полис и притворился, что только сейчас увидел сумму.

– Надо же! Тут двести долларов, – сказал он с деланым удивлением. –

Значит, после оплаты похорон у вас останется еще целых двадцать пять долларов.

Он порылся в кармане, картинно отставив ногу.

– Я считаю, немного наличных не повредит в такой ситуации… да и в любой ситуации, так я считаю, – он понимающе улыбнулся. – Поэтому выдам вам этот остаток сегодня из своих денег.

Он положил на стол двадцать пять долларов новыми купюрами.

Кэти поблагодарила его. Ему не удалось ее одурачить, но она не стала протестовать. Она знала, что таков заведенный порядок. Гробовщик обделывает свои делишки, как все гробовщики. Он попросил Кэти получить свидетельство о смерти у главного врача больницы.

– И пожалуйста, предупредите их, что я займусь трансп… в смысле перевоз… Короче, я сам заберу мистера Нолана.

Когда Кэти снова пришла в больницу, ее проводили в кабинет главного врача. Там она застала приходского священника. Он сообщал какие-то сведения, необходимые для заполнения свидетельства о смерти. Увидев Кэти, он благословил ее крестным знамением, потом пожал ей руку.

– Миссис Нолан лучше ответит на ваши вопросы, – сказал священник врачу.

Врач задал все положенные вопросы: полное имя, место рождения, дата рождения и тому подобное. Наконец Кэти смогла сама задать ему вопрос:

– А что вы напишете в этой графе – «причина смерти»?

– Хронический алкоголизм и пневмония.

– Мне сказали, что он умер от пневмонии.

– Это непосредственная причина. Но хронический алкоголизм стал отягчающим фактором, а может, и главной причиной смерти, если хотите знать правду.

– Не хочу. И прошу вас не писать в свидетельстве, что он умер от пьянства, – медленно и требовательно произнесла Кэти. – Напишите просто, что от пневмонии.

– Мадам, я должен написать правду.

– Он ведь умер. Какая разница от чего?

– Закон требует, чтобы…

– Послушайте, – сказала Кэти. – У меня двое детей. Они вырастут, кем-то станут. Они не виноваты, что их отец умер от… от чего вы сказали. Мне это очень важно – чтобы я могла сообщить им, что их отец умер от пневмонии.

В разговор вмешался священник:

– Сделайте, как она просит, доктор. Вам от этого никакого вреда, а людям польза. Не стоит спорить из-за того, по какой причине бедняга покинул сей мир. Напишите «пневмония», и вы не покривите душой, а эта женщина будет еще долго поминать вас в своих молитвах. К тому же вам ведь это до лампочки, – резонно закончил он.

Доктор вдруг вспомнил два обстоятельства. Во-первых, священник входит в попечительский совет больницы, а во-вторых, должность главного врача частной больницы ему очень по вкусу.

– Хорошо, – согласился он. – Я напишу, как вы просите. Но пусть это останется между нами. Я это делаю только ради вас, отец мой.

И доктор вывел слово «пневмония» в графе «причина смерти».

И нигде в документах не упоминалось, что Джон Нолан умер от пьянства.

*** * ***

Двадцать пять долларов Кэти потратила на траурную одежду. Для Нили купила новый черный костюм с длинными брюками. Это был первый взрослый костюм в его жизни, и в душе у него боролись гордость, радость и горе. Себе Кэти купила новую черную шляпку и вдовью вуаль длиной в три фута, как принято было у них в Бруклине. Фрэнси получила новые туфли, которые и без того давно ей требовались. Черное пальто решили ей не покупать, потому что она быстро растет и к следующей зиме оно будет мало. Мама сказала, что старое зеленое пальто сгодится, если повязать черную повязку на рукав. Фрэнси обрадовалась, потому что черный цвет ненавидела, и теперь опасалась, что мама перейдет на глубокий траур. То немногое, что осталось от двадцати пяти долларов после покупок, положили в консервную банку.

Снова заявился гробовщик с отчетом: Джонни доставлен в похоронное бюро и подготовлен к церемонии, вечером его привезут домой в самом лучшем виде. Кэти попросила его, в довольно резкой форме, обойтись без подробностей.

Затем гробовщик нанес удар:

– Миссис Нолан, я принес вам купчую на участок.

– Какой участок?

– Участок на кладбище. Пока не заплатите по купчей, могилу не начнут рыть.

– Я думала, это входит в сто семьдесят пять долларов.

– Нет, нет, что вы! Я и так сделал вам скидку. Один гроб стоил мне…

– Вы мне очень неприятны, – сказала Кэти со свойственной ей прямотой. – И ваше поведение неприятно.

Но нельзя же оставить покойника без погребения, – закончила она со своей поразительной беспристрастностью. – Сколько стоит участок?

– Двадцать долларов.

– Да где же я вам возьму… – и Кэти оборвала сама себя. – Фрэнси, принеси отвертку.

Они вскрыли консервную банку. В ней оказалось восемнадцать долларов и шестьдесят два цента.

– Не хватает, – сказал гробовщик. – Так и быть, я добавлю.

Он полез в карман, но Кэти его остановила.

– Я сама заплачу всю сумму, – сказала она. – Но только после того, как увижу купчую своими глазами.

Гробовщик стал возражать и возмущаться, но все же отправился за купчей. Мама тем временем послала Фрэнси к Сисси, чтобы занять два доллара. Когда гробовщик вернулся с купчей, Кэти, памятуя рассказ Марии Ромли, слышанный четырнадцать лет назад, медленно и вдумчиво прочитала документ. Потом заставила сделать то же самое Фрэнси и Нили. Гробовщик стоял, переминаясь с ноги на ногу. Когда все трое Ноланов убедились, что договор в порядке, Кэти отдала ему деньги.

– Зачем мне обманывать вас, миссис Нолан? – жалобно протянул гробовщик, бережно забирая деньги.

– Зачем людям вообще обманывать друг друга? – спросила Кэти в ответ. – Однако они это делают.

Консервная банка стояла в центре стола, вся помятая. Ей было четырнадцать лет.

– Прибить ее обратно, мама? – спросила Фрэнси.

– Не надо, – медленно ответила Кэти. – Больше она нам не нужна. Теперь у нас есть участок земли, как видите.

И она положила свернутую купчую поверх банки.

Фрэнси и Нили не выходили из кухни, пока гроб стоял в гостиной. Они даже спали на кухне. Они не хотели видеть отца в гробу. Кэти вроде бы поняла их чувства и не настаивала.

Дом наполнился цветами. Профсоюз официантов, который меньше недели тому назад вышвырнул Джонни из своих рядов, прислал подушку

из белых гвоздик с алой ленточкой по диагонали, на которой было написано: «Нашему собрату». Полицейские из районного участка в благодарность за поимку насильника прислали крест из красных роз. Сержант Макшейн прислал букет лилий. Мать Джонни, семейство Ромли и кое-кто из соседей тоже принесли цветы. Прислали цветы и десятки каких-то приятелей Джонни, о существовании которых Кэти даже не подозревала. Макгэррити, владелец бара, прислал венок из искусственных лавровых листьев.

– Я бы вышвырнула его в помойку, – сказала Эви с возмущением, когда прочла прикрепленную к нему визитку.

– Нет, – тихо сказала Кэти. – Макгэррити ни в чем не виноват. Джонни *сам* ходил к нему.

(Джонни остался должен Макгэррити тридцать восемь долларов с лишком. По непонятной причине хозяин бара ничего не сказал Кэти. Он молча списал этот долг.)

В квартире трудно было дышать от густого запаха роз, лилий и гвоздик. С этого дня Фрэнси возненавидела розы, лилии и гвоздики, но Кэти было приятно узнать, сколько людей помнят Джонни.

Перед тем как крышку гроба полагалось закрыть, Кэти зашла к детям на кухню. Она положила руки на плечи Фрэнси и тихо сказала:

– Я слышала, как соседи шептались. Они говорят – ты не хочешь попрощаться с папой, потому что он был плохим отцом.

– Он был хорошим отцом, – горячо возразила Фрэнси.

– Да, хорошим, – кивнула Кэти.

Она подождала, пока дети примут решение.

– Пошли, Нили, – сказала Фрэнси.

Взявшись за руки, дети подошли к отцу. Нили взглянул быстро и, боясь расплакаться, выбежал из комнаты. Фрэнси стояла, опустив глаза в пол, и боялась посмотреть на гроб. Наконец она подняла глаза. Ей не поверилось, что папа мертв! Смокинг вычищен и отглажен, свежая манишка с воротничком, галстук аккуратно повязан. В петлице – гвоздика, а над ней – значок члена профсоюза. Золотистые волосы блестят и лежат волнами как обычно. Небольшая прядка выбилась и упала сбоку на лоб. Глаза закрыты, будто он задремал. Джонни выглядел молодым, красивым, ухоженным. Фрэнси впервые заметила, как красиво очерчены полукружья его бровей. Усики подстрижены, изящные как всегда. Печаль, горечь, тревога покинули его лицо. Оно стало спокойным и молодым, почти мальчишеским. Джонни умер в тридцать четыре года. Но сейчас казался гораздо моложе, не старше двадцати. Фрэнси посмотрела на его руки,

скрещенные на серебряном распятии. На среднем пальце остался белый след от кольца с печаткой, которое подарила ему Кэти в день свадьбы. Кэти сняла кольцо, чтобы передать его Нили, когда тот вырастет. Странно было видеть папины руки неподвижно застывшими – Фрэнси привыкла, что они постоянно дрожат. Франси обратила внимание на то, какие они узкие, нервные, с длинными пальцами. Она так пристально смотрела на его руки, что ей показалось, будто они шевельнулись. Ужас охватил ее, она хотела убежать. Но в комнате полно народу, и все смотрят на нее. Они скажут, она убежала, потому что… Нет же, он был прекрасным отцом. Прекрасным! Лучшим! Она протянула руку и убрала прядь волос с его лба. Подошла тетя Сисси, обняла ее и прошептала: «Пора». Фрэнси отступила назад и стояла рядом с мамой, пока закрывали гроб.

Во время мессы Фрэнси стояла на коленях между мамой и Нили. Она смотрела себе под ноги, поэтому не видела усыпанного цветами гроба на подмостках перед алтарем. Однажды украдкой взглянула на маму. Кэти, стоя на коленях, смотрела прямо перед собой, лицо под вдовьей вуалью было белым и спокойным.

Когда священник спустился и стал обходить гроб, окропляя его святой водой с четырех углов, какая-то женщина, сидевшая через проход, зарыдала. Ревнивая Кэти не желала ни с кем делить Джонни даже после смерти и резко обернулась узнать – кто смеет оплакивать его. Она внимательно оглядела женщину, потом снова стала смотреть прямо перед собой. Мысли ее метались, словно обрывки газеты под ветром.

«Хильди О’Дэйр сильно постарела, – думала Кэти. – Рыжие волосы словно пудрой присыпаны. А она ведь немногим старше меня… Ей тридцать два или три. Когда мне было семнадцать, ей было восемнадцать. Ты пойдешь своей дорогой, а я своей. Это значит, ты собираешься пойти ее дорогой. Хильди, Хильди… Это мой парень, Кэти Ромли… Хильди, Хильди… она ведь моя лучшая подруга… Я дурно поступила, Хильди… Не надо было переходить тебе дорогу… Ты пойдешь своей… Хильди, Хильди. Плачь, Хильди, плачь. Должен же кто-то, любивший Джонни, оплакать его. Я вот не могу плакать. Пусть хоть она…»

На кладбище Кэти, мать Джонни, Фрэнси и Нили поехали в первом экипаже, за катафалком. Дети сидели спиной к кучеру. Фрэнси это устраивало, потому что не было видно катафалка, возглавлявшего процессию. Она смотрела на второй экипаж. В нем сидели только тетя Эви и тетя Сисси. Их мужья не смогли поехать, потому что работали, а Мария Ромли присматривала за ребенком Сисси. Фрэнси хотелось бы ехать во

втором экипаже. Рути Нолан плакала и причитала всю дорогу. Кэти сидела как каменная. Экипаж был крытый, в нем пахло сырым сеном и лошадиным навозом. От этого запаха, замкнутого пространства, от езды задом наперед и от напряжения Фрэнси сильно тошнило.

На кладбище рядом с глубокой ямой стоял простой деревянный ящик. Обитый тканью гроб взяли за блестящие ручки и поставили в простой деревянный ящик. Когда ящик с гробом опускали в могилу, Фрэнси отвернулась.

День был серый, дул холодный ветер. У ног Фрэнси кружились смерзшиеся песчинки. Неподалеку, возле могилы недельной давности, какие-то люди разбирали венки, покрывавшие могилу: вынимали увядшие цветы из проволочных каркасов. Они работали методично, цветы аккуратно складывали в одну сторону, а каркасы в другую. Это был законный бизнес. Они купили это право у дирекции кладбища и продавали проволочные каркасы цветочным магазинам, которые использовали их снова и снова. Никто не возражал, потому что эти люди железно соблюдали правило: не выбрасывать цветы, пока они не завянут.

Кто-то вложил в руку Фрэнси холодный кусок смерзшейся земли. Она увидела, что мама с Нили стоят на краю могилы и бросают в нее горсть земли. Фрэнси медленно подошла к краю, закрыла глаза и медленно разжала руку. Через секунду она услышала глухой стук и снова почувствовала тошноту.

С кладбища экипажи разъехались в разные стороны. Каждого скорбящего доставляли до дома. Рути Нолан сошла с несколькими спутниками, которые жили поблизости от нее. Она даже не сказала «до свидания». Во время церемонии похорон она не желала разговаривать ни с Кэти, ни с детьми. Тетя Сисси и Эви пересели в карету к Кэти и детям. Карета была рассчитана на четверых, поэтому Фрэнси села на колени к Эви. Всю дорогу до дома молчали. Тетя Эви пыталась развлечь их новой историей из жизни дяди Вилли и его лошади. Но никто не улыбался, потому что никто не слушал.

Мама велела остановить экипаж возле парикмахерской за углом их дома.

– Сходи туда и забери кружку твоего отца, – велела она Фрэнси.

Фрэнси не поняла:

– Какую кружку?

– Просто попроси кружку.

Фрэнси вошла в зал. Там сидели два парикмахера, клиентов не было.

У стены в ряд стояли пустые стулья для посетителей, один парикмахер сидел там. Левая лодыжка покоилась на правом колене, он играл на мандолине. Играл он «О, соле мио». Фрэнси знала эту песню. Мистер Мортон разучивал ее с ними, говорил, что она называется «Солнца свет». Другой парикмахер сидел на своем рабочем месте и смотрел на себя в длинное зеркало. Когда Фрэнси вошла, он поднялся.

– Да?

– Мне нужна кружка моего отца.

– Имя?

– Джон Нолан.

– Ах да. Очень жаль, – он вздохнул, когда снимал кружку с полки, где она стояла среди других.

На белой кружке с толстыми стенками золотыми квадратными буквами было написано «Джон Нолан». В ней лежали белый обмылок и облезлый помазок. Парикмахер вытряхнул мыло и помазок в другую кружку, побольше и без подписи. Кружку Джонни стал протирать.

Пока ждала, Фрэнси огляделась вокруг. Ей никогда не доводилось бывать в парикмахерских. Пахло мылом, чистыми полотенцами и одеколоном. Газовый подогреватель приветливо шипел. Парикмахер с мандолиной допел песню и завел сначала. Из-за тоненького треньканья мандолины слова в теплом зале парикмахерской звучали печально. Фрэнси мысленно подпевала, как научил мистер Мортон:

Нет ничего прекрасней,
Чем солнца свет,
Гроза промчалась,
И снова небо ясно.

У каждого человека есть тайная жизнь, размышляла Фрэнси. Папа никогда не упоминал про парикмахерскую, а ведь он ходил сюда бриться три раза в неделю. Брезгливый Джонни завел себе личную кружку, подражая людям, которые находились в менее стесненных обстоятельствах. Он не хотел, чтобы его брили пеной из общей кружки. Нет, ни за что. Джонни приходил сюда три раза в неделю – если были деньги – и сидел на одном из этих стульев, и смотрелся в это зеркало, и разговаривал с парикмахером – о том, хорошо ли играет в этом сезоне бруклинская команда, или о том, победят ли, как обычно, демократы. Возможно, он пел, когда этот парикмахер играл на мандолине. Даже наверняка пел. Петь было

для него такой же потребностью, как дышать. Фрэнси подумала – интересно, дожидаясь своей очереди, читал ли он «Вестник полиции», который лежал на полке?

Парикмахер вручил ей вымытую и вытертую чашку.

– Славный парень был Джонни Нолан, – сказал он. – Передай маме мои слова.

– Спасибо, – прошептала Фрэнси с искренней благодарностью. Она вышла и закрыла за собой дверь, за спиной печально тренькала мандолина.

Сев в экипаж, она протянула кружку Кэти.

– Это тебе на память об отце, – сказала мама. – Нили получит кольцо с печаткой.

Фрэнси взглянула на имя, написанное золотыми буквами, и благодарно прошептала: «Спасибо» – уже второй раз за пять минут.

Джонни прожил на белом свете тридцать четыре года. Еще неделю назад он ходил по этим улицам. А сейчас о том, что он жил на свете, напоминают только чашка, кольцо с печаткой и два неглаженых фартука. От Джонни не осталось больше ничего, потому что все, что имел, он унес с собой в могилу: единственный костюм, запонки и золотую пуговицу для воротничка.

Вернувшись домой, они обнаружили, что соседи побывали в квартире и навели порядок. Мебель в гостиной расставили по местам, опавшие цветы и листья вымели. Открыли окна, проветрили комнаты. Принесли угля и развели яркий огонь на кухне, а на стол постелили чистую белую скатерть. Сестры Тинмор принесли кекс, который сами испекли, он стоял на столе, уже порезанный на куски.

Флосси Гэддис и ее мать купили кусок вареной колбасы, разложили ломтики по двум тарелкам. В корзинке лежал свежий ржаной хлеб, стояли чашки для кофе. На плите грелся кофейник со свежезаваренным кофе, а в центр стола кто-то поставил кувшинчик с настоящими сливками. Все это соседи приготовили, пока Ноланов не было, а потом ушли, закрыли дверь и ключ положили под коврик.

Тетя Сисси, Эви, мама, Фрэнси и Нили сели за стол. Тетя Эви налила всем кофе. Кэти сидела и долго глядела на свою чашку. Она вспоминала, как Джонни в последний раз сидел за этим столом. А потом сделала то же, что и Джонни: смахнула чашку со стола, уткнулась лицом в стол и заплакала, безобразно сотрясаясь всем телом. Сисси обняла ее и сказала своим нежным ласкающим голосом:

– Кэти, Кэти, не плачь так. Не плачь, Кэти, а то малыш, который скоро

родится у тебя, будет всю жизнь грустить.

37

Следующий день после похорон Кэти провела в постели, и Фрэнси с Нили слонялись по квартире, испуганные и растерянные. К вечеру Кэти встала и приготовила им что-то поесть. После ужина она заставила детей пойти погулять, сказала, что им нужен свежий воздух.

Фрэнси и Нили брели по Грэм-авеню в сторону Бродвея. Холод пронизывал, но ни ветра, ни снега не было. На улицах ни души. После Рождества прошло три дня, и дети сидели по домам, играли с подаренными игрушками. Фонари мерцали и дрожали. С моря вдоль земли вдруг подул ледяной ветерок, взметнул мусор в сточных канавах.

В эти дни они перешагнули порог детства. Праздник Рождества прошел незамеченным, потому что папа умер в Рождество. Среди похоронных хлопот затерялся и тринадцатый день рождения Нили.

Они вышли к ярко освещенному фасаду большого здания музкомедии. Завзятые читатели, они читали все, что попадалось на глаза, и сейчас остановились по привычке, чтобы прочитать афишу с репертуаром на эту неделю. В шестой строчке было написано большими буквами: «У нас на следующей неделе! Шонси Осборн, прекрасный певец волшебных песен. Не пропустите!»

Прекрасный певец… Волшебные песни…

Фрэнси не проронила ни слезинки после смерти отца. Нили тоже. Сейчас Фрэнси показалось, что все непролитые слезы подступили к горлу и застыли, превратившись в кусок льда, который растет… растет. Фрэнси казалось, что если эта льдина сейчас не растает и не прольется слезами, то она умрет, задохнется. Она взглянула на брата. Слезы лились у него из глаз. И тогда Фрэнси тоже заплакала.

Они перешли на темную сторону улицы, сели на обочину и свесили ноги в канаву. Нили, хоть и горько плакал, не забыл подстелить носовой платок, чтобы не испачкать первые в жизни брюки. Они прижались друг к другу, потому что им было холодно и одиноко. Долго и беззвучно они плакали, сидя на холодной земле. Наконец, когда сил плакать не осталось, они заговорили.

– Нили, зачем папа умер?

– Думаю, что Господь его призвал.

– Зачем?

– Может, в наказание.

– В наказание за что?

– Не знаю, – жалобно сказал Нили.

– Ты веришь, что папа родился по воле Божьей?

– Да.

– Значит, Бог хотел, чтоб он жил, так?

– Наверное.

– Тогда зачем же он послал папе смерть так рано?

– Может, в наказание, – повторил Нили, не зная, что еще ответить.

– Если это правда, то какой в этом смысл? Папа мертв и не знает, что наказан. Бог сотворил папу таким, каким он был, а потом сказал сам себе: ну-ка, поглядим, как ты выкрутишься, голубчик. Держу пари, Бог так и сказал.

– Лучше не надо так о Боге, – жалобно попросил Нили.

– Все твердят – Бог всемогущ, – фыркнула Фрэнси. – Бог все знает и все может. Если он такой всемогущий, чего ж не помог папе, вместо того чтобы наказывать, как ты говоришь?

– Я ведь сказал – *может*.

– Если Бог отвечает за все в этом мире – и за солнце, и за луну, и за звезды, и за птиц, и за деревья, и за цветы, и за всех зверей и людей, то, выходит, у него дел по горло. Так где ж, по-твоему, ему взять время, чтобы наказывать одного-единственного человека вроде папы.

– Лучше не надо так о Боге, – с тревогой повторил Нили. – А то он поразит тебя до смерти.

– Да и пусть! – отчаянно крикнула Фрэнси. – Пусть поразит меня на этом месте, пусть я умру в этой сточной канаве!

Они испуганно подождали. Ничего не произошло. Когда Фрэнси заговорила снова, ее голос звучал тише.

– Я верую в Бога Иисуса Христа и его мать, Марию, Пречистую Деву. Иисус когда-то родился и был ребенком. Летом бегал босой, как мы. Я видела картинку – на ней он мальчик и без ботинок. А когда вырос, он ловил рыбу, как наш папа однажды, помнишь? Иисус тоже страдал, а Бог не страдает. Иисус не стал бы наказывать людей. Он *понимает* людей. Поэтому лично я верю в Иисуса Христа.

Они перекрестились, как делают католики при упоминании имени Иисуса. Потом Фрэнси положила руку на колено Нили и прошептала:

– Нили, я никому не скажу, кроме тебя, но я больше не верю в Бога.

– Я хочу домой, – ответил Нили. Он дрожал.

Когда Кэти открыла дверь, она сразу заметила, что лица у детей измученные, но смирившиеся. «Значит, они выплакались», – подумала она.

Фрэнси взглянула на мать и быстро отвела взгляд. «После того как мы ушли, она плакала, – подумала Фрэнси. – Плакала, пока не кончились силы». Никто из них не признался вслух, что плакал.

– Я подумала, что вы вернетесь замерзшие, – сказала мама. – Поэтому приготовила вам горячий сюрприз.

– Что? – спросил Нили.

– Сейчас увидите.

Сюрпризом оказался «горячий шоколад» – густая смесь из какао и сгущенного молока с добавлением кипятка. Кэти разлила густой напиток по чашкам.

– И это еще не все, – добавила мама.

Она вынула три кусочка маршмэллоу из бумажного пакета, который лежал в кармане фартука, и положила каждому в чашку.

– Мама! – восторженно воскликнули дети в один голос.

Горячий шоколад был исключительным деликатесом, его приберегали на день рождения.

«Мама – это что-то особенное, – думала Фрэнси, ложкой утапливая маршмэллоу на дно чашки и глядя, как расходятся белые круги по коричневой поверхности. – Она знает, что мы плакали, но не задает вопросов. Мама всегда…»

Неожиданно Фрэнси нашла точные слова, чтобы описать маму: «… всегда попадает в цель».

Да, Кэти всегда попадала в цель. За что бы она ни бралась своими изящными, но натруженными руками, она делала это безупречно – одним точным жестом ставила в вазу букет цветов, одним сильным движением выкручивала тряпку – правая рука по часовой стрелке, левая против. Когда говорила, она находила понятные и точные слова. И мыслила она прямо и бескомпромиссно.

Мама заговорила:

– Нили уже большой мальчик, он не может спать вместе с сестрой. Поэтому я привела в порядок комнату, в которой жили мы с вашим… – она сделал паузу: – …папой. Теперь это будет спальня Нили.

Глаза у Нили чуть не выпрыгнули из орбит. Своя собственная комната! Мечта сбылась, сразу две мечты сбылись: длинные брюки и своя комната… И тут же его глаза опечалились – он вспомнил, почему сбылись эти мечты.

– А я перееду в *твою* комнату, Фрэнси, – врожденный такт подсказал

Кэти эту формулировку вместо слов «а ты будешь жить в одной комнате со мной».

«Я тоже хочу иметь свою комнату, – подумала Фрэнси в приступе зависти. – Но мама правильно решила, комнату, конечно, нужно отдать Нили. В квартире всего две спальни. Не может же он спать вместе с мамой».

Угадав, о чем думает Фрэнси, Кэти сказала:

– А когда потеплеет, Фрэнси сможет переехать в гостиную. Поставим туда ее кровать, днем будем застилать красивым покрывалом. Получится гостиная-спальня. Согласна, Фрэнси?

– Согласна, мама.

Чуть погодя мама сказала:

– В последнее время мы не читали по вечерам, пора снова взяться за чтение.

«Итак, жизнь продолжается как обычно», – с некоторым удивлением подумала Фрэнси и взяла с камина Библию.

– Раз мы с вами пропустили Рождество в этом году, давайте нарушим порядок и прочитаем то место, где говорится о рождении младенца Иисуса. Будем читать по очереди. Фрэнси, начинай.

Фрэнси читала: «Он отправился на перепись вместе с Марией, которая была с ним обручена и ожидала Младенца. В Вифлееме у Марии подошло время родов, и она родила своего первенца, запеленала Его и положила в кормушку для скота, потому что для них не нашлось места в гостинице».

Кэти судорожно перевела дух. Фрэнси перестала читать и вопросительно посмотрела.

– Все в порядке, продолжай, – сказала мама.

«Все в порядке, – думала Кэти. – Самое время ему подать признаки жизни».

Нерожденное дитя снова легонько пошевелилось в ней. «Наверное, Джонни бросил пить, потому что узнал про ребенка», – думала Кэти. Она в тот вечер шепнула ему, что у них будет ребенок. Узнав это, он попытался измениться… И умер из-за попытки стать лучше… «Джонни… Джонни…» Она снова вздохнула.

И так они читали, по очереди, о том, как родился Иисус, а думали о том, как умер Джонни. Но каждый держал свои мысли при себе.

Когда дети собрались в постель, Кэти совершила необычный поступок. Необычный, потому что никогда не демонстрировала своих чувств. Она крепко прижала детей к себе и поцеловала на сон грядущий.

– Отныне я вам и мать, я вам и отец, – сказала она.

38

Перед окончанием рождественских каникул Фрэнси сказала маме, что в школу не вернется.

– Тебе не нравится в школе? – спросила мама.

– Нет, нравится. Но мне уже четырнадцать, и я могу запросто получить разрешение на работу.

– Почему ты хочешь работать?

– Чтобы помогать тебе.

– Нет, Фрэнси. Я хочу, чтобы ты окончила этот учебный год. Осталось несколько месяцев. Не успеешь оглянуться, как наступит июнь. Поработаешь летом. Может, и Нили тоже. Но осенью вы оба снова пойдете в школу, вы должны окончить среднюю школу. Так что забудь про разрешение на работу и ступай учиться.

– Но мама, как же мы дотянем до лета?

– Дотянем.

В душе Кэти не чувствовала той уверенности, какую старалась показать детям. Ей на каждом шагу не хватало Джонни. Он, конечно, не имел постоянной работы, но иной раз после субботней или воскресной смены приносил целых три доллара. Да и когда наступали совсем уж трудные времена, Джонни мог взять себя в руки, и с его помощью им удавалось продержаться. Но теперь Джонни не было.

Кэти произвела скрупулезные расчеты. Они смогут оплачивать квартиру, пока она моет подъезды в трех домах. Еще полтора доллара в неделю зарабатывает Нили разноской газет. Этого хватит на уголь, если топить только по вечерам. Стоп! Из этого нужно вычесть двадцать центов каждую неделю на оплату страховки (у Кэти страховка стоила десять центов в неделю, у детей – по пять центов). Ничего, можно покупать чуть меньше угля и чуть раньше ложиться спать. Одежда? О ней можно не думать. К счастью, у Фрэнси есть новые туфли, а у Нили – новый костюм. Вот еда – это важный вопрос. Может, миссис Макгэррити снова поручит ей стирку белья. Это дополнительный доллар в неделю. Можно еще к кому-нибудь подрядиться делать уборку. Ничего, как-нибудь проживут.

Они дотянули до конца марта. К этому времени Кэти стала

неповоротливой и неуклюжей (роды ожидались в мае). Женщины, у которых она работала, морщились и отводили глаза в сторону при виде Кэти – как она со своим большим животом стоит за гладильной доской на кухне или трет пол в комнате, раскорячившись на четвереньках. Из жалости они старались помочь Кэти. Вскоре они осознали, что платят уборщице и при этом сами делают ее работу. Одна за другой они отказались от услуг Кэти.

Наступил день, когда Кэти не смогла заплатить двадцать центов страховому агенту. Он давно знал семейство Ромли и был посвящен в обстоятельства Кэти.

– Я не хочу, чтобы ваши полисы аннулировали, миссис Нолан. Особенно после того, как вы столько лет исправно выплачивали страховку.

– Но вы ведь не станете их аннулировать, если я один раз ненадолго задержу платеж?

– Я не стал бы. А компания станет. Слушайте! А почему бы вам не получить наличные по детским полисам?

– Я не знала, что это можно.

– Об этом мало кто знает. Люди просто прекращают платить взносы, а компания помалкивает. Проходит время, и компания присваивает уже выплаченную сумму. Меня уволят, если узнают, что я рассказал вам об этом. Но я так рассуждаю: я страховал вашего батюшку и вашу матушку, всех вас, сестер Ромли, и ваших мужей, и ваших деток. И уж не знаю, сколько раз я носил туда-сюда ваши записки про болезни, роды и смерти. Я уже чувствую себя членом вашей семьи.

– Да, это правда.

– Значит, так и поступим, миссис Нолан. Вы получаете деньги по детским страховкам, а свою продолжаете выплачивать. Если что-то случится с вашим ребенком, не приведи господь, вы уж сумеете его похоронить. А если что-нибудь случится с вами, не приведи господь, дети не смогут похоронить вас без страховки, верно?

– Нет, не смогут. Свою страховку я должна сохранить. Я не хочу, чтобы меня похоронили, как бродягу на Поттеровом поле. От такого позора они никогда не оправятся, ни они, ни их дети, ни дети их детей. Так что я сохраню свой полис, а с детскими поступлю, как вы советуете. Скажите, что нужно сделать.

Двадцать пять долларов, которые Кэти получила по детским страховкам, позволили им прожить до конца апреля. До рождения ребенка оставалось пять недель, до конца учебного года – восемь. Эти восемь

недель требовалось на что-то жить.

Трое сестер Ромли собрались на семейный совет за столом на кухне у Кэти.

– Я бы охотно помогла, – сказала Эви. – Но вы же знаете, дела у Вилла идут неважно после того, как его ударила лошадь. У него прохладные отношения с хозяином, а с парнями он вообще не ладит, и так получилось, что для него не нашлось лошади. Ему дали работу в конюшне – выметать навоз и собирать битые бутылки. За это он получает всего восемнадцать долларов в неделю – а с тремя детьми на эти деньги не пожируешь. Я сама время от времени подрабатываю уборкой.

– Я постараюсь что-нибудь придумать, – начала Сисси.

– Нет, – решительно оборвала ее Кэти. – С тебя довольно и того, что ты взяла маму к себе.

– Верно, – сказала Эви. – Мы с Кэти очень переживали, что она живет одна и ходит убираться ради нескольких пенни.

– От мамы ни расходов, ни хлопот, – ответила Сисси. – А мой Джон совсем не против того, чтобы она жила с нами. Конечно, зарабатывает он всего двадцать долларов в неделю. А сейчас еще ребенок. Я хотела вернуться на свою прежнюю работу, но мама уже стара, она не справится с ребенком. Ей ведь восемьдесят три. Я выйду на работу, если найду человека, с которым можно оставить маму и малышку. А как только выйду на работу, я смогу помогать тебе, Кэти.

– Ты не можешь работать, Сисси. Это исключено, – сказала Кэти.

– Есть только один выход, – заговорила Эви. – Забрать Фрэнси из школы, и пусть она оформит разрешение на работу.

– Но я хочу, чтобы она окончила среднюю школу. Мои дети будут первыми Ноланами с дипломом об образовании.

– Но диплом нельзя есть, – возразила Эви.

– А нет ли у тебя поклонника, который помог бы тебе? – спросила Сисси. – Ты ведь очень хорошенькая, имей в виду.

– Точнее, будет хорошенькая, когда разродится и вернет фигуру, – уточнила Эви.

У Кэти промелькнул в уме образ сержанта Макшейна.

– Нет, – ответила она. – Нет у меня никаких поклонников. И никогда не было, за всю жизнь один Джонни.

– Тогда делать нечего, нужно послушаться Эви, – заключила Сисси. – Мне ужасно жаль, но тебе придется отправить Фрэнси на работу.

– Если она не закончит год, она не сможет поступить в девятый класс.

– Что ж, – вздохнула Эви. – Пойдет в католическую

благотворительную школу.

– Если дело дойдет до того, что нам с детьми придется просить помощи у благотворителей, я законопачу все окна и двери, подожду, когда дети уснут, и открою газ, – тихо произнесла Кэти.

– Не смей так говорить, – возмутилась Эви. – Тебе что, жить надоело?

– Нет, не надоело. Но я хочу жить *ради чего-то*. Я не хочу получать благотворительный паек, чтобы были силы дотянуть до следующего пайка.

– Тогда возвращаемся к тому, с чего начали, – сказала Эви. – Фрэнси должна выйти на работу. Именно Фрэнси, потому что Нили только тринадцать и ему не дадут разрешение.

Сисси положила руку на руку Кэти.

– В этом нет ничего страшного. Фрэнси умная, много читает, она и без школы как-нибудь не пропадет.

Эви поднялась из-за стола.

– Слушай, нам пора идти, – она положила на стол сорок пять центов. Предвидя возражения Кэти, она прикрикнула: – И не воображай, что это подарок. При случае надеюсь получить их обратно.

Кэти улыбнулась:

– И нечего так кричать. У сестры я могу взять деньги.

Сисси подошла к Кэти, наклонилась, чтобы поцеловать ее на прощание, и засунула в карман фартука доллар.

– Если я понадоблюсь, пошли за мной, и я тут же приду, хоть среди ночи, – сказала Сисси. – Только пошли Нили. Девочкам не безопасно ходить по темным улицам мимо угольных сараев.

Кэти осталась одна за кухонным столом и сидела за ним до глубокой ночи. «Мне нужно продержаться два месяца… всего два месяца, – думала она. – Это совсем немного. За это время родится ребенок, и я снова смогу работать. За это время дети закончат учебный год. Когда я сама смогу распоряжаться своим телом, я не попрошу Тебя, Господи, ни о чем. Но сейчас мое тело распоряжается мной, и мне приходится просить Тебя о помощи. Два месяца… всего два месяца…»

Кэти подождала, когда появится ощущение внутреннего тепла, которое означало, что связь с Богом установлена. Но напрасно. Она сделала еще одну попытку: «Дева Мария, мать Иисуса, ты же понимаешь все. У тебя тоже был ребенок. Пречистая Дева…» Кэти подождала. Опять ничего.

Кэти положила доллар Сисси и сорок пять центов Эви на стол. «Этого хватит нам на три дня, – подумала она. – А потом?..» Не отдавая себе отчета, она прошептала: «Джонни, где бы ты ни был, приди к нам на

помощь… в последний раз…» Она снова подождала, и на этот раз ощущение внутреннего тепла появилось. И Джонни действительно помог им.

Макгэррити, хозяин бара, никак не мог забыть Джонни. Не то чтобы его мучила совесть, вовсе нет. Он никого не затаскивал в свой бар силком. Если не считать того, что петли были так хорошо смазаны, что стоило задеть дверь – и она гостеприимно распахивалась, он не использовал никаких особых приманок по сравнению с владельцами других баров. Бесплатная закуска у него была не лучше, чем у других, и развлечений он не предлагал никаких, кроме тех, которые затевали сами посетители. Так что совесть не мучила Макгэррити.

Он скучал по Джонни, вот в чем было дело. А вовсе не в деньгах, потому что Джонни всегда оставался ему должен. Джонни радовал глаз, он придавал шик его заведению. Приятно было видеть этого красивого молодого человека, элегантного и любезного, возле барной стойки среди водителей грузовиков и землекопов. «Конечно, Джонни Нолан пил больше, чем следовало, и это не шло ему на пользу, – признавал Макгэррити. – Но если не у меня, так в другом месте он все равно бы набрался. Однако ж он не был алкашом. После нескольких стаканов никогда не устраивал скандалов, не затевал драк. Да, Джонни был настоящий человек», – пришел к выводу Макгэррити.

Ему очень не хватало бесед с Джонни. «А как этот парень умел поддержать разговор, – думал он. – Ведь он рассказывал мне об этих хлопковых полях на юге, об аравийских пустынях или о солнечной Франции, как будто видел все своими глазами, а не узнал из песенок, которые пел. Да, я любил слушать его рассказы о далеких краях. Но больше всего мне нравилось, как он рассказывал про свою семью».

Когда-то Макгэррити мечтал о семье. Эта воображаемая семья жила в приличном отдалении от бара, так далеко, что ранним утром, закрыв бар, он добирался домой на трамвае. В его мечтах нежная супруга поджидала его, приготовив горячий кофе и что-то вкусное. После еды они разговаривали о… о чем угодно, только не о баре. Воображаемые дети – послушные, милые, умненькие – немного стыдились того, что их отец держит бар. Их стыд отзывался в его душе гордостью, ибо означал, что ему удалось произвести на свет существа более высокого полета, чем он сам.

Такова была его воображаемая семья. В реальности он женился на Мэй. Это была чувственная девушка с пышными формами, черными волосами и большим ртом. Но со временем она расплылась и превратилась в ворчливую неряху с красным лицом, таких в Бруклине называли

выпивохами. Семейная жизнь казалась прекрасной год или два, пока Макгэррити, проснувшись однажды утром, не понял, что она совсем не такова. Мэй не походила на воображаемую жену его грез. Ей нравился бар. Она настояла на том, чтобы снимать квартиру в том же доме этажом выше. Ее не привлекало жилье во Флашинге, она не любила заниматься домашними делами. Она предпочитала проводить дни и ночи в подсобке бара и выпивать вместе с посетителями. И дети, которых она родила, бегали по улицам, как хулиганы, и хвастались тем, что их отец – хозяин бара. К большому огорчению Макгэррити, его дети гордились им.

Макгэррити знал, что Мэй изменяет ему. Это не волновало его, лишь бы не поползли слухи и над ним не начали смеяться. С ревностью он распрощался много лет назад, как и с плотским желанием обладать Мэй. В конце концов ему стало безразлично, с кем спать – с ней или с любой другой женщиной. Странным образом в его голове соединилось представление о хорошем сексе с представлением о душевном разговоре. Он хотел встретить женщину, с которой можно доверительно поговорить, поделиться своими мыслями, а она выслушает с интересом, сочувствием и пониманием. Повстречайся ему такая женщина, думал он, и мужская сила вернется к нему. Сам того не умея осознать и сформулировать, он мечтал о союзе духовном, а не только телесном. С годами эта потребность в женщине, с которой можно поговорить по душам, превратилась в навязчивую идею.

По роду деятельности он наблюдал много человеческих характеров и пришел к определенным выводам о природе человека. Его выводам не хватало глубины и оригинальности, они были, по сути, банальны. Но Макгэррити ими дорожил, потому что добыл собственным умом. В первые годы брака он пытался поделиться с Мэй своими наблюдениями, но она отвечала только: «Надо же, кто бы подумал!» или иногда: «Надо же, никто бы не подумал!». Поскольку Макгэррити не мог разделить с женой свое «я», он постепенно утратил способность быть мужем, и она стала изменять ему.

Макгэррити жил с тяжким грехом на душе. Он ненавидел своих детей. Его дочери, Ирен, было столько же лет, сколько Фрэнси. У Ирен были красноватые глаза и волосы того же цвета. Она была противная и тупая. Она столько раз оставалась на второй год, что в четырнадцать лет все еще училась в шестом классе. Сыну Джиму было десять лет, и он ничем не выделялся, если не считать жирной задницы, которая с трудом влезала в штаны.

Макгэррити мечтал – вдруг Мэй придет к нему и признается, что дети

не от него. Эта надежда грела ему душу. Ему казалось, он смог бы полюбить этих детей, узнай, что они от другого. Тогда он со стороны смотрел бы на их убожество и глупость, жалел их и помогал им. А пока он считает детей своими, он видит в них худшие качества, свойственные ему, и ненавидит в них себя.

Те восемь лет, что Джонни был завсегдатаем бара, он каждый день рассказывал Макгэррити про свою семью, хвалил Кэти и детей. Макгэррити все эти годы тайно играл в одну игру – воображал, будто Джонни – это он, Макгэррити, и это он рассказывает про Мэй и своих детей.

– Хочу показать тебе кое-что, – однажды с гордостью сказал Джонни, вытаскивая из кармана какой-то листок. – Моя дочь написала сочинение, и в школе ей поставили пятерку. А ей всего лишь десять лет. Я прочитаю тебе.

Пока Джонни читал, Макгэррити представлял, что этот рассказ написала его дочка. В другой раз Джонни принес неумело сработанную из дерева подставку для книг и с сияющим видом выложил на барную стойку:

– Хочу показать тебе кое-что, – с гордостью сообщил он. – Смотри, что мой сын Нили смастерил в школе.

«Смотри, что мой сын Джимми смастерил в школе», – мысленно с гордостью произнес Макгэррити, рассматривая деревянную подставку.

Как-то раз, чтобы завести разговор, Макгэррити заметил:

– А что, если мы ввяжемся в войну, Джонни?

– Ерунда, – ответил Джонни. – Мы с Кэти как раз обсуждали эту тему, просидели до утра. Я в конце концов убедил ее, что Вильсон никогда не допустит подобного.

Макгэррити попробовал представить, что они с Мэй сидят всю ночь и обсуждают эту тему, и она говорит ему: «Да, ты прав, Джим». Но у него ничего не получилось, потому что он понимал – быть такого не может никогда.

И когда Джонни умер, Макгэррити лишился своей воображаемой жизни. Он попытался продолжить ту же игру в одиночку, но ничего не вышло. Ему требовался партнер, кто-то наподобие Джонни.

И в тот вечер, когда три сестры Ромли держали совет на кухне у Кэти, в голову Макгэррити пришла мысль. Денег у него больше, чем он может потратить, а кроме денег – ничего. Что, если с помощью детей Джонни он вернет себе способность грезить наяву. Он готов за это заплатить. Он предполагал, что Кэти приходится нелегко. Он приискал бы детям Джонни простую работенку после школы. Помог бы им… Бог свидетель, он от

этого не обеднеет, а взамен, может, тоже что-то получит. Вдруг дети будут разговаривать с ним, как они наверняка разговаривали со своим отцом.

Он сказал Мэй, что сходит к Кэти, предложит кой-какую работу ее детям. Мэй жизнерадостно ответила, что его спустят с лестницы. Макгэррити так не считал. Пока брился перед визитом, припоминал, как Кэти зашла к нему в бар, чтобы поблагодарить за венок.

После похорон Кэти обошла всех, кто прислал цветы для Джонни, и поблагодарила. В бар она вошла через главный вход, проигнорировав боковую дверь с надписью «Вход для женщин». Проигнорировала она и мужчин, облепивших барную стойку, которые воззрились на нее. Она направилась прямиком туда, где стоял Макгэррити. Заметив ее, он заправил угол передника за пояс, показывая тем самым, что делает перерыв, и вышел из-за стойки ей навстречу.

– Я пришла поблагодарить вас за венок, – сказала она.

– Вот как, – с облегчением выдохнул он. Он-то подумал, что она пришла ругаться.

– Вы очень внимательны.

– Я любил Джонни.

– Знаю, – она протянула ему руку.

Он тупо посмотрел, не сразу поняв, что она хочет пожать ему руку. А когда сообразил, сжал ее руку и спросил:

– Значит, без обид?

– Конечно, – ответила она. – Джонни был человек свободный, белый, совершеннолетний.

Она развернулась и вышла из зала.

Нет, думал Макгэррити, такая женщина не спустит его с лестницы, если он придет с добрыми намерениями.

Он чувствовал себя не в своей тарелке, сидя на кухне у Кэти и ведя с ней разговор. Дети делали уроки. Но Фрэнси только для виду склонила голову над книгой, а сама внимательно слушала, о чем говорит Макгэррити.

– Мы тут потолковали с моей хозяйкой, – грезил наяву Макгэррити. – Она согласилась со мной – ей в хозяйстве пригодилась бы ваша девочка. Ничего тяжелого, поймите правильно, так, по мелочи – прибрать постель, помыть тарелку-другую. И для мальчика нашлась бы работа, в баре, яйца там почистить или сыр порезать – ну, вы знаете, у нас по вечерам бесплатная закуска. К бару и близко подходить не будет. Работа на кухне, в подсобке. Часок после школы и полдня в субботу. Платить буду каждому

два доллара в неделю.

Сердце у Кэти подпрыгнуло. «Это же четыре доллара в неделю, – подумала она. – И еще полтора доллара за разноску газет. Они оба смогут остаться в школе. На пропитание хватит. Мы продержимся».

– Что вы на это скажете, миссис Нолан?

– Зависит от того, что скажут дети, – ответила она.

– Так как, дети? – Он повысил голос, обращаясь к детям. – Что вы скажете?

Фрэнси сделала вид, будто только что оторвалась от учебника.

– О чем вы говорите?

– Ты согласна помогать миссис Макгэррити по дому?

– Да, сэр.

– А ты как? – Макгэррити посмотрел на Нили.

– Да, сэр, – эхом откликнулся тот.

– Тогда решено. – Макгэррити повернулся к Кэти: – Конечно, это временно, пока мы не найдем домработницу.

– Оно и лучше, что временно, – ответила Кэти.

– Может, у вас затруднения, – он полез в карман. – Так я заплачу за первую неделю вперед.

– Не надо, мистер Макгэррити. Пусть дети деньги заработают, тогда смогут сами получить их и сами принести домой в конце недели.

– Хорошо.

Но вместо того, чтобы вынуть руку из кармана, он сжал толстую пачку купюр и подумал: «У меня денег много, а мне ничего не нужно. У них нет ничего, а им столько всего нужно». И ему пришла в голову мысль.

– Миссис Нолан, вы ведь знаете, как мы с Джонни вели дела. Я давал ему кредит, а он отдавал мне чаевые. И вот, когда он умер, оказалось, что он мне переплатил.

Он вынул толстую пачку. У Фрэнси глаза на лоб полезли, когда она увидела столько денег. Макгэррити собирался сказать, что задолжал Джонни двенадцать долларов, и вручить Кэти эту сумму. Взглянул на Кэти, снял резинку с пачки. Она прищурилась, и он передумал насчет двенадцати долларов. Понял, что она не поверит.

– Конечно, это немного, – сказал он. – Всего два доллара. Но они ваши.

Он протянул Кэти две бумажки.

Она покачала головой:

– Я знаю, что эти деньги не наши. Если уж начистоту, то признайтесь, что это Джонни остался вам должен.

Макгэррити смутился от того, что его разоблачили, и засунул пачку

обратно в карман, через который она жгла ему ляжку.

– Но, мистер Макгэррити, благодарю вас за ваши добрые намерения, – закончила Кэти.

Эти слова развязали Макгэррити язык. Он начал говорить и не мог остановиться, говорил о детстве в Ирландии, об отце и матери, о братьях и сестрах. Говорил о своей воображаемой семье. Он рассказал Кэти все, что копилось в душе много лет. Он не ругал жену и детей. Он просто оставил их за рамками своей истории. Рассказал он и про Джонни, про то, как он каждый день говорил про Кэти и детей.

– Взять хоть эти шторы, – говорил Макгэррити, указывая толстой рукой на занавески из желтого ситца с красными розами. – Джонни рассказал мне, как вы порезали свое старое платье на шторы для кухни. Он сказал, теперь на кухне красиво, как в цыганском шатре.

Фрэнси, которая больше не притворялась, что учит уроки, зацепилась за последние два слова. «Цыганский шатер, – думала она, глядя на занавески новыми глазами. – Значит, папа так сказал. А мне казалось тогда, что он вообще не заметил новых занавесок. А он все заметил. И сказал этому человеку такие хорошие слова».

Фрэнси слушала рассказы Макгэррити про Джонни, и ей казалось, что папа жив. «Значит, папа рассказывал такие хорошие вещи этому человеку».

Она всматривалась в мистера Макгэррити с особенным интересом. Толстый коротышка с толстыми руками, короткой красной шеей и редкими волосами. «Кто бы подумал, глядя на него, что в душе он совсем другой?» – размышляла Фрэнси.

Макгэррити проговорил два часа без передышки. Кэти жадно слушала. Ее не очень интересовали *рассуждения* Макгэррити. Ее интересовали его воспоминания про Джонни. Когда он замолкал на секунду, она подбадривала его репликами вроде «Да?», или «Что тогда?», или «А дальше?». Когда он не мог подобрать слово, она подсказывала ему, и он с благодарностью принимал подсказку.

И пока он говорил, произошла удивительная вещь. Он почувствовал, как утраченная мужская сила возвращается к нему. Причина была не в физическом присутствии Кэти. Ее тело, раздутое и бесформенное, не вызывало желания, и он внутренне морщился, глядя на нее. Причина была не в женщине. Чудо совершил разговор с ней.

В комнате стемнело. Макгэррити замолчал. Он охрип и устал. Но это была незнакомая, блаженная усталость. Он думал с неохотой о том, что пора уходить. В бар сейчас хлынут посетители – мужчины всегда заглядывают по дороге с работы домой, чтобы пропустить стаканчик перед

ужином. Он не любил, когда за барной стойкой вереницу мужчин встречала Мэй. Он медленно поднялся со стула.

– Миссис Нолан, – он теребил в руках свой коричневый котелок. – Можно мне изредка заходить к вам, поговорить?

Она отрицательно покачала головой.

– Просто поговорить? – умоляюще повторил он.

– Нет, мистер Макгэррити, – сказала она как можно ласковей.

Он вздохнул и вышел.

Фрэнси была рада тому, что с утра до вечера занята. Почти не остается времени тосковать по папе. Они с Нили вставали в шесть утра и два часа до школы помогали маме. Она не могла работать как прежде. Фрэнси начищала медные звонки в трех вестибюлях и протирала каждую планку на перилах лестницы промасленной тряпкой. Нили подметал подвалы и покрытые ковром лестницы. Вместе они выносили ведра с золой каждый день. Задача непростая – даже вдвоем они не могли поднять тяжелое ведро. Фрэнси придумала высыпать золу на пол подвала, а потом выносить по частям, наполняя ведро не до конца. Это помогало, хотя требовалось совершить много походов в подвал и обратно. Маме оставалось только протереть линолеум в коридорах. В трех домах жильцы вызвались делать это самостоятельно, пока Кэти не родит, и это очень выручало.

После школы дети спешили в церковь для «наставления», потому что обоим весной предстояла конфирмация. После церкви шли работать к Макгэррити. Как он и обещал, работа была легкой. Фрэнси застилала четыре кровати, мыла несколько тарелок от обеда и подметала пол. Все вместе занимало меньше часа.

У Нили был такой же распорядок дня, если не считать разноски газет. Иногда он возвращался домой ужинать не раньше восьми вечера. Он работал в баре на кухне. Его обязанность – почистить с полсотни сваренных вкрутую яиц, нарезать твердый сыр небольшими кубиками, в каждый кубик вставить по зубочистке, нарезать ломтиками соленые огурцы.

Макгэррити подождал несколько дней, пока дети освоятся с новой работой. Потом решил, что можно попробовать завести с ними разговор, как бывало с Джонни. Он вошел на кухню, присел и стал смотреть, как Нили работает. «Ну копия отца», – думал Макгэррити. Он подождал, чтобы мальчик попривык к нему, потом прочистил горло и спросил:

– Подставок для книг не делал в последнее время?

– Нет… не делал, сэр, – пробормотал Нили, озадаченный странным

вопросом.

Макгэррити опять помолчал. Почему мальчик не поддержал разговор? Только яйца стал чистить быстрее. Макгэррити предпринял еще одну попытку:

– Как думаешь, Вильсон не втянет нас в войну?

– Не знаю, – ответил Нили.

Макгэррити замолчал надолго. Нили подумал, что хозяин проверяет, хорошо ли он работает. Желая угодить ему, Нили старался изо всех сил и закончил раньше, чем обычно. Положил последнее яйцо на стеклянное блюдо и посмотрел на Макгэррити. «Ага! Сейчас он заговорит со мной», – обрадовался тот.

– Больше ничего не нужно? – спросил Нили.

– Ничего, – Макгэррити еще на что-то надеялся.

– Мне можно уйти? – осмелел Нили.

– Ступай, сынок, – вздохнул Макгэррити.

Он смотрел, как мальчик выходит через заднюю дверь. «Вот если бы он оглянулся и сказал что-нибудь… что-нибудь… мне лично», – надеялся Макгэррити. Но Нили не оглянулся.

На другой день Макгэррити попытал счастья с Фрэнси. Он поднялся наверх, в квартиру, молча сел. Фрэнси немного испугалась и стала пятиться к выходу. «Если он приблизится ко мне, – думала она, – я убегу». Макгэррити сидел и молчал довольно долго, полагая, что дает ей время привыкнуть к нему. Ему было невдомек, что он пугает ее.

– Пятерок за сочинение не получала в последнее время? – спросил он.

– Нет, сэр.

Он еще подождал.

– Как думаешь, ввяжемся мы в войну или нет?

– Я… я не знаю, – она сделала шаг в сторону двери.

«Она боится меня, – сообразил он. – Думает, я вроде того типа, которого подстрелили в подъезде». Вслух он сказал:

– Не бойся, я ухожу. Можешь запереть за мной дверь, если хочешь.

– Хорошо, сэр, – ответила Фрэнси.

Когда Макгэррити ушел, она подумала: «Он, наверное, просто хотел поговорить. Но мне не о чем с ним говорить».

Наконец пришла Мэй Макгэррити. Фрэнси на коленках пыталась выскрести грязь, налипшую под раковиной за трубой. Мэй велела бросить это занятие, плюнуть и растереть.

– Благослови тебя бог, дитя, – сказала она. – Не надрывайся так. Этот дом нас с тобой переживет.

Она вынула из холодильника дрожащую розовую гору, разложила суфле по двум тарелкам, щедрой рукой добавила взбитых сливок, села за стол и жестом пригласила Фрэнси садиться.

– Я не хочу есть, – соврала Фрэнси.

– Ну, через силу поешь, составь мне компанию, – ответила Мэй.

Так Фрэнси впервые в жизни попробовала суфле и взбитые сливки. Было так вкусно, что ей стоило большого труда соблюдать приличия, а не глотать с жадностью. Фрэнси медленно ела и думала: «Что ж, миссис Макгэррити хорошая. И мистер Макгэррити хороший. А друг с другом им, похоже, плохо».

Мэй и Джим Макгэррити сидели вдвоем за круглым столиком в подсобке и, как обычно, молча и торопливо ужинали. Неожиданно она положила свою руку на его ладонь. Он вздрогнул от неожиданного прикосновения. Посмотрел маленькими светлыми глазками в ее большие, карие и увидел в них сочувствие.

– Ничего не получится, Джим, – ласково сказала она.

Его охватило волнение. «Она знает! – подумал он. – Надо же… она все поняла».

– Есть старая поговорка, – продолжала Мэй. – Не все можно купить за деньги.

– Я знаю, – ответил он. – Но все равно, пусть они приходят.

– Погодим пару недель после того, как она родит. А там посмотрим.

Она встала и пошла к бару.

Макгэррити сидел, раздираемый чувствами. «Мы поговорили, – удивленно думал он. – Не называли имен, ничего не сказали прямо. Но я понял, о чем она думает, а она поняла, о чем думаю я». Он поспешил вслед за женой. Он хотел продлить это взаимопонимание. Он увидел Мэй, она стояла в конце бара. Грубый извозчик положил руку ей на талию и что-то шептал на ухо. Она прижала ладонь ко рту, сдерживая смех. Когда Макгэррити подошел, извозчик вежливо убрал свою руку и присоединился к мужской компании. Когда Макгэррити встал за стойку, он посмотрел в глаза жены. Они ничего не выражали, в них не было ни проблеска понимания. Лицо Макгэррити приняло обычное выражение скорбного разочарования, и он приступил к вечерней работе.

Мария Ромли одряхлела. Не могла больше выходить на улицу. Ей очень хотелось повидать Кэти перед родами, и она попросила страхового агента передать ее просьбу.

– Когда женщина дает новую жизнь, ее за руку держит смерть. Скажите моей младшей дочери, что я хочу повидать ее до того, как наступит срок.

Страховой агент передал просьбу. В воскресенье Кэти пошла к матери и взяла с собой Фрэнси. Нили отпросился, сказал, что ребята собрались играть в мяч на пустыре, а он пообещал быть питчером.

На кухне у Сисси было просторно, тепло и чисто – ни пятнышка. Бабушка Мария Ромли сидела у плиты на низкой скамеечке. Единственная мебель, которую она привезла из Австрии, эта скамеечка в ее семье стояла у очага более ста лет.

Муж Сисси сидел у окна, держал ребенка на руках и кормил из бутылочки. Фрэнси и Кэти поздоровались с Марией и Сисси, потом с ним.

– Привет, Джон, – сказала Кэти.

– Привет, Кэти, – ответил он.

– Здравствуйте, дядя Джон.

– Здравствуй, Фрэнси.

Больше он не сказал ни слова за все время разговора. Фрэнси рассматривала его с любопытством. В семье его считали временным мужем, наподобие всех прочих мужей и любовников Сисси. Фрэнси думала – интересно, отдает ли он сам себе отчет в своей временности. Его звали Стив, но Сисси называла его исключительно «мой Джон», и в семье привыкли называть его так. Фрэнси гадала, зовут ли его в типографии, где он работает, тоже Джоном. Почему он не возражает? Почему не заявит: «Слушай, Сисси. Меня зовут Стив, а не Джон. И своим сестрам это скажи».

– Сисси, ты потолстела, – заметила мама.

– Это нормально – женщина всегда набирает вес после родов, – сказала Сисси с простодушным видом. Потом улыбнулась Фрэнси: – Хочешь подержать малышку, Фрэнси?

– Да, да!

Не говоря ни слова, высокий муж Сисси встал, передал ребенка и бутылочку Фрэнси и так же, не говоря ни слова, вышел из кухни. Ему вдогонку тоже никто ничего не сказал.

Фрэнси села на освободившийся стул. Ей никогда не доводилось держать на руках младенцев. Она коснулась нежной щечки пальцем, как это делала Джоанна. Палец ее задрожал, дрожь передалась по телу в самое сердце. «Когда вырасту, у меня в доме всегда будут маленькие дети», – подумала Фрэнси.

Она держала ребенка и слушала разговор, который вели мама с бабушкой, и смотрела, как Сисси готовит запас лапши на месяц. Она

взяла шар крутого желтого теста, раскатала его скалкой в плоскую лепешку, свернула ее в виде рулета и острым ножом стала нарезать тонкими полосками, встряхивала каждую и вешала на деревянную сушилку, которая стояла перед кухонной плитой. Тут лапша сушилась.

Фрэнси чувствовала, что Сисси как-то изменилась. Она не была прежней тетей Сисси. Дело не в том, что раньше она была немного стройней. Изменение касалось не внешности. Фрэнси пыталась понять, что произошло с Сисси.

Марию Ромли интересовали все новости до мельчайших деталей, и Кэти рассказывала ей все с начала до конца и обратно. Начала она с того, что дети пошли работать к Макгэррити и что деньги, которые он платит, спасают их. Потом рассказала, как Макгэррити сидел у нее на кухне и вспоминал Джонни. В заключение она сказала:

– Признаюсь тебе, мама, что, если бы Макгэррити не появился в тот момент, не знаю, что с нами сталось бы. Я совсем упала духом и несколько ночей подряд молилась, чтобы Джонни помог нам. Это глупо, я знаю.

– Совсем не глупо, – ответила Мария. – Джонни услышал тебя и помог.

– Как призрак может помочь, мама, – сказала Сисси.

– Призраки занимаются не только тем, что проходят сквозь закрытые двери, – возразила Мария Ромли. – Кэти же рассказала, что ее муж часто разговаривал с хозяином бара. Каждый раз во время разговора Джонни передавал частицу себя этому человеку. Когда Кэти обратилась к мужу за помощью, эти частички собрались вместе, в душе этого человека ожил Джонни, услышал Кэти и пришел на помощь.

Фрэнси задумалась над бабушкиными словами. «Если это так, то мистер Макгэррити вернул нам обратно все эти частицы, когда так долго рассказывал про папу. Больше в нем ничего не осталось от папы, поэтому мы не можем разговаривать с ним, как он хочет».

Когда пришло время уходить, Сисси вручила Кэти коробку из-под обуви, полную лапши. Фрэнси поцеловала бабушку на прощание, Мария Ромли крепко обняла ее и прошептала: «В следующем месяце особенно слушайся маму и почитай. Ей потребуются любовь и забота».

Фрэнси ни слова не разобрала, но ответила: «Хорошо, бабушка».

Домой возвращались на трамвае, и Фрэнси держала коробку с лапшой на коленях, потому что у мамы коленей вообще не было видно из-за живота. Фрэнси всю дорогу обдумывала бабушкины слова. «Если бабушка Мария Ромли говорит правду, то на самом деле человек не умирает до конца. Папа умер, но он остался с нами. Он существует в Нили, который

так на него похож, и в маме, которая помнит его с самой юности. Он существует в своей матери, которая родила его и жива до сих пор. Может, у меня когда-нибудь родится мальчик, и он будет похож на папу и будет таким добрым, как он, только пить не станет. А у моего сына тоже родится сын. А у него свой сын. И, значит, по правде смерти нет». Ее мысли обратились к Макгэррити: «Кто бы мог подумать, что частичка папы есть даже в *нем*». Она вспомнила про миссис Макгэррити – как она добилась, что Фрэнси почувствовала себя непринужденно и смогла есть вместе с ней суфле. Тут что-то щелкнуло в голове у Фрэнси. Она поняла вдруг, что изменилось в Сисси. Фрэнси заговорила с мамой:

– Тетя Сисси больше не душится этими пахучими сладкими духами, да, мама?

– Нет. Отпала необходимость.

– Как это?

– У нее теперь есть и ребенок, и мужчина, который заботится и о ней, и о ребенке.

Фрэнси хотела задать еще кое-какие вопросы, но мама закрыла глаза и откинула голову на спинку сиденья. Лицо у нее было бледное, усталое, и Фрэнси решила больше ее не беспокоить. Придется обойтись своим умом.

«Значит, если женщина душится крепкими духами, это связано с желанием завести ребенка и найти мужчину, который позаботится о ней и о ребенке», – подумала Фрэнси. Она добавила этот новый кирпичик знания в свой склад, к другим таким же.

У Фрэнси начинала болеть голова. Она не знала из-за чего – из-за волнения, когда держала ребенка, из-за качки в трамвае, из-за мыслей о папе или из-за открытия про духи Сисси. Может, дело в том, что она встала очень рано и весь день трудилась. А может, в том, что приближаются те дни каждого месяца, когда у нее болит голова.

«Нет. Думаю, что голова у меня разболелась вообще от жизни, вот в чем дело», – пришла к выводу Фрэнси.

– Не глупи, – тихо сказала мама, она сидела по-прежнему откинувшись, с закрытыми глазами. – На кухне у тети Сисси было очень жарко. У меня тоже болит голова.

Фрэнси аж подпрыгнула. Получается, мама даже с закрытыми глазами читает ее мысли? Потом она сообразила, что, погруженная в свои размышления, произнесла последнюю фразу вслух. Фрэнси рассмеялась – впервые после смерти папы, а мама открыла глаза и тоже улыбнулась.

39

В мае состоялось первое причастие. Фрэнси было четырнадцать с половиной лет, Нили на год меньше. Сисси, опытная швея, сшила Фрэнси скромное белое платье из муслина. Кэти исхитрилась купить ей белые балетки и пару белых шелковых чулок. Первые шелковые чулки в жизни Фрэнси. Нили надел черный костюм, купленный для похорон отца.

В их районе существовала легенда, что любые три желания, загаданные в этот день, исполнятся. Полагалось загадывать одно несбыточное желание, одно такое, которое можешь исполнить сам, и еще одно на взрослую жизнь. Фрэнси загадала несбыточное желание: чтобы ее прямые темные волосы стали золотистыми и кудрявыми, как у Нили. Второе желание – говорить таким же красивым голосом, как мама, Эви и Сисси. А третье желание – на взрослую жизнь – было объездить весь мир. Нили пожелал, во-первых, разбогатеть, во-вторых, улучшить оценки в табеле, в-третьих, не пить, когда вырастет.

Еще в Бруклине существовал железный закон: в день первого причастия ребенка нужно отвести к настоящему фотографу. У Кэти не было денег, чтобы заказать фотографии в ателье. Пришлось удовольствоваться снимками, которые сделала Флосси Гэддис своим фотоаппаратом. Флосси поставила детей на тротуар и щелкнула, не заметив, что в кадр въехал трамвай. Она увеличила фотографию, вставила в рамку и подарила Фрэнси в день причастия.

Сисси гостила у них, когда Флосси принесла фотографию. Кэти держала снимок в руке, а Сисси и Фрэнси разглядывали его из-за ее плеча. Фрэнси никогда раньше не фотографировалась. Впервые в жизни она смотрела на себя со стороны, как смотрят другие люди. Прямо, словно застыв, стоит она на обочине, спиной к сточной канаве, ветер раздувает подол платья. Рядом Нили в отглаженном черном костюме, он на голову выше Фрэнси, очень крепкий и красивый. Солнце заходит за крыши и освещает лицо Нили – оно вышло отчетливо, ярко, а лицо Фрэнси оказалось в тени и выглядит темным, сердитым. За спинами у них вырастает трамвай.

Сисси сказала:

– Держу пари, это единственная в мире конфирмационная фотография на фоне трамвая.

– Это хорошая фотография, – ответила Кэти. – На улице, они выглядят куда естественней, чем в фотоателье на фоне задника с намалеванной

церковью.

Кэти повесила фотографию над камином.

– Какое имя ты выбрал, Нили? – спросила Сисси.

– Как у папы. Теперь я Корнелиус Джон Нолан.

– Подходящее имя для хирурга, – заметила Кэти.

– А я выбрала мамино имя, – важно сказала Фрэнси. – Теперь мое полное имя Мэри Фрэнсис Кэтрин Нолан.

Фрэнси подождала, но мама не сказала, что это подходящее имя для писательницы.

– Кэти, у тебя есть фотографии Джонни? – спросила Сисси.

– Нет. Только свадебная, на которой мы вдвоем. А что?

– Ничего. Как летит время, да?

– Да, – вздохнула Кэти. – С чем с чем, а с этим не поспоришь.

Конфирмация состоялась, и больше не нужно было слушать «наставления» в церкви. У Фрэнси появился свободный час в день, и она посвящала его роману, который начала писать, чтобы доказать мисс Гарндер, новой учительнице английского, что у нее *есть-таки* представление о прекрасном.

После папиной смерти Фрэнси перестала описывать птиц, деревья и «разные впечатления». Вместо этого она стала записывать небольшие истории про отца, потому что очень тосковала по нему. В них она старалась доказать, что, несмотря на свои недостатки, он был хорошим отцом и добрым человеком. Она написала три подобных сочинения и получила за них тройки вместо обычной пятерки. Четвертое сочинение учительница возвратила без оценки, но с припиской, в которой просила задержаться после уроков.

Все школьники разошлись по домам. Мисс Гарндер и Фрэнси остались вдвоем в классе, где на полке стоял большой словарь английского языка. Последнее сочинение Фрэнси лежало на столе перед мисс Гарндер.

– Что случилось с твоими сочинениями, Фрэнси? – спросила мисс Гарндер.

– Не знаю.

– Ты была у меня одной из лучших учениц. Ты так чудесно писала. Я наслаждалась твоими сочинениями. Но эти последние работы… – она сделала презрительное лицо.

– Орфографию я проверяла по словарю, и за почерком следила, и…

– Я имею в виду содержание.

– Вы же сказали, что мы сами можем выбирать любые темы.

– Но нищета, голод и пьянство отнюдь не те темы, которые надо

выбирать. Это безобразно. Мы все знаем, что безобразное существует. Но это не значит, что о нем следует писать.

– О чем же следует писать? – Фрэнси бессознательно повторила выражение учительницы.

– Человек погружается в свое воображение и там обнаруживает прекрасное. Писатель, как и художник, должен всегда стремиться к красоте.

– А что такое красота? – спросила девочка.

– Я не дам лучшего определения, чем Китс. А он сказал: «Красота в правде. Правда в красоте».

Фрэнси собрала все свое мужество в кулак, даже в два, и ответила:

– В моих историях все правда.

– Чушь! – взорвалась мисс Гарндер. Затем, смягчив тон, продолжила: – Под правдой мы разумеем совсем другое – например, звезды, которые всегда сияют на небе, солнце, которое восходит каждое утро, подлинное человеческое благородство, или материнскую любовь, или любовь к отечеству.

– Понятно, – сказала Фрэнси.

Пока мисс Гарндер разглагольствовала, Фрэнси мысленно отвечала ей с обидой.

– В пьянстве нет ни правды, ни красоты. Это зло. Пьянице место в тюрьме, а не в литературе. Или нищета. Ей нет оправдания. Работы хватит на всех – было бы желание работать. Люди бедны потому, что ленятся работать. А в лени нет ничего прекрасного.

(Это мама-то ленится!)

– В голоде также нет ничего прекрасного. И вообще не вижу необходимости голодать. У нас в стране хорошо организована благотворительная помощь. Что это за блажь – голодать.

Фрэнси сжала зубы. Мама ненавидела слово «благотворительность» больше всего на свете и приучила детей ненавидеть его.

– Пойми, во мне говорит отнюдь не снобизм, – заявила мисс Гарндер. – Я выросла в небогатой семье. Мой отец был священником и получал очень небольшое жалованье.

(Но он его *получал*, мисс Гарндер.)

– У моей матери из прислуги была только горничная, обычно деревенская девушка, ничему не обученная.

(Ясно. Бедняки вы были, мисс Гарндер, бедняки с горничной.)

– Часто мы оставались без горничной, и тогда моя мама сама делала всю работу по дому!

(А моя мама, мисс Гарндер, всегда сама делает всю работу по дому

и еще в десять раз больше работы вне дома.)

– Я хотела пойти в государственный университет, но мы не могли этого позволить. Отец послал меня в маленький колледж при конфессии.

(Ага, значит, колледж вы могли окончить.)

– И поверь мне, кто учится в таком колледже – тот бедняк. Я тоже знаю, что такое голодать. То и дело моему отцу задерживали жалованье, и нам не хватало на еду. Однажды мы три дня просидели на чае с хлебом.

(Так, значит, мисс Гарндер, вы все же понимаете, что людям иногда приходится голодать.)

– Но я поступала бы как идиотка, если бы писала про бедность и про голод, правда, Фрэнси?

Фрэнси не отвечала.

– *Правда, Фрэнси*? – повторила мисс Гарндер с нажимом.

– Да, мэм.

– А теперь про твою пьесу для выпускного вечера, – мисс Гарндер вынула тоненькую рукопись из ящика стола. – Некоторые места в самом деле очень хороши, другие тебе не удались. Например, вот.

Она перевернула страницу:

– Вот здесь Судьба спрашивает: «Молодость, о чем ты мечтаешь?» И мальчик отвечает: «Я мечтаю быть целителем. Хочу возвращать цельность истерзанным человеческим телам». Это прекрасная идея, Фрэнси. Но дальше ты все испортила. Судьба: «Это твоя мечта. Взгляни же, какова реальность». Прожектор высвечивает старика, склонившегося над мусорным баком. Старик: «Когда-то я мечтал приводить в порядок человеческие тела. А теперь привожу в порядок…»

Мисс Гарндер вдруг взглянула на Фрэнси.

– Ты ведь не собиралась тут сострить, Фрэнси?

– О нет, мэм.

– После нашей небольшой беседы ты, надеюсь, понимаешь, почему мы не можем поставить твою пьесу на выпускном.

– Понимаю, – ответила Фрэнси, ее сердце оборвалось, упало и разбилось.

– У Беатрис Вильямс появилась отличная идея. Фея взмахивает волшебной палочкой, на сцену выпархивают мальчики и девочки в костюмах, каждый представляет один из праздников в году и читает стихотворение, посвященное этому празднику. Замысел прекрасный, но, к сожалению, Беатрис не дружит с рифмой. Может, ты воспользуешься ее идеей и сочинишь стихи? Беатрис не возражает. На программке мы напишем, что она автор идеи. По-моему, это будет справедливо, ты

согласна?

– Да, мэм. Только я не хочу пользоваться чужими идеями. У меня есть свои.

– Что ж, это похвально. Я не настаиваю, – она встала. – Я потратила столько времени на тебя, потому что искренно считаю – ты подаешь надежды. Не сомневаюсь, что теперь, когда мы все обсудили, ты прекратишь кропать свои гнусные рассказики.

Гнусные. Фрэнси повертела в уме это слово. Оно не значилось в ее словаре.

– Гнусные – что это значит?

– Я – говорила – как поступать – если – не знаешь – слова! – отчеканила мисс Гарндер.

– Да, я забыла.

Фрэнси взяла с полки большой словарь, нашла слово «гнусный» и стала читать. «*Грязный*». Грязный? Она представила своего папу в свежей манишке, с воротничком, который он менял каждый день, в отполированных до блеска ботинках, которые он начищал дважды в день. «*Запачканный*». Папа завел личную кружку в парикмахерской. «*Низменный*». Это слово Фрэнси пропустила, потому что смутно представляла его значение. «*Безобразный*». Вот уж нет! Как папа танцевал! Он был стройный и ловкий. В нем не было ничего безобразного. «*Также подлый и низкий*». Она вспомнила, сколько раз папа проявлял доброту и чуткость. Вспомнила, как все любили его за это. Ее лицо вспыхнуло. Дальше читать она не могла, потому что страница перед глазами расплылась. Фрэнси повернулась к мисс Гарндер с искаженным от гнева лицом:

– Не смейте обзывать нас таким словом!

– Вас? – тупо переспросила мисс Гарндер. – Мы же говорим о твоих рассказах, Фрэнси! Как можно, Фрэнси! – Мисс Гарндер повысила голос: – Ты меня поражаешь! Такая воспитанная девочка. А если я сообщу твоей матери, что ты грубишь учителю?

Фрэнси перепугалась. Грубость по отношению к учителю в Бруклине считалась преступлением, которое следует карать исправительной колонией для несовершеннолетних.

– Простите меня, пожалуйста. Пожалуйста, простите. Я не хотела, – униженно повторяла Фрэнси.

– Понимаю, – мягко сказала мисс Гарндер. Она обняла Фрэнси и прошла вместе с ней до двери. – Понимаю, что ты находишься под впечатлением от нашего разговора. «Гнусный» действительно ужасное

слово, и это хорошо, что оно возмутило тебя. Это значит, ты правильно понимаешь его смысл. Возможно, теперь ты меня невзлюбишь, но поверь, я желаю тебе добра. В один прекрасный день ты вспомнишь мои слова и поблагодаришь меня за них.

Фрэнси мечтала, чтобы взрослые перестали произносить эту фразу. И без того бремя благодарности, которую, по их словам, она должна испытать в будущем, давило ей на плечи. Она представляла, что лучшие годы своей жизни потратит на поиски всех этих людей, чтобы сказать им: о, вы были правы, я так благодарна вам!

Мисс Гарндер вручила Фрэнси ее «гнусные» сочинения и пьесу со словами:

– Когда придешь домой, брось это в печь. И поднеси спичку. А когда бумага вспыхнет, повторяй: «Я сожгла все плохое. Я сожгла все плохое».

По дороге домой Фрэнси пыталась обдумать этот разговор. Она знала, что мисс Гарндер незлой человек. Она по-своему желала Фрэнси добра. Но то, что для мисс Гарндер было добром, не являлось добром для Фрэнси. Фрэнси начала осознавать, что некоторые образованные люди могут счесть ее жизнь отвратительной. Она думала – интересно, будет ли она сама стыдиться своего прошлого, если получит образование? Будет ли она стыдиться своих родных? Стыдиться своего красивого папы, такого легкомысленного, доброго и чуткого, стыдиться своей мужественной и прямодушной мамы, которая так гордится своей мамой, хотя та не умеет ни читать, ни писать, стыдиться своего брата Нили, такого славного и честного? Нет! Ни за что! Если образование заставит ее испытывать стыд за себя и за них, то она отказывается от образования. «Но я проучу эту мисс Гарндер, – поклялась Фрэнси. – Я докажу ей, что у меня есть воображение. Докажу во что бы то ни стало».

В тот же день она начала писать свой роман. Главную героиню звали Шерри Нола – эта девочка была рождена и воспитывалась в исключительной роскоши. Роман назывался «Это я» и представлял историю несбывшейся жизни Фрэнси.

Фрэнси успела написать двадцать страниц. Их заполняли подробные описания богатой обстановки в доме Шерри, панегирики великолепным нарядам Шерри и перечисления сказочных яств, которые поглощала героиня.

Закончив писать, Фрэнси через Джона, мужа Сисси, передаст роман в типографию, чтобы его напечатали, а потом принесет книгу мисс

Гарндер. Фрэнси предавалась сладостным мечтам. Эта сцена все время крутилась у нее в голове. Она сочинила такой диалог.

ФРЭНСИ (*протягивая свою книгу мисс Гарндер*): Надеюсь, здесь вы не обнаружите ничего гнусного. Пожалуйста, считайте это моим выпускным сочинением. Полагаю, вас не смущает то, что оно напечатано?

(*У мисс Гарндер отвисает челюсть. Фрэнси продолжает как ни в чем не бывало.*)

По-моему, печатный текст читать удобнее, вы согласны?

(*Мисс Гарндер читает, Фрэнси с рассеянным видом смотрит в окно.*)

МИСС ГАРНДЕР (*дочитав*): О, Фрэнси! Это восхитительно!

ФРЭНСИ: Что-что?

(*Выходя из задумчивости.*)

Ах, вы о романе. Я накропала его в два счета. Это несложно – писать о том, чего не знаешь. Писать правду гораздо сложнее – сначала ее нужно пережить.

Это место Фрэнси зачеркнула. Она не хотела, чтобы мисс Гарндер подумала, будто Фрэнси обиделась. Она переписала.

ФРЭНСИ: Что-что?

(*Спохватываясь.*)

Ах, вы о романе! Рада, что вам понравилось.

МИСС ГАРНДЕР (*застенчиво*):

Фрэнси, могу я… могу я попросить у тебя автограф?

ФРЭНСИ: Ну конечно.

(Мисс Гарндер снимает колпачок со своей авторучки и протягивает ее Фрэнси. Фрэнси пишет: «С наилучшими пожеланиями от М. Фрэнсис К. Нолан.)

МИСС ГАРНДЕР (*разглядывая автограф*): Какая интересная подпись!

ФРЭНСИ: Просто мое полное имя.

МИСС ГАРНДЕР (*застенчиво*): Фрэнсис?

ФРЭНСИ: Будьте проще, обращайтесь ко мне как раньше.

МИСС ГАРНДЕР: Могу я попросить тебя приписать сверху, над твоей подписью, «Моему другу Мюриэль Гарндер»?

ФРЭНСИ (*после едва заметной паузы*): Почему бы и нет?

(*С многозначительной улыбкой.*) Я всегда писала то, что вы просили.

(*Пишет.*)

МИСС ГАРНДЕР (*едва слышным шепотом*): Благодарю.

ФРЭНСИ: Мисс Гарндер… конечно, сейчас это не важно… но не могли бы вы поставить мне оценку… как раньше?

(*Мисс Гарндер берет ручку и выводит на обложке книги красными*

чернилами «ПЯТЬ С ПЛЮСОМ».)

Мечта была такой сладостной, что Фрэнси в лихорадке приступила к следующей главе. Она строчила без остановки, чтобы мечта поскорее стала явью. Она писала:

– Паркер, – позвала Шерри Нола личную горничную. – Что повар готовит сегодня на ужин?

– Грудку фазана в глазури, насколько я знаю. Еще будут спаржа из теплицы, привозные заморские грибы и мусс из ананасов, мисс Шерри.

– Надоело, никакой фантазии, – заметила Шерри.

– Да, мисс Шерри, – уважительно кивнула горничная.

– Как вам известно, Паркер, я люблю потакать своим капризам.

– Ваши капризы – закон для прислуги.

– Пусть мне подадут много разных десертов, а уж я сама составлю из них кушанье. Принесите дюжину шарлоток по-русски, слоеное пирожное с земляникой, кварту мороженого – непременно шоколадного, дюжину дамских пальчиков и коробку французского шоколада.

– Хорошо, мисс Шерри.

На страницу шлепнулась капля. Фрэнси посмотрела наверх. Нет, крыша не протекала, это у нее изо рта текли слюни. От голода сводило живот. Она пошла на кухню к плите, заглянула в кастрюлю. В воде плавала обглоданная кость. В хлебнице нашлось немного хлеба. Правда, черствого, но это лучше, чем ничего. Она отрезала ломтик, налила в чашку кофе и окунула в него хлеб, чтобы размочить. Пока ела, перечитывала только что написанное. И сделала поразительное открытие.

«Посмотри-ка, Фрэнси Нолан, – сказала она себе. – Эта история ничем не отличается от тех, которые так не понравились мисс Гарндер. Ты опять описываешь свой голод, и больше ничего. Только делаешь это по-дурацки, каким-то вывернутым наизнанку способом».

Фрэнси так разозлилась на свой роман, что разорвала тетрадку и бросила в печь. Когда пламя коснулось страниц, ее ярость стала еще сильнее, она побежала в спальню, вытащила из-под кровати коробку со своей писаниной. Бережно отложила в сторону четыре рассказа про папу, а остальное швырнула в печку. Все ее красивые сочинения, отмеченные пятерками, вспыхнули. На мгновение пламя ярко осветило слова, а потом страницы почернели и скукожились. «*Вот огромный тополь, высокий и стройный, его силуэт резко выделяется на фоне неба*». И еще: «*Приветливо распахиваются небесные врата над головой. Стоит*

прекрасный октябрьский денек». Обрывок какого-то предложения: «… *цветы шиповника подобны настойке из закатов, а дельфиниумы – экстракту небес*».

«Я ведь никогда не видела тополей, про небесные врата *прочитала* где-то, и цветы эти я видела только в ботаническом атласе. И пятерки я получала за то, что складно врала». Она поворошила бумаги, чтобы горели быстрее. Когда от них остался один пепел, она запела: «Я сожгла все плохое. Я сожгла все плохое». Когда погас последний уголек, она торжественно провозгласила, обращаясь к бойлеру: «Вот и вся моя писательская карьера».

Вдруг ей стало страшно и одиноко. Она тосковала по отцу, очень тосковала. Не может быть, что он умер, просто не может быть. Скоро на лестнице раздастся «Молли Мэлоун», он поднимется наверх. Она откроет ему, и он скажет: «Привет, Примадонна!» А она ответит: «Папа, мне приснился страшный сон. Как будто ты умер». Потом она расскажет ему о разговоре с мисс Гарндер, и он найдет нужные слова, чтобы утешить ее. Фрэнси ждала, прислушиваясь. Может, и правда, ей все это снится. Но нет, сны не бывают такими длинными. Папа никогда не вернется.

Она положила голову на стол и заплакала. «Мама не любит меня так, как она любит Нили, – всхлипывала она. – Я делаю все, чтобы она полюбила меня. Сажусь к ней поближе, иду, куда она идет, делаю, что она велит. Но она никогда не полюбит меня так, как любил папа. С этим я ничего не могу поделать».

Тут она вспомнила мамино бледное лицо в трамвае, когда она откинула голову и закрыла глаза. Вспомнила, какой измученный вид у нее был. Мама любит ее. Конечно, любит. Просто она не умеет это выразить так, как умел папа. И мама очень хорошая. Вот сейчас у нее в любую минуту может родиться ребенок, а она все еще на работе. А что, если мама умрет во время родов? При этой мысли у Фрэнси в жилах кровь застыла. Что станет с ней и с Нили без мамы? Куда им деваться? Эви и Сисси бедны, не смогут их взять к себе. У них и места-то не хватит, чтобы там приютиться. Нет у них с Нили никого в целом свете, кроме мамы.

«Боже милосердный, – молилась Фрэнси. – Не допусти, чтобы мама умерла. Я помню, как сказала Нили, что не верю в тебя. Но я верю! Верю! Я просто так *сказала*. Пожалуйста, не карай маму. Она не сделала ничего плохого. Не забирай ее только потому, что я сказала, что не верю в тебя. Если ты оставишь ее жить, я принесу тебе в жертву свое писательство. Я больше никогда не напишу ни одного рассказа, если ты оставишь маме жизнь. Дева Мария, попроси своего сына, Иисуса, чтобы он попросил Бога

не забирать мою маму».

Но Фрэнси почудилось, что ее молитва пропала зря. Бог запомнил ее слова, что она не верит в него, и накажет ее, забрав маму, как забрал папу. Фрэнси охватил панический ужас, и ей показалось, что мама уже умерла. Она бросилась ее искать. В их доме Кэти не было. Фрэнси выскочила на улицу, добежала до соседнего дома, взлетела по лестнице с криком «мама!». Но там мамы тоже не оказалось. Фрэнси побежала в третий, и последний дом. На первом этаже мамы не было. На втором тоже. Оставался еще один этаж. Если мамы нет и там, значит, она умерла. Фрэнси закричала:

– Мама! Мама!

– Я здесь, – послышался спокойный голос Кэти с третьего этажа. – Зачем так шуметь.

Фрэнси испытала такое облегчение, что чуть не потеряла сознание. Она не хотела показывать маме, что плакала, и стала искать в кармане платок. Не найдя, вытерла глаза нижней юбкой и медленно поднялась по последнему пролету.

– Здравствуй, мама.

– Что-то случилось с Нили?

– Нет, мама. (Ее первая мысль всегда про Нили.)

– Тогда здравствуй, – сказала Кэти и улыбнулась.

Она подумала, что Фрэнси расстроилась из-за каких-то школьных неприятностей. Что ж, если захочет, то сама расскажет…

– Ты любишь меня, мама?

– Было бы странно, если бы я не любила своих детей, правда?

– Скажи, по-твоему, я такая же красивая, как Нили?

Фрэнси с нетерпением ждала маминого ответа, потому что знала – мама никогда не солжет. Ждать пришлось долго.

– У тебя очень красивые руки и длинные густые волосы.

– Но я такая же красивая, как Нили? – настаивала Фрэнси, страстно желая, чтобы мать *солгала*.

– Фрэнси, я понимаю, что тебя что-то беспокоит, но я очень устала. Потерпи, пожалуйста, пока родится ребенок. Я люблю вас с Нили и считаю, что вы оба очень даже славные. А теперь прошу, не мучай меня.

Фрэнси стало стыдно. Жалость сжала ей сердце при виде матери, которая вот-вот родит, а сама неуклюже распростерлась на четвереньках и моет пол. Фрэнси опустилась на колени рядом с матерью.

– Встань, мама, я домою этот коридор. У меня есть время, – и Фрэнси опустила руку в ведро с водой.

– Нет! – вскрикнула Кэти. Она выхватила руку дочери из воды и обтерла о свой фартук. – Не суй руки в эту воду. В ней сода и щелок. Посмотри, что сделалось с моими руками.

Кэти протянула свои изящные, но разъеденные до корост руки.

– Я не хочу, чтобы твои руки стали как у меня. Я хочу, чтобы они оставались такими же красивыми, как сейчас. К тому же тут осталось домыть совсем немного.

– Можно я хотя бы посижу на ступеньке и посмотрю?

– Если не можешь придумать ничего получше.

Фрэнси сидела и смотрела на мать. Как хорошо сидеть тут, рядом с мамой, знать, что мама жива. Даже скрип швабры о пол ласкал слух, внушал спокойствие. «Скрип-скрип-скрип», – говорила швабра. «Шлеп-шлеп-шлеп», – отвечала тряпка, когда ее отжимали. «Хлюп-хлюп-хлюп», – переговаривались швабра и тряпка, когда мама окунала их в ведро с водой. «Буль-буль», – подавало голос ведро, когда мама его передвигала.

– Разве у тебя нет подружек, чтобы поговорить, Фрэнси?

– Нет. Я ненавижу женщин.

– Это ненормально. Тебе было бы полезно пообщаться с девочками твоего возраста.

– А у тебя есть подруги, мама?

– Нет, я ненавижу женщин, – ответила Кэти.

– Вот видишь? Ты как я.

– Но у меня однажды была подруга, и я отбила у нее твоего папу. Так что, видишь, иногда от подруг бывает польза.

Кэти говорила шутливо, но ее швабра рассекла воздух, словно сказала: «Ты иди своей дорогой, я пойду своей». Кэти проглотила слезы и продолжала:

– Да, тебе нужны подруги. Ты разговариваешь только со мной и с Нили, да еще читаешь книжки и пишешь свои истории.

– Я бросила писать.

Кэти поняла, что смятение Фрэнси связано с ее сочинениями.

– Ты сегодня получила плохую оценку за сочинение?

– Нет, – соврала Фрэнси, удивляясь, как всегда, материнской проницательности.

Она встала со словами:

– Пожалуй, мне пора идти к Макгэррити.

– Подожди! – Кэти оставила швабру и тряпку в ведре. – Я закончила на сегодня. Помоги мне встать!

Она протянула руки к Фрэнси. Фрэнси сжала материнские руки, Кэти

с силой подтянулась, неуклюже поднялась на ноги.

– Пойдем домой вместе, Фрэнси.

Фрэнси взяла ведро. Кэти положила одну руку на перила лестницы, а другую – на плечи Фрэнси. Она тяжело опиралась на дочь, пока медленно спускалась по ступенькам. Фрэнси соразмеряла свой шаг с неуверенными шагами матери.

– Фрэнси, ребенок должен родиться со дня на день, и мне спокойней, когда ты рядом. Не оставляй меня надолго. А когда я работаю, приходи иногда проведать, все ли в порядке. Не могу передать, как я надеюсь на тебя. Я не могу рассчитывать на Нили – от мальчика в таких делах никакого толку. Ты мне очень нужна сейчас, и мне спокойней, когда ты рядом. Пожалуйста, побудь моей правой рукой какое-то время.

Огромная нежность к матери переполнила сердце Фрэнси.

– Я буду всегда рядом с тобой, мама, – сказала она.

– Моя славная девочка, – Кэти пожала ей плечо.

«Может быть, мама любит меня и не так сильно, как Нили, – думала Фрэнси, – зато я нужна ей больше, чем Нили. А быть нужной почти так же важно, как быть любимой. Может, даже важнее. Так я считаю».

40

Через два дня Фрэнси, придя домой на обед, не вернулась в школу. Она застала маму в постели. Кэти велела Нили возвращаться в школу, а когда Фрэнси предложила вызвать Сисси или Эви, сказала, что еще рано.

Фрэнси одна дежурила возле матери и осознавала степень своей ответственности. Она убрала квартиру, проверила, какие продукты есть в доме, и продумала ужин. Каждые пять минут она поправляла матери подушку и спрашивала, не принести ли воды.

В начале четвертого ворвался запыхавшийся Нили, зашвырнул учебники в угол и спросил, за кем бежать. Кэти улыбнулась его готовности помочь и ответила, что нет смысла раньше времени отрывать Эви или Сисси от их дел. Нили пошел к Макгэррити с наказом: попросить у Макгэррити разрешения отработать и за Фрэнси тоже, потому что она не может оставить мать. Макгэррити не только согласился, но и сам помог Нили, так что тот освободился уже в полпятого. Поужинали рано. Чем раньше Нили займется разноской газет, тем раньше закончит. Мама есть отказалась, сказала, что не голодна, попросила только чашку горячего чая.

Когда Фрэнси вскипятила чайник, мама отказалась и от чая. Фрэнси

забеспокоилась, потому что мама весь день ничего не ела. После того как Нили ушел разносить газеты, Фрэнси принесла тарелку с овощным рагу и стала уговаривать маму поесть. Кэти оттолкнула ее руку и велела уйти, сказала, что позовет, когда проголодается. Фрэнси положила рагу обратно в кастрюлю, стараясь сдержать слезы горечи. Она ведь хотела как лучше. Мама позвала ее, она, похоже, больше не сердилась.

– Который час? – спросила Кэти.

– Без пяти шесть.

– А часы не отстают, как ты думаешь?

– Нет, мама.

– Может, они спешат?

Кэти так тревожилась, что Фрэнси выглянула в окно посмотреть на большие уличные часы, которые висели над магазином ювелира Воронова.

– Часы идут правильно, – подтвердила Фрэнси.

– На улице уже стемнело?

Кэти не могла этого понять, потому что даже в яркий солнечный день сквозь люк в спальню проникал слабый тусклый луч света.

– Нет, еще светло.

– А здесь темно, – раздраженно сказала Кэти.

– Я зажгу ночник.

На стене висела полочка с гипсовой фигуркой Девы Марии в синем платье, с молитвенно сложенными руками. У ее ног стоял стакан из грубого красного стекла, заполненный воском с фитилем. Рядом с ним – ваза с бумажными красными розами. Фрэнси поднесла зажженную спичку к фитилю. Свеча неярко горела, пламя отливало рубиновым цветом сквозь стекло.

– Который час? – чуть погодя снова спросила Кэти.

– Десять минут седьмого.

– Ты уверена, что часы не отстают и не спешат?

– Они идут правильно.

Кэти вроде бы успокоилась. Но через пять минут опять спросила, который час. Как будто у нее назначена важная встреча, на которую она боялась опоздать.

В половине седьмого Фрэнси снова сообщила, который час, и добавила, что Нили вернется через час.

– Как только он придет, сразу пошли его за тетей Эви. Пусть по сторонам не смотрит, поторапливается. Приготовь ему никель на трамвай. И скажи, чтобы ехал к Эви, она живет ближе, чем Сисси.

– Мама, а что, если ребенок совсем скоро родится, а я даже не знаю,

что делать?

– Я не могу рассчитывать на такую удачу – чтобы ребенок родился совсем скоро. Который час?

– Без двадцати пяти семь.

– Точно?

– Точно, мама. Мама, хоть Нили и мальчик, может, будет лучше, если он останется с тобой, а я поеду за Эви?

– Почему?

– Потому что тебе хорошо, когда он рядом, – Фрэнси сказала это без злобы и зависти, просто признала факт. – А я… я даже не знаю нужных слов, чтобы тебя успокоить.

– Который час?

– Прошла минута. Без двадцати четырех семь.

Кэти долго молчала. Когда она снова заговорила, голос ее звучал совсем тихо, словно она обращалась к себе самой:

– Нет, мужчин в такие минуты не должно быть. Да, некоторые женщины заставляют их стоять рядом. Хотят, чтобы они слышали каждый стон, каждый крик, слышали, как рвется их плоть, видели каждую каплю крови. Что за извращенное удовольствие они получают, когда заставляют мужчину страдать вместе с ними? Как будто они мстят за то, что Господь сотворил их женщинами. Который час?

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

– До замужества они готовы лучше удавиться, чем показаться мужчине в папильотках или без корсета. Но когда рожают, они хотят, чтобы муж увидел их в самом безобразном виде, какой только возможен. Не понимаю зачем. Не понимаю. Мужчина видит, какую боль и муку испытывает женщина из-за того, что они любили друг друга. И начинает бояться этой любви. Вот почему многие мужчины изменяют женам после рождения ребенка.

Кэти вряд ли осознавала, что говорит. Она невыносимо тосковала по Джонни и этими разговорами пыталась оправдать его отсутствие.

– Да, и вот еще что. Если ты любишь человека, то скорее согласишься мучиться одна, чем вместе с ним. Так что отправь своего мужа прочь из дома, когда будешь рожать.

– Хорошо, мама. Уже пять минут восьмого.

– Посмотри, не идет ли Нили.

Фрэнси выглянула из окна и сообщила, что Нили пока не видно. Мысли Кэти вернулись к словам Фрэнси о том, что ей хорошо, когда Нили рядом.

– Нет, Фрэнси, сейчас мне спокойней рядом с тобой, – вздохнула она. – Если родится мальчик, назовем его Джонни.

– Как хорошо, мама, что нас снова будет четверо.

– Да, хорошо.

После этого Кэти надолго замолчала. Когда она в очередной раз спросила, который час, Фрэнси ответила – четверть восьмого, Нили придет с минуты на минуту. Кэти велела ей собрать для Нили ночную рубашку, зубную щетку, чистое полотенце и завернуть в газету кусочек мыла, потому что он останется ночевать у тети Эви.

Фрэнси дважды выходила на улицу со свертком под мышкой встречать Нили. Наконец она увидела его – он бежал по улице. Она побежала навстречу, передала ему сверток, деньги на билет, мамины указания и велела спешить.

– Как мама? – спросил он.

– Все хорошо.

– Точно?

– Точно. Слышишь, трамвай подъезжает. Беги давай.

Нили помчался к остановке.

Когда Фрэнси возвратилась, мамино лицо было мокрым от пота, а нижняя губа в крови – она прокусила ее.

– Ой, мама, мама!

Фрэнси схватила руку матери и прижала к щеке.

– Намочи тряпку холодной водой и вытри мне лицо, – прошептала мама.

После того как Фрэнси это сделала, Кэти вернулась к мысли, которая вертелась у нее в голове.

– Конечно, с тобой мне спокойно.

Она перескочила, казалось, в сторону, но на самом деле это было важно для нее:

– Я собиралась прочитать твои сочинения, за которые ты получала «отлично», да все времени не хватало. Сейчас у меня есть немножко времени. Прочитай мне, пожалуйста, одно.

– Не могу. Я все сожгла.

– Ты размышляла над ними, писала, сдавала, получала оценки, снова размышляла, а потом взяла и сожгла. Теперь все кончено, а я так ни одного и не прочитала.

– Ничего страшного, мама. Они были так себе.

– Это на моей совести.

– Они были так себе, и потом, я же знаю, что у тебя нет времени.

Кэти подумала: «Но у меня всегда находится время для мальчика, для его дел. Я *нахожу* время для него». Она продолжила свою мысль вслух:

– Но ведь Нили нуждается в поддержке. Ты способна находить силы в самой себе, как и я. А ему нужна помощь со стороны.

– Ничего страшного, мама, – повторила Фрэнси.

– Я ничего не могла поделать, – сказала Кэти. – Но все равно теперь это будет на моей совести. Который час?

– Скоро половина восьмого.

– Смочи опять полотенце, Фрэнси, – попросила Кэти.

Похоже, ее сознание пыталось уцепиться за что-то.

– Неужели у тебя не осталось вообще ни одного сочинения?

Фрэнси подумала про те четыре рассказа, которые написала про отца, вспомнила слова мисс Гарндер про них и ответила «нет».

– Тогда прочти что-нибудь из Шекспира.

Фрэнси взяла книгу.

– Прочти про лунный свет в такую ночь… Я хочу думать о чем-то прекрасном, когда родится ребенок.

Шрифт был мелкий, и Фрэнси зажгла газовую лампу, чтобы видеть буквы. Когда вспыхнул свет, Фрэнси разглядела лицо матери. Серое, искаженное болью. Мама не походила сама на себя. Она походила на Марию Ромли. От света Кэти вздрогнула и зажмурилась, и Фрэнси быстро потушила лампу.

– Мама, мы столько раз читали эту пьесу, я почти всю ее помню наизусть. Мне не нужен свет, мама. Слушай!

И Фрэнси начала декламировать:

Как ярок лунный свет… В такую ночь,
Когда лобзал деревья нежный ветер,
Не шелестя листвой, в такую ночь
Троил всходил…

– Который час?

– Без двадцати восемь.

Троил всходил на стены Трои, верно,
Летя душой в стан греков, где Крессида
Покоилась в ту ночь.

– Фрэнси, а ты знаешь, кто такой Троил? И Крессида?

– Да, мама.

– Когда-нибудь расскажешь мне. Когда у меня будет время.

– Конечно, мама.

Кэти застонала. Фрэнси снова отерла пот с ее лица. Кэти протянула к ней руки, как сделала недавно, когда мыла пол в коридоре. Фрэнси взяла ее за руки и уперлась ногами в пол. Кэти дернула с такой силой, что Фрэнси испугалась за свои суставы – не выскочат ли они. Потом мама расслабилась и легла.

Так прошло еще полчаса. Фрэнси читала отрывки из Шекспира, которые помнила наизусть: речь Порции, похороны Марка Антония, «Завтра, завтра» – известные фрагменты, которые помнят все. Иногда Кэти задавала вопрос. Иногда прижимала руки к лицу и стонала. Не замечая этого и не слушая ответ, продолжала спрашивать, который час. Фрэнси время от времени протирала ей лицо, и три или четыре раза за этот час Кэти протягивала руки к Фрэнси, чтобы приподняться.

Когда в половине девятого пришла Эви, Фрэнси испытала такое неимоверное облегчение, что едва не испустила дух.

– Сисси придет через полчаса, – объявила Эви, ворвавшись в комнату. Взглянув на Кэти, Эви сдернула простыню с кровати Фрэнси, привязала один конец к спинке кровати Кэти, а другой конец вручила сестре.

– Держись за это и подтягивайся, – сказала она.

– Который час? – прошептала Кэти, с огромным трудом подтянувшись на простыне, от усилия ее лицо снова покрылось потом.

– Какая тебе разница, – жизнерадостно ответила Эви. – Ты никуда не опаздываешь.

Кэти попыталась улыбнуться, но судорога боли стерла улыбку с лица.

– Нам нужно больше света, – решила Эви.

– Но лампа режет ей глаза, – возразила Фрэнси.

Эви сняла стеклянный колпак со светильника в гостиной, смазала его изнутри мылом и надела стеклянный шар на светильник в спальне. Когда зажгли газ, свет получился рассеянный, мягкий, не режущий глаза. Несмотря на теплый майский вечер, Эви развела огонь в камине. Она отдавала команды Фрэнси, и та носилась по квартире, выполняя их. Налила воды в чайник, поставила его на плиту. Отмыла эмалированный тазик, залила в него бутылку прованского масла и поставила рядом с плитой. Грязную одежду вытряхнула из корзины для белья, накрыла ее старым, но чистым одеялом и водрузила на два стула возле плиты. Все обеденные тарелки Эви поставила в плиту, чтобы нагреть, и велела Фрэнси класть

горячие тарелки в корзину, а когда остынут, заменять.

– У вас приготовлена одежда для ребенка?

– За кого вы нас принимаете? – возмущенно спросила Фрэнси и достала стопочку – четыре самодельные фланелевые распашонки, четыре подгузника, дюжину вручную подрубленных пеленок и четыре ветхие рубашечки, которые когда-то от Фрэнси перешли к Нили.

– Я все сделала своими руками, кроме рубашек, – с гордостью призналась Фрэнси.

– Гм. Похоже, твоя мама ждет мальчика, – заметила Эви, глядя на стежок «елочка»: все распашонки были прошиты голубыми нитками. – Что ж, поживем – увидим.

Когда пришла Сисси, сестры вместе вошли в спальню, приказав Фрэнси остаться. Она слушала их разговор, стоя у двери.

– Пора звать повитуху, – сказала Сисси. – Фрэнси знает, где она живет?

– Я с ней не договаривалась, – ответила Кэти. – У нас нет пяти долларов на повитуху.

– Может, мы с Сисси наскребем денег… – начала было Эви.

– Слушайте, – перебила ее Сисси. – Я родила десять… точнее, одиннадцать детей. У тебя трое, у Кэти двое. Итого на троих шестнадцать родов. Так неужели мы не сможем нормально принять ребенка?

– Правильно. Мы сами примем роды, – решила Эви.

Они закрыли дверь в спальню. Теперь Фрэнси улавливала только их голоса, но слов разобрать не могла. Фрэнси обиделась на теток за то, что они прогнали ее, и это после того, как она совершенно самостоятельно помогала матери столько времени. Она заменила в корзине остывшие тарелки на две нагретые. Она чувствовала свое полное одиночество в этом мире. Жалела, что Нили нет дома – повспоминали бы с ним былые времена.

Фрэнси, вздрогнув, открыла глаза. Не может быть, чтобы она задремала. Быть такого не может. Она пощупала тарелки в корзине. Холодные. Быстро заменила их. Корзина должна стоять нагретая – она предназначалась для ребенка. Фрэнси прислушалась к звукам из спальни. Они изменились за то время, что она клевала носом. Неспешные шаги сменились стремительной беготней, вместо тихого разговора тетки обменивались короткими резкими репликами. Фрэнси посмотрела на часы. Половина десятого. Эви вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

– Вот пятьдесят центов, Фрэнси. Сбегай, купи четверть фунта сливочного масла, пачку галет и пару апельсинов. Попроси у продавца тех, что с рубчиком. Скажи, для больной.

– Но все магазины уже закрыты.

– Ступай в еврейский квартал. Они всегда работают.

– Я схожу утром.

– Делай, что тебе велят, – резко ответила Эви.

Фрэнси отправилась с неохотой. На последнем лестничном пролете ее настиг душераздирающий животный вопль. Она остановилась, не зная, то ли вернуться обратно, то ли идти дальше. Вспомнила строгий приказ Эви и продолжила спускаться. Когда открывала дверь, услышала второй крик, еще ужаснее. Она обрадовалась, что оказалась на улице.

В одной из квартир похожий на обезьяну извозчик, который как раз велел несчастной жене ложиться в постель, услышав первый вопль Кэти, воскликнул: «О боже!» Когда последовал второй вопль, он сказал:

– Надеюсь, она не будет так орать всю ночь – а то я глаз не сомкну.

Его похожая на девочку жена расстегнула платье и всхлипнула.

Флосси Гэддис и ее мать сидели на кухне. Флосси шила очередной наряд, на этот раз из белого атласа – он предназначался для вновь отложенной свадьбы с Фрэнком. Миссис Гэддис вязала из серой шерсти носок для Хэнни. Хэнни умер, конечно, но его мать всю жизнь вязала ему носки и не могла расстаться с этой привычкой. Услышав первый крик, миссис Гэддис спустила петлю.

Флосс сказала:

– Все удовольствия достаются мужчинам, а женщины страдают.

Ее мать ничего не сказала. Она вздрогнула, когда Кэти закричала второй раз.

– Как-то непривычно шить платье с двумя рукавами, – сказала Флосс.

– Да.

Некоторое время они работали в тишине, потом Флосс снова заговорила:

– Интересно, стоят ли они того? Дети, я имею в виду.

Миссис Гэддис подумала об умершем сыне и об изуродованной руке дочери. Она ничего не сказала. Ниже склонила голову над вязаньем. Вернулась к тому месту, где спустила петлю, и подняла ее.

Тощие сестры Тинмор лежали в своих холодных девичьих постелях. Они сжали друг другу руки.

– Слышишь, сестра? – спросила мисс Мэгги. – Вот почему я отказала Харви – тогда, давно, когда он сделал мне предложение. Я боялась именно

этого. Очень боялась.

– Не знаю, – ответила мисс Лиззи. – Иногда мне кажется, что лучше уж страдать, мучиться, кричать от боли, пережить эти нечеловеческие муки, чем просто… прозябать.

Она подождала, пока не затих очередной крик, и добавила:

– По крайней мере, она знает, что *жива*.

Мисс Мэгги ничего не ответила.

Квартира напротив Ноланов пустовала. Еще одну квартиру занимал поляк, который работал охранником в порту, с женой и четырьмя детьми. Он наливал в стакан пиво из банки, когда услышал крик Кэти.

– Ох, эти женщины! – презрительно сказал он.

– Заткнись ты! – обрезала жена.

Все женщины в доме напрягались, заслышав крики Кэти, и страдали вместе с ней. Единственное, что объединяло всех женщин, – понимание того, как тяжко давать новую жизнь.

Фрэнси пришлось долго идти по Манхэттен-авеню, пока ей не встретилась еврейская молочная лавка, которая работала. Галеты продавались в другом месте, и наконец она нашла фруктовый ларек с апельсинами. На обратном пути Фрэнси посмотрела на большие часы, которые висели над аптекой Кнайпа, и обнаружила, что уже половина одиннадцатого. Фрэнси, в отличие от матери, не интересовалась временем.

Войдя на кухню, Фрэнси сразу почувствовала разницу. Наступила благостная тишина, пахло трудноуловимым запахом, новым и легким. Сисси стояла спиной к корзине.

– Представляешь, у тебя сестра, – сказала она.

– А мама как?

– В порядке.

– Так вот почему вы отправили меня в магазин.

– Мы подумали, что для твоих четырнадцати лет тебе достаточно впечатлений, – сказала Эви, выходя из спальни.

– Я только хочу знать, это мама попросила отослать меня? – горячо спросила Фрэнси.

– Да, Фрэнси, мама, – ласково ответила Сисси. – Она сказала – любимых нужно щадить.

– Тогда ладно, – успокоилась Фрэнси.

– Хочешь посмотреть на малышку?

Сисси сделала шаг в сторону. Фрэнси откинула уголок одеяла. Малышка была очаровательна, с белым личиком и пушистыми черными

кудрями, которые падали на лоб сбоку, как у мамы. Она на миг приоткрыла глаза. Фрэнси заметила, что они ярко-голубые. Сисси объяснила, что у всех новорожденных голубые глаза, со временем они могут потемнеть, станут как кофейные зерна.

– Она похожа на маму, – решила Фрэнси.

– И мы так подумали, – ответила Сисси.

– Она здорова?

– Еще как! – ответила Эви.

– Ни горба, ничего такого?

– Нет, конечно. Откуда у тебя такие мысли?

Фрэнси не сказала, что боялась – не родится ли ребенок горбатым из-за того, что мама до самых родов мыла полы, скорчившись на четвереньках.

– Можно мне зайти взглянуть на маму? – робко спросила Фрэнси, чувствуя себя дома как в гостях.

– Можешь отнести ей перекусить.

Фрэнси взяла тарелку с двумя галетами, намазанными маслом.

– Привет, мама.

– Привет, Фрэнси.

Мама снова походила на маму, только очень уставшую. Она не смогла поднять головы, поэтому Фрэнси держала галеты, пока мама ела. Она поела, Фрэнси стояла с пустой тарелкой в руках. Мама ничего не говорила. Фрэнси казалось, что они с мамой снова отдалились друг от друга. Исчезла та близость, которая установилась между ними в последние дни.

– А ты заготовила имя для мальчика, мама.

– Да, но на самом деле я не против девочки.

– Она хорошенькая.

– У нее будут черные кудри. У Нили светлые кудри. Только бедняжка Фрэнси родилась с прямыми волосами.

– А мне нравятся прямые волосы, – вызывающе сказала Фрэнси. Она умирала от желания узнать, как мама назовет девочку, но мама держалась так отчужденно, что Фрэнси не хотела спрашивать напрямик.

– Я отправлю сведения о ребенке в отдел здравоохранения?

– Не надо. Священник отправит после того, как покрестит.

– Вот как…

Кэти уловила разочарование в голосе Фрэнси.

– Принеси чернила и Библию, я продиктую тебе ее имя.

Фрэнси взяла с камина Гедеонову Библию, которую Сисси украла почти пятнадцать лет тому назад. Достала из нее вкладку с четырьмя

строчками. Первые три записи были сделаны нарядным аккуратным почерком Джонни.

Первое января 1901 года. Поженились Кэтрин Ромли и Джон Нолан.

Пятнадцатое декабря 1901 года. Родилась Фрэнсис Нолан.

Двадцать третье декабря 1902 года. Родился Корнелиус Нолан.

Четвертая запись была сделана рукой Кэти, ее твердым почерком с наклоном влево.

Двадцать пятое декабря 1915 года. Умер Джон Нолан, 34 года.

Сисси и Эви вошли в спальню вместе с Фрэнси. Им тоже хотелось узнать, как Кэти назовет ребенка. Сара? Ева? Рут? Элизабет?

– Записывай, – Кэти начала диктовать. – Двадцать восьмое мая 1916 года. Родилась…

Фрэнси обмакнула перо в чернильницу.

– Энни Лори Нолан.

– Энни! Такое обычное имя… – протянула Сисси.

– Почему, Кэти? Почему? – спросила Эви.

– Однажды Джонни спел такую песню, – пояснила Кэти.

Пока Фрэнси писала, в голове у нее звучала мелодия, ей слышался голос отца, который пел: «То была красавица Энни Лори…». Ах, папа… Папа…

– Он сказал, что это песня из другой, лучшей жизни, – продолжила Кэти. – Ему бы понравилось, что ребенка назвали в честь его песни.

– Лори – красивое имя, – сказала Фрэнси.

И девочку стали звать Лори.

41

Лори была славным ребенком. Почти все время она мирно спала в корзинке. Когда просыпалась, лежала тихо и пыталась сосредоточить взгляд карих глаз на своем крошечном кулачке.

Кэти кормила девочку грудью не только потому, что повиновалась материнскому инстинкту, но и потому, что не было денег на свежее молоко. Девочку нельзя было оставлять одну, и Кэти начинала работу в пять утра, убирала сначала два чужих дома. Работала до начала девятого, когда Фрэнси и Нили уходили в школу. Тогда Кэти приступала к уборке их собственного дома, оставив дверь квартиры приоткрытой, чтобы услышать, если Лори заплачет. Спать Кэти ложилась сразу же после ужина, и Фрэнси виделась с матерью так мало, что казалось, будто мамы вовсе нет.

Макгэррити не отказался от услуг Фрэнси и Нили после рождения ребенка, как поначалу планировал. Их помощь ему потребовалась уже на самом деле, потому что весной 1916 года его предприятие переживало неожиданный подъем. Бар был полон народа с утра до вечера. В стране происходили большие перемены, и люди испытывали потребность собраться вместе, чтобы обсудить их. Бар на углу был единственным заведением, где местные могли встретиться, – клуб бедноты.

До Фрэнси, которая убиралась в квартире над баром, через тонкие доски пола доносились возбужденные голоса. Часто она переставала работать, чтобы послушать. Да, мир менялся стремительно, и она понимала, что на этот раз – действительно *мир*, а не она. Она ощущала, как мир меняется, прислушиваясь к голосам внизу.

Это же факт. Они запретят спиртное, и через несколько лет страна просохнет.

А что, человек, который пашет как проклятый, разве не имеет права пропустить стаканчик?

А ты скажи это президенту, посмотрим, где очутишься.

Нет, у нас народная страна. Если мы не захотим сухого закона, так его не будет.

Конечно, у нас народная страна, только тебя так возьмут за глотку, что не пикнешь.

Ну, черт подери, тогда я сам буду гнать вино. Мой старик гнал в прежней стране. Берешь ведро винограда и…

Да брось! Они никогда не допустят бабье до голосования!

Я бы не стал на это делать ставку.

Если до этого дойдет, то одно из двух – либо моя жена будет голосовать, как я велю, либо я ей шею сверну.

Я не пущу свою старуху на избирательный участок, не хватало еще, чтобы она отиралась среди всяких бездельников и психов.

…Женщина-президент. Почему бы и нет?

Нет, они никогда не допустят женщин в правительство.

Одна уже сейчас там.

Ты в своем уме?

Так Вильсон же ни вздохнуть, ни в сортир сходить не смеет, пока не посоветуется с миссис Вильсон.

Вильсон сам старая баба.

Он не дал втянуть нас в войну.

Этот профессоришка из колледжа!

Чего нам надо – так это, чтобы в Белом доме сидел нормальный политик, а не школьный учитель.

…Автомобили.

Скоро лошадь днем с огнем не сыщешь. Этот парень из Детройта выпускает такие дешевые автомобили, что скоро любой рабочий сможет купить.

Рабочий за рулем собственного авто! Желаю тебе дожить до ста лет, чтоб увидеть такое!

Еропланы! Просто дичь какая-то. Долго они не продержатся.

А это, как его, кино! Вот это вещь. Театры в Бруклине закрываются один за другим. Взять хоть меня – я готов глазеть на Чарли Чаплина каждый день, а в этот ваш театр ни ногой.

…Никаких проводов! Вот величайшее изобретение. Слова летят по воздуху, представь себе, вообще никаких проводов. Нужен только приборчик, чтобы поймать их, ну и наушники, чтобы слушать.

Это называется «состояние полусна». И женщина вообще ничего не чует, когда рожает. Когда моя жена об этом узнала, сказала – как вовремя до этого додумались!

О чем ты толкуешь! Газовый свет – это старье. Даже в самых дешевых квартирах делают ликтричество.

Не понимаю, какой бес вселился в молодежь. Все танцуют как сумасшедшие. Танцуют, танцуют, танцуют…

И вот я поменял фамилию с Шульца на Скотта. Судья говорит – что вам такое в голову взбрело, чего ради менять? Шульц – прекрасная же фамилия. Судья сам немец, усек? А я говорю ему – слышь, приятель, так я ему и говорю, судье-то, мне что судья, что не судья, один черт, и говорю, значит, я ему – хочу расплеваться с прежней страной, усек? После того, что они, немцы эти, сделали с бельгийскими детьми, я не хочу иметь с Германией ничего общего. Теперь я американец, говорю ему, и хочу, значит, носить американскую фамилию, усек?

А мы шагаем прямо навстречу войне. Парни, я чую – войной пахнет.

Нам нужно снова выбрать Вильсона этой осенью. Вильсон не даст втянуть нас в войну.

Да не верьте вы его предвыборным обещаниям. Если мы выбираем в президенты демократа, считай, что мы выбираем войну.

Линкольн был республиканец.

А на Юге были у власти демократы, они-то и развязали Гражданскую войну.

Нет, сколько мы будем это терпеть, спрашиваю вас? Эти сволочи потопили еще один наш корабль. Сколько кораблей они еще потопят, пока у нас не лопнет терпение? Нужно их проучить.

Ни в коем случае нельзя влезать. Эта страна прекрасно обойдется без войны. Пусть они там воюют, а нас в свои разборки не втягивают.

Мы не хотим войны.

Если войну объявят, я в тот же день запишусь в армию.

Болтай больше. Тебе за пятьдесят. Тебя не возьмут.

Я лучше в тюрьму, чем на войну.

Коли ты мужчина, то обязан защищать то, что считаешь правильным. Лично я готов.

Ну, мне нечего беспокоиться. У меня двойная грыжа.

Да пусть начнется война! Им понадобимся мы, рабочие, чтобы строить корабли и делать пушки. Им понадобятся фермеры, чтобы растить хлеб. Посмотрим тогда, как они попляшут перед нами. Профсоюзы возьмут этих чертовых капиталистов за глотку. Не они будут диктовать. Мы будем диктовать. Да, клянусь Богом, мы заставим их поплясать.

Говорю вам. Кругом машины. Слышал такой анекдот на днях. Мужик с женой приходят, а машины им все выдают – еду, одежду, все делают машины. И вот подходят они к машине, которая детей делает, мужик сует деньги, а она выдает ребенка. И вот мужик поворачивается к жене и говорит: «Господи, верни мне те добрые старые времена».

Добрые старые времена, ага! Похоже, их больше не вернешь.

Еще по одной, Джим.

И Фрэнси, прекратив на время уборку, пыталась собрать в целую картину обрывки разговоров и понять мир, который сорвался с катушек. И казалось ей, что все кругом неузнаваемо изменилось за время, прошедшее между днем рождения Лори и днем окончания школы.

Фрэнси едва успела привыкнуть к Лори, как наступил выпускной. Кэти не могла разорваться между двумя выпускными, поэтому решила пойти к Нили. И это правильно, Нили не должен страдать из-за того, что Фрэнси поменяла школу. Фрэнси все это понимала, и все равно ей было немного обидно. Папа пошел бы к ней на выпускной, будь он жив. Порешили, что Сисси пойдет с Фрэнси, а Эви побудет с Лори.

И вот в последний июньский вечер 1916 года Фрэнси последний раз шла в школу, которую так любила. Сисси, которая угомонилась и посолиднела после того, как обзавелась ребенком, чинно шагала рядом с ней. Мимо прошли два пожарных, но Сисси даже бровью не повела, а ведь было время, когда она не могла устоять перед формой. Фрэнси жалела, что Сисси изменилась, и чувствовала себя одинокой. Она вложила ладонь в руку Сисси, и та сжала ее. Фрэнси утешилась. В душе Сисси осталась прежней Сисси.

В актовом зале будущие выпускники сидели в первых рядах, а гости за ними. Директор произнес трогательную речь о том, что детям предстоит начинать жизнь в сложном мире, а потом строить новый мир, после войны, которая, похоже, скоро придет в Америку. Он призывал их продолжить образование – тогда они будут лучше оснащены знаниями, необходимыми для строительства нового мира. На Фрэнси речь директора произвела глубокое впечатление, и в душе она поклялась нести светоч, как он призывал.

Затем начался выпускной спектакль. Глаза Фрэнси жгли непролитые слезы. Слушая бессодержательные реплики, она думала: «Моя пьеса была бы лучше. Я выбросила бы весь мусор. Я сделала бы все, что велит учительница, разреши она мне писать пьесу».

После спектакля школьники поднимались на сцену, получали свои дипломы и становились наконец выпускниками. Потом произнесли клятву верности флагу, и увенчалась церемония пением «Усыпанного звездами флага».

А потом Фрэнси взмолилась: «Да минует меня чаша сия», как в Гефсиманском саду.

В школе существовал обычай – дарить девочкам-выпускницам цветы. В актовый зал цветы приносить запрещалось, поэтому их оставляли в классе, а учителя раскладывали букеты по партам.

Фрэнси должна была вернуться в класс, чтобы забрать табель с оценками, пенал и альбом с автографами. Она стояла на пороге и собиралась с духом для предстоящего испытания, потому что знала – только на ее парте не окажется цветов. Она ничуть не сомневалась в этом,

потому что не сказала маме об этом обычае, прекрасно зная – дома нет денег на всякие там букеты.

Наконец, набравшись смелости, она вошла в класс и сразу направилась к учительскому столу, не отваживаясь взглянуть на свой. В воздухе пахло цветами. Фрэнси слышала, как девочки щебечут и вскрикивают от восторга, любуясь своими букетами. Все гордо обменивались восхищенными восклицаниями.

Фрэнси получила свой табель: четыре оценки «отлично» и одна «посредственно с минусом». По английскому. Она лучше всех в школе писала сочинения, и вот на тебе – едва не завалила английский. Вдруг она возненавидела школу и всех учителей, особенно мисс Гарндер. И ей стало безразлично, что у нее нет цветов. Совершенно безразлично. Дурацкий обычай, решила она. «Ну и пусть, подойду к своему столу и заберу свои вещи, – решила она. – И пусть попробует кто-то что-то мне сказать, велю ему заткнуться. И потом уйду навсегда из этой школы и даже ни с кем не попрощаюсь». Она подняла глаза: «Пустая парта – моя». Но пустых парт не оказалось! На всех лежали цветы!

Фрэнси подошла к своей парте, полагая, что кто-то из девочек временно положил на нее свой букет. Фрэнси собиралась вернуть букет хозяйке, холодно заметив: «Ты тут кое-что забыла. Мне нужно забрать свои вещи».

Фрэнси взяла цветы – две дюжины алых роз на фоне папоротника. Она обняла букет, как другие девочки, и вообразила на мгновение, что это ее цветы. Она взглянула на открытку, чтобы прочитать имя хозяйки. Но там значилось ее имя! Ее! На открытке было написано: «*Моей Фрэнси в день окончания школы. Люблю. Папа*».

Папа!

Открытка была подписана его красивым ровным почерком, теми самыми черными чернилами, бутылочка с которыми стояла у них в комоде. Значит, это все *сон*, долгий, путаный сон. Лори – сон, работа у Макгэррити – сон, выпускной спектакль – сон, плохая оценка по английскому – сон. А сейчас она проснулась, и теперь все наладится. Папа ждет ее за дверью.

Но за дверью стояла только Сисси.

– Папа ведь *умер*, – сказала Фрэнси.

– Да, – ответила Сисси. – Уже полгода как.

– Как же это возможно, тетя Сисси? Он прислал мне цветы.

– Фрэнси, примерно год назад он дал мне эту открытку, уже подписанную, и два доллара. Он сказал: «Когда Фрэнси окончит школу,

купи ей букет от меня – а то вдруг я забуду».

Фрэнси заплакала. Она плакала потому, что папа умер на самом деле и это не сон, и еще потому, что она устала работать и бояться за маму, и потому, что ей не позволили написать пьесу для выпускного, и потому, что получила плохую оценку по английскому, и потому, что совсем не ожидала получить цветы.

Сисси отвела ее в туалет для девочек и затолкнула в кабинку.

– Плачь погромче, изо всех сил, – приказала она. – И поскорее. А то мама начнет беспокоиться, где мы запропастились.

Фрэнси стояла в туалетной кабинке, прижимала к себе розы и рыдала. Когда дверь отворялась и входили девочки, весело болтая, Фрэнси дергала слив, чтобы шум воды в унитазе заглушил ее рыдания. Вскоре она успокоилась. Когда она вышла, Сисси протянула ей носовой платок, смоченный холодной водой. Пока Фрэнси промокала глаза, Сисси спросила, лучше ли ей. Фрэнси кивнула – да, и попросила Сисси немного подождать, пока она попрощается.

Фрэнси вошла в кабинет директора, они пожали руки.

– Не забывай свою старую школу, Фрэнсис. Заходи иногда проведать нас, – сказал директор.

– Зайду, – пообещала Фрэнси.

Потом она подошла к классной руководительнице.

– Мы будем скучать по тебе, Фрэнси, – сказала учительница.

Фрэнси достала из парты пенал и альбом с автографами. Начала прощаться с девочками. Все столпились вокруг нее. Одна обняла ее за талию, две другие поцеловали в щеку. Обменялись словами на прощание.

– Приходи ко мне в гости, Фрэнсис.

– Фрэнсис, пиши мне. Дай знать, как твои дела.

– Фрэнсис, нам поставили телефон. Позвони как-нибудь. Завтра позвони.

– Напиши что-нибудь в мой альбом, Фрэнсис. Я смогу продать твой автограф, когда ты прославишься.

– Я собираюсь в летний лагерь. Дам тебе адрес. Напишешь мне письмо, Фрэнсис?

– Я иду в девятый класс, в Восточном районе. Пойдем со мной!

– О, девятый класс!

– О, Восточный район.

– Эразмус-холл – лучшая школа. Пойдем туда со мной, Фрэнсис, и будем дружить до самого конца школы! Я ни с кем больше не стану дружить, если ты тоже поступишь туда.

– Фрэнсис, давай я что-нибудь напишу в твой альбом!

– И я!

– И я, и я!

Они стали заполнять пожеланиями альбом Фрэнси, почти пустой.

«А они славные, – думала Фрэнси. – И я могла бы дружить с ними все эти годы. А я-то думала, что они не хотят дружить со мной. Видно, я все неправильно понимала».

Кто-то писал ей в альбом одно-два слова корявым почерком, кто-то писал пространно, витиевато. Все это были детские, немудреные стишки.

Фрэнси читала, пока они писали.

Желаю счастья много-много
Тебе на жизненной дороге.
Еще любви тебе желаю
Огромной, чистой, как слеза,
И чтобы чаще улыбались
Твои прекрасные глаза.

Флоренс Фитцджеральд

Если муж окажется занудой,
Запусти в него фаянсовой посудой,
От ворот ему дай поворот
И скорее получи развод.

Дженни Лей

Пусть судьба тебе подарит то, чего желаешь ты,
Пусть исполнятся желанья и сбываются мечты.
Если в дальней стороне станет тебе туго,
Не вздыхай и не грусти, вспомни про подругу.

Норин О’Лири.

Беатрис Вильямс написала на последней странице:

Цвети, как роза,

Пиши стихи и прозу, –

и подписалась: «Твоя коллега – писательница Беатрис Вильямс». «Тоже мне, писательница», – подумала Фрэнси, все еще переживая обиду из-за пьесы для выпускного.

Наконец Фрэнси вышла из класса. В коридоре она попросила Сисси:

– Еще минутку. Нужно еще кое с кем попрощаться.

– Что-то твое прощание затягивается, – добродушно проворчала Сисси.

Мисс Гарндер сидела за своим столом в ярко освещенном классе в полном одиночестве. Она не пользовалась популярностью, и никто не зашел к ней попрощаться. Когда Фрэнси вошла, она с надеждой посмотрела на нее.

– Так ты зашла к своей старой учительнице английского сказать до свидания?

– Да, мэм.

Мисс Гарндер не могла ограничиться этим. Она как-никак учительница.

– Что касается твоей оценки. Ты не работала в этом полугодии. Мне следовало бы поставить тебе неудовлетворительно. Но в последний момент я пожалела тебя и решила поставить удовлетворительно, чтобы ты могла окончить школу вместе со своим классом.

Она помолчала. Фрэнси тоже молчала.

– Итак? Ты не хочешь сказать мне «спасибо»?

– Спасибо, мисс Гарндер.

– Ты помнишь наш небольшой разговор?

– Да, мэм.

– Почему же тогда ты заупрямилась и перестала сдавать сочинения?

Фрэнси не знала, что сказать. Этого она не могла объяснить мисс Гарндер. Она протянула руку для пожатия:

– До свидания, мисс Гарндер.

Мисс Гарндер удивилась.

– Ну что ж, до свидания, – ответила она и пожала руку Фрэнси. – Со временем ты поймешь, что я была права, Фрэнсис.

Фрэнси молчала.

– Ты согласна, что я права? – настойчиво спросила мисс Гарндер.

– Да, мэм.

Фрэнси вышла из класса. Она перестала ненавидеть мисс Гарндер.

Она ее, конечно, не полюбила, но теперь жалела. У мисс Гарндер в жизни не было ничего, кроме сознания своей правоты.

Мистер Йенсон стоял на крыльце школы. Он сжимал руку каждого ученика в ладонях и говорил: «До свидания, да поможет тебе Бог». Фрэнси он сказал отдельно: «Будь умницей, трудись как следует и не забывай, чем обязана нашей школе». Фрэнси пообещала все исполнить.

По дороге домой Сисси сказала: «Слушай, давай не будем говорить маме, кто подарил тебе цветы. А то она разволнуется, а ей сейчас нужно заботиться о Лори».

Они решили сказать, что цветы купила Сисси. Открытку Фрэнси спрятала в пенал.

Когда мама услышала про цветы, она сказала: «Сисси, ну зачем ты так потратилась». Однако Фрэнси поняла, что мама довольна.

Полюбовались двумя дипломами, и все пришли к выводу, что диплом Фрэнси красивее – благодаря изумительному почерку мистера Йенсона.

– Это первые дипломы в семье Нолан, – сказала Кэти.

– Но не последние, – добавила Сисси.

– Лично я постараюсь, чтобы у моих детей было по три диплома на каждого, – сказала Эви. – Восемь классов, двенадцать классов и колледж.

– Через двадцать пять лет в нашей семье будет вот такая гора дипломов, – сказала Сисси, встала на цыпочки и показала рукой выше головы.

Мама взяла в руки табели. У Нили было «хорошо» по поведению и физкультуре, по остальным предметам – «удовлетворительно».

– Молодец, сынок, – похвалила его мама.

Она беглым взглядом скользнула по «отлично» в табеле Фрэнси и впилась в «удовлетворительно с минусом».

– Фрэнси! Я удивлена. Как это произошло?

– Мама, я не хочу говорить об этом.

– Главное, по английскому! Это же твой конек!

Голос Фрэнси почти сорвался, когда она повторила:

– Мама, я не хочу об этом говорить.

– Ее сочинения были лучшими в школе, – пояснила Кэти.

– Мама! – почти крикнула Фрэнси.

– Кэти, перестань! – строго приказала Сисси.

– Ну ладно, – сдалась Кэти, она вдруг осознала, что набросилась на Фрэнси, и ей стало стыдно.

Эви поспешила сменить тему разговора:

– Так как наша вечеринка? Почему медлим?

– Я уже надеваю шляпку, – отозвалась Кэти.

Сисси осталась с Лори, а Эви, мама и двое выпускников отправились праздновать в мороженицу Шифли. У Шифли было не протолкнуться от выпускников. Школьники принесли с собой дипломы, а девочки еще и букеты. За каждым столиком сидели или мама, или папа, а то и оба родителя сразу. Ноланы отыскали свободный столик в дальнем углу зала.

В кафе царила суматоха – официанты носились между столиками, родители сияли улыбками, дети шумели. Среди них попадались школьники и тринадцати, и пятнадцати лет, но в основном всем было по четырнадцать, как Фрэнси. Из мальчиков многие учились вместе с Нили, и он потратил немало времени, чтобы поприветствовать всех. Фрэнси плохо знала девочек, но все равно махала им и окликала радостно, словно закадычных подруг.

Фрэнси гордилась мамой. Другие матери с седыми волосами, растолстевшие так, что попы не умещались на стуле, не шли с ней ни в какое сравнение. Тоненькой Кэти никто не дал бы ее тридцати двух лет. Кожа гладкая, без морщин, в темных вьющихся волосах ни одного седого волоска. «Надень на нее белое платье, дай букет в руки – не отличишь от этих четырнадцатилетних выпускниц, – думала Фрэнси. – Разве что морщинка между бровей стала глубже после папиной смерти».

Они сделали заказ. Фрэнси знала на память весь ассортимент газировок. Она двигалась по алфавиту, чтобы перепробовать все. Наступила очередь персиковой, и она заказала ее. Нили выбрал, как всегда, шоколадную. Кэти и Эви заказали по ванильному мороженому.

Эви сочиняла маленькие истории про посетителей кафе, и Фрэнси с Нили хохотали. Время от времени Фрэнси поглядывала на маму. Мама не улыбалась шуткам Эви. Она медленно ела мороженое, бороздка на переносице обозначилась резче, и Фрэнси понимала, что она над чем-то глубоко задумалась.

Кэти думала: «Мои дети в свои тринадцать и четырнадцать лет знают больше, чем я в свои тридцать два. Но и этого образования недостаточно. Когда подумаю, каким неучем я была в их годы. Да что там, и после замужества, уже имея ребенка. Немыслимо. Я верила в ведьмин сглаз, в ту чепуху, которую повитуха наплела мне про женщину с рыбного рынка. Они с самого начала жизни опередили меня. Они никогда не были такими дремучими.

Я постаралась, чтобы они окончили восемь классов. Больше я ничего не могу для них сделать. Все мои планы… Нили – доктор, Фрэнси

заканчивает колледж. Все эти планы сейчас идут прахом. Малышка родилась… Хватит ли им внутренних запасов, чтобы чего-то добиться самостоятельно? Не знаю. Шекспир… Библия… Они умеют играть на пианино, но сейчас не занимаются. Я научила их трудолюбию, честности, научила не рассчитывать на благотворительные подачки. Но хватит ли им этого?

Скоро у них будут другие задачи – понравиться начальнику, поладить с чужими людьми. Начнется другая жизнь. Хорошая? Плохая? Отработав целый день, они вечерами уж не станут сидеть со мной. Нили будет пропадать со своими друзьями. А Фрэнси? У нее чтение… будет ходить в библиотеку… в театр… на бесплатные лекции или на концерт. Конечно, малышка будет со мной. Малышка. Ей будет полегче в жизни. Когда она окончит восьмой класс, старшие, может, помогут ей окончить двенадцать классов. Я тоже должна заботиться о ней больше, чем заботилась о старших. У них никогда не было ни еды вдоволь, ни нормальной одежды. Я лезла из кожи вон, но этого не хватало. Теперь вот им придется идти работать, а ведь они еще дети. О, если бы я только могла отправить их в девятый класс этой осенью! Господи, помоги! Я готова отдать двадцать лет своей жизни! Готова работать днем и ночью. Хотя это невозможно. С кем же я тогда оставлю малышку?»

Ход ее мыслей прервало пение. Кто-то затянул популярную антивоенную песню, остальные дружно подхватили:

> Я рожала сына не на убой,
> А для того, чтоб он был со мной[21].

Кэти вернулась к своим думам: «И никто нам не поможет. Никто». Вспомнился сержант Макшейн. Он прислал большую корзину фруктов, когда родилась Лори. Она слышала, что в сентябре он уволился из полиции. На следующих выборах он собирается баллотироваться в законодательное собрание штата от округа Куинс. Все были уверены, что он пройдет. Слышала Кэти и о том, что его жена совсем плоха и вряд ли доживет до победы своего мужа. «Что ж, он женится снова, – думала Кэти. – А как иначе. На женщине, которая умеет держать себя в обществе, она будет помогать ему… как обычно делают жены политиков». Кэти долго смотрела на свои натруженные руки, потом спрятала их под стол, словно застыдившись.

Фрэнси это заметила. «Мама думает о сержанте Макшейне», –

догадалась она, вспомнив, как много времени тому назад во время прогулки на корабле мама надела хлопчатобумажные перчатки, когда заговорила о Макшейне. «Она ему нравится, – подумала Фрэнси. – Интересно, она понимает это? Похоже на то. Похоже, она понимает все на свете. Держу пари, она может выйти за него замуж, если только захочет. Но пусть он не рассчитывает, что я буду звать его папой. Мой папа умер, и за кого бы мама ни вышла замуж, он будет для меня просто мистер такой-то».

Между тем песня подходила к концу:

Войне никогда не бывать,
Если матери смогут «нет» сказать.
Я рожала сына не на убой.

«…Нили, – думала Кэти. – Ему тринадцать. Если война доберется до нас, то закончится раньше, чем его призовут, слава богу».

Тетя Эви стала тихонько подпевать, передразнивая поющих:

Я рожала сына не на убой,
А для того, чтоб он тряс бородой.

– Тетя Эви, ты просто ужас что такое! – выговорила Фрэнси, заливаясь вместе с Нили смехом. Кэти вынырнула из своих мыслей, посмотрела на них и улыбнулась. Тут официант положил на столик чек, и все замолчали, воззрившись на Кэти.

«Надеюсь, она не такая дура, чтобы давать ему чаевые», – думала Эви. «Знает ли мама, что официанту положен никель на чай? Надеюсь, знает», – думал Нили.

«Как бы мама ни поступила, это будет правильно», – думала Фрэнси.

Вообще в мороженицах не принято было давать чаевые, если речь не шла об особых случаях, тогда полагалось оставить никель. Кэти увидела, что счет составлял тридцать центов. В ее старом кошельке имелась одна-единственная монета, пятьдесят центов, и она положила ее на счет. Официант взял ее, принес четыре никеля сдачи и выложил их в ряд. Он медлил, выжидая, пока Кэти заберет три из них. Она посмотрела на монеты. «Четыре буханки хлеба», – подумала она. Четыре пары глаз следили за рукой Кэти. Она недрогнувшей рукой подтолкнула монеты официанту и небрежно обронила:

– Сдачу заберите себе.

Фрэнси с трудом удержалась, чтобы не подскочить на стуле и не захлопать в ладоши: «Мама – это что-то особенное!» – мысленно восхитилась она. Официант радостно сгреб никели и бросился прочь.

– Два стакана содовой, – простонал Нили.

– Кэти, Кэти, какая глупость! – возмутилась Эви. – Держу пари, это твои последние деньги.

– Да, последние. И дипломы у нас тоже, может быть, последние.

– Мистер Макгэррити заплатит нам завтра четыре доллара, – выступила Фрэнси в защиту матери.

– И уволит нас тоже завтра, – добавил Нили.

– Значит, эти четыре доллара – все, что у вас будет, пока дети не найдут другую работу, – подытожила Эви.

– Ну и что, – ответила Кэти. – Зато мы почувствовали себя миллионерами. И всего-то за двадцать центов.

Эви вспомнила, как Кэти позволяла Фрэнси выливать кофе в раковину, и больше ничего не сказала. Она многого не понимала в поведении сестры.

Празднование заканчивалось. Алби Сидмор, долговязый сын богатого бакалейщика, подошел к их столику.

– Пойдешь-со-мной-завтра-в-кино-Фрэнси? – выпалил он на одном дыхании. – Я плачу, – торопливо добавил он.

(В кинотеатр выпускников на субботний сеанс пускали двоих за никель, нужно было только предъявить диплом.)

Фрэнси посмотрела на маму. Мама кивнула в знак согласия.

– Хорошо, Алби, – приняла приглашение Фрэнси.

– Тогда до завтра. Встречаемся в два, – он умчался.

– Твое первое свидание, – сказала Эви. – Загадай желание.

Она согнула мизинец крючком. Фрэнси зацепила свой мизинец за этот крючок.

– Хочу всегда ходить в белом платье с алыми розами в руках и чтобы мы сорили деньгами, как сегодня, – пожелала Фрэнси.

Книга четвертая

43

– Теперь ты понимаешь, что к чему, – сказала бригадирша. – Со временем будешь делать хорошие цветоножки.

Она отошла, предоставив Фрэнси самой себе; начинался первый час ее первого дня на первой настоящей работе.

Следуя указаниям бригадирши, Фрэнси левой рукой отмотала кусок блестящей проволоки длиной с фут. Одновременно правой рукой выбрала узкую полоску папиросной бумаги темно-зеленого цвета. Приложила конец полоски к влажной губке и, пользуясь пальцами обеих рук как мотальной машинкой, обмотала проволоку бумажкой и отложила ее в сторону. Получился стебелек.

Время от времени Марк, прыщеватый мальчик на побегушках, относил стебельки «лепесточницам», которые прикрепляли к ним лепестки из розовой бумаги. Затем девушка насаживала под лепестки чашечку и передавала «листовщице», которая вынимала из коробки веточку с тремя блестящими листьями, прикручивала к стеблю и передавала «доводчице», которая обматывала головку цветка полоской плотной зеленой бумаги. После того как стебель, головка, чашечка, листья соединялись вместе, казалось, что цветок таким и существовал всегда.

Спина у Фрэнси ныла, в плече стреляло. Ей казалось, что она уже сделала тысячи цветоножек. Наверняка наступило время обеда. Она оглянулась на часы и обнаружила, что прошел только час!

– Инспектор часов, – насмешливо прокомментировала девушка рядом. Фрэнси посмотрела на нее, но ничего не ответила.

Она попыталась работать более ритмично и почувствовала некоторое облегчение. *Раз.* Отложить в сторону обмотанную проволоку. *Два.* Взять новую проволоку и полоску бумаги. *Три.* Смочить бумагу. *Четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять.* Намотать бумажку на проволоку. Вскоре ритм стал автоматическим, отпала необходимость считать про себя и думать о том, что делают руки. Спина расслабилась, боль в плече прошла. Голова освободилась, и Фрэнси начала размышлять.

«И так может пройти вся жизнь, – думала она. – Работаешь восемь часов в день, обматываешь проволоку бумажкой, чтобы получить гроши,

заплатить за угол и еду, чтобы не умереть, и утром снова прийти на работу, чтобы опять делать цветоножки. Некоторые люди рождаются для этого и так проводят жизнь. Конечно, кто-то из девушек выйдет замуж, их мужья будут из тех людей, у которых такая же жизнь. Какая радость в замужестве? Появится человек, с которым можно поговорить вечером между работой и сном».

Но Фрэнси знала, что эта радость недолговечна. Она наблюдала много рабочих семей. Как только увеличивалось число детей и неоплаченных счетов, муж с женой переставали общаться, если не считать злобных перебранок. «Эти люди оказались в тупике, – думала Фрэнси. – А почему? Потому что, – Фрэнси вспомнила слова, которые часто слышала дома, – они не получили образования». Фрэнси почувствовала ужас. Может статься, она никогда не закончит двенадцать классов, навсегда останется с тем образованием, которое есть у нее сейчас. Может, всю жизнь будет обматывать проволоку… обматывать проволоку… *Раз… два… три… четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять*. Такой же беспричинный ужас охватил ее тогда, когда в одиннадцать лет она увидела в булочной Лошера, старика с грязными ногами и уродливыми пальцами. Охваченная ужасом, Фрэнси ускорила темп, чтобы заставить себя думать о том, что делают руки, и в голове не осталось места для посторонних мыслей.

– Ишь ты, работяга, – презрительно фыркнула «доводчица».

– Хочет выслужиться перед хозяином, – высказала мнение «лепесточница».

Но даже работа в ускоренном темпе скоро переключилась в автоматический режим, и голова снова освободилась. Фрэнси украдкой изучала своих соседок по длинному столу. Их было двенадцать, польки и итальянки. Самой молодой по виду лет шестнадцать, самой старшей – тридцать, все смуглые. По непонятной причине на всех черные платья, они, похоже, понятия не имели, что черный цвет не идет к смуглой коже. Только Фрэнси была одета в платье из полосатой, хорошо стирающейся ткани и чувствовала себя глупым ребенком. Глазастые работницы перехватили ее быстрые взгляды и ответили на них своеобразной травлей. Начала ее девушка, которая сидела во главе стола.

– У кого-то за этим столом чумазое лицо, – объявила она.

– Только не у меня, – ответили все девушки одна за другой.

Когда очередь дошла до Фрэнси, все прекратили работу и уставились на нее. Фрэнси не знала, что ответить, и промолчала.

– Новенькая молчит, – подвела итог предводительница. – Значит, она чумазая.

У Фрэнси кровь прилила к щекам, но она только стала работать быстрее в надежде, что они отстанут.

– У кого-то грязная шея, – началось все по новой.

– Не у меня, – ответили девушки одна за другой.

Когда дошла очередь до Фрэнси, она тоже сказала:

– Не у меня.

Но вместо того чтобы отстать от нее, девушки прицепились к этим словам и начали новый виток травли.

– Новенькая говорит, у нее шея чистая.

– Подумать только!

– Интересно, откуда ей известно? Она что, может видеть свою шею?

– Интересно, созналась бы она, что у нее шея грязная?

«Они чего-то добиваются, – недоумевала Фрэнси. – Но чего? Чтобы я разозлилась и поссорилась с ними? Или чтобы я бросила работу? Или чтобы я заплакала, как хотела та девочка в школьном дворе, которая сунула мне в лицо меловую тряпку? Но чего бы они ни добивались, они своего не получат». Фрэнси склонилась над проволоками еще ниже, ее пальцы замелькали еще быстрее.

Эта изматывающая игра продолжалась все утро, с перерывом только на те моменты, когда входил Марк, подсобный работник. Тогда девицы ненадолго оставляли Фрэнси в покое и принимались за него.

– Новенькая, ты поосторожней с Марком, – предупреждали они. – Его два раза арестовывали за изнасилование и еще раз за сутенерство.

Обвинения носили явно издевательский характер, учитывая очевидную безобидность Марка. Фрэнси видела, что несчастный парень каждый раз краснел, как кирпич, и жалела его.

Утро прошло. Когда Фрэнси уже совсем отчаялась, прозвенел звонок на обед. Девушки побросали работу, вытащили бумажные пакеты с едой, расстелили пакеты вместо салфеток и начали поедать сэндвичи, приправленные луком. У Фрэнси руки были липкие, она решила помыть их перед едой и спросила у соседки, где туалетная комната.

– Ваще не курлычет по-английски, – сказала та, кривляясь.

– Не шпрехает ни фига, – вставила другая, которая все утро дразнила Фрэнси.

– Что еще за туалетная комната? – спросила толстуха.

– Это где туалеты примеряют, – ответила острячка.

Зашел Марк забрать коробки. Он остановился на пороге, с коробками в руках, кадык у него в горле поднялся и опустился, и Фрэнси впервые услышала его голос.

– Иисус Христос умер на кресте ради таких, как вы, – взволнованно провозгласил он. – А вы даже не хотите показать новенькой, где сортир.

Фрэнси удивленно посмотрела на него. И не смогла удержаться – уж очень смешно у него это вышло, рассмеялась. Марк сглотнул, повернулся и исчез в коридоре. В тот же миг обстановка изменилась. Девушки зашептались:

– Она рассмеялась!

– Эй! Новенькая засмеялась!

– Засмеялась!

Молоденькая итальянка протянула Фрэнси руку и сказала:

– Пошли, новенькая. Я покажу тебе, где сортир.

В туалете она открыла для Фрэнси воду, выдавила жидкого мыла и внимательно наблюдала, как та моет руки. Когда Фрэнси собралась вытереть руки о снежно-белое, совершенно неиспользованное полотенце, опекунша вырвала его.

– Не вытирайся этим полотенцем, новенькая.

– Почему? Оно с виду чистое.

– Опасно. Тут есть заразные, подцепишь чего-нибудь того и гляди.

– Как же быть? – Фрэнси помахала мокрыми руками.

– Вытирайся нижней юбкой, как все.

Фрэнси вытерла руки нижней юбкой, испуганно глядя на опасное полотенце.

Вернувшись в рабочую комнату, Фрэнси обнаружила, что два ее бутерброда с колбасой уже выложены на расправленный пакет. Рядом кто-то положил аппетитный красный помидор. Девушки приветствовали ее возвращение улыбками. Та, которая дразнила ее все утро, отпила большой глоток из бутылки с виски и протянула ее Фрэнси.

– Смочи горло, новенькая, – приказала она. – Всухую сэндвичи застревают в горле.

Фрэнси отпрянула и отрицательно затрясла головой.

– Да не бойся ты! Это просто холодный чай!

Фрэнси припомнила полотенце в туалете и опять мотнула головой «нет!».

– Вот как! – воскликнула девушка. – Я знаю, почему ты брезгуешь пить из моей бутылки. В сортире Анастэйша напугала тебя. Ты ей не верь, новенькая. Хозяин распустил эти слухи про заразу, чтобы мы не пользовались полотенцами. Так он экономит каждую неделю пару долларов на прачечной.

– Вот как? Что-то я не видела, чтоб кто-то из вас вытирал руки, –

отозвалась Анастэйша.

– Черт, да нам дают на обед полчаса. Кто станет тратить время на мытье рук? Пей, новенькая.

Фрэнси отпила из бутылки. Холодный чай был крепкий, бодрящий. Она сказала «спасибо» и еще поблагодарила за помидор, но девушки сделали вид, что не понимают ее.

– Какой еще помидор?

– О чем ты говоришь?

– Помидор какой-то…

– Ой, новенькая принесла на обед помидор и не помнит…

Конечно, они дразнили ее. Но теперь в этом поддразнивании чувствовалось что-то дружеское, доброжелательное. Фрэнси было приятно, она радовалась тому, что случайно угадала, чего они добивались от нее. Оказывается, они всего лишь хотели, чтобы она рассмеялась – все так просто, а вот попробуй, сообрази.

Остаток дня тоже прошел славно. Девушки сказали Фрэнси, чтобы не очень-то надрывалась – работа сезонная, всех уволят после того, как будут выполнены осенние заказы. Чем скорее девушки их выполнят – тем скорее их уволят. Фрэнси, преисполненная гордости оттого, что удостоилась такого доверия старших и опытных работниц, послушно замедлила темп. Весь день девушки весело болтали, шутили, и Фрэнси смеялась всем шуткам подряд, и смешным, и откровенно непристойным. Совесть немного помучила ее только раз, когда она вместе с остальными подразнила Марка, этого мученика, который так и не понял, что, едва он рассмеется в ответ, его мучениям в мастерской наступит конец.

В субботу, в начале первого, Фрэнси стояла на станции Флашинг-авеню и дожидалась Нили, который должен был приехать на электричке. Она держала конверт, в котором лежали пять долларов – ее первая зарплата за неделю. Нили тоже принесет пять долларов. Они договорились встретиться и прийти домой вместе, чтобы торжественно вручить деньги маме.

Нили работал рассыльным в центре Нью-Йорка, в маклерской конторе. Джон, муж Сисси, устроил его туда через своего приятеля, который там работал. Фрэнси завидовала Нили. Каждый день он пересекал огромный Уильямсбургский мост и погружался в загадочный гигантский город, а Фрэнси шла пешком на север Бруклина, в свою мастерскую. И еще Нили обедал в ресторане. В первый день он, как и Фрэнси, взял с собой пакет с бутербродами, но все подняли его на смех, назвали бруклинской

деревенщиной. После этого мама стала давать ему каждый день пятнадцать центов на обед. Он рассказывал Фрэнси, что ел в таком месте, которое называется «кафе-автомат»: там кидаешь в машину никель, и она тебе наливает кофе сразу со сливками, и не много, и не мало, а ровно чашку. Фрэнси мечтала тоже работать там, за мостом, и обедать в кафе-автомате, а не носить с собой бутерброды.

Нили сбежал по лестнице, сжимая под мышкой плоский пакет. Фрэнси заметила, что он ставит ноги под углом, чтобы на ступеньку помещалась вся ступня, а не только пятка. Это придавало походке устойчивость. Папа тоже всегда спускался по лестнице таким способом. Нили не сказал Фрэнси, что у него в пакете, пояснил лишь, что это сюрприз. По дороге они успели заскочить в банк, который закрывался до понедельника, и попросили конторщика поменять старые однодолларовые купюры на новые.

– Зачем вам новые? – поинтересовался конторщик.

– Мы получили первую зарплату, хотим принести домой новенькие бумажки, – объяснила Фрэнси.

– Вот как, первая зарплата? – откликнулся конторщик. – Вы напомнили мне кое-что. Помню, как я принес домой свою первую зарплату. Я был тогда совсем мальчиком… работал на ферме в Мангассете, на Лонг-Айленде. Эх, господа хорошие…

И конторщик пустился в воспоминания, не обращая внимания на людей в очереди, которые нетерпеливо переминались. Свой рассказ он закончил словами:

– …И когда я вручил свою первую зарплату маме, у нее в глазах стояли слезы. Да, господа хорошие, слезы стояли у нее в глазах.

Конторщик разорвал упаковку на пачке новеньких купюр и выдал их вместо старых. Потом сказал:

– А это вам подарок от меня.

Он вынул из кассы две монеты и дал каждому по новенькому золотистому пенни.

– Новые пенни чеканки 1916 года, – объяснил он. – Самые первые в нашем районе. Не тратьте их. Сохраните на счастье.

Потом он достал из кармана пиджака две старые монеты и бросил их в кассу, чтобы возместить недостачу. Фрэнси поблагодарила его. На выходе из банка Фрэнси с Нили услышали, как мужчина, стоявший в очереди за ними, сказал конторщику, положив локоть на стойку:

– И я помню, как принес матери первую зарплату…

На улице Фрэнси подумала – интересно, теперь каждый в очереди

будет рассказывать про свою первую зарплату?

– Похоже, у всех людей, которые работали, есть одно общее воспоминание – день первой зарплаты, – сказала она.

– Ага, – согласился Нили.

Когда они повернули за угол, Фрэнси пробормотала:

– У нее в глазах стояли слезы.

Ей никогда раньше не встречалось подобное выражение, и оно запало ей в душу.

– Как это? – удивился Нили. – У слез же нет ног. Как они могут стоять?

– Это надо понимать в переносном смысле. Люди ведь говорят «все лето стояла жара».

– Слово «стоять» здесь вообще не годится.

– Годится, – возразила Фрэнси. – У нас в Бруклине все говорят «стоял» вместо «продолжался».

– Вообще-то да, – согласился Нили. – Давай пройдем по Манхэттен-авеню, неохота идти по Грэм.

– Нили, я вот что придумала. Давай снова устроим банк в жестянке, прибьем ее у тебя в шкафу, а маме ничего не скажем. Для начала положим в нее эти пенни, а если мама будет давать нам карманные деньги, то каждую неделю станем откладывать из них по десять центов. На Рождество откроем жестянку и купим подарки маме и Лори.

– И себе тоже, – уточнил Нили.

– Хорошо. Я куплю подарок тебе, а ты мне. Я скажу тебе, чего хочу, когда время подойдет.

На том и порешили.

Они шли быстрым шагом и обходили стороной детей, которые слонялись без дела после посещения лавки старьевщика. Они взглянули в сторону Карни, когда переходили Скоулз-стрит, и заметили толпу возле «Дешевого Чарли».

– Малышня, – презрительно заметил Нили, позвякивая монетами в кармане.

– А помнишь, Нили, как мы тоже ходили сдавать утиль?

– Ну, давно это было.

– Да, – согласилась Фрэнси.

На самом деле последнюю партию утиля они отнесли в лавку Карни две недели назад.

Нили протянул маме плоский пакет.

– Это тебе и Фрэнси, – сказал он.

Мама развернула. Там была коробочка кокосовых леденцов из Лофта весом в фунт.

– И заметьте, я на них не потратил ни пенни из зарплаты, – загадочно добавил Нили.

Дети попросили маму выйти на минутку в спальню, разложили десять новых банкнот на столе и позвали маму.

– Это тебе, мама, – сказала Фрэнси, делая широкий жест рукой.

– О боже! – воскликнула мама. – Даже не верится.

– И это еще не все, – сказал Нили.

Он вынул из кармана монет на восемьдесят центов и положил на стол.

– Мои чаевые за расторопность, – пояснил он. – Я всю неделю копил, не тратил. Вот только конфет вам купил.

Мама подвинула монеты обратно Нили и сказала:

– Все чаевые, какие получишь, оставляй себе на карманные расходы.

(У них и с папой был такой же договор, подумала Фрэнси.)

– Здорово! Только тогда я поделюсь с Фрэнси.

– Не надо.

Мама вынула пятьдесят центов из треснутой чашки и протянула Фрэнси.

– Вот Фрэнси на карманные расходы. Пятьдесят центов в неделю.

Фрэнси обрадовалась. Она не рассчитывала на такую огромную сумму. Дети осыпали маму благодарностями.

Кэти посмотрела на конфеты, на новенькие банкноты, потом на детей. Она закусила губу, резко повернулась и вышла в спальню, закрыв за собой дверь.

– Мама на что-то рассердилась? – прошептал Нили.

– Нет, – ответила Фрэнси. – Не рассердилась. Просто не хочет, чтобы мы видели, как она плачет.

– Откуда ты знаешь, что она плачет?

– Оттуда. Когда она смотрела на деньги, у нее в глазах стояли слезы.

44

Фрэнси проработала две недели до того, как девушек уволили. Они многозначительно переглянулись, когда хозяин объявил, что перерыв продлится всего лишь несколько дней.

– Знаем мы эти несколько дней, они длятся полгода, – сказала Анастэйша, чтобы просветить Фрэнси.

Девушки собирались наняться на фабрику в Гринпойнте: там требовались рабочие руки зимой, чтобы делать венки из искусственного можжевельника и остролиста к Рождеству. Когда и оттуда уволят, они переберутся куда-нибудь еще. И так без конца. Девушки принадлежали к кочующему рабочему классу Бруклина и в течение года перемещались из одного района в другой.

Они уговаривали Фрэнси пойти с ними на фабрику, но ей захотелось попытать счастья на другой работе. Она решила – если уж приходится работать, то нужно, когда представляется случай, перепробовать разные работы. Все равно как с газировкой – перепробовать разные вкусы.

Кэти нашла в «Уорлд» объявление о том, что требуется делопроизводитель, опыт работы не обязателен, возраст от шестнадцати лет, религия государственная. Фрэнси купила за пенни лист писчей бумаги и конверт, аккуратным почерком написала заявление и отправила письмо по указанному в газете адресу. Ей было только четырнадцать, но они с мамой рассудили, что она вполне сойдет за шестнадцатилетнюю. Поэтому в заявлении она указала, что ей шестнадцать.

Через два дня она получила ответ на бланке с волнующим логотипом: ножницы на сложенной газете, рядом – бутылочка с клеем. Письмо было из Бюро газетных вырезок, которое находилось на Канал-стрит в Нью-Йорке, мисс Нолан приглашали на собеседование.

Сисси отправилась с Фрэнси в магазин и помогла ей выбрать взрослое платье и первые в жизни лодочки на высоком каблуке. Когда Фрэнси примерила обновки, мама и Сисси поклялись, что она выглядит на все шестнадцать – если б не прическа. Косы придавали Фрэнси девчачий вид.

– Можно, я подстригусь? – взмолилась Фрэнси.

– Ты четырнадцать лет отращивала волосы, – ответила мама. – Я не позволю их отрезать.

– Мама, ты отстаешь от времени.

– Почему ты хочешь стрижку, как у мальчика?

– Проще ухаживать.

– Уход за волосами должен доставлять женщине удовольствие.

– Но, Кэти, сегодня все девушки носят стрижки, – возразила Сисси.

– Значит, они дуры. Волосы женщины – это ее тайные чары. Днем она закалывает их шпильками. А ночью, наедине со своим мужчиной, вынимает шпильки, распускает волосы, и они ниспадают, как шелковый плащ. Это секрет, который она открывает только своему мужчине.

– Да ночью все кошки серы, – сказала Сисси язвительно.

– Давай без этих твоих замечаний, – резко ответила Кэти.

– Если подстригусь, я буду походить на Ирен Кастл.

– Евреи заставляют женщин отрезать волосы после замужества, чтобы чужие мужчины не смотрели на них. Монашки прячут волосы, чтобы доказать, что их не интересуют мужчины. Зачем девушке по доброй воле отрезать волосы, когда ее никто не принуждает?

Фрэнси уже хотела ответить, но мама подвела черту:

– Разговор окончен.

– Хорошо, – сказала Фрэнси. – Так и быть. Но в восемнадцать лет я стану сама себе хозяйка. Тогда посмотрим.

– В восемнадцать хоть наголо побрейся, я слова не скажу. А до тех пор изволь…

Мама уложила косы Фрэнси вокруг головы и заколола их костяными шпильками, которые вынула из своей прически.

– Вот так!

Кэти сделала шаг назад и оглядела дочь.

– Как будто сияющая корона, – торжественно провозгласила она.

– С прической ей можно дать даже восемнадцать, – согласилась Сисси.

Фрэнси посмотрелась в зеркало. Она обрадовалась тому, что и впрямь стала выглядеть взрослее с уложенными волосами. Но она не желала сдаваться.

– У меня же голова будет болеть из-за того, что я такую тяжесть на ней таскаю, – пожаловалась она.

– Дай бог, чтобы голова у тебя болела только из-за этого, – ответила мама.

Наутро Фрэнси отправилась в Нью-Йорк в сопровождении Нили. Когда поезд миновал станцию «Марки-авеню» и въехал на Уильямсбургский мост, Фрэнси обратила внимание, что многие пассажиры привстали как по команде, а потом снова сели.

– Что они делают, Нили?

– Когда въезжаешь на мост, видно здание банка с большими часами. Вот люди и встают посмотреть, который час, опаздывают они на работу или нет. Наверно, на эти часы каждый день миллион людей смотрит, – мечтательно предположил Нили.

Фрэнси думала, что будет волноваться, когда впервые поедет через мост. Но поездка произвела на нее не такое уж сильное впечатление по сравнению с ее новым взрослым обликом.

Собеседование было коротким. Ее взяли на испытательный срок. Работа с девяти до пяти, полчаса на обед, зарплата семь долларов в неделю

для начала. Первым делом хозяин устроил ей экскурсию, чтобы показать, как работает Бюро газетных вырезок.

Десять сотрудниц сидели за длинными наклонными столами. Перед ними лежали газеты со всей страны. Газеты поступали в Бюро ежечасно из всех городов всех штатов Америки. Девушки просматривали их, обводили выбранные статьи и ставили специальные пометки со своим личным номером на первой странице сверху.

Просмотренные газеты поступали к девушке-печатнице, у нее были ручной печатный пресс с устройством, в котором заменялась дата, и набор шпонов. Она выставляла на прессе дату выхода газеты, вкладывала в него шпон с названием газеты, города и штата, где она издается, и печатала столько этикеток, сколько статей в газете было отмечено.

Затем этикетки вместе с газетой поступали к вырезальщице. Она стояла перед большим наклонным столом и вырезала отмеченные статьи острым изогнутым ножом. (Несмотря на логотип, ножницами в бюро не пользовались.) Обработанные газеты вырезальщица сбрасывала на пол, и каждые пятнадцать минут их гора вырастала ей до пояса. Специальный работник собирал эту макулатуру и увязывал в тюки.

Вырезанные статьи с этикетками поступали к наклейщице, и она приклеивала этикетки к вырезкам. Затем вырезки каталогизировали, сортировали, раскладывали по конвертам и отправляли заказчикам.

Фрэнси легко освоила технологию регистрации вырезок. Уже через две недели она помнила наизусть названия примерно двух тысяч рубрик каталога. Тогда ее стали обучать работе чтицы. Еще две недели она только и делала, что изучала карточки с запросами заказчиков, которые были более детальными, чем рубрики каталога. Когда проверка показала, что Фрэнси помнит все запросы, ей доверили читать оклахомские газеты. После нее хозяин просматривал газеты перед тем, как передать вырезальщице, и указывал на ошибки. Когда Фрэнси наловчилась так, что не нуждалась в проверке, к оклахомским газетам добавили пенсильванские. Скоро за ними последовали еще и нью-йоркские, так что она вычитывала газеты трех штатов. К концу августа Фрэнси прочитывала больше газет и отмечала больше статей, чем любая другая сотрудница бюро. Работа ей еще не наскучила, и хозяину хотелось угодить, и зрение пока было прекрасное (единственная из всех чтиц, она не носила очки), и фотографическое восприятие у нее развилось очень быстро. Она могла окинуть статью взглядом, сразу выделить ключевые слова и сделать вывод, соответствует статья запросу или нет. Фрэнси прочитывала от ста восьмидесяти до

двухсот газет в день. Сотрудница, которая занимала второе место, прочитывала не больше ста – ста десяти газет.

Да, Фрэнси была лучшей чтицей в бюро – и получала меньше всех. Хоть ей и подняли зарплату до десяти долларов в неделю, когда она перешла на читку, чтица номер два получала двадцать пять долларов, а все остальные – по двадцать. Но Фрэнси не завела дружбы с девушками, и они не откровенничали с ней, поэтому у нее не было возможности узнать, как чудовищно ей недоплачивают.

Несмотря на то что Фрэнси нравилось читать газеты и она гордилась зарплатой десять долларов в неделю, счастья это не приносило. Фрэнси очень много надежд возлагала на работу в Нью-Йорке. Когда-то ее душа трепетала даже от такой мелочи, как коричневая вазочка в библиотеке, а уж от такого гигантского города, как Нью-Йорк, она ожидала просто потрясения. И вот ничего подобного.

Первое разочарование доставил мост. Глядя на него с крыши своего дома, Фрэнси думала, что поездка по нему должна напоминать волшебный полет на невидимых крыльях над бездной. На самом же деле поездка по мосту мало чем отличалась от обычной поездки на трамвае по улицам Бруклина. Обочины моста были вымощены как улицы, по центру проложены рельсы как рельсы, и транспорт двигался, как по Бродвею. Когда сидишь в вагоне, то нет никакой разницы, едешь ты по мосту или по улице. Нью-Йорк тоже разочаровал. Да, дома выше, народу больше, а в остальном тот же самый Бруклин. Неужели и дальше все новое будет приносить разочарования, горевала Фрэнси.

Раньше она часто рассматривала карту Соединенных Штатов и мысленно путешествовала по долинам, горам, рекам и пустыням. И эти путешествия завораживали ее. Теперь Фрэнси опасалась, что и тут ее ждет огорчение. Допустим, думала она, я захочу обойти всю эту огромную страну. Выйду, скажем, в семь утра и отправлюсь на запад – она мысленно переставляла ноги. И пока я продвигаюсь на запад, мысли будут заняты ногами, а каждый следующий шаг будет звеном цепи, которая берет начало в Бруклине, так что вряд ли удастся разглядеть горы, реки, долины и пустыни, как они есть. Фрэнси заметит только то, что покажется странным потому, что похоже на Бруклин, или же потому, что на Бруклин не похоже. «Значит, в мире нет ничего нового, – с грустью решила Фрэнси. – Если и найдется что-нибудь новое или непохожее, все равно кусочек этого встречался в Бруклине, и я к этому присмотрелась и не смогу распознать при встрече». Подобно Александру Македонскому, Фрэнси сокрушалась, что не осталось незавоеванных земель.

Фрэнси постепенно приспособилась к ритму Нью-Йорка, где счет шел на доли секунды. Дорога до бюро выматывала все нервы. Если прийти на работу минутой раньше девяти, все в порядке. А если хоть на минуту позже, то рискуешь стать козлом отпущения для хозяина, случись у того плохое настроение. Поэтому Фрэнси научилась разумно расходовать секунды. Задолго до остановки она начинала прокладывать себе дорогу к выходу из вагона, чтобы ее одной из первых вытолкнули на платформу, когда двери откроются. Выскочив из вагона, она бежала как подстреленная, огибая толпу, чтобы одной из первых ступить на лестницу и выйти на улицу. По дороге она прижималась к зданиям, что позволяло быстрее огибать углы. Улицы она переходила по диагонали, чтобы выгадать пару шагов. Войдя в здание, она заскакивала в лифт, не обращая внимания на крик лифтера: «Мест нет». И все эти ухищрения ради того, чтобы прийти на минуту раньше, а не позже девяти!

Однажды Фрэнси вышла из дома на десять минут раньше обычного, чтобы иметь запас времени. И хотя необходимость спешить отпала, она вела себя точно так же: проталкивалась к выходу из вагона, взлетала по лестнице, расчетливо переходила улицы и заталкивалась в переполненный лифт. В результате пришла за пятнадцать минут до начала рабочего дня. В большом зале никого не застала, и ей стало грустно и одиноко. Когда за несколько секунд до звонка стали вбегать сотрудницы, Фрэнси почувствовала себя предательницей. На следующий день она поспала дополнительные десять минут и вернулась к своему обычному режиму.

Из всех сотрудниц бюро только Фрэнси жила в Бруклине. Остальные ездили из Манхэттена, Хобокена, Бронкса, одна девушка добиралась из Бэйонна, что в Нью-Джерси. Самые старшие чтицы в бюро, две сестры, когда-то приехали из Огайо. В первый день одна из сестер сказала Фрэнси: «У тебя бруклинский акцент». Это прозвучало обидно, словно осуждение, и Фрэнси стала следить за своей речью. Старалась произносить слова четко, не глотать звуки и не окать.

Было только два человека в бюро, с которыми она могла общаться без напряжения. Во-первых, это сам хозяин. Он окончил Гарвард и хотя произносил широкое «э» вместо узкого, речь его была понятной, и слова он употреблял человеческие – в отличие от чтиц, которые окончили только среднюю школу, но за годы чтения понахватались разных заковыристых словечек. Во-вторых, это мисс Армстронг, которая тоже окончила колледж, как и хозяин.

Мисс Армстронг находилась в привилегированном положении – она специализировалась на газетах крупных городов. Ее стол стоял отдельно

в самом лучшем углу комнаты, окна, выходившие на север и восток, давали идеальное освещение для чтения. Она читала только газеты, выходившие в Чикаго, Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке. Специальный посыльный доставлял ей все нью-йоркские газеты, едва они покидали типографию. Прочитав свои газеты, она не обязана была, как остальные девушки, помогать другим. Она вязала или полировала ногти, дожидаясь следующей партии газет. Она получала самую большую зарплату – тридцать долларов в неделю. Мисс Армстронг была добра, благоволила Фрэнси и старалась втянуть ее в разговор, чтобы та не чувствовала себя чужой.

Однажды в туалете Фрэнси услышала от девушек, что мисс Армстронг – любовница хозяина. Фрэнси знала, кто такие любовницы, но никогда не встречала этих сказочных существ в жизни. Она тут же с особым интересом принялась изучать мисс Армстронг в свете полученной информации. Красавицей мисс Армстронг не назовешь, она скорее напоминала обезьяну – большой рот, широкие ноздри, да и фигура так себе. Фрэнси посмотрела на ее ноги. А вот ноги изумительные, стройные, с изящными икрами. Чулки из чистого шелка и дорогие лодочки на высоком каблуке, которые подчеркивают высокий подъем. «Значит, чтобы стать любовницей, надо иметь красивые ноги», – сделала вывод Фрэнси. Она перевела взгляд на собственные ноги, длинные и тощие как палки. «Похоже, мне это не грозит». Фрэнси вздохнула и примирилась с перспективой добродетельной жизни.

В бюро существовало классовое расслоение – вырезальщица, печатница, наклейщица, упаковщик и рассыльный составляли свой кружок. Эти люди, малограмотные, но смышленые, почему-то называли себя Клубом и считали, что более образованные чтицы смотрят на них свысока. В отместку они старались причинить чтицам как можно больше неприятностей.

Фрэнси страдала от раздвоенности. По своему происхождению и образованию она принадлежала к Клубу, но по способностям и уму относилась к чтицам. Членам Клуба хватило проницательности, чтобы почувствовать эту внутреннюю раздвоенность, и они попытались использовать Фрэнси в своих интересах. Они пересказывали ей разные животрепещущие слухи в надежде, что она поделится ими с чтицами и в бюро начнутся склоки. Но Фрэнси не настолько дружила с чтицами, чтобы обмениваться сплетнями, и слухи не шли дальше нее.

Когда однажды вырезальщица сообщила Фрэнси, что мисс Армстронг увольняется в сентябре и на место главной чтицы прочат ее, Фрэнси, то

Фрэнси решила, что это очередной слух, который запущен, чтобы возбудить зависть в чтицах – ведь все они мечтали получить место мисс Армстронг, если оно вдруг освободится. Фрэнси сочла совершенной нелепостью, что ей, четырнадцатилетней девчонке с неполной средней школой, могут доверить работу, которую выполняла мисс Армстронг, тридцатилетняя женщина, окончившая колледж.

Август приближался к концу, и Фрэнси начала беспокоиться из-за того, что мама до сих пор ни словом не обмолвилась про девятый класс. Ей отчаянно хотелось пойти в школу. Все годы мать, бабушка, тетки вокруг нее твердили про важность образования, и эти разговоры заразили ее не только желанием получить это самое образование, но и комплексом неполноценности – она полагала, что восьмилетки недостаточно, чтобы считаться образованным человеком.

Фрэнси с нежностью вспоминала девочек, которые писали пожелания ей в альбом. Ей хотелось вернуться к ним. Все они вышли из одной среды, а теперь их пути разошлись. Фрэнси полагается ходить в школу вместе с девочками, а не работать, соперничая со взрослыми женщинами.

Ей не нравилось ездить на работу в Нью-Йорк. Она вздрагивала оттого, что вокруг кишели толпы людей. Она чувствовала, что ее выталкивают в ту жизнь, к которой она еще не готова. Больше всего она боялась переполненных электричек.

Однажды, когда Фрэнси стояла, уцепившись за петлю над головой, сдавленная со всех сторон так, что не могла ни шевельнуться, ни подвинуться, она почувствовала прикосновение мужской руки к своей. Как она ни извивалась и ни выкручивалась, избавиться от этой руки не удавалось. Когда на поворотах вагон заносило и толпа сжималась сильнее, мужская рука тоже сжималась крепче. Повернуть голову, чтобы посмотреть, чья это рука, Фрэнси не могла. Она молча страдала от беспомощности и унижения. Можно было бы закричать, возмутиться, но мешал стыд, что все узнают про ее позор. Казалось, прошла целая вечность, пока в вагоне не стало посвободнее, и Фрэнси смогла перейти в другой конец. После этого поездки в переполненном вагоне стали вызывать у нее панический ужас.

Как-то в воскресенье они с мамой взяли Лори и пошли проведать бабушку. Фрэнси рассказала Сисси о том мужчине в электричке в надежде, что Сисси даст совет, как быть. Но тетушка нашла эту историю ужасно забавной.

– Итак, мужик приставал к тебе в электричке, – сказала она. – Не вижу

повода для тревоги. Напротив. Это значит, что ты приобретаешь формы, а есть мужчины, которые не могут устоять перед женскими формами. Подумать только, как я постарела! Сто лет никто не приставал ко мне в электричке. А было время, когда я после поездки возвращалась домой вся в синяках – ни один мужик не мог удержаться, чтобы меня не ущипнуть.

– Не понимаю, чем тут хвастаться! – воскликнула Кэти.

Сисси пропустила мимо ушей эту реплику.

– Наступит день, Фрэнси, когда тебе исполнится сорок пять, и фигура у тебя будет, как перепоясанный мешок с овсом. Тогда ты оглянешься назад и не раз припомнишь те деньки, когда мужчинам хотелось тебя потискать.

– Если она и припомнит эти деньки, то только из-за твоей болтовни, а не из-за того, что такие воспоминания греют душу, – сказала Кэти и потом обратилась к Фрэнси: – А ты приучись стоять в вагоне прямо и не держаться рукой за петлю. Опусти руки, а в карман спрячь длинную острую булавку. Если увидишь, что мужчина тянет к тебе руку, ткни его как следует булавкой.

Фрэнси поступила, как посоветовала Кэти. Она научилась удерживать равновесие, не цепляясь за петлю. В кармане лежала наготове длинная булавка. Фрэнси с нетерпением поджидала добычу. Она надеялась, что сумеет булавкой отразить покушение. «Сисси может сколько угодно рассуждать про женские формы и про мужчин. Но мне вовсе не хочется, чтобы меня тискали исподтишка. А когда мне исполнится сорок пять, то, надеюсь, мне будет что вспомнить кроме того, как меня тискали в электричке. Как не стыдно Сисси… Что со мной не так, в самом-то деле? Я критикую Сисси – Сисси, которая сделала мне столько добра. Я недовольна своей службой, а ведь должна благодарить Бога за такую интересную работу. Подумать только – мне платят деньги за то, что я *читаю*, а ведь я и так больше всего на свете люблю читать. И Нью-Йорк все считают самым удивительным городом на свете, а я никак не могу его полюбить. Можно подумать, что я самый неблагодарный человек на свете. Если бы снова стать маленькой, когда все так восхищало!»

Незадолго до Дня труда хозяин вызвал Фрэнси в кабинет и сообщил, что мисс Армстронг выходит замуж и поэтому увольняется. Прокашлявшись, он добавил, что если говорить конкретней, то замуж она выходит за него.

Представление Фрэнси о любовницах зашаталось и рассыпалось. Она-то была уверена, что мужчины на любовницах никогда не женятся – бросают их, как старые перчатки. И вот на тебе – мисс Армстронг ожидает

участь жены, а не старых перчаток. Чудеса!

– Поэтому нам нужна новая чтица на место мисс Армстронг для обработки прессы крупных городов, – продолжал хозяин. – Мисс Армстронг сама порекомендовала вас… чтобы мы взяли вас на испытательный срок, мисс Нолан.

Сердце в груди у Фрэнси так и подпрыгнуло. Подумать только, она – главная чтица! Самая почетная работа в бюро! Значит, это не пустая болтовня, члены Клуба говорили правду. Еще один предрассудок рухнул. Она полагала, что слухи всегда бывают ложными.

Хозяин планировал назначить ей зарплату пятнадцать долларов в неделю, в надежде получить такую же хорошую чтицу, как его будущая жена, за полцены. Девчонка и так должна прыгать от гордости – самая молодая в бюро, и уже… пятнадцать долларов. Она сказала, что ей исполнилось шестнадцать. Выглядит на тринадцать. Вообще-то ему наплевать, сколько ей лет, если она справляется с обязанностями. Привлечь к ответу за нарушение закона о найме детей его не смогут. Он просто скажет, что она обманула его, скрыла свой настоящий возраст.

– На новой работе и зарплата будет новая, – сказал он милостиво.

Фрэнси радостно улыбнулась в ответ, и он расстроился. «Может, я поспешил? Может, она и не рассчитывала на прибавку зарплаты», – подумал он и попробовал исправить оплошность:

– Вас ждет небольшая прибавка, но после испытательного срока, разумеется.

– Я даже не знаю… – растерянно произнесла Фрэнси.

«Все-таки ей уже исполнилось шестнадцать, – решил хозяин. – И она хочет выбить из меня прибавку».

Чтобы опередить ее, он сказал:

– Дадим вам пятнадцать долларов в неделю, для начала…

Сказав, он тут же засомневался. Какой смысл в подобной щедрости?

– Но с первого октября.

Он откинулся на спинку стула и почувствовал себя великодушным, как Господь Бог.

– Я не уверена, что останусь у вас.

«Она выжимает из меня прибавку», – подумал он, а вслух спросил:

– Отчего же?

– Может быть, после Дня труда я пойду учиться. Хотела сказать вам, когда все решится.

– В колледж?

– Нет, в школу.

«Придется поставить Пински на это место, – подумал он. – А она уже сейчас получает двадцать пять, значит, захочет, тридцать, и я останусь при своем интересе. А эта Нолан куда лучше, чем Пински. Черт подери Ирму! С чего она вбила в голову, что замужней женщине не пристало работать? Работала бы себе и работала, деньги в семью приносила… На дом накопили бы».

Фрэнси он сказал:

– Мне очень жаль, если вы уйдете! Не то чтобы я противник образования. Но я считаю, что чтение газет дает прекрасное образование, ей-богу. Это живое образование, которое шагает в ногу со временем, учит жизни. А школа… там всего лишь книжки. Мертвые, пыльные, – презрительно выговорил он.

– Мне нужно… нужно посоветоваться с мамой.

– Конечно. И передай ей, что твой начальник сказал насчет образования. И еще передай, – он прикрыл глаза и пошел ва-банк: – Передай маме, что тебе будут платить двадцать долларов в неделю. С первого ноября.

Все же он решил выиграть хотя бы месяц.

– Ой, целая куча денег, – простодушно сказала Фрэнси.

– Мы полагаем, что нужно платить нашим сотрудникам хорошо, чтобы они оставались с нами. И еще… мисс Нолан, пожалуйста, ни с кем не обсуждайте вашу зарплату. Таких бешеных денег мы никому не платим, – соврал он. – И если другие узнают, сколько вы получаете, то…

Он развел руками, демонстрируя свою беспомощность в такой ситуации.

– Короче, вы меня понимаете? Никаких пересудов в туалете.

Фрэнси в порыве благодарности заверила его, что никогда ни о чем не проболтается в туалете. Хозяин начал подписывать бумаги, давая понять, что разговор окончен.

– Хорошо, мисс Нолан. Ждем вашего решения после Дня труда.

– Да, сэр.

Двадцать долларов в неделю! Фрэнси была потрясена до глубины души. Еще два месяца назад она была счастлива, получая пять долларов в неделю. Дядя Вилли получает всего восемнадцать, а ему уже сорок лет. Джон, муж Сисси, человек толковый, а получает двадцать пять долларов в неделю. Мало кто из мужчин в их районе получал двадцать долларов в неделю, а ведь у всех у них были семьи.

«С такими деньжищами мы заживем совсем по-другому, – думала Фрэнси. – Сможем переехать в трехкомнатную квартиру, маме не придется

работать, и Лори не будет оставаться одна. Наверное, меня здорово зауважают, если я смогу так устроить нашу жизнь.

Но я хочу учиться!»

Она вспомнила, как все в их семье помешаны на образовании.

Бабушка: Это вознесет тебя над поверхностью земли.

Эви: Каждый из троих моих детей получит три диплома.

Сисси: Когда мама покинет нас – молю Бога, чтобы это случилось как можно позже, – а девочка подрастет и пойдет в детский сад, я вернусь на работу. А зарплату буду класть на счет в банк, и, когда малышка Сисси вырастет, она сможет поступить в самый лучший колледж.

Мама: Я не хочу, чтобы мои дети работали в поте лица всю жизнь, как я. С образованием они найдут работу получше и полегче.

«Конечно, у меня уже и так есть прекрасная работа, – размышляла Фрэнси. – Однако это до поры до времени. На этой работе я испорчу зрение. Все чтицы старше меня носят очки. Мисс Армстронг говорила, что работать можно, пока зрение позволяет. Другие чтицы поначалу тоже быстро читали. Как я. А теперь глаза у них не те… Нужно беречь зрение.

Если мама узнает, что мне предлагают двадцать долларов в неделю, она, может, передумает посылать меня в школу, и ее можно понять. Мы столько лет бедствовали. Мама очень справедливая, но вдруг перед такими деньгами не устоит и передумает, и я пойму, я не стану ее винить. Лучше не буду говорить ей про новую зарплату, пока она не примет решения насчет школы».

Фрэнси заговорила с мамой про школу, и мама сказала – да, этот вопрос нужно обсудить. Сделают это вечером после ужина.

После того как они допили вечерний кофе, Кэти зачем-то объявила, что на следующей неделе начнутся занятия в школе (это и так всем известно).

– Я хочу, чтобы вы оба продолжили учебу, но вышло так, что этой осенью сможет пойти в школу только один из вас. Я откладываю каждый лишний цент из денег, которые вы получаете, и в следующем году вы оба сможете учиться.

Кэти помолчала немного. И еще немного. Дети тоже молчали.

– Так что же? Вы хотите продолжить учебу или нет?

Губы плохо слушались Фрэнси, когда она заговорила. Вся ее судьба зависела от мамы, и нужно, чтобы ее слова произвели правильное впечатление.

– Да, мама. Я хочу продолжить учебу, сейчас даже больше, чем

раньше.

– А я не хочу, – ответил Нили. – Пожалуйста, не заставляй меня снова ходить в школу, мама. Мне нравится работать, и мне с января прибавят зарплату на два доллара.

– Разве ты не хочешь быть врачом?

– Нет. Я хочу быть брокером и зарабатывать кучу денег, как мои начальники. Когда-нибудь я сорву куш на бирже и стану миллионером.

– Мой сын будет знаменитым врачом.

– С чего ты взяла? Может, я буду, как доктор Хеллер с Майер-стрит – кабинет в подвале, вечно грязная рубашка. Да и вообще, я и так много знаю. Хватит с меня. Мне больше не надо учиться.

– Итак, Нили не хочет идти в школу, – сказала Кэти. Она обратилась к Фрэнси почти умоляющим голосом: – Ты ведь понимаешь, что из этого следует, Фрэнси.

Фрэнси закусила губы. Только бы не расплакаться. Нужно сохранять спокойствие. Нужно сохранять ясность мысли.

– Из этого следует, что *Нили обязан пойти в школу*, – закончила мама.

– Не пойду! – крикнул Нили. – Говори что хочешь, а я все равно туда не пойду! Я работаю, деньги зарабатываю, я хочу и дальше работать. Я сейчас как взрослый. А пойду в школу, снова стану маленьким. И потом, тебе же нужны мои деньги, мама. Мы не хотим снова голодать.

– Ты вернешься в школу, – тихо сказала Кэти. – Нам хватит денег, которые зарабатывает Фрэнси.

– Почему ты заставляешь его идти в школу, хотя он не хочет? – крикнула Фрэнси. – А меня не пускаешь, хоть я так хочу?

– Вот именно, – поддакнул Нили.

– Потому что, если сейчас я не заставлю его, он уже никогда не вернется к учебе, – ответила мама. – А ты, Фрэнси, из кожи вон вылезешь, но не сдашься, продолжишь учебу. Ты и так не пропадешь.

– Откуда у тебя такая уверенность? – возразила Фрэнси. – Через год я буду уже старая для школы. А Нили только тринадцать, он и через год сможет пойти.

– Чепуха. Через год тебе будет всего лишь пятнадцать лет.

– Семнадцать, – поправила Фрэнси. – Слишком поздно идти в школу.

– Что за дурацкое заявление?

– Ничуть не дурацкое. На работе все думают, что мне шестнадцать. Я должна выглядеть и вести себя, как будто мне шестнадцать, а не четырнадцать. Через год мне будет пятнадцать по документам, но семнадцать по образу жизни. Слишком поздно снова становиться девочкой-

школьницей.

– Короче, Нили пойдет в школу на следующей неделе, а Фрэнси в следующем году, – упрямо повторила Кэти.

– Ненавижу вас! – крикнул Нили. – Обеих ненавижу! Если отправите меня в школу, я убегу из дома. Вот увидите!

И Нили выбежал, хлопнув дверью.

Лицо Кэти осунулось от огорчения, и Фрэнси стало жаль ее:

– Не бойся, мама. Никуда он не убежит. Просто пугает.

Увидев облегчение, которое тут же отразилось на лице матери, Фрэнси разозлилась:

– Он не уйдет. А вот я уйду, это я тебе обещаю. Как только ты перестанешь нуждаться в моих деньгах, я уйду от тебя.

– Что за бес вселился в моих детей, ведь они всегда были такие послушные? – насмешливо спросила Кэти.

– Это не бес, это возраст.

На озадаченный взгляд матери Фрэнси ответила:

– Кстати, мы так и не оформили документы для работы.

– Но это очень хлопотно. Священник просит по доллару за каждое свидетельство о крещении, и потом, мне пришлось бы ехать с вами в мэрию. А я тогда кормила Лори каждые два часа и не могла поехать. Проще сказать, что вам по шестнадцать лет, и не возиться с документами.

– Это правильное решение. Но если мы говорим, что нам шестнадцать, то ты и относись к нам как к взрослым, а не обращайся как с детьми.

– Как жаль, что вашего отца нет с нами. Он умел находить с тобой общий язык, а я тебя совсем не понимаю.

Сердце Фрэнси сжалось от боли. Когда боль отпустила, она сообщила матери, что с ноября ее зарплата удвоится.

– Двадцать долларов! – Кэти открыла рот от удивления. – Бог ты мой!

Она всегда так говорила, когда что-то ее поражало.

– Когда тебе сообщили?

– В субботу.

– А ты мне ничего не сказала.

– Не сказала.

– Считала, что из-за этого я передумаю отправлять тебя в школу.

– Да.

– Но я ничего не знала об этом, когда решила, что первым в школу пойдет Нили. Ты должна понять, что это единственно правильное решение и твои деньги тут ни при чем. Ты понимаешь это? – умоляюще спросила Кэти.

– Нет, не понимаю. Я понимаю только одно – ты любишь Нили больше, чем меня. Ты все делаешь ради него, а мне говоришь, что я и так не пропаду. В один прекрасный день я проучу тебя, мама. Я поступлю так, как сама считаю правильным, и, боюсь, тебе это не понравится.

– А вот я не боюсь, потому что верю в свою дочь – она никогда меня не подведет, – сказала Кэти с таким достоинством, что Фрэнси стало стыдно за себя. – И в своего сына я тоже верю. Сейчас он злится из-за того, что не смог настоять на своем. Но он одумается и будет хорошо учиться в школе. Нили хороший мальчик.

– Да, он хороший мальчик, – согласилась Фрэнси. – Но, даже будь он плохой, ты все равно бы его любила. А меня…

Голос Фрэнси задрожал, и она расплакалась.

Кэти тяжело вздохнула, но ничего не сказала. Она встала из-за стола и стала собирать посуду. Ее рука потянулась за чашкой, и Фрэнси заметила, что впервые в жизни рука матери дрожит. Из-за дрожи Кэти не могла ухватить чашку, и Фрэнси подала ее. На чашке была большая трещина.

«Наша семья раньше была как новая чашка, – думала Фрэнси. – Целая, прочная, она выдерживала все удары. После папиной смерти пролегла трещина. А после сегодняшней ссоры она стала глубже. Скоро от нее в разные стороны разойдутся новые трещины, чашка разобьется, а мы разлетимся, как осколки, и больше никогда не будем вместе. Я не хочу этого, и все же я сознательно углубила трещину». Фрэнси вздохнула так же тяжело, как Кэти.

Мать подошла к бельевой корзине, в которой Лори мирно спала, не обращая внимания на бурный спор. Фрэнси смотрела, как мать все еще дрожащими руками взяла спящего ребенка, села в свое кресло-качалку у окна, прижала дочь к груди и стала баюкать.

Фрэнси почти ослепла от жалости. «Зачем я набросилась на нее, – думала она. – Что она видела в жизни, кроме тяжкой работы и нищеты? А теперь она ищет утешения у своего ребенка. Может, думает, что Лори, которую она так любит, вырастет и тоже взбунтуется против нее, как я сейчас».

Фрэнси неловко дотронулась рукой до материнской щеки.

– Все хорошо, мама. Я не хотела тебя обидеть. Ты права, я поступлю, как ты сказала. Нили должен пойти в школу, и мы сделаем все, чтобы он ее окончил.

Кэти положила свою ладонь сверху на руку Фрэнси.

– Моя славная девочка, – сказала она.

– Не сердись на меня, мама, из-за того, что я спорила с тобой. Ты же

сама учила, что свою правоту надо защищать, а я… я думала, что я права.

– Понимаю. Я рада, что ты способна защищать свою правоту. Ты настоящий борец, и ты выдержишь все. В этом ты похожа на меня.

«В том-то и проблема, – думала Фрэнси. – Мы слишком похожи, поэтому не понимаем друг друга – для этого нужно прежде понять себя. Мы с папой совершенно разные люди, потому и понимали друг друга. Мама понимает Нили, потому что он совсем не похож на нее. Хотелось бы мне так же отличаться от нее, как Нили».

– Значит, между нами все хорошо, как прежде? – с улыбкой спросила Кэти.

– Конечно, – Фрэнси улыбнулась в ответ и поцеловала мать в щеку.

Но в глубине души каждая понимала, что между ними все изменилось и никогда уже не будет хорошо, как прежде.

45

Снова приближалось Рождество. Но в этом году у них имелись деньги на подарки, ледник ломился от продуктов, а в квартире было жарко натоплено. Как-то раз, зайдя с мороза домой, Фрэнси подумала, что тепло обнимает ее, словно возлюбленный заключает в свои объятия. И тогда она призадумалась: а каково это на самом деле, оказаться в объятиях возлюбленного?

Хоть Фрэнси и не пошла в школу, ее радовало то, что благодаря деньгам, которые она зарабатывала, они зажили гораздо лучше. Мама вела себя безупречно. Когда зарплата Фрэнси выросла до двадцати долларов в неделю, мама стала оставлять ей пять долларов на проезд, обед и одежду. Кроме того, каждую неделю она клала пять долларов на имя Фрэнси в уильямсбургский сберегательный банк – на колледж для нее. На оставшиеся десять долларов и еще на доллар, который приносил Нили, Кэти умудрялась прекрасно вести хозяйство. Конечно, они не купались в роскоши, но жизнь в 1916 году была дешева, и Ноланы совсем не бедствовали.

Нили с радостью окунулся в школьную жизнь, когда обнаружил множество старых приятелей в средней школе Восточного района. После школы он работал, как раньше, у Макгэррити, и мама оставляла ему один из двух заработанных им долларов на карманные расходы. В школе он стал звездой. Карманных денег у него было больше, чем у других мальчиков, да еще он «Юлия Цезаря» знал наизусть вдоль и поперек.

Когда Фрэнси с Нили вскрыли рождественскую жестянку, в ней оказалось почти четыре доллара. Нили добавил еще один, Фрэнси пять, и у них образовалось десять долларов на подарки. Накануне Рождества они все вместе отправились за подарками, и Лори тоже взяли с собой.

Сначала пошли купить маме новую шляпку. В шляпном магазине Фрэнси и Нили стояли за маминой спиной, а она с Лори на коленях сидела на стуле и примеряла шляпки. Фрэнси хотелось для мамы бархатную шляпку малахитово-зеленого цвета, но таких в Уильямсбурге не продавали. Мама считала, что ей следует купить черную шляпку.

– Покупаем мы, а не ты, – заявила Фрэнси. – А мы считаем, что с траурными шляпками пора покончить.

– Примерь-ка вот эту, красную, – предложил Нили.

– Нет. Лучше вон ту, темно-зеленую с витрины.

– Это новый модный цвет, – пояснила хозяйка магазина, доставая шляпку с витрины. – Мы называем его моховой зеленый.

Она надела шляпку на Кэти. Та нетерпеливым движением руки сдвинула шляпку на левый глаз.

– Здорово! – оценил Нили.

– Мама, ты выглядишь прекрасно! – вынесла свой вердикт Фрэнси.

– И мне нравится, – решила мама. – Сколько стоит?

Хозяйка сделала глубокий вдох, и Ноланы приготовились к затяжному торгу.

– Поймите, это… – выдохнула хозяйка магазина.

– Сколько? – прервала ее Кэти.

– Поймите, в Нью-Йорке за такую же вы заплатите десять долларов. А у нас…

– Если я захочу заплатить за шляпку десять долларов, я поеду в Нью-Йорк.

– Разве можно так вести разговор? Точно такая же модель в Ванамэйкере стоит семь пятьдесят.

Выдержав многозначительную паузу, хозяйка закончила:

– А вам я продам эту шляпку за пять долларов.

– У меня есть ровно два доллара на шляпку.

– Тогда покиньте мой магазин! – возмущенно сказала хозяйка.

– Хорошо.

Кэти взяла ребенка на руки и поднялась со стула.

– Ну, куда вы так спешите? – Хозяйка усадила Кэти обратно и положила шляпку в бумажный пакет. – Я отдам вам ее за четыре пятьдесят. Поверьте, даже свекрови я не отдала бы за такую цену!

«Охотно верю, – подумала Кэти. – Особенно если она похожа на мою свекровь». А вслух она сказала:

– Эта шляпка хороша, но я могу потратить только два доллара. Шляпных магазинов много, и я найду там шляпку себе по карману – может, не такую хорошую, как ваша, но она сможет защитить мою голову от ветра.

– Послушайте меня, – женщина заговорила глубоким, проникновенным голосом. – Евреи говорят, что деньги – это все. Но мы же не евреи. Когда у меня есть красивая шляпка и она к лицу красивой покупательнице, со мной что-то происходит. Вот тут.

Женщина приложила руку к сердцу.

– Я забываю про деньги. Я готова отдать даром, – она вложила пакет в руку Кэти. – Четыре доллара, и шляпка ваша. Я сама заплатила за нее оптовику столько.

Хозяйка вздохнула.

– Поверьте, деловая женщина из меня не получится. Лучше буду писать картины.

И торг продолжался. Когда цена опустилась до двух пятидесяти, Кэти поняла, что это предел. Чтобы проверить, она сделала вид, что уходит, и на этот раз хозяйка не пыталась ее остановить. Тогда Фрэнси кивнула Нили. Он достал два доллара и пятьдесят центов.

– Только не говорите никому, как дешево я продала, – предупредила хозяйка.

– Не скажем, – пообещала Фрэнси. – Положите шляпку в коробку.

– Десять центов за коробку – столько я сама заплатила оптовику.

– Достаточно и пакета, – запротестовала Кэти.

– Это твой рождественский подарок, – ответила Фрэнси. – И к нему полагается коробка.

Нили достал монету. Шляпка была завернута в папиросную бумагу и уложена в коробку.

– Раз уж я пошла на такие уступки, в следующий раз за шляпкой только ко мне. Только больше не рассчитывайте на такую скидку!

Кэти рассмеялась. Когда они выходили, хозяйка магазина сказала:

– Носите на здоровье.

– Спасибо.

Когда за ними закрылась дверь, женщина прошептала: «Пошли вы к черту», и плюнула им вслед.

На улице Нили сказал:

– Неудивительно, что мама покупает новые шляпки раз в пять лет. Надо же, какая морока.

– Морока? – переспросила Фрэнси. – Развлечение, а не морока!

Затем пошли к Зеглеру за трикотажным костюмчиком для Лори. Увидев Фрэнси, Зеглер вылил на нее ушат упреков:

– Ага! Наконец-то явилась – не запылилась! Что, другие галантерейщики не угодили, и снова вспомнила про Зеглера? Может, у других манишка будет и дешевле на пенни, да с брачком, верно?

Он обратился к Кэти:

– Столько лет эта девочка приходила ко мне за манишками и воротничками для папы. И вот целый год уже носа не кажет.

– Ее отец умер год назад, – пояснила Кэти.

Мистер Зеглер со всего размаху ударил себя ладонью по лбу.

– Ой! Язык у меня такой длинный, что во рту не помещается, – расстроился он.

– Ничего страшного, – успокоила его Кэти.

– А сейчас чем интересуетесь? Что вам показать? – живо спросил он, переходя к делу.

– Трикотажный костюмчик для семимесячного ребенка.

– Есть один как раз на такой возраст.

Он вынул из коробки костюм из синей шерсти. Но когда его приложили к Лори, оказалось, что кофточка доходит только до пупка, а штанишки до колен. Стали примерять другие размеры, и наконец костюмчик, рассчитанный на двухлетнего, оказался впору. Мистер Зеглер рассыпался в похвалах:

– Я двадцать лет торгую, пятнадцать на Гранд-стрит да пять на Грэм-авеню, и ни разу – ни разу инс лебен, ни разу в жизни – не встречался мне семимесячный ребенок такого размера!

И семейство Нолан засияло от гордости.

Торговаться не пришлось, потому что в магазине Зеглера цены были фиксированные. Нили отсчитал три доллара. Они сразу же нарядили Лори в обновку. В костюме и шапочке с отворотом она выглядела чудесно. Синий цвет оттенял розовые щеки. По ее довольному виду казалось, она и сама это понимает – и улыбается всем без разбору, показывая два прорезавшихся зуба.

– Ах, ду либхен, какая милашка, – пропел Зеглер, умиленно сложив ладони. – Пусть носит на здоровье.

На этот раз пожелание не было обесценено плевком вслед.

Мама в новой шляпке и Лори в новом костюме вернулись домой, а Нили с Фрэнси продолжили рождественский поход за подарками. Они накупили мелочей в подарок своим кузенам Флиттманам и девочке Сисси.

Наступил черед заняться собой.

– Я скажу тебе, чего хочу, а ты купишь, – сообщил Нили.

– Хорошо. Что?

– Гетры.

– Гетры? – Фрэнси аж взвизгнула.

– Жемчужно-серые, – уверенно уточнил Нили.

– Ну, если тебе так угодно… – с сомнением кивнула Фрэнси.

– Размер средний.

– Откуда ты знаешь размер?

– Я вчера примерил.

Он выдал Фрэнси полтора доллара, и она купила гетры. Велела продавцу положить их в подарочную коробку. На улице она вручила коробку Нили, они обменялись неодобрительными взглядами.

– Это тебе от меня. Счастливого Рождества, – сказала Фрэнси.

– Спасибо, – официально ответил Нили. – А ты чего хочешь?

– Комплект белья из черного кружева. Выставлен в витрине магазина возле Юнион-авеню.

– Это женский магазин? – смущенно спросил Нили.

– Ну да. Размер в талии двадцать четыре, в груди тридцать два. Два доллара.

– Ты уж сама и купи. Я в такие магазины не хожу.

И Фрэнси купила вожделенный комплект – трусики и лифчик из полосок черного кружева, прошитых черными атласными лентами. Нили не оценил этот выбор и в ответ на ее благодарность мрачно буркнул «да пожалуйста».

Они проходили мимо елочного базара на углу.

– Помнишь, как мы попросили продавца бросить в нас самую большую елку? – спросил Нили.

– Еще бы! У меня с тех пор голова всегда болит в том месте, куда она угодила.

– А помнишь, как папа пел, когда тащил ее с нами по лестнице? – опять спросил Нили.

Не раз в тот день они вспоминали отца. И каждый раз Фрэнси чувствовала прилив нежности, а не приступ боли, как раньше. «Неужели я забываю его? – думала она. – Неужели наступит время, когда он сотрется в памяти? Неужели бабушка Мария Ромли права, когда твердит «время уносит все». Первый год было тяжело, то и дело мы говорили – вот первые выборы, когда он не голосовал, вот первый День благодарения, который отпраздновали без него. А теперь пойдет уже второй год после его

смерти… и с каждым годом будет все труднее помнить и удерживать в душе его след».

– Глянь-ка! – Нили дернул ее за руку и показал на двухфутовую елочку в деревянной кадке.

– Она в земле растет! – воскликнула Фрэнси.

– А ты как думала? Все деревья растут в земле, пока их не срубят.

– Знаю. Но мы-то их видим уже срубленными и считаем, что иначе не бывает. Давай купим ее, Нили.

– Уж больно она маленькая.

– Зато с корнями, вырастет.

Когда они принесли елочку домой, Кэти посмотрела на дерево, и морщинка у нее на переносице стала глубже, как всегда в задумчивости.

– Да, – кивнула она. – После Рождества выставим ее на площадку пожарной лестницы, на солнышко. Будем поливать, раз в месяц подкармливать навозом. Посмотрим, как она вырастет.

– Нет уж, мама, – возразила Фрэнси. – Давай без навоза обойдемся.

Маленькими Фрэнси и Нили собирали навоз, и это была одна из самых ужасных повинностей детства. Бабушка Мария Ромли разводила красную герань на своем подоконнике, цветы прекрасно росли и пылали алым цветом, потому что раз в месяц либо Фрэнси, либо Нили выходили с коробкой из-под сигарет на улицу и наполняли ее двумя ровными рядами лошадиных яблок. Получив коробку, бабушка платила за нее два цента. Фрэнси стеснялась этого занятия. Однажды она пожаловалась бабушке, и та ответила:

– Да, в третьем поколении кровь уже не та, пожиже стала. Когда-то в Австрии мои славные братья нагружали целые телеги навозом, выносливые были ребята да справные.

«Будешь выносливым, с такой-то работой», – подумала Фрэнси.

Кэти ответила:

– Раз у нас есть дерево, наш долг – заботиться о нем и растить. Если стесняетесь, можете собирать навоз, когда стемнеет.

– Да сейчас и лошадей-то почти не осталось, одни автомобили. Где навоза найдешь? – заспорил Нили.

– По булыжной мостовой автомобили не ездят. Когда появится лошадь, нужно немного пройтись за ней, только и всего.

– Черт возьми, я уже жалею, что мы купили это дурацкое дерево, – возмутился Нили.

– Да о чем тут говорить, – вмешалась Фрэнси. – Сейчас не прежние времена. Сейчас у нас есть деньги. Заплатим какому-нибудь ребенку во

дворе никель, и он наберет нам навозу.

– Вот именно! – согласился довольный Нили.

– Я-то думала, что вы хотите ухаживать за своим деревом своими руками, – ответила мама.

– Разница между бедными и богатыми в том, что бедные все делают своими руками, а богатые покупают руки, которые для них все делают. Мы больше не бедняки. Мы можем заплатить, чтобы за нас что-то сделали.

– В таком случае я хочу оставаться бедной. Я люблю делать все своими руками, – ответила Кэти.

Нили заскучал как всегда, когда мама с Фрэнси заводили свои философские разговоры. Чтобы переменить тему, он сказал:

– Держу пари, Лори ростом с эту елку.

Лори вынули из корзинки, сравнили с елкой.

– Тот же самый размер. Ни разу в жизни не встречался мне семимесячный ребенок такого размера, – сказала Фрэнси, подражая мистеру Зеглеру.

– Интересно, кто быстрее вырастет? – сказал Нили.

– Нили, у нас никогда не было ни щенка, ни котенка. Пусть елка будет нашим домашним любимцем.

– Дерево не может быть любимцем.

– Почему нет? Оно живое и дышит, так ведь? Дадим елке имя. Энни! Дерево Энни и девочка Лори. Вместе – как в папиной песне.

– Знаешь что?

– Что?

– Ты ненормальная, вот что.

– Я знаю, так это же замечательно! Сегодня я не чувствую себя как мисс Нолан, главная чтица Бюро газетных вырезок, которой семнадцать лет. Сегодня все как в былые времена, когда мы сдавали утиль. Сегодня я снова маленькая!

– Так и есть, – сказала Кэти. – Ты еще маленькая. Тебе только четырнадцать.

– Вот как? Ты переменишь мнение, когда увидишь, что Нили подарил мне на Рождество.

– Ты сама это выбрала, – уточнил Нили.

– Лучше покажи маме, что ты попросил купить тебе на Рождество, модник. Покажи, покажи, – настаивала Фрэнси.

Когда Нили показал свой подарок маме, ее голос взмыл вверх, как у Фрэнси:

– Гетры?!

– Чтоб ноги не мерзли, – оправдывался Нили.

Фрэнси показала свой комплект, и мама произнесла свое удивленное:

– Бог ты мой!

– Как ты думаешь, такое носят соблазнительные женщины? – с надеждой спросила Фрэнси.

– Если носят, то скоро они все вымрут от пневмонии. А теперь давайте решим, что у нас будет на ужин.

– Как, ты даже не будешь возражать? – Фрэнси была разочарована тем, что мама не устроила скандал по поводу белья.

– Нет. Все женщины проходят через увлечение черным кружевным бельем. У тебя оно началось раньше, чем обычно бывает, и, значит, раньше пройдет. Предлагаю разогреть суп, а на второе будет мясо из супа с картошкой.

«Мама считает, что ей известно все на свете», – подумала обиженная Фрэнси.

*** * ***

В день Рождества все Ноланы пошли в церковь на утреннюю службу. Кэти заказала священнику молитву за упокой души Джонни.

Мама выглядела очень хорошенькой в новой шляпке, малышка в новом костюмчике тоже. Нили в гетрах настоял на том, что, как мужчина, должен нести ребенка. Когда проходили по Стэгг-стрит, мальчишки, которые слонялись у кондитерской лавки, стали показывать пальцами на Нили и улюлюкать. Нили покраснел как рак. Фрэнси понимала, что они дразнят его из-за гетров, но, чтобы пощадить его самолюбие, притворилась, будто считает – причина в ребенке, и предложила забрать у него Лори. Нили отказался. Он не хуже Фрэнси понимал, что дело в гетрах, и в душе осуждал плебейские вкусы обитателей Уильямсбурга. Он решил по возвращении домой спрятать гетры в комод и не надевать, пока они не переедут в более культурный район.

Фрэнси мерзла в кружевных панталонах. Когда ледяной ветер распахивал полы пальто и продувал тонкое платье насквозь, ей казалось, что на ней вовсе нет белья. «Все бы отдала, чтобы на мне сейчас были мои фланелевые рейтузы, – думала она. – Мама права. Так и до пневмонии недалеко. Но я не доставлю ей радости, не пожалуюсь. Придется отложить эти панталоны до лета».

В церкви они заняли всю первую скамью – сами сели, а Лори положили рядом. Издалека ее не было видно, и припозднившиеся прихожане направлялись к их скамье. Увидев ребенка, занимавшего целых два места, они бросали на маму свирепые взгляды, но та сидела, выпрямив спину, и смотрела на них еще свирепее.

Фрэнси считала, что эта церковь самая красивая в Бруклине. Построенная из старого серого камня, с двумя шпилями, которые выделялись на фоне неба, она возвышалась выше самых высоких зданий в округе. Сводчатый потолок, узкие окна с разноцветными витражами и резные алтари превращали ее в маленький собор. Центральный алтарь вызывал у Фрэнси гордость, потому что его вырезал дедушка Ромли больше пятидесяти лет назад – тогда молодой эмигрант из Австрии отрабатывал церковную десятину.

Рачительный хозяин, он собрал древесные щепки и принес домой. Скрупулезно склеив кусочки, вырезал из церковного, освященного дерева три маленьких распятия. Мария Ромли дарила их дочерям в день свадьбы с тем, чтобы потом передали распятие старшей дочери в своей семье.

Распятие, доставшееся Кэти, висело высоко над камином. Оно перейдет к Фрэнси, когда та выйдет замуж, и Фрэнси гордилась тем, что вырезано оно из того же дерева, что и церковный алтарь.

Сегодня алтарь был украшен сплетенными можжевеловыми и еловыми ветвями, среди них мерцали золотыми точками огоньки маленьких белых свечей. За алтарной оградой стоял вертеп. Фрэнси знала, что резные фигурки Марии, Иосифа, волхвов и пастухов располагались вокруг яслей с Младенцем точно так, как сто лет назад, когда их привезли из прежней страны.

Вошел священник, за ним – мальчики-алтарники. На священнике была белая атласная риза с золотыми крестами, вышитыми на груди и спине. Фрэнси знала, что эта риза символизирует сотканный Марией бесшовный плащ, который палачи сорвали с Христа перед тем, как прибить его к кресту на Голгофе. Солдаты не пожелали разрезать плащ и, чтобы поделить его между собой, разыграли в кости, пока Иисус умирал.

Погруженная в свои мысли, Фрэнси пропустила начало службы. Она с опозданием подхватила слова молитвы, повторяя знакомый, переведенный с латинского текст.

Слава в вышних Богу, и на земле мир, среди людей – благоволение. Восхваляем Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, – пел священник зычным красивым голосом.

На всякий день благословлю Тебя и восхвалю имя Твое во веки, и в век

века, – откликался алтарник.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь, – звучало под сводами церкви.

Я войду в алтарь к Господу, – запел священник.

К Господу, который радует мою молодость, – откликнулся алтарник.

Ибо Ты – спасение мое, Господь,

Сотворивший небеса и землю.

Потом священник поклонился и прочел «Исповедую» – краткую покаянную молитву.

Фрэнси всей душой верила, что алтарь являет Голгофу и что Иисус снова приносит себя в жертву. Когда освящались Святые Дары, и хлеб превращался в Его Плоть, а вино – в Его Кровь, она верила, что священник словом, как мечом, отделяет Кровь от Плоти. И она знала, не умея объяснить этого чуда, что Иисус во всей полноте своей, Плотью, Кровью, Духом и Божественностью, присутствует в вине, налитом в золотую чашу, и в хлебе, положенном на золотое блюдо.

«Какая прекрасная религия, – размышляла она. – Хотелось бы мне ее лучше понять. Хотя нет. Я ничего не хочу понимать. Она прекрасна, потому что в ней есть тайна, потому что и сам Бог есть тайна. Иногда я говорю, что не верю в Бога. Просто иногда я злюсь на Него… Но я верю, верю! Я верю в Бога, в Иисуса, в Марию. Я плохая католичка, потому что не всегда хожу к мессе и ворчу, если священник налагает на меня тяжелое наказание за поступок, от которого я не смогла удержаться. Но я хоть и плохая, а все-таки католичка, и до конца дней ею останусь.

Конечно, я не просила о том, чтобы родиться католичкой, как не просила и о том, чтобы родиться американкой. Но я рада, что все так удачно сложилось».

Священник поднялся по витой лестнице на кафедру.

– Вознесем молитвы наши за упокой души Джона Нолана, – провозгласил он своим могучим голосом.

«Нолан… Нолан…» – отразилось эхом от церковных сводов.

Взволнованным шепотом сотни человек молились за душу Джона Нолана, которого знала разве что дюжина из них. Фрэнси тоже стала молиться за души, пребывающие в Чистилище.

Иисус Всеблагой, чье любящее сердце скорбит за всех скорбящих, сжалься над нашими усопшими братьями, души которых в Чистилище нуждаются в Господнем милосердии. К тебе взываю, умилосердись над

ними и призови к Себе на небеса…

46

– Еще десять минут – и наступит 1917 год, – объявила Фрэнси.

Они с братом сидели рядом, засунув ноги в одних чулках в кухонную печь. Мама пошла в спальню прилечь, а им строго-настрого наказала разбудить ее ровно за пять минут до полуночи.

– У меня такое чувство, – продолжила Фрэнси, – что 1917-й будет самым важным годом в нашей жизни.

– Ты говоришь так каждый год, – ответил Нили. – Сначала у тебя самым важным был 1915-й. Потом 1916-й. А теперь 1917-й.

– Да, 1917-й будет самым важным. Во-первых, мне исполнится шестнадцать лет на самом деле, а не только на работе. А во-вторых, ты разве не видишь, как все меняется вокруг. Хозяин дома протянул провода. Скоро у нас будет электричество вместо газа.

– Да, это здорово.

– И еще он собирается выбросить эти печи и сделать паровое отопление.

– Ну, я буду скучать по нашей печке. Помнишь, как в былые времена (два года назад!) я вечно сидел на плите?

– А я вечно боялась, что ты загоришься.

– Я бы и сейчас не прочь посидеть на плите.

– Давай садись.

Он сел подальше от топки. Поверхность печи приятно грела, но не обжигала.

– Помнишь, как мы писали примеры на печи, а папа принес настоящую губку, которой стирают со школьной доски, и у нас было все как в классе, только доска не висит, а лежит?

– Помню. Давно это было. Но послушай, нельзя считать, что 1917 год будет особенным потому, что нам проведут электричество и паровое отопление. Есть дома, где уже много лет электричество и паровое отопление. И что там особенного произошло? Ничего.

– В 1917 году произойдет еще одно важное событие – мы вступим в войну.

– Когда?

– Скоро. Может, через неделю, может, через месяц.

– Откуда ты знаешь?

– Брат, я читаю по двести газет каждый день.

– Надо же! Хоть бы война продлилась подольше, тогда я пойду служить во флот.

– Кто идет служить во флот?

Фрэнси с Нили вздрогнули от неожиданности и оглянулись. На пороге стояла мама.

– Мы просто разговариваем, мама, – пояснила Фрэнси.

– Вы забыли позвать меня, – упрекнула мама. – Мне кажется, я слышала гудок. Новый год наступил.

Фрэнси распахнула окно. Ночь выдалась морозная, но безветренная. Улицы притихли. Дома напротив, на другом конце двора, выглядели задумчивыми, свет в окнах, обращенных на задворки, не горел. Стоя у окна, Нолаы услышали радостный удар церковного колокола. За первым ударом последовали другие. Раздались гудки. Завыла сирена. Темные окна распахнулись. К общей какофонии добавились звуки луженых рожков. Кто-то выстрелил холостым патроном. Люди свистели и кричали.

1917!

Крики постепенно затихли, в атмосфере чувствовалось ожидание. Кто-то запел:

Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?[22]

Нолаы подхватили песню. Один за другим к ней присоединялись соседи. Все пели. Но вдруг в их пение вмешался посторонний звук. Группа немцев тоже запела. Немецкие слова вклинивались между словами «Старого доброго времени».

Ja, das ist ein Gartenhaus,
Gartenhaus,
Gartenhaus.
Ach, du schoenes,
Ach, du schoenes,
Ach, du schoenes Gartenhaus.

Кто-то крикнул: «Заткнитесь, засранцы!» В ответ немецкая песня зазвучала громче и заглушила «Старые добрые времена».

Ирландцы не остались в долгу и стали во всю глотку передразнивать немецкую песню, по темному двору разносилось:

Ах, это есть поганая песня,
Поганая песня,
Поганая песня.
Ах ты, вшивая,
Ах ты, вшивая,
Ах ты, вшивая поганая песня.

Послышался стук закрываемых окон: евреи и итальянцы покидали поле боя, предоставляя ирландцам и немцам продолжить схватку. Немцы пели энергичней, к ним присоединились все новые голоса, и скоро они задушили пародию на свою песню, как до этого задушили «Добрые старые времена». Немцы победили. Они закончили свою песню, состоявшую из бесконечного повторения одних и тех же слов, торжествующими криками.

Фрэнси дрожала.

– Не люблю немцев, – сказала она. – Они такие… такие настырные, когда им что-то втемяшится в голову. И всегда хотят быть первыми.

Снова наступила тишина. Фрэнси обняла мать и брата.

– Давайте вместе, – сказала она.

Они втроем высунулись из окна и крикнули:

– Всем счастливого Нового года!

Молчание, но через мгновение голос из темноты ответил с сильным ирландским акцентом:

– Счастливого Нового года, семейка Нолан!

– Кто это может быть? – удивилась Кэти.

– И тебе того же, ирландский придурок! – проорал Нили.

Мама зажала ему рот рукой и оттащила от окна, которое Фрэнси поспешила закрыть. Всех троих разобрал истерический смех.

– Ну, ты даешь! – задыхалась от смеха Фрэнси, на глазах у нее даже выступили слезы.

– Он знает нас, он еще вернется и покажет нам, – сквозь смех выдавила Кэти, которая придерживалась за стул, чтобы не упасть. – Кто… кто… это был?

– Старина О’Брайен. На прошлой неделе он выругал меня, грязный

ирландец…

– Тсс! – сказала мама. – Не ругайся. Ты же знаешь – как встретишь Новый год, так его и проведешь.

– Ты же не хочешь весь год повторять: «Грязный ирландец», как заезженная пластинка, правда? – спросила Фрэнси. – А потом, ты и сам ирландец.

– И ты тоже, – парировал Нили.

– Мы все ирландцы, кроме мамы.

– А я ирландка по мужу, – сказала мама.

– Так неужели мы не выпьем за Новый год? Ирландцы мы или не ирландцы, в конце концов? – воскликнула Фрэнси.

– Конечно, выпьем, – ответила мама. – Сейчас приготовлю.

Макгэррити подарил Ноланам на Рождество бутылку отличного старого бренди. Кэти налила в три высоких бокала чуть-чуть бренди, добавила молоко и взбитое с сахаром яйцо, а сверху посыпала тертым мускатным орехом.

Руки ее не дрогнули, она проделала все решительно, несмотря на то, что очень волновалась. Ее мучило опасение, что дети могли унаследовать от отца пристрастие к алкоголю. Ей хотелось выработать в семье правильное отношение к спиртному. Она понимала, что если наложит на него запрет, то ее детям, таким независимым, запретный плод может показаться очень притягательным. С другой стороны, если она будет относиться к выпивке равнодушно, то дети могут решить, что пьянство – нормальное дело. Поэтому Кэти решила пойти третьим путем: показать детям, что выпивать можно, но только в особых случаях. Новый год – именно такой случай. Она протянула бокалы детям. Очень многое зависит от их реакции сейчас.

– За что мы выпьем? – спросила Фрэнси.

– За надежду, – ответила Кэти. – Я надеюсь, что наша семья всегда будет вместе, как сейчас.

– Погодите! – сказала Фрэнси. – Нужно принести Лори, чтобы она тоже была вместе с нами.

Кэти вынула мирно спавшую Лори из кроватки и принесла в теплую кухню. Лори открыла глаза, приподняла головку, показала два зуба в сонной улыбке, а потом уткнулась Кэти в плечо и снова заснула.

– Вот теперь выпьем! – Фрэнси подняла свой бокал. – За то, чтобы быть вместе. Всегда.

Они чокнулись.

Нили отхлебнул, сморщился и сказал, что лучше выпьет просто

молока. Он вылил свой коктейль в раковину и налил в бокал холодного молока. Кэти с тревогой наблюдала, как Фрэнси осушила свой бокал.

– Вкусно, – сказала Фрэнси. – Очень вкусно. Но газировка со вкусом ванильного мороженого гораздо лучше.

«Из-за чего я переживаю? – обрадовалась Кэти. – В конце концов, в них течет столько же крови Ромли, сколько и Ноланов. А среди нас, Ромли, никогда не водилось пьющих».

– Нили, полезли на крышу, – вдруг предложила Фрэнси. – Посмотрим, как выглядит мир в новогоднюю ночь.

– Давай, – согласился тот.

– Только обуйтесь. И пальто наденьте, – сказала мама.

Они вскарабкались по шаткой деревянной лестнице, Нили откинул крышку люка, и они очутились на крыше.

Ночь была пьяняще морозная и безветренная, холодный воздух неподвижен.

Ослепительно-яркие звезды почти касались головы. Их было так много, что от их сияния небо казалось кобальтово-синим. Луна не взошла, но звезды светили ярче, чем луна.

Фрэнси встала на цыпочки и раскинула руки.

– Ох, вот бы обнять это все! – воскликнула она. – Так и хочется прижать к себе эту ночь – холодную и тихую. И звезды, такие близкие и яркие. Я сжимала бы их изо всех сил, пока не запищат: «Отпусти нас, отпусти нас!»

– Не стой на краю, – попросил Нили обеспокоенно. – А то еще упадешь с крыши.

«Мне нужен кто-то, – думала Фрэнси с жаром. – Мне нужен кто-то, чтобы обнять его крепко-крепко. И не только обнять. Мне нужен человек, который понял бы, что я чувствую в такую минуту, как эта. Объятия теряют смысл без этого понимания. Я люблю маму, и Нили, и Лори. Но мне нужен человек, которого я буду любить иначе, чем их.

Если я заговорю об этом с мамой, она ответит: «Вот как? Если у тебя появились подобные настроения, не захаживый с мальчиками в темные углы». Она, конечно, испугается, подумает, уж не собираюсь ли я пойти той же дорожкой, что и Сисси. Но нет, я не похожа на тетю Сисси, потому что мне хочется понимания даже больше, чем объятий. Если я заговорю с Эви или Сисси, они скажут то же самое, что и мама, не важно, что Сисси вышла замуж в четырнадцать, а Эви в шестнадцать. Мама была совсем девочкой, когда они выходили замуж. Но они все уже позабыли… и скажут мне, что я слишком молода для таких мыслей. Я, допустим, молода, мне только

пятнадцать. Но во многих отношениях я старше своих лет. И нет со мной рядом человека, который меня обнял бы и понял. Может быть, в один прекрасный день… может быть…»

– Нили, если нам суждено умереть, то разве не самое лучшее умереть сейчас – когда верится, что жизнь прекрасна, как прекрасна эта ночь?

– Знаешь что?

– Что?

– Ты напилась, вот что. Молочный пунш тебе в голову ударил.

Она сжала руки и шагнула к нему.

– Никогда не говори так! Не смей говорить так!

Он отступил назад, испуганный вспышкой ее злости.

– Ну ладно… ладно, чего ты, – пробормотал он. – Я и сам однажды напился.

Ее злость сменилась любопытством:

– Ты не шутишь, Нили? Честно?

– Ну да. Один парень принес как-то несколько бутылок пива, мы спустились в подвал и распили. Я выпил две бутылки и опьянел.

– И на что это похоже?

– Ну, сначала земля уходит из-под ног. А потом все начинает кружиться – знаешь, как в картонной трубке, которая продается за пенни, и ты смотришь в глазок, а там разноцветные бумажки все летают, летают и ложатся всегда по-разному. А самое главное, меня ужасно тошнило. И потом вырвало.

– Тогда я тоже однажды опьянела, – призналась Фрэнси.

– От пива?

– Нет. Прошлой весной, в парке Маккаррен, когда увидела тюльпан впервые в жизни.

– Откуда же ты узнала, что это тюльпан, если никогда раньше их не видела?

– Видела на картинках. Когда я смотрела на него, как он растет, какие у него листья, какие лепестки ярко-алые, с желтой сердцевинкой, земля ушла из-под ног, и все вокруг закружилось, как в калейдоскопе, – точно, как ты описал. Мне стало даже дурно, пришлось присесть на скамейку.

– Тебя тоже вывернуло?

– Нет, – ответила она. – И вот сейчас на крыше у меня возникло такое же чувство, как тогда, и я знаю, что пунш тут ни при чем.

– Бедная мама, – вздохнул Нили. – Но за меня она может не волноваться. Я никогда не буду пить, потому что мне не нравится, когда

тошнит и выворачивает наизнанку.

– И за меня она тоже может не волноваться. Мне не нужно пить, чтобы опьянеть. Я могу опьянеть, например, от тюльпана – или от такой ночи.

– И мне кажется, что это волшебная ночь, – согласился Нили.

– Такая тихая и яркая… почти… святая.

Она замолчала. Если бы папа сегодня был тут…

Нили запел:

Тихая ночь, святая ночь!
Все спокойно, все сияет.

«Он совсем как папа», – радостно подумала Фрэнси.

Фрэнси смотрела на Бруклин сверху. Свет звезд что-то скрадывал, что-то подчеркивал. Она смотрела на плоские крыши разной высоты, перерезанные наклонным скатом одного давно заброшенного дома. Колпачки дымовых труб тут и там… кое-где темные пятна голубятен… время от времени из них доносится сонное воркование голубей… вдали грезят о чем-то два церковных шпиля-близнеца над спящими домами… А в конце улицы – гигантский мост, который, словно вздох, летит над Ист-Ривер и теряется… теряется на другом берегу залива. Черная вода под мостом, а вдалеке – туманно-серый силуэт Нью-Йорка, словно вырезанный из картона.

– Все же другого такого города нет, – сказала Фрэнси.

– Ты о чем?

– О Бруклине. Магический город, какой-то нереальный.

– Город как город, ничего особенного.

– Он особенный! Я езжу в Нью-Йорк каждый день, и Бруклин не похож на Нью-Йорк. Однажды я ездила в Байонну, навестить заболевшую девушку с работы, и на Байонну он тоже не похож. Здесь, в Бруклине, есть какая-то тайна. Он словно… да, словно сон. Дома и улицы кажутся нереальными. И люди тоже.

– Еще какие они реальные – скандалят, орут друг на друга очень даже реально и живут в бедности и в грязи тоже реально.

– Знаешь, есть что-то нереальное в их бедности и в скандалах. Как будто на самом деле они ничего не чувствуют. Как будто все происходит

с ними во сне.

– Бруклин – самый обычный город, как все другие города, – решительно возразил Нили. – Особенный он только в твоем воображении. Но это не беда, воображай на здоровье что хочешь, если тебе так больше нравится, – великодушно разрешил Нили.

Нили! В нем так много от мамы и так много от папы, оба передали Нили то лучшее, что было в них. Фрэнси любила брата. Ей захотелось обнять его и поцеловать. Но в этом он похож на маму. Он ненавидит, когда люди выставляют чувства напоказ. Если Фрэнси потянется к нему, чтобы поцеловать, он рассердится и оттолкнет ее. Поэтому она просто протянула ему руку:

– Счастливого Нового года, Нили!

– И тебе тоже, сестра.

Они обменялись торжественным рукопожатием.

47

На короткое время рождественских праздников Ноланы словно вернулись в былые времена. Но после Нового года опять закрутилась другая жизнь, та жизнь, точкой отсчета которой стала смерть Джонни.

Во-первых, уроки музыки прекратились. Фрэнси не занималась много месяцев. А Нили играл на пианино по вечерам в соседних мороженицах и кафе. Ему прекрасно удавался регтайм, и он на глазах становился джазовым асом. Он умел заставить пианино говорить – так отзывались о его игре люди, и он пользовался большим успехом. Играл он за газировку, которую ему наливали бесплатно. Иногда Шифли платил ему доллар – если по субботам Нили играл весь вечер. Фрэнси все это не нравилось, и она решила поговорить с мамой.

– Я бы не позволяла ему играть, мама, – сказала она.

– Но какой от этого вред?

– Ты же не хочешь, чтобы у него выработалась привычка играть за бесплатную выпивку, как у… – Фрэнси осеклась, не договорив.

– Как у папы? Нет, с ним этого не случится. Твой отец никогда не пел песен, которые любил, ни «Энни Лори», ни «Последнюю розу лета». Он пел только то, что ему заказывали: «Милашку Аделину» или там «У Мельничного ручья». Нили совсем другой. Он всегда играет то, что хочет *сам*, и ему дела нет, нравится это людям или нет.

– Ты хочешь сказать, что папа был просто лабух, а Нили – артист?

– Ну… в общем, да, – сказала Кэти с вызовом.

– Мне кажется, материнская любовь заводит тебя далековато.

Кэти нахмурилась, и Фрэнси не стала продолжать разговор.

Читать Библию и Шекспира тоже прекратили, когда Нили пошел в девятый класс. Он заявил, что на уроках они и так проходят «Юлия Цезаря» и основные тексты из Библии по периодам, так что для него это уже перебор. Фрэнси отказалась от чтения по вечерам, потому что читала целыми днями на работе и глаза к вечеру уставали. Кэти не настаивала, смирившись с тем, что дети выросли и теперь им самим решать – читать или нет.

Фрэнси проводила вечера в одиночестве. Ноланы собирались вместе только за ужином, когда даже Лори сажали к столу на высоком стульчике. После ужина Нили уходил или гулять со своей компанией, или играть в кафе. Мама прочитывала газету и в восемь вечера укладывалась спать вместе с Лори. Кэти по-прежнему вставала в пять утра, чтобы сделать большую часть уборки, пока Фрэнси и Нили дома с Лори.

Фрэнси редко ходила в кино, потому что от мелькания кадров начиналась резь в глазах. Спектакли тоже не радовали. Почти все соседние театрики позакрывались. К тому же Фрэнси посмотрела на Бродвее Бэрримора в «Справедливости» и после этого потеряла вкус к местным театрам. Прошлой осенью она видела фильм, который ей очень понравился: «Военные невесты» с Назимовой. Она надеялась сходить на него еще раз, но прочитала в газетах, что из-за скорого вступления в войну фильм запрещен. Фрэнси любила вспоминать, как ходила в незнакомую часть Бруклина, в варьете Кейта, чтобы увидеть великую Сару Бернар в одноактной пьесе. Гениальной актрисе было уже за семьдесят, но на сцене она казалась вдвое моложе. Фрэнси не понимала французского языка, но она уловила, что сюжет вертелся вокруг ампутированной ноги актрисы. Бернар играла французского солдата, который потерял ногу на фронте. Фрэнси разобрала слово «бош», которое повторялось. Фрэнси не могла забыть огненно-рыжие волосы и золотой голос Бернар. Она хранила программку в специальной папке.

Но это были всего лишь три памятных вечера за долгие месяцы.

Весна в том году наступила рано, и теплые, душистые вечера бередили душу. Фрэнси бродила по улицам, по парку. И куда бы она ни пошла, всюду ей на глаза попадались парочки, юноши с девушками гуляли под ручку, сидели обнявшись на скамейках в парке, молча прижимались друг к другу в подъездах. У всех на свете, кроме Фрэнси, были возлюбленные. Похоже,

она одна во всем Бруклине одинока.

Март 1917 года. Соседи могли говорить и думать только о неизбежной войне. В доме жила вдова, у нее был единственный сын. Мать боялась, что его заберут в армию и убьют. Она купила ему корнет и заставляла брать уроки музыки – надеялась, что его пошлют в военный оркестр, играть он будет лишь на парадах и смотрах и так избежит фронта. Своими непрерывными душераздирающими экзерсисами он почти до смерти замучил жильцов дома. Один доведенный до отчаяния сосед сказал вдове, что военные оркестры ведут полки в атаку и музыканты погибают первыми. Напуганная мать немедленно отнесла корнет в ломбард, а закладную порвала. Ужасные занятия прекратились.

Каждый вечер за ужином Кэти спрашивала у Фрэнси:

– Война еще не началась?

– Нет еще. Но со дня на день начнется.

– Лучше бы уж поскорей.

– Ты хочешь войны?

– Нет. Но если войны не миновать, то чем скорее, тем лучше. Чем раньше начнется, тем раньше закончится.

И тут Сисси отколола такой номер, что на время все позабыли о войне.

Сисси, которая покончила со своим бурным прошлым, вместо того чтобы угомониться, как положено в преддверии умиротворенного среднего возраста, устроила переполох в семье – она безумно влюбилась в Джона, с которым прожила больше пяти лет. И если бы только это – она овдовела, развелась, вышла замуж и забеременела, и все это в какие-нибудь десять дней.

Как обычно, ближе к концу рабочего дня на стол Фрэнси положили «Стандард Юнион», любимую газету уильямсбуржцев. Как обычно, Фрэнси взяла ее домой, чтобы Кэти почитала после ужина. На следующий день Фрэнси приносила газету обратно в бюро, обрабатывала и размечала. Поскольку Фрэнси никогда не читала газет после работы, у нее не было возможности узнать, что пишут в этом номере.

После ужина Кэти присела у окна пролистать газету. Едва перевернув третью страницу, она воскликнула в знак предельного изумления:

– Бог ты мой!

Фрэнси и Нили подбежали и взглянули из-за ее плеча в газету. Кэти ткнула в заголовок:

ПОЖАРНЫЙ ПАЛ ГЕРОИЧЕСКОЙ СМЕРТЬЮ В ОГНЕ

ПОЖАРА У РЫНКА

Пониже мелкими буквами было написано: «В следующем месяце собирался выйти на пенсию».

Прочитав заметку, Фрэнси выяснила, что героическим пожарным был первый муж Сисси. Там же была напечатана фотография Сисси, сделанная двадцать лет тому назад: Сисси с прической «помпадур», с огромными рукавами «баранья нога», шестнадцатилетняя Сисси… Подпись под фотографией гласила: «Вдова героя-огнеборца».

– Бог ты мой! – повторила Кэти. – Значит, он так и не женился после Сисси. Значит, он хранил фотокарточку Сисси все эти годы, а когда погиб, какие-то люди нашли среди его вещей – нашу Сисси!

– Я немедленно должна идти к Сисси, – Кэти сняла передник и направилась за шляпкой, поясняя на ходу: – Джон у нее читает газеты. Она сказала ему, что разведена. Если он сейчас узнает правду, он ее убьет. Точнее, выгонит, – поправилась Кэти. – Куда ей деваться с ребенком и матерью на руках?

– Да он вроде бы порядочный человек, – ответила Фрэнси. – Не думаю, что он так поступит.

– Мы не знаем, как он поступит. Мы вообще ничего не знаем о нем. Он чужой в нашей семье и всегда был чужим. Молю Бога, чтобы не опоздать.

Фрэнси настояла, что пойдет вместе с матерью, а Нили согласился посидеть с Лори при условии, что потом ему расскажут все до последнего словечка.

Когда пришли к Сисси, она встретила их с пунцовыми от волнения щеками. Бабушка Мария Ромли забрала ребенка и закрылась в гостиной, где сидела в темноте и молилась, чтобы все обошлось.

Джон рассказал свою версию происшедшего.

– Я там работаю, да? А тут приходят эти люди и говорят Сисси: «Ваш муж погиб», да? Сисси думает, что это я погиб.

Он резко поворачивается к Сисси и спрашивает:

– Плакала, да?

– Так, что слышно было аж в соседнем квартале, – уверяет Сисси.

Он удовлетворенно кивает и продолжает рассказ:

– Они спрашивают у Сисси, что делать с телом. Сисси интересуется насчет страховки, да? Тут выясняется, что страховка на пятьсот долларов выплачена десять лет назад, и в ней до сих пор указано имя Сисси. И что же делает Сисси! Она велит отвезти его в погребальный салон Спехта, да? Закатывает похороны на пятьсот долларов!

– Должна же я была сделать какие-то распоряжения, – оправдывается Сисси. – Кроме меня, у него никого не осталось.

– И это еще не все, – продолжает он. – Теперь они, значит, собираются выплачивать Сисси пенсию. Я этого не стерплю! – вдруг переходит он на рычание, потом немного успокаивается: – Когда я женился на ней, она сказала, что в разводе. А теперь выходит, что нет.

– Вообще-то католическая церковь не признает развода, – вставляет Сисси.

– Вообще-то ты и не венчалась в католической церкви.

– Вот именно. Потому я и не считала, что замужем. Зачем же тогда разводиться?

Он поднял обе руки вверх и простонал:

– Сдаюсь!

Такой же стон безнадежного отчаяния вырвался у него, когда Сисси настаивала, что родила ребенка.

– Я так верил ей, когда женился, да? А она что? – задал он риторический вопрос. – Послушать ее – кругом права, а ведь из-за нее мы живем в грехе.

– Не надо так говорить! – возмутилась Сисси. – Мы живем не в грехе. Это называется двоебрачие.

– Но теперь мы положим этому конец, да? По первому мужу ты вдова, со вторым разведешься, и потом мы снова поженимся, как люди, да?

– Да, Джон, – смиренно согласилась она.

– И не зови меня Джон! – прорычал он. – Я Стив! Стив! Стив!

Каждый раз, повторяя свое имя, он все сильнее ударял кулаком по столу, так что синяя стеклянная сахарница с ложечкой подпрыгивала, позвякивая, соскользнула со стола и разбилась. Он ткнул пальцем в лицо Фрэнси:

– Тебя тоже касается! Теперь я дядя Стив, да?

Фрэнси, потрясенная, смотрела на преобразившегося до неузнаваемости человека.

– Ну? Как нужно говорить?

– При… привет, дядя Стив.

– Так-то лучше.

Он смягчился, снял с гвоздя у двери свою шляпу и нахлобучил ее на макушку.

– Куда ты собрался, Джон… то есть, Стив? – встревожилась Кэти.

– Слушай! Когда я был мальчишкой, мой отец всегда покупал мороженое, если в дом приходили гости. Это мой дом, да? И у меня гости,

да? Так вот, я сейчас пойду и принесу кварту клубничного мороженого, да?

И он вышел.

– Правда, он великолепен? – выдохнула Сисси. – Разве можно не влюбиться в такого мужчину!

– Кажется, наконец-то девушкам Ромли попался настоящий мужчина, – холодно прокомментировала Кэти.

Фрэнси зашла в темную гостиную. В свете уличных фонарей она разглядела бабушку, та сидела у окна и перебирала янтарные четки, девочка спала у нее на коленях.

– Можешь больше не молиться, бабушка, – сказала Фрэнси. – Все обошлось. Он пошел за мороженым, да?

– Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, – поблагодарила Мэри Ромли.

*** * ***

От имени Сисси Стив написал письмо ее второму мужу и отправил по последнему адресу, где тот жил, а на конверте указал: «Просьба переслать». В письме Сисси просила о разводе, чтобы снова выйти замуж. Через неделю пришло толстое письмо из Висконсина. Второй муж Сисси писал, что он жив-здоров, семь лет назад получил в штате Висконсин развод, сразу же еще раз женился, осел в Висконсине, где у него хорошая работа, и растит троих детей. Он сообщал, что он очень счастлив и весьма воинственно предупреждал, что намерен оставаться счастливым и впредь. В доказательство своих слов он вложил в конверт вырезку из старой газеты, в которой согласно закону опубликовал объявление о разводе, копию свидетельства о разводе, сделанную на фотостате, и снимки трех жизнерадостных детей.

Сисси очень обрадовалась, что вопрос о разводе решился сам собой, и на радостях захотела послать бывшему мужу посеребренное блюдо для закусок в качестве несколько запоздалого свадебного подарка. Она подумала, что к подарку хорошо бы приложить поздравительное письмо. Стив отказался его писать, поэтому Сисси обратилась к Фрэнси.

– Напиши, что я желаю ему счастья, – диктовала Сисси.

– Но тетя Сисси, он женат семь лет, поздно желать ему счастья, этот вопрос уже решился.

– Когда ты впервые узнаешь, что люди поженились, нужно пожелать им счастья, так велит вежливость. Так что пиши.

– Хорошо, – Фрэнси написала. – Что еще?

– Напиши что-нибудь про его детей… какие они милые… и еще вот что…

Слова застряли у Сисси в горле. Она понимала, что он вложил детские фотографии, чтобы доказать ей: она рожала мертвых детей не по его вине. Это задело Сисси.

– Напиши, что у меня растет чудесная здоровая дочь и слово «здоровая» подчеркни.

– Но Стив написал, что вы еще только собираетесь пожениться. Будет непонятно, откуда у вас взялся ребенок.

– Пиши, как я сказала! – прикрикнула Сисси. – И еще напиши, что на следующей неделе у меня родится второй ребенок.

– Сисси! Это же неправда!

– Ну и что ж, что неправда. А ты все равно напиши.

Фрэнси написала.

– Что еще?

– Поблагодари, что выслал документы о разводе. Потом напиши, что я сама развелась с ним еще за год до него. Только совсем позабыла об этом, – неубедительно добавила она.

– Это же неправда.

– Нет, я развелась с ним еще раньше, чем он со мной. Я хотела это сделать.

– Хорошо, хорошо, – уступила Фрэнси.

– Напиши, что я очень счастлива и собираюсь быть счастливой еще долго-долго. И подчеркни, как он.

– Господи, Сисси. Ты считаешь, последнее слово всегда должно остаться за тобой?

– Разумеется, считаю. Как твоя мама, Эви и ты.

На это Фрэнси ничего не возразила.

Стив, получив свидетельство о разводе, второй раз женился на Сисси. На этот раз церемония проходила в методистской церкви. Сисси впервые в жизни венчалась в церкви и наконец-то поверила, что брак у нее настоящий и только смерть их разлучит. Стив был счастлив. Он любил Сисси и всегда боялся потерять ее. Она уходила от своих мужей легко и без сожалений. Он опасался, что так же она поступит с ним, да еще и заберет с собой ребенка, к которому он привязался всей душой. Он знал, что Сисси почитала Церковь – не важно какую, католическую или протестантскую – и что она никогда не нарушит церковный брак. Впервые за все время их совместной жизни он почувствовал себя счастливым, уверенным, да еще

и хозяином положения. А Сисси открыла, что она по уши влюблена в него.

Однажды вечером Сисси пришла к Ноланам, когда Кэти уже легла спать. Сисси сказала, чтобы Кэти не вставала, она пройдет к ней в спальню, ей нужно поговорить. Фрэнси сидела за столом на кухне и разбирала старые тетрадки. Она бритвой вырезала стихи и рассказы, которые ей нравились, и вклеивала в альбомы. Таких альбомов получилось несколько. Один назывался «Книга классической поэзии для Ноланов». Другой – «Книга современной поэзии для Ноланов». Третий – «Книга для Энни Лори», здесь Фрэнси собрала детские стишки и сказки, чтобы почитать их Лори, когда та подрастет и начнет понимать.

Судя по голосам, которые доносились из темной спальни, разговор шел неспешный. Фрэнси клеила и прислушивалась. Сисси говорила:

– Стив, он такой честный и порядочный. И когда я осознала это, я просто возненавидела себя. Зачем я с ними со всеми путалась – про мужей я не говорю, конечно.

– Ты же не рассказала ему про всех? – всполошилась Кэти.

– Что я, дура набитая? Просто жаль, что он не был моим первым и единственным.

– Если женщина заводит такой разговор, значит, она стоит на пороге женского заката.

– С чего ты взяла?

– Если у женщины никогда не было любовников, то перед закатом она клянет себя за это, жалеет обо всех радостях, которые упустила и теперь уже не наверстает. Если у женщины было много любовников, то она клянет себя за то, что грешила, и сожалеет об этом. Однако она продолжает в том же духе, потому что скоро потеряет свою… свою женственность и знает это. И если она вдруг понимает, что ее отношения с мужчинами были вовсе не хороши, то, переступив порог, она, может, даже обретет умиротворение.

– Да не стою я ни на каком пороге, – раздраженно ответила Сисси. – Во-первых, я еще молода. А во-вторых, я этого просто не переживу.

– Это случается со всеми женщинами рано или поздно, – вздохнула Кэти.

– Потерять способность забеременеть… стать полуженщиной… растолстеть, – в голосе Сисси звучал ужас.

– И еще волосы начнут расти на подбородке. Да я лучше убью себя! – с горячностью воскликнула она.

– Хотя в каком-то смысле я стою на пороге, – примирительно добавила она. – Я снова в положении.

Послышался скрип кровати, и Фрэнси представила, как мама приподымается и опирается на локоть.

– Нет, Сисси! Нет! Не надо снова мучить себя. Это повторялось десять раз – и десять смертей. А на этот раз будет тяжелей, как-никак тебе уже тридцать седьмой год.

– В моем возрасте еще не поздно родить.

– Нет, но в твоем возрасте труднее пережить потерю.

– Не волнуйся, Кэти. Этот ребенок выживет.

– Ты это говорила каждый раз.

– В этот раз я уверена, потому что чувствую – Бог на моей стороне, – сказала Сисси со спокойной убежденностью и, помолчав, добавила: – Я расскзала Стиву, откуда взялась маленькая Сисси.

– И что он?

– Он всегда понимал, что я не рожала ее, но мои уверения сбили его с толку. Он сказал, что раз я не изменяла ему с другим мужчиной, все остальное не важно. И что он относится к малышке как к родному ребенку, потому что мы растим ее с рождения. Просто поразительно, как малышка на него похожа. Карие глазки, как у него, и подбородок круглый, и маленькие ушки, прижатые к голове.

– Карие глаза достались ей от Лючии, круглый подбородок и маленькие уши встречаются у миллионов людей. Но если Стив счастлив, думая, что ребенок похож на него, то и слава богу.

Последовало долгое молчание, потом Кэти спросила:

– Сисси, а тебе так и не удалось узнать у этих итальянцев, кто отец ребенка?

– Нет.

Сисси тоже помолчала прежде, чем продолжить:

– А знаешь, от кого я узнала, что есть девушка, которая попала в беду, и где она живет?

– От кого?

– От Стива.

– Бог ты мой!

Обе некоторое время молчали. Потом Кэти проговорила:

– Случайность, конечно.

– Конечно, – согласилась Сисси. – Кто-то из парней на работе рассказал Стиву, а Стив мне. Сказал, что тот парень, который рассказал, сосед Лючии.

– Конечно, случайность, – повторила Кэти. – Знаешь, у нас в Бруклине порой случаются такие странные вещи, что нарочно не придумаешь. Вот,

например, иду я по улице и вспоминаю о человеке, с которым не виделась лет пять, заворачиваю за угол – и нате, он шагает мне навстречу.

– Понимаю, – кивнула Сисси. – Иногда я делаю что-нибудь в первый раз, и вдруг появляется такое чувство, будто это уже случалось со мной раньше – возможно, в другой жизни…

Она опять помолчала и чуть погодя сказала:

– Стив всегда говорил, что он ни за что не примет ребенка другого мужчины.

– Все мужчины так говорят. Жизнь чудная штука, – ответила Кэти. – Иногда два-три события случайно совпадают, а мы готовы из-за этого насочинять с три короба. Ты совершенно случайно узнала про Лючию. Тот парень наверняка рассказал историю дюжине человек в типографии. Стив совершенно случайно рассказал тебе. Ты совершенно случайно выбрала эту семью, и по чистой случайности у малышки круглый подбородок, а не квадратный. Это даже и не случайность вовсе, это…

Кэти запнулась, подыскивая нужное слово.

Фрэнси, сидевшая на кухне, увлеклась этим разговором и совершенно забыла, что она подслушивает. Когда мама не смогла подобрать нужное слово, она неосмотрительно подсказала:

– Ты хочешь сказать – совпадение, мама?

Ответом ей стало изумленное молчание. Затем разговор возобновился – но уже шепотом.

48

На столе у Фрэнси лежала газета. Спецвыпук, ее принесли сразу из типографии. На заголовках даже краска не высохла. Газета уже пять минут лежала перед Фрэнси, а она так и не взяла в руку карандаш, чтобы разметить ее. Она не отрывала взгляд от даты.

Шестое апреля 1917 года.

Заголовок в одно слово, буквы шестидюймовой высоты. Они размазались по краям, и кажется, что слово «ВОЙНА» шатается.

Фрэнси представилась картина. Спустя пятьдесят лет она рассказывает внукам, как пришла на работу, села за читальный стол и по служебной обязанности прочитала, что объявлена война. По бабушкиным рассказам она знала, что старость состоит из подобных воспоминаний о молодости.

Но Фрэнси не хотела вспоминать. Она хотела жизнь проживать – или, на худой конец, *пере*живать, но уж никак не вспоминать.

Она решила сосредоточиться на мгновении жизни, которое происходит сейчас. Возможно, благодаря такой внимательности она научится воспринимать жизнь как настоящее, а не как материал для будущих воспоминаний.

Она наклонилась вплотную к столу и стала рассматривать зернистую поверхность дерева. Провела руками вдоль желобка, где лежали карандаши, вобрала в себя ощущение от этого желобка. Взяла бритву, сделала зарубку на карандаше и разгладила бумажку. Потом свернула ее трубочкой, прижимая указательным пальцем, наблюдая, как она закручивается. Бросила трубочку в мусорную корзину, считая секунды до ее падения. Она сосредоточенно прислушивалась, чтобы не пропустить момент, когда свернутая бумажка почти бесшумно коснется дна корзины. Потом прижала пальцы к непросохшему заголовку, изучила испачканные подушечки пальцев и оставила отпечатки на листе белой бумаги.

Не заботясь о том, что заказчиков могут интересовать первые две страницы, она оторвала от газеты титульный лист, аккуратно свернула прямоугольником, стараясь, чтобы линии сгибов были идеально ровными, вложила в плотный желтовато-коричневый конверт, в которых бюро рассылало вырезки заказчикам.

Выдвигая ящик письменного стола, чтобы достать сумочку, Фрэнси как будто впервые услышала этот звук. Она рассмотрела замок на сумочке, открыла его, прислушиваясь к щелчку. Погладила кожу, втянула ее запах и полюбовалась завитушками на черной муаровой подкладке. Изучила даты на монетах, лежавших в отделении для мелочи. Пенни, на котором было выбито «1917», она тоже положила в конверт. Открыла тюбик губной помады и обвела красной линией отпечатки своих пальцев. Яркий цвет, гладкость и запах помады доставили ей удовольствие. Тогда она исследовала пудру в пудренице, зазубрины на пилке для ногтей, складки носового платка и попыталась согнуть расческу, но безуспешно. В сумочке оказалась потертая вырезка – стихотворение из оклахомской газеты, которое ей понравилось. Его автор когда-то жил в Бруклине, ходил в бруклинскую муниципальную школу и в молодости редактировал «Бруклин Игл». Она перечитала стихотворение в сотый раз, вдумываясь в каждое слово.

Я молод и стар, глуп и умен,
Ко всем равнодушен, заботлив без меры,
Отец я и мать, дитя и мужчина,
Я с нежными нежен и с грубыми груб.

Измочаленная вырезка тоже отправилась в конверт. Глядя в зеркальце пудреницы, Фрэнси изучила свои волосы, как они заплетены в косы и уложены вокруг головы. Она заметила, что ресницы, прямые и черные, у нее разной длины. Затем наступила очередь туфель. Проведя рукой по чулкам, она впервые обратила внимание, что шелк на ощупь шершавый, а не гладкий. Ткань платья покрывали мелкие рубчики. Она отогнула подол и увидела, что рисунок на узком кружеве, которым обшита ее комбинация, имеет форму ромбов.

«Если я сохраню каждую мелочь этого мгновения, то всегда смогу его воскресить», – подумала Фрэнси.

Она отрезала бритвой прядь волос, завернула ее в лист бумаги с обведенными помадой отпечатками пальцев, положила сверток в конверт и запечатала его. Сверху она написала: «Фрэнсис Нолан, 15 лет и 4 месяца. 6 апреля 1917 года».

Она думала: «Если открою этот конверт через пятьдесят лет, я снова вернусь в это мгновение, и старости как будто и не бывало. Но пятьдесят лет – это большой, очень большой срок, миллионы часов. Однако один час уже прошел, пока я сижу здесь… жить осталось на один час меньше… один час из моей жизни нужно вычесть».

«Господи, – молилась Фрэнси. – Дай мне *прожить* каждую минуту и каждый час моей жизни. Пусть я буду веселиться, пусть буду печалиться. Пусть мне будет холодно, пусть мне будет жарко. Пусть буду голодать, пусть буду изнемогать от обжорства. Пусть буду ходить в лохмотьях, пусть буду блистать нарядами. Пусть я буду искренней и буду притворяться. Пусть буду говорить правду, пусть буду лгать. Пусть буду совершать подвиги и буду грешить. Только наполни каждый божий день, каждую божью минуту чем-то, чтобы я была *кем-то*. А когда я сплю, пусть мне постоянно снятся сны, чтобы ни один кусочек жизни не пропал зря».

Вошел мальчик-рассыльный и шлепнул ей на стол очередную газету. На этот раз заголовок состоял из двух слов:

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА!

Пол закачался, буквы перед глазами расплылись, Фрэнси положила голову на влажную от свежей типографской краски страницу и тихонько заплакала. Одна из чтиц, постарше, возвращаясь из туалета, притормозила возле Фрэнси. Она прочитала заголовок, взглянула на плачущую Фрэнси. И подумала, что все поняла.

– А, значит, война! – Она вздохнула.

– Я предполагаю, у тебя наличествует дружок или брат? – спросила она, употребляя неестественный книжный оборот, как все чтицы.

– Да, брат, – ответила Фрэнси, не покривив душой.

– Весьма сочувствую, мисс Нолан, – чтица прошла на свое место.

«Я снова опьянела, – думала Фрэнси. – На этот раз из-за газетного заголовка. Да еще устроила истерику, это никуда не годится».

Война коснулась Бюро газетных вырезок железным пальцем, а потом и вовсе уничтожила его. Началось с того, что главный заказчик, на котором держалось бюро, человек, плативший тысячи долларов в год за материалы о Панамском канале и тому подобных делах, явился через день после объявления войны и сообщил, что в течение некоторого времени у него не будет постоянного адреса, поэтому он лично будет приходить за своими вырезками.

Еще через несколько дней пришли два плотных господина с тяжелой поступью, они хотели повидать хозяина. Один из них сунул какой-то документ хозяину под нос, и тот побледнел. Он достал со стеллажа толстую пачку вырезок, предназначавшихся для главного заказчика. Плотные господа просмотрели вырезки и вернули хозяину, а тот вложил их в конверт и спрятал в свой стол. Оба посетителя засели в хозяйском туалете, оставив дверь приоткрытой. Они просидели там весь день. В обед послали рассыльного в кафе, тот принес сэндвичи и кофе в картонных стаканчиках, и они поели, не выходя из уборной. Главный заказчик пришел в четыре тридцать. Замедленным жестом хозяин протянул ему конверт с вырезками. В тот момент, когда заказчик прятал его во внутренний карман пальто, двое выскочили из уборной. Один схватил заказчика за руку. Тот вздохнул, достал из кармана конверт и протянул ему. Второй господин сжал заказчику другую руку. Тот щелкнул каблуками, поклонился и вышел, зажатый между двумя плотными господами. Хозяин ушел домой – у него начался сильнейший понос.

Вечером Фрэнси рассказала маме и Нили, как прямо у них в бюро был задержан немецкий шпион.

На следующий день пришел энергичный господин с портфелем. Он задавал хозяину множество вопросов и записывал ответы на бланке. Затем произошло самое неприятное. Хозяину пришлось выписать чек почти на четыреста долларов – причитающийся остаток в связи с досрочным прекращением заказа. После того как энергичный господин ушел, хозяин кинулся занимать деньги, чтобы возместить эту сумму.

После этого бюро стало разваливаться на глазах. Хозяин боялся брать новых клиентов, какими бы невинными они ни казались. Театральный

сезон завершился, и заказы от актеров прекратились. По весне издательства наводняли рынок новыми книгами, и это обычно обеспечивало несколько сотен пятидолларовых клиентов в лице авторов и дюжину стодолларовых в лице издателей, но этой весной книжных новинок почти не печатали. Издательства дожидались лучших времен. Многие научные работники отменили свои заказы, ожидая призыва в армию. И даже если бы количество заказов осталось прежним, Бюро не смогло бы их выполнить, потому что сотрудницы стали увольняться.

Правительство, предвидя нехватку кадров в связи с призывом мужчин в армию, срочно приступило к аттестации женщин на должности госслужащих, которая проходила в большом почтовом отделении на Тридцать четвертой авеню. Многие девушки-чтицы подали заявки, сдали экзамены и немедленно были направлены на работу. Работники физического труда, так называемый Клуб, практически одновременно ушли на военные заводы. Зарплата у них выросла втрое, а вдобавок к ней самооценка – благодаря столь бескорыстному и патриотическому поступку. Жена хозяина вернулась на работу, и он уволил всех чтиц, кроме Фрэнси.

В огромном пустом зале гуляло эхо, пока они трудились втроем. Фрэнси и жена хозяина читали, сортировали, выполняли канцелярскую работу. Хозяин кое-как вырезал статьи, неряшливо печатал этикетки и криво их наклеивал.

В середине июня хозяин сдался. Дал объявление о продаже оборудования, разорвал договор аренды помещения и одним махом решил вопрос о компенсациях клиентам, сказав: «А пусть в суд на меня подают».

Фрэнси позвонила в другое известное ей бюро газетных вырезок в Нью-Йорке и спросила, не нужна ли им чтица. В ответ услышала, что они никогда не набирают новых чтиц. «Мы дорожим своими чтицами, – назидательно сказали ей. – Поэтому они дорожат нами и никогда не увольняются. Поэтому нам не требуются новенькие». Фрэнси подумала, что это очень похвально, то же самое сказала вслух и повесила трубку.

Последнее утро в Бюро газетных вырезок она провела, размечая объявления о найме на работу. Работу в конторе она исключала, понимая, что начинать опять придется с делопроизводителя. И шансов продвинуться не будет, если ты не машинистка или не стенографистка. Пожалуй, она предпочла бы пойти на фабрику. Фабричный люд ей нравился больше, и к тому же пока руки работают, голова свободна. Но, конечно, мама не пустит ее снова на фабрику.

Фрэнси нашла объявление, в котором речь шла, как ей показалось, об удачном сочетании конторской и фабричной работы – оператор в офисе.

Коммуникационная компания набирала девушек для обучения работе на телетайпе и предлагала на время учебы зарплату двадцать пять долларов в неделю. Время работы – с пяти вечера до часу ночи. По крайней мере, будет чем заняться вечерами – если получит работу.

Когда Фрэнси зашла проститься с хозяином, он сказал, что задержит ей зарплату за последнюю неделю. Но у него же, сказал он, есть ее адрес, так что он вышлет деньги попозже. Фрэнси попрощалась с хозяином, его женой и своей зарплатой.

Коммуникационная компания занимала выходивший на Ист-Ривер небоскреб в центре Нью-Йорка. Фрэнси показала восторженную рекомендацию от бывшего начальника и вместе с дюжиной других девушек заполнила заявление. Затем ее послали на психологическое тестирование, и ей пришлось отвечать на идиотские, по ее мнению, вопросы – например, что тяжелей, пуд железа или пуд пуха. Судя по всему, тест она сдала успешно, потому что ей вручили номер, ключ от шкафчика, за который потребовали залог в двадцать пять центов, и велели прийти на следующий день к пяти часам.

Еще не было и четырех, когда Фрэнси вернулась домой. Кэти убиралась в их доме, и лицо у нее опечалилось, когда она увидела, что Фрэнси поднимается по лестнице.

– Не пугайся, мама. Я не заболела.

– О! – сказала Кэти с облегчением. – А то уж я подумала, что ты потеряла работу.

– Потеряла.

– Бог ты мой!

– И зарплату за эту неделю тоже потеряла. Но я нашла другую работу… завтра начинаю… двадцать пять долларов в неделю. Потом, надеюсь, будет больше.

Кэти начала задавать вопросы.

– Мама, я устала. Я не хочу разговаривать, мама. Поговорим обо всем завтра. И ужинать тоже не хочу. Сразу лягу спать.

Фрэнси поднялась по лестнице.

Кэти села на ступеньку и пригорюнилась. После того как началась война, цены на продукты и вообще на все взлетели. В прошлом месяце Кэти даже не смогла ничего отложить на банковский счет Фрэнси. Десяти долларов в неделю теперь не хватает на жизнь. Для Лори требуется кварта молока каждый день, а молочные смеси дороги. Еще нужен апельсиновый сок. Сейчас вот будет двадцать пять долларов в неделю… за вычетом личных расходов Фрэнси останется меньше. Скоро каникулы. Нили сможет

работать летом. Но что будет осенью? Нили вернется в школу. Договаривались, что Фрэнси тоже пойдет в школу. Но как? Как? Кэти не находила ответа.

Фрэнси мельком взглянула на спящую Лори, разделась и легла в постель. Она закинула руки за голову и уставилась на серое пятно – окно вентиляционной шахты.

«Вот так, – думала она. – Мне пятнадцать лет, а я, как бродяга, скитаюсь с места на место. Работаю меньше года, а уже три места поменяла. Прежде думала – как интересно перепробовать много разных работ. Но сейчас мне страшно. Из двух мест меня уволили, из одного я сама уволилась. Везде я старалась работать как можно лучше. Я делала все, что в моих силах. И вот снова приходится начинать сначала на новом месте. Только теперь я боюсь. И теперь, если начальник скажет «прыгни», я подпрыгну два раза, потому что не хочу потерять работу. Мне страшно, потому что вся семья зависит от меня, от моих денег. Как мы вообще выживали, пока я не пошла работать? Ну да, тогда не было Лори. Мы с Нили были помладше – расходов меньше, да и папа иногда помогал. Что ж… прощай, колледж. Прощайте, мои планы». Она повернулась лицом к стенке и закрыла глаза.

*** * ***

Фрэнси сидела за пишущей машинкой в большом зале. Клавиатура была закрыта металлическим козырьком, и Фрэнси ее не видела. На стене зала висела огромная схема расположения клавиш. Фрэнси смотрела на нее и нащупывала нужную букву под козырьком. Так прошел первый день. На второй день ей выдали пачку старых телеграмм, чтобы она их перепечатала. Она переводила взгляд с текста на схему, а пальцами искала букву под козырьком. К концу второго дня она запомнила расположение букв на клавиатуре и могла обойтись без схемы. Через неделю с машинки сняли козырек. Фрэнси больше не испытывала потребности смотреть на клавиатуру. Она овладела слепым методом машинописи.

Инструктор объяснил, как работает телетайпный аппарат. В течение дня Фрэнси тренировалась – принимала и отправляла дурацкие сообщения. Потом ее поставили на линию Нью-Йорк – Кливленд.

Фрэнси думала: какое немыслимое чудо – она сидит здесь за аппаратом и печатает, а ее слова появляются за сотни миль отсюда, на ленте

аппарата в Кливленде, штат Огайо! Не меньшее чудо и то, что другая девушка печатает что-то в Кливленде, а молоточки аппарата Фрэнси отстукивают эти слова.

Работать оказалось легко. Фрэнси поочередно в течение часа отправляла сообщения и в течение часа принимала. За смену ей полагались два пятнадцатиминутных перерыва на отдых, а в девять вечера – получасовой перерыв на «обед». Ей подняли зарплату на пятнадцать долларов, когда поставили на линию. В общем и целом работа оказалась совсем неплохая.

Домашняя жизнь перестроилась под новый распорядок Фрэнси. Она уходила из дома в начале пятого, а возращалась около двух ночи. У входа три раза звонила в звонок, чтобы мама подстраховала ее, пока она будет подниматься в темноте по лестнице – вдруг кто-нибудь нападет.

Спала Фрэнси до одиннадцати часов утра. Маме больше не требовалось начинать работу спозаранку, потому что Фрэнси была дома и могла присмотреть за Лори. Мама начинала уборку с их дома, пока Фрэнси спала. А когда Фрэнси вставала, переходила к двум соседним домам. Фрэнси работала по воскресеньям, зато в среду у нее был выходной.

Фрэнси нравился новый распорядок жизни. Благодаря ему она избавилась от одиноких вечеров, помогала маме и даже могла каждый день несколько часов гулять в парке с Лори. Обе они наслаждались теплом и солнцем.

В голове у Кэти созрел план, которым она решила поделиться с Фрэнси.

– Разрешат ли тебе и дальше работать в ночную смену? – спросила Кэти.

– Разрешат ли! Да они счастливы до смерти. Никто из девушек не хочет работать по ночам. Поэтому новеньких сразу ставят в ночную.

– Я вот что подумала. Может быть, с осени ты сможешь днем учиться в школе, а по вечерам работать. Это тяжело, я понимаю, но надо попробовать.

– Мама, что бы ты ни говорила, а в школу я не вернусь.

– Но ты же так хотела прошлой осенью!

– То было прошлой осенью. Тогда было самое время. А теперь слишком поздно.

– Совсем не поздно, не упрямься.

– Но, ради бога, что мне теперь может дать школа? Дело не в том, что я

о себе много воображаю, вовсе нет. Но, как ни крути, я читала по восемь часов в день почти год, и я многое узнала. У меня есть свои представления об истории, о политике, о географии, о литературе и поэзии. Я очень много узнала о людях – о том, как они поступают, как живут. Я читала про подвиги и преступления. Мама, я читала обо всем на свете. Разве могу я теперь сидеть за партой вместе с детишками и слушать, как бубнит разные глупости старуха-учительница. Я же буду то и дело вскакивать, чтобы поправить ее. А если буду сидеть смирно, проглотив язык, я же возненавижу себя за то… за то, что питаюсь жвачкой вместо хлеба. Так что в школу я не пойду. А вот в колледж когда-нибудь поступлю.

– Но ведь в колледж нельзя поступить без школы.

– Четыре года в школе… даже пять, потому что наверняка что-нибудь мне помешает. Потом еще четыре года в колледже. Закончу в двадцать пять лет – да я к тому времени высохну, как старая дева!

– Хочешь ты или нет, а двадцать пять лет тебе в любом случае исполнится – с образованием или без. Так уж лучше с образованием.

– Говорю раз и навсегда, мама: в школу я не пойду.

– Еще посмотрим, – сказала Кэти и сжала челюсти так, что подбородок стал квадратным.

Фрэнси ничего не ответила. Но подбородок у нее тоже стал квадратным, как у матери.

Однако этот разговор натолкнул Фрэнси на одну мысль. Если мама считает, что можно днем учиться, а вечером работать, то почему бы тогда не учиться в колледже вместо школы? Она изучила объявления в газетах. Старейший и наиболее уважаемый Бруклинский колледж сообщал о наборе на летние курсы. Приглашаются студенты, которые хотят сдать экзамены досрочно или наверстать пропущенные занятия, а также школьники старших классов, которые хотят заранее получить зачет и баллы по предмету. Фрэнси подумала, что она подходит под последнюю категорию. Она, конечно, не школьница старших классов, но могла бы ею быть вполне законно. Она попросила прислать программу курсов.

Из программы она выбрала три предмета, которые преподавались днем. Она сможет спать по-прежнему до одиннадцати, ходить на занятия в колледж, а сразу после них – на работу. Она выбрала французский для начинающих, основы химии и еще какой-то предмет под названием «Драма эпохи Реставрации». Она посчитала, сколько будут стоить эти предметы. Вышло чуть больше шестидесяти долларов, включая лабораторные. У нее на счету лежало сто пять долларов. Она пошла к Кэти.

– Мама, можно мне получить шестьдесят пять долларов из тех денег,

которые ты отложила мне на колледж?

– Для чего тебе?

– На колледж, конечно, – Фрэнси специально произнесла эти слова как можно небрежней.

Наградой ей стало то, что мамин голос взметнулся вверх, когда она переспросила:

– На колледж?!

– Летние курсы в колледже.

– Но… но… но… – пробормотала Кэти.

– Знаю. У меня нет средней школы. Но, может, меня возьмут, если я скажу, что диплом мне не нужен – я просто хочу учиться.

Кэти взяла с комода свою зеленую шляпку.

– Ты куда, мама?

– В банк, за деньгами.

Фрэнси рассмеялась над маминой поспешностью.

– Уже поздно. Банк закрыт. К тому же это не срочно. Прием через неделю.

*** * ***

Колледж находился в Бруклин-хайтс, еще один район большого Бруклина, с которым Фрэнси предстояло познакомиться. Когда она заполняла заявление о приеме на курсы и дошла до вопроса об имеющемся образовании, ее рука дрогнула. Предлагалось на выбор три варианта ответа: начальная школа, средняя школа, колледж. Немного поразмыслив, Фрэнси зачеркнула все три и сверху написала: самостоятельное обучение.

«А если будут задавать вопросы, так это чистая правда», – успокоила она себя.

К великому ее удивлению и не меньшей радости, никто вопросов не задавал. Кассир принял деньги и выдал квитанцию об оплате. Ей выдали также регистрационный номер, пропуск в библиотеку, расписание занятий и список необходимой литературы.

Вслед за всеми она прошла в книжный магазин при колледже, который находился в том же квартале. Она заглянула в список и попросила «Французский для начинающих» и «Основы химии».

– Книги новые или подержанные? – спросил продавец.

– Даже не знаю. Какие полагаются?

– Новые.

Кто-то дотронулся до ее плеча. Она оглянулась и увидела красивого, хорошо одетого юношу. Он сказал:

– Берите подержанные. По содержанию – то же самое, а по цене в два раза дешевле.

– Спасибо.

Фрэнси повернулась к продавцу и решительно сказала:

– Дайте подержанные.

Она попросила еще две книги по курсу драмы. Опять прикосновение к плечу:

– Нет-нет, – молодой человек отрицательно покачал головой. – Вы сможете это прочесть в библиотеке до занятий или после, когда получите задание.

– Еще раз спасибо, – поблагодарила Фрэнси.

– К вашим услугам, – ответил молодой человек и отошел в сторону.

Фрэнси проводила его взглядом.

«Какой же он высокий, привлекательный, – думала она. – Колледж – это замечательное место».

Она ехала в электричке на работу, зажав под мышкой два учебника. Казалось, вагон выстукивает по шпалам: кол-ледж, кол-ледж. Фрэнси почувствовала тошноту. Ее мутило так сильно, что она вышла на ближайшей остановке, хоть и понимала – из-за этого опоздает на работу. Она прислонилась к весам, на которых можно было взвеситься за пенни, не понимая, что с ней происходит. Съела что-то не то – эта причина исключалась, потому что она вообще забыла поесть. И вдруг ее осенило:

«Мои дедушка с бабушкой не умели ни читать, ни писать. Их предки тоже не умели ни читать, ни писать. Сестра моей мамы не умеет ни читать, ни писать. Я не закончила среднюю школу. Но я, Фрэнсис К. Нолан, теперь учусь в колледже. Слышишь, Фрэнси? *Ты в колледже!*

Боже, как меня тошнит!»

49

После первой лекции по химии Фрэнси вышла в озарении. За один час она узнала, что все вокруг нее состоит из атомов, которые непрерывно движутся. Еще она поняла, что ничто в природе не исчезает и не уничтожается. Даже если какую-то вещь сжечь или сгноить, она не исчезнет без следа с поверхности земли, а превратится во что-то другое – в газ, жидкость, прах. Буквально во всем, решила Фрэнси после первой

лекции, вибрирует жизнь, химия вообще не признает смерти. Она недоумевала, почему ученые люди не объявят химию религией.

Драма эпохи Реставрации, если не считать того, что требовалось тратить много времени на чтение, тоже давалась ей легко после многолетних штудий Шекспира. Ни этот курс, ни основы химии не вызывали у нее никаких затруднений. Другое дело – французский для начинающих, перед ним Фрэнси спасовала. На самом деле он предназначался не для начинающих. Преподаватель исходил из того, что его студенты учили язык раньше, но провалили экзамен, поэтому пропустил азы и приступил сразу к переводу. Фрэнси, которая боялась даже английской грамматики, орфографии и фонетики, не могла одолеть французский язык. Она никогда не сдаст его. Все, что ей оставалось, – это зубрить каждый день новые слова и терпеть.

Она занималась в электричке. Занималась во время перерывов и даже обедала, поставив книгу перед собой на стол. Печатала домашние задания на свободной машинке в учебной комнате Коммуникационной компании. Она ни разу не пропустила занятия и даже не опоздала и мечтала об одном – сдать два экзамена из трех.

Молодой человек, который заговорил с ней в книжном магазине, стал ее ангелом-хранителем. Его звали Бен Блейк, и был он личностью выдающейся. Учился в одиннадцатом классе школы Маспет, был лучшим учеником, редактировал школьный журнал, играл полузащитником в футбольной команде. В течение трех лет он занимался на летних курсах. К окончанию школы он пройдет программу трех лет колледжа, и ему останется только один год.

Помимо учебы он подрабатывал в юридической фирме. Писал письма, рассылал повестки, проверял дела и протоколы, подыскивал прецеденты. Он знал законы штата и был способен вести дело в суде. Работа, которая приносила двадцать пять долларов в неделю, не мешала ему блестяще учиться в школе. На фирме хотели, чтобы он остался у них после окончания школы, освоил право и со временем сдал экзамен на адвоката. Но Бен выбрал крупнейший колледж на Среднем Западе. Он планировал получить степень бакалавра и затем поступить в юридическую школу.

В девятнадцать лет он отчетливо представлял свою дальнейшую жизнь как прямой путь, неуклонно ведущий к цели. После сдачи адвокатского экзамена намеревался получить практику в провинции. Полагал, что у молодого адвоката в провинции больше возможностей сделать карьеру. Он даже место уже приискал. Ему предстояло стать преемником дальнего родственника, пожилого адвоката с постоянной клиентурой. Он вел

переписку со своим будущим патроном и получал от него каждую неделю длинные письма с рекомендациями.

Бен планировал, унаследовав практику родственника, в свой черед занять место окружного прокурора (по договору в этом маленьком округе адвокаты по очереди выполняли обязанности прокурора). Это станет началом его политической карьеры. Он будет много работать, приобретет имя, завоюет доверие, и в результате его изберут в палату представителей штата. Он проявит себя с лучшей стороны, и его переизберут. В конечном итоге он станет губернатором штата. Таков был его план.

И самое удивительное в этом плане: все, знавшие Бена Блейка, ничуть не сомневались в том, что все будет именно так, как он запланировал.

А тем временем, летом 1917 года, предмет честолюбивых замыслов Бена Блейка, обширный штат на Среднем Западе, дремал под жарким солнцем прерий, дремал среди бескрайних полей пшеницы, среди бесконечных садов, в которых зрели яблоки вайнсэп, болдуин и нортерн-спай, дремал и ни сном ни духом не ведал, что человек, который намерен завоевать местный Белый дом и стать самым молодым губернатором в истории, в это время оканчивает школу в Бруклине.

Таков был Бен Блейк, элегантный, веселый, обаятельный, блестящий, уверенный в себе. К нему хорошо относились юноши, а девушки просто сходили по нему с ума – и Фрэнси Нолан, затаив дыхание, обожала его.

Они виделись каждый день. Его исправлениями пестрели ее домашние задания по французскому. Он проверял ее работы по химии и разъяснял темные места в драмах эпохи Реставрации. Он помогал ей составить программу занятий на следующее лето и даже – что весьма любезно с его стороны – пытался спланировать всю ее дальнейшую жизнь.

Лето приближалось к концу, и это огорчало Фрэнси по двум причинам. Во-первых, скоро она не сможет каждый день видеть Бена Блейка, а во-вторых, провалит экзамен по французскому. Второй причиной Фрэнси поделилась с Беном.

– Глупости, – решительно сказал он. – Ты заплатила за курсы, ты все лето ходила на занятия, ты не идиотка. Ты сдашь. Тройку тебе уж точно поставят.

– Нет, – рассмеялась она. – Я схлопочу пару.

– Тогда позубрим перед экзаменом. Потратим целый день. Куда пойдем?

– Ко мне? – робко предложила Фрэнси.

– Нет. Там нас будут отвлекать, – он задумался на мгновение. – Я знаю отличное место. Встречаемся в субботу, в девять утра, на углу Гейтс

и Бродвея.

Бен уже ждал ее, когда она вышла из трамвая. Фрэнси ломала голову, куда же они могут пойти в таком районе. Бен подвел ее к служебному входу в один из бродвейских театров. Он вошел в эту волшебную дверь, просто сказав: «Доброе утро, Поп», седому мужчине, который сидел на раскладном стуле возле открытой двери и грелся на солнышке. Так Фрэнси узнала, что этот необыкновенный юноша по вечерам работает капельдинером в театре.

Фрэнси никогда раньше не была за кулисами, и от потрясения у нее чуть не подскочила температура. Сцена казалась огромной, а потолок терялся в вышине. Ступив на сцену, она изменила походку – шагала медленно, не сгибая ног, как делал незабвенный Гарольд Кларенс. Когда Бен заговорил, она повернулась к нему медленно, торжественно и ответила гортанным голосом:

– Что ты сказал?

– Хочешь посмотреть в зал? – переспросил он.

Бен приподнял занавес, включил огни рампы. Она прошла на авансцену и оглядела сотни пустых мест, которые ожидали зрителей. Она наклонила голову и обратилась к самому дальнему ряду:

– Здравствуйте, господа!

Выжидающая пустота огромного темного зала многкратно усилила ее голос.

– Слушай, тебя что больше интересует – французский или театр? – добродушно спросил Бен.

– Театр, конечно.

Это была сущая правда. Стоя здесь, на сцене, она позабыла все свои планы, к ней вернулась ее первая любовь – любовь к театру.

Бен рассмеялся и выключил подсветку, опустил занавес и поставил два стула друг против друга. У него откуда-то оказались контрольные работы по французскому за последние пять лет. Из них он составил экзаменационный лист, включив в него вопросы, которые встречались чаще всего и реже всего. Почти весь день он зубрил с Фрэнси ответы на эти вопросы. Потом он заставил ее выучить страницу из мольеровского «Тартюфа» с переводом. Он пояснил:

– Завтра на экзамене непременно встретится вопрос, который покажется тебе китайской грамотой. Не пытайся на него отвечать. Поступи так. Честно признайся, что не знаешь ответа, но предложи вместо этого перевести отрывок из Мольера. Напиши то, что выучила сейчас, и тебя отпустят с Богом.

– А если этот отрывок попадется в основных вопросах?

– Не попадется. Я выбрал очень редкий фрагмент.

И правда, ее отпустили с Богом: она сдала экзамен по французскому. Да, получила тройку, но утешалась тем, что раз сдала, то сдала, а оценка не так уж важна. Зато химию и историю драмы она сдала на «отлично».

Опять же следуя указаниям Бена, через неделю после экзаменов она пришла за выпиской о своих баллах. Они встретились с Беном, как договаривались. Он повел ее к Хюлеру и заказал содовой с шоколадным вкусом.

– Сколько тебе лет, Фрэнси? – спросил он.

Она быстро прикинула в уме. Дома пятнадцать, на работе семнадцать. Бену девятнадцать. Он не захочет знаться с ней, если выяснится, что ей всего пятнадцать лет. Он заметил ее колебания и улыбнулся:

– Все сказанное вами может быть использовано против вас.

Она собралась с духом и отважно пролепетала:

– Мне… пятнадцать.

И смущенно опустила голову.

– Гм. Ты мне нравишься, Фрэнси.

«А я тебя люблю», – подумала она.

– Ты мне нравишься больше всех знакомых девушек. Но, понимаешь, у меня нет времени на девушек.

– Хотя бы часок, в субботу, скажем?

– Те несколько свободных часов, которые у меня есть, принадлежат моей матери. Кроме меня, у нее никого нет.

Фрэнси ничего не слышала про миссис Блейк до сей минуты. Но она ее сразу возненавидела, потому что та присвоила все свободные часы Бена, из которых даже один-два могли бы составить счастье Фрэнси.

– Но я буду помнить о тебе, – продолжал он. – Буду писать, если появится свободная минута.

(Он жил в получасе ходьбы от нее.)

– Если буду нужен тебе – речь не о пустяках, конечно, – черкни мне строчку, и уж я найду возможность встретиться с тобой.

Он протянул ей картонную карточку, в углу которой было написано «Бенджамин Франклин Блейк».

Они попрощались, выйдя от Хюлера, и тепло пожали руки.

– Увидимся следующим летом! – крикнул он ей, уходя.

Фрэнси стояла и смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол. Следующее лето! Сейчас всего лишь сентябрь, до следующего лета столько

ждать!

Фрэнси так понравилось учиться на летних курсах, что она захотела записаться в тот же колледж осенью, но понятия не имела, где взять триста с лишним долларов, чтобы заплатить за учебу. Изучив однажды утром в нью-йоркской библиотеке на Сорок второй улице проспекты учебных заведений, она нашла женский колледж, в котором жительницы Нью-Йорка могли учиться бесплатно.

Вооружившись своими справками, она пошла записываться. Ей сказали, что без диплома об окончании средней школы ее не могут зачислить. Она ответила, что на летние курсы ее же приняли! Ах, сказали ей, это совсем другое дело. Эти курсы дают только баллы. Диплом после них не полагается. Фрэнси спросила, нельзя ли ей поучиться просто так, без диплома. Нет, ответили ей. Но если она старше двадцати пяти лет, то ее зачислят вольнослушателем без права получения диплома. Фрэнси с сожалением призналась, что ей еще нет двадцати пяти лет. Есть еще один вариант, сказали ей. Можно сдать вступительные экзамены, тогда ее примут в колледж без школьного диплома.

Фрэнси согласилась и провалила все экзамены, кроме химии.

– Что ж, это мне наука, – сказала она матери. – Если бы поступить в колледж было так просто, то кто бы стал тратить время на школу. Но не переживай, мама. Теперь я знаю, что такое вступительные экзамены, наберу учебников, подготовлюсь и в следующем году сдам. Это можно сделать, и я это сделаю. Вот увидишь!

Впрочем, даже поступи она в колледж, учиться там не смогла бы: ее перевели на дневную смену. Она стала опытным специалистом, работала очень быстро, и в ней нуждались днем, когда поток сообщений был максимальным. Ей пообещали, что летом она сможет вернуться на ночную смену, если захочет. Ей в очередной раз повысили зарплату. Теперь она получала семьдесят пять долларов в неделю.

Опять приходилось коротать одинокие вечера. Фрэнси бродила золотой осенью по Бруклину и думала о Бене.

(«Если буду нужен тебе, я уж найду возможность встретиться».)

Да, он был нужен ей, но он точно не ответит, если она напишет: «Мне очень одиноко. Пожалуйста, погуляй со мной, поговори со мной». В его железном расписании жизни не значилась станция под названием «Одиночество».

Вокруг все казалось прежним, и все же чувствовались перемены. На некоторых окнах появились золотые звезды. Парни по-прежнему вечерами собирались на углу или возле кондитерской. Только теперь все чаще в их компании мелькал цвет хаки.

Они стояли в кружок, напевали. Пели «Старую хижину», «Прости, что обидел тебя» и другие песни.

Иногда парень в военной форме заводил что-нибудь военное: «Там вдали» или «Кэти».

Но, что бы они ни пели, заканчивали всегда бруклинскими народными мелодиями: «Ирландские глазки», «Позволь назвать тебя милкой» или «Оркестр играет».

Фрэнси, проходя мимо них по вечерам, удивлялась тому, что все песни звучат так печально.

50

Сисси ожидала рождения ребенка в ноябре. Кэти с Эви из кожи вон лезли, чтобы избежать разговоров с сестрой об этом. Они не сомневались, что младенец опять родится мертвым, и чем меньше разговоров сейчас, тем легче будет Сисси пережить это. Но Сисси отколола такой номер, что все вынуждены были заговорить о предстоящих родах. Она заявила, что будет рожать с доктором и ложится в больницу.

Ее мать и сестры были поражены. Все женщины Ромли обходились без докторов, когда рожали. Таков был обычай. Зовешь повитуху, или соседку, или мать, и все совершается втайне, при закрытых дверях, ни мужчин, ни посторонних. Рожать – женская работа. А в больницу ходят умирать, это всякий знает.

Сисси заявила, что все они отстали от времени, что повитуха – пережиток прошлого. Кроме того, гордо сообщила она, у нее вообще тут нет права голоса. Стив так решил, сказал – рожать в больнице с доктором, значит, в больнице с доктором. И обсуждать тут нечего.

Более того, Сисси выбрала доктора-еврея!

– Почему, Сисси? Почему? – спрашивали потрясенные сестры.

– Потому что евреи лучше, чем христиане, разбираются в родах.

– Я ничего не имею против евреев, но… – начала Кэти.

– Слушай! Только потому, что доктор Аронштейн и его сородичи смотрят на звезду, когда молятся, а мы на крест, ты не можешь судить, хороший он доктор или плохой.

– Но мне кажется, приятней иметь доктора одной с тобой веры в минуту, когда твой ребенок…

Кэти хотела сказать «умирает», но прикусила язык и поправилась: «Рождается».

– Чушь, милая, – презрительно ответила Сисси.

– Яблоки к яблокам, огурцы к огурцам. Почему-то евреи не зовут христианских докторов, когда рожают, – сказала Эви, убежденная, что привела несокрушимый аргумент.

– Вот именно! Потому что любой знает – еврейские доктора лучше! – парировала Сисси.

Роды в больнице не отличались от любых других родов. Схватки у Сисси обычно проходили легко, а благодаря мастерству доктора – еще легче. Когда ребенок появился на свет, Сисси крепко зажмурилась. Она боялась взглянуть на него. До сих пор она твердо верила, что он выживет. Но сейчас, когда он родился, вера покинула ее. Наконец она открыла глаза. Ребенок лежал рядом с ней на столе. Он был синюшный и не двигался. Сисси снова отвернулась.

«Опять, – подумала она. – Опять, опять, опять. В одиннадцатый раз. Боже, ну почему ты мне не оставишь хоть одного? Одного из одиннадцати? Еще несколько лет – и я не смогу рожать. Каково женщине умирать, зная, что никому не дала жизни. О Господи, за что ты наложил на меня проклятие?»

Тут она услышала слово. Никогда раньше она не слышала этого слова.

– Кислород! Быстро! – скомандовал доктор.

Сисси смотрела, как он колдует над ребенком. У нее на глазах совершалось чудо, превыше тех чудес, о которых рассказывала ей мать. Мертвое синее тельце превращалось в розовое, живое. Бездыханный ребенок сделал вдох. Впервые в жизни Сисси услышала крик рожденного ей существа.

– Он… он жив? – спросила она, боясь поверить.

– А как же иначе? – Доктор выразительно пожал плечами. – Вы таки родили самого лучшего мальчишку, которого я видел своими глазами.

– Он точно будет жить?

– А почему бы ему и не жить? – Снова движение плеч. – Будет-таки жить, если вы его не уроните с третьего этажа.

Сисси схватила доктора за руки и покрыла их поцелуями. И доктора Арона Аронштейна вовсе не смутил такой эмоциональный порыв, как смутил бы нееврея.

Сисси назвала мальчика Стивен Арон.

– Не знаю ни одного исключения из этого правила! – говорила Кэти. – Только бездетная женщина усыновит ребенка – и бац! Через год или два она уже родила. Как будто Господь наконец-то поверил в искренность ее намерений. Хорошо, что теперь у Сисси двое детей, потому что плохо, когда ребенок растет в одиночку.

– Между малышкой Сисси и маленьким Стивом разница два года, – заметила Фрэнси. – Почти как между Нили и мной.

– Да. Будут опорой друг другу.

Не успели оправиться от изумления, в которое повергло всех рождение сына Сисси, как дядя Вилли Флиттман дал повод для пересудов. Вилли попытался записаться в армию, его забраковали, после чего он уволился с работы, пришел домой, объявил, что он неудачник, и лег в постель. Он не пожелал встать ни на следующий день, ни через день. Сказал, что не встанет с постели и пролежит в ней, пока не умрет. Вся его жизнь – сплошная неудача, и теперь он намерен положить ей конец, и чем скорей, тем лучше.

Эви послала за сестрами.

Эви, Сисси, Кэти и Фрэнси стояли возле большой медной кровати, в которой обосновался неудачник. Вилли бросил взгляд на решительных, волевых женщин Ромли, которые выстроились в шеренгу, и простонал:

– Я неудачник.

И укрылся одеялом с головой.

Эви толкнула Сисси, и та приступила к работе. Сисси обняла Вилли и прижала бедолагу к своей груди. Она убеждала его, что герои не только в окопах – много героев трудится на благо своей страны на оборонных заводах. Она говорила и говорила, пока Вилли не загорелся таким желанием содействовать победе, что выскочил из кровати и велел тете Эви бежать стремглав за его брюками и ботинками.

Стив работал мастером на оборонном предприятии на Морган-авеню. Он взял Вилли на хорошо оплачиваемую работу да еще дал подработку на полставки.

В семье Ромли существовала традиция – мужчины оставляли себе все дополнительные деньги, которые получали – будь то чаевые или плата за сверхурочную работу. С первых сверхурочных денег Вилли купил себе басовый барабан и пару цимбал. Все вечера (кроме тех, когда работал сверхурочно) он играл на барабане и цимбалах, сидя в гостиной. Фрэнси подарила ему на Рождество губную гармошку за доллар. Он привязал

гармошку к палочке, а палочку прикрепил к поясу, чтобы играть на гармошке без помощи рук. Он пытался управляться с гитарой, гармошкой, барабанами и цимбалами одновременно. Хотел стать человеком-оркестром.

И вот по вечерам он сидел в гостиной, дул в гармошку, перебирал струны гитары, бил в барабан и бряцал цимбалами. И страдал из-за того, что он неудачник.

51

Когда гулять стало холодно, Фрэнси записалась в Общинный дом на курсы шитья и танцев.

Она училась разбираться в выкройках и управлять швейной машинкой. Надеялась, что со временем сама сможет шить себе платья.

Она также осваивала танцы, которые назывались бальные, хотя ни она, ни ее партнеры не рассчитывали когда-нибудь оказаться на мероприятии, именуемом «бал». Иногда ей попадался в партнеры набриолиненный местный сердцеед, который ловко танцевал и требовал, чтобы она считала шаги. Иногда ее партнером становился пятнадцатилетний подросток в шатнишках до колен, и тогда она требовала, чтобы он считал шаги. Ей нравилось танцевать, и она все схватывала на лету.

Начала она готовиться и к экзаменам.

– Что за книгу ты читаешь, Фрэнси?

– Геометрию, взяла у Нили.

– Что такое геометрия?

– Предмет, который сдают на экзаменах в колледж, мама.

– Хорошо, только не засиживайся долго.

– Как поживают моя мать и сестры? – спросила Кэти у страхового агента.

– Во-первых, я только что застраховал детишек вашей сестры – Сару и Стивена.

– Да она же их застраховала сразу после рождения – платит по никелю в неделю за полис.

– О, это совсем другой полис. Страхование на дожитие.

– Что это значит?

– Чтобы получить деньги, нужно дожить до определенного возраста. Дети получат по тысяче долларов каждый, когда им исполнится

восемнадцать лет. Эта страховка позволит им учиться в колледже.

– Бог ты мой! Сначала роды с доктором в больнице, теперь страховка для колледжа. Что еще она придумает?

– Нет писем, мама? – как всегда, спросила Фрэнси, придя домой с работы.

– Нет. Только открытка от Эви.

– Что у них нового?

– Ничего. Они снова переезжают из-за того, что Вилли барабанит, а больше ничего.

– Куда они переезжают?

– Эви нашла домик на одну семью на Кипресс-хилл. Не понимаю, это еще Бруклин?

– Это по восточной ветке в сторону Нью-Йорка, на границе Бруклина с Куинсом. Недалеко от Кресент-стрит, последняя остановка бродвейской электрички. Думаю, она так и будет последней, пока электричку не пустят до Ямайки.

Мария Ромли лежала в своей узкой белоснежной постели. На голой стене над ее головой висело распятие.

Три ее дочери и Фрэнси, старшая внучка, стояли возле кровати.

– Ох, мне восемьдесят пять, и чует мое сердце, что это моя последняя болезнь. Я не боялась жизни, поэтому не боюсь смерти. Я не буду кривить душой и говорить: «Не плачьте обо мне, когда я умру». Я любила своих детей, старалась им быть хорошей матерью, и странно, если мои дети не заплачут обо мне. Но пусть ваши слезы будут светлыми и недолгими. И пусть они принесут вам мир и покой. Знайте, что я буду счастлива. Я увижусь с великими святыми, которых так любила всю жизнь.

Фрэнси показывала девушкам в комнате отдыха фотографии.

– Это Энни Лори, моя сестричка. Ей только полтора года, а уже бегает вовсю. А слышали бы вы, как она болтает!

– Какая славная!

– А это мой брат, Корнелиус. Он будет доктором.

– Какой славный!

– А это моя мама.

– Какая славная! И выглядит очень молодо.

– А это я на крыше.

– Какая славная крыша!

– Это я славная! – шутливо возмутилась Фрэнси. – Все мы славные, – рассмеялись девушки. – А начальница какая славная – старая корова. Хоть бы сдохла уже.

И девушки снова засмеялись. Они все смеялись и смеялись.

– Над чем вы смеетесь? – спросила Фрэнси.

– Ни над чем, – еще громче засмеялись они.

– Пусть лучше Фрэнси сходит. В прошлый раз, когда я попросил немецкой квашеной капусты, хозяин выставил меня из магазина, – пожаловался Нили.

– Теперь надо говорить «капуста по-французски», дурень, – сказала Фрэнси.

– Не обзывайся, – рассеянно пожурила Кэти.

– Вы знаете, что Гамбург-авеню переименовали в Вильсон-авеню? – спросила Фрэнси.

– Не понимаю, что заставляет людей делать подобные глупости, – вздохнула Кэти.

– Ты ведь не расскажешь маме? – с надеждой спросил Нили.

– Нет. Но тебе еще рано ходить с такой девушкой. Говорят, она дикая, – ответила Фрэнси.

– А кому нужна дрессированная девушка?

– Я бы не стала вмешиваться, но ты ничего не смыслишь в этих делах – ну я про секс.

– Да смыслю уж побольше твоего как-нибудь.

Он положил руку на бедро и пропищал тоненьким голоском:

– Ой, мама, от поцелуев у меня родится ребенок? Ой, мама, родится, да?

– Нили! Ты подслушивал!

– Еще бы! Стоял рядом в коридоре и слышал каждое слово.

– Как это низко…

– Между прочим, я много раз замечал, как ты притворяешься, что спишь, а сама слушаешь, о чем говорят мама, Эви и Сисси.

– Это другое дело. Должна же я быть в курсе, что у нас происходит.

– Фрэнси, Фрэнси! Семь часов. Пора вставать!

– Зачем?

– Ты должна быть на работе в восемь тридцать.

– Мама, скажи мне что-нибудь новое.

– Тебе сегодня шестнадцать лет.

– Скажи мне что-нибудь новое. Мне шестнадцать лет уже два года как.

– Значит, будет шестнадцать еще год.

– Похоже, мне всю жизнь будет шестнадцать.

– Я этому не удивлюсь.

– Я не шпионю, – сказала Кэти с негодованием. – Просто мне нужен был никель для газовщика, и я подумала, ты не станешь возражать. Ты же много раз залезала в мою сумочку за мелочью.

– Это другое дело, – ответила Фрэнси.

Кэти держала в руке маленькую фиолетовую пачку, в ней лежали ароматизированные сигареты с золотым обрезом. Одной недоставало.

– Ну вот, теперь ты знаешь самое ужасное, – сказала Фрэнси. – Я выкурила сигарету Мило.

– А они приятно пахнут, – заметила Кэти.

– Переходи к делу, мама. Прочитай мне нотацию, и покончим с этим.

– Когда во Франции погибает столько солдат, мир не рухнет, если ты выкуришь сигарету.

– Ладно, мама, ты уже вдоволь позабавилась – как в прошлом году, когда не возражала против кружевных панталон. Теперь выброси сигареты.

– Ни за что! Я разложу их по ящикам шкафа. Мои ночные рубашки будут приятно пахнуть.

– Думаю, в этом году не стоит покупать рождественские подарки. Лучше купим жареного цыпленка и большой торт в булочной, и фунт хорошего кофе, и…

– Нам же хватает денег на еду, – возразила Фрэнси. – Зачем тратить на нее рождественские деньги.

– Я хочу отдать их сестрам Тинмор на Рождество. Больше никто не берет у них уроков музыки – люди говорят, они устарели. Они голодают, а ведь мисс Лиззи была к нам так добра.

– Ну хорошо, – без особого воодушевления согласилась Фрэнси.

– Вот еще! – Нили с досады пнул стол.

– Не волнуйся, Нили, – рассмеялась Фрэнси. – Ты свой подарок получишь. Я куплю тебе в этом году коричневые гетры.

– Да заткнись ты!

– Не ругайтесь, – рассеянно пожурила Кэти.

– Хочу с тобой посоветоваться, мама. На летних курсах я познакомилась с молодым человеком. Он обещал писать, но ни разу не

написал. Как ты думаешь, не покажусь ли я ему настырной, если пошлю рождественскую открытку?

– Настырной? Глупости! Пошли, если хочется. Терпеть не могу все эти женские штучки, охи и вздохи. Жизнь слишком коротка. Если встретился мужчина, которого полюбила, не теряй времени зря, не жеманься и не страдай. Идешь прямо к нему и говоришь: «Я тебя люблю. Давай поженимся». Конечно, так поступать можно, – спохватилась Кэти, – если ты уже достаточно взрослая, чтобы разобраться в своих чувствах.

– Я пошлю ему открытку, – решила Фрэнси.

– Мама, мы с Нили решили, что лучше выпьем кофе вместо молочного пунша.

– Хорошо.

Кэти убрала бутылку бренди обратно в шкаф.

– Только свари кофе покрепче, налей в чашку до половины, остальное долей горячим молоком, и мы встретим 1918 год французским «*кафе о лэ*», кофе с молоком.

– Сильвупле, пожалуйста, – вставил Нили.

– Да, то есть ви-ви-ви, – ответила мама. – Я тоже кое-что знаю по-французски.

Кэти держала в одной руке кофейник с горячим кофе, в другой – ковшик с горячим молоком и наливала одновременно кофе и молоко в чашки.

– Помню, у нас в доме не всегда было молоко. Тогда папа клал в чашку сливочное масло – если оно было. Говорил, что масло делают из сливок, поэтому оно вполне годится для кофе, – сказала мама.

Папа!..

52

Однажды весной, когда Фрэнси уже исполнилось шестнадцать лет, в солнечный день, в пять часов она вышла с работы и увидела Аниту, девушку, которая сидела за соседним аппаратом в том же ряду. Она стояла возле входа в Коммуникационную компанию с двумя солдатами. Один, коренастый коротышка, по-хозяйски держал Аниту за руку. Другой, высокий и неуклюжий, смущенно переминался с ноги на ногу. Анита отошла от них и отвела Фрэнси в сторонку.

– Фрэнси, помоги. Джоя отправляют в Европу, сегодня у него

последнее увольнение перед отправкой, а мы помолвлены.

– Если вы уже помолвлены, то чем я могу помочь? Ты справилась сама, – пошутила Фрэнси.

– Я про того, другого парня. Выручи, а? Джою пришлось взять его с собой, будь он неладен. Они вроде как приятели, куда один, туда другой. Этот парень из какого-то пенсильванского захолустья, в Нью-Йорке не знает ни души. Он точно увяжется за нами, и я не смогу побыть с Джоем наедине. Ты должна выручить меня, Фрэнси. Три девушки уже отказались.

Фрэнси окинула оценивающим взглядом уроженца Пенсильвании, который стоял в полуметре от нее. Впечатления он не производил. Неудивительно, что три девушки отказались выручить Аниту. Тут его взгляд встретился с взглядом Фрэнси, и он медленно, смущенно улыбнулся. И вдруг этот совсем не красавчик оказался лучше любого красавчика. Эта задумчивая улыбка решила судьбу Фрэнси.

– Вот что, – сказала Фрэнси. – Брат сейчас должен быть на работе. Если дозвонюсь до него, то он передаст маме, что я задерживаюсь. Если не дозвонюсь, то пойду домой – мама будет волноваться, если я не приду к ужину.

– Давай скорей! Звони ему, – торопила Анита, роясь в кошельке. – Вот, держи никель для телефона.

Фрэнси позвонила из табачного магазина на углу. Она застала Нили у Макгэррити и предупредила его. Когда вышла обратно на улицу, оказалось, что Анита с Джоем уже ушли. Уроженец Пенсильвании стоял один и смущенно улыбался.

– А где Нита? – спросила Фрэнси.

– Они с Джоем сбежали.

Фрэнси пришла в смятение. Она полагала, что они пойдут вчетвером. Что теперь прикажете ей делать с этим долговязым незнакомцем?

– Я не виню их, – сказал он. – Хотят побыть вдвоем. Я и сам помолвлен. Знаю, каково это. Последнее увольнение, любимая девушка.

«Помолвлен, значит, – думала Фрэнси. – По крайней мере, не будет приставать».

– Но это не причина, чтобы вы возились со мной, – продолжал он. – Если вы покажете мне, где тут метро до Тридцать четвертой улицы – я этот город совсем не знаю, – то я вернусь в гостиницу. Если человеку нечем заняться, он всегда может писать письма, – он снова улыбнулся своей растерянной задумчивой улыбкой.

– Я только что предупредила родных, что задержусь. Так что если хотите…

– Хочу ли я? Вы спрашиваете! Да я счастлив буду. То есть большое спасибо, мисс…

– Нолан. Фрэнсис Нолан.

– Меня зовут Ли Райнор. Вообще-то Лео, но все почему-то произносят Ли. Очень рад знакомству, мисс Нолан, – он протянул ей руку.

– Я тоже рада, капрал Райнор.

Они пожали руки.

– О, вы заметили мои нашивки! – улыбнулся он на этот раз обрадованно. – Вы, наверное, проголодались после работы. У вас есть любимое место, где можно поужинать… то есть пообедать?

– Поужинать, конечно. Нет. У меня нет любимых мест. А у вас?

– А я хотел бы попробовать, что такое этот чоп суи, о котором все говорят.

– Тут недалеко есть неплохое место на Сорок второй улице. С музыкой.

– Тогда идем!

По дороге к метро он спросил:

– Мисс Нолан, вы не против, если я буду называть вас Фрэнсис?

– Не против. Хотя все зовут меня просто Фрэнси.

– Фрэнси! – повторил он. – Фрэнси, еще один вопрос. Вы не против, если я буду считать вас лучшей девушкой на свете – по крайней мере, этим вечером?

«Хм, – подумала Фрэнси. – А он шустрый, своего не упустит».

Он словно прочитал ее мысли.

– Вы, наверное, подумали, что я больно шустрый. Но поймите правильно – я не встречался с девушками больше года, скоро отправлюсь во Францию, а там бог знает что меня ждет. Поэтому эти несколько часов – я буду считать их большим подарком с вашей стороны, если вы не против.

– Не против.

– Благодарю вас, – он указал на свою руку. – Берите меня под руку, лучшая девушка на свете.

Когда они подходили к метро, он остановился и попросил:

– Скажите «Ли».

– Ли, – повторила она.

– Скажите: «Привет, Ли. Я рада снова видеть тебя, дорогой».

– Привет, Ли. Рада снова видеть тебя … – смущенно повторила она, но не до конца.

Он крепче прижал к себе ее руку.

В закусочной «У Руби» официант принес два горшочка чоп суи, рис и поставил между ними пузатый чайник.

– Налейте мне, пожалуйста, чаю. Так будет по-домашнему, – попросил Ли.

– Сколько сахара?

– Я пью без сахара.

– Я тоже.

– Надо же! Наши вкусы совпадают! – воскликнул он.

Оба были голодные, поэтому отложили разговоры и сосредоточенно поглощали рагу из мяса с бамбуком, бобами и разными овощами в соевом соусе. Каждый раз, когда Фрэнси поднимала взгляд на него, он улыбался. Каждый раз, когда он опускал взгляд на нее, ее лицо расплывалось в счастливой улыбке. После того как с чоп суи, рисом и чаем было покончено, он откинулся на спинку стула и достал пачку сигарет.

– Курите?

Она отрицательно покачала головой.

– Попробовала один раз, и мне не понравилось.

– Вот и хорошо. Не люблю, когда девушка курит.

И он начал рассказывать. Он рассказал ей о себе все, что смог припомнить. Рассказал про свое детство в Пенсильвании (название его родного городка встречалось ей в газетах, когда она работала в Бюро вырезок). Рассказал о своих родителях, братьях и сестрах. Рассказал про учебу в школе – на какие вечеринки ходил – где работал – и как в двадцать один год записался в армию. Сейчас ему двадцать два. Рассказал ей про жизнь в военном лагере – как получил звание капрала. Он рассказал ей о себе все до последней капли. Не упоминал лишь, что дома осталась девушка, с которой он помолвлен.

Тогда Фрэнси рассказала ему о себе. Выбирала только светлые моменты. Рассказала, как красив был папа – как мудра мама – какой замечательный брат Нили и, конечно, какая славная малышка сестра Лори. Рассказала про коричневую вазочку на столе в библиотеке, про разговор с Нили в новогоднюю ночь на крыше. Она ни разу не упомянула про Бена Блейка, потому что он вдруг выветрился у нее из головы. Когда она закончила, Ли сказал:

– Всю жизнь я чувствовал себя таким одиноким. Даже на вечеринках, где много людей. Я был одинок, и когда целовал девушку, и в военном лагере, когда меня окружали сотни парней. Но больше я не чувствую себя одиноким.

Он улыбнулся своей особенной улыбкой, медленной и задумчивой.

– И со мной то же самое, – призналась Фрэнси. – Только я никогда не целовалась. Я тоже больше не чувствую себя одинокой.

Официант подлил воды в их и без того почти полные чашки. Фрэнси поняла – это сигнал, что они засиделись. Люди в очереди ждали, когда освободятся столики. Она спросила у Ли, который час. Почти десять! Они проговорили без малого четыре часа!

– Мне пора домой, – сказала она с сожалением.

– Я провожу вас. Вы живете около Бруклинского моста?

– Нет. В Уильямсбурге.

– Жаль, что не возле Бруклинского моста. Я мечтал повидать его, если когда-нибудь окажусь в Нью-Йорке.

– Почему бы и нет? А возле Бруклинского моста я сяду на трамвай до Грэм-авеню и подъеду к самому дому, только с другой стороны.

Они доехали на метро до Бруклинского моста, вышли и пошли по мосту.

Дойдя до середины, они остановились и стали смотреть вниз, на Ист-Ривер. Они стояли близко друг к другу, и он держал ее за руку. Он посмотрел на очертания Манхэттена.

– Нью-Йорк! Я всегда хотел увидеть этот город и вот увидел. Правду говорят – это самый удивительный город в мире.

– Бруклин лучше.

– Там есть небоскребы, как в Нью-Йорке?

– Нет. Но там есть такое чувство… нет, я не могу это объяснить. Нужно там жить, чтобы понять.

– Мы будем там жить, – тихо сказал он. И ее сердце замерло, пропустив несколько ударов.

Фрэнси заметила, что к ним направляется полицейский, который патрулировал мост.

– Нам лучше уйти, – с неохотой сказала она. – Здесь рядом военно-морской кораблестроительный завод, на причале стоят замаскированные суда. Полицейские выслеживают шпионов.

Когда полицейский подошел, Ли сказал:

– Мы ничего не фотографируем. Просто смотрим на воду.

– Ясно, ясно, – сказал полицейский. – Неужто я ничего не смыслю в этих славных майских вечерах. Неужто сам не был молодой, и не так уж давно, как вы тут себе думаете.

Он улыбнулся им. Ли улыбнулся в ответ, а Фрэнси улыбнулась им обоим. Полицейский взглянул на рукав Ли.

– Удачи тебе, генерал, – пожелал полицейский. – Задай им там жару,

когда доберешься.

– Постараюсь, – пообещал Ли.

Полицейский пошел дальше.

– Какой славный парень, – заметил Ли.

– Какие все славные! – радостно подхватила Фрэнси.

Когда они пересекли мост, Фрэнси сказала, что не обязательно провожать ее до самого дома. Она привыкла ездить по ночам, когда работала в ночную смену. Он может заблудиться, когда поедет обратно один. Бруклин очень запутанный. Нужно в нем жить, чтобы ориентироваться, сказала Фрэнси.

Если честно, то Фрэнси не хотела, чтобы он увидел, где она живет. Она любила свой район и не стеснялась его. Но ей казалось, что новичку, который не знает его так, как она, он покажется жалким и убогим.

Сначала она показала ему остановку электрички, которая привезет его обратно в Нью-Йорк. Потом он повел ее к остановке трамвая. Они проходили мимо мастерской, где делали татуировки. Внутри сидел молоденький моряк с закатанным рукавом. Татуировщик сидел перед ним на табурете, рядом стоял лоток с чернилами. Он набивал пронзенное стрелой сердце на предплечье моряка. Фрэнси с Ли остановились и стали наблюдать. Свободной рукой моряк помахал им. Они помахали в ответ. Татуировщик тоже посмотрел в окно и жестом пригласил их войти. Фрэнси нахмурилась и помотала головой – «нет».

Они пошли дальше, и Ли удивленно проговорил:

– Надо же, этот парень и впрямь делает себе татуировку!

– Даже не вздумай показываться мне на глаза с татуировкой! – сказала она с наигранной строгостью.

– Слушаюсь, мамочка, – дурашливо ответил он, и они рассмеялись.

Они стояли на углу, ждали трамвая. Неловкое молчание пролегло между ними. Он стоял в стороне, прикуривал одну сигарету за другой и тут же выбрасывал. Наконец вдали показался трамвай.

– Вот и мой трамвай, – сказала Фрэнси и протянула правую руку. – Спокойной ночи, Ли.

Он отбросил только что зажженную сигарету и протянул к ней руки.

– Фрэнси?

Она сделала шаг навстречу, и он поцеловал ее.

Утром Фрэнси надела новый костюм из синего фая с белой крепжоржетовой блузкой и воскресные лаковые туфли. Они с Ли не назначали свидания – ни о чем не договаривались. Но Фрэнси точно знала,

что он будет ждать ее в пять часов. Нили проснулся, когда Фрэнси уже была готова уходить. Она попросила передать маме, чтобы не ждала ее к ужину.

– Наконец-то Фрэнси завела ухажера! Фрэнси завела ухажера! – пропел Нили.

Он подошел к Лори, которая сидела у окна в высоком стульчике. Перед ней стояла миска с овсянкой. Лори увлеченно зачерпывала ложкой кашу и швыряла на пол. Нили взял ее за подбородок.

– Слышишь, чучело? Наконец-то Фрэнси завела ухажера.

Тонкая линия появилась у Лори между бровей (Кэти называла ее чертой Ромли) – двухлетний ребенок осмысливал услышанное.

– Фэн-ни? – озадаченно спросила Лори.

– Слушай, Нили, я подняла ее и сварила ей кашу. Твоя задача – покормить ее. И не называй ее чучелом, пожалуйста.

Выйдя из подъезда на улицу, Фрэнси услышала, как ее окликают. Она посмотрела наверх. Из окна высовывался Нили в пижаме. Он запел тоненьким голоском:

Она шагает
На высоких каблуках,
А разодета она
В пух и прах…

– Нили, чудовище! Просто чудовище! – крикнула Фрэнси. Он сделал вид, что не понял.

– Как ты сказала? Он чудовище? У него огромные усы и лысый череп?

– Иди лучше покорми ребенка.

– Как ты сказала – ждешь ребенка, Фрэнси? Ты ждешь ребенка?

Мужчина, который проходил мимо, подмигнул Фрэнси. Две девушки, шедшие под ручку, прыснули со смеху.

– Чертов мальчишка! – крикнула Фрэнси в бессильной ярости.

– Ты ругаешься! Я скажу маме, я скажу маме, я скажу маме, что ты ругаешься, – распевал Нили.

До Фрэнси донесся звук подъезжающего трамвая, и она сорвалась с места.

Он ждал ее, когда она вышла с работы. Он встретил ее той же улыбкой.

– Здравствуй, лучшая девушка на свете! – Он сжал ее ладонь.

– Привет, Ли. Рада видеть тебя снова…

– …Дорогой, – подсказал он.

– Дорогой, – повторила она.

Они поели в кафе-автомате – это место интересовало его. Курить в кафе запрещалось, а Ли не мог сидеть без сигареты, и они не задержались там после кофе и десерта. Решили пойти потанцевать. Нашли возле Бродвея заведение, куда билет стоил десять центов, а военных пускали за полцены. Он купил на доллар полоску из двадцати билетов, и они стали танцевать.

Не прошли они и половины круга, как Фрэнси обнаружила, что его долговязая неуклюжесть весьма обманчива. Танцор он ловкий и умелый. Они танцевали, крепко обняв друг друга. Разговоры были излишни.

Оркестр заиграл одну из любимых песен Фрэнси: «Одним воскресным утром».

Одним воскресным утром,
Когда светило солнце

Певец дошел до припева, и Фрэнси стала тихонько подпевать ему:

Я в платье полосатом,
Невеста хоть куда.

Она почувствовала, что Ли прижал ее крепче к себе.

Я знаю, все подружки
От зависти умрут.

Фрэнси была совершенно счастлива. Еще один круг по залу, и снова припев, на этот раз певец немного переделал слова в честь солдат, которые были тут:

А он в военной форме,
Жених мой хоть куда.

Она обняла его и прижалась щекой к его мундиру. И подумала то же, что подумала Кэти семнадцать лет назад, когда танцевала с Джонни: она готова на любые жертвы, на любые испытания, лишь бы только всегда быть рядом с этим мужчиной. И подобно Кэти, Фрэнси не пришло в голову, что, возможно, дети помогут ей пережить эти жертвы и испытания.

Группа солдат собралась уходить. По заведенному обычаю оркестр оборвал мелодию и заиграл «Когда я вернусь к тебе». Все перестали танцевать и запели, прощаясь с солдатами. Фрэнси и Ли держались за руки и пели, хотя оба плохо знали слова:

Тучи рассеются,
Когда я вернусь к тебе,
И солнце засияет ярче…

Раздались крики: «До свидания, солдаты!», «До свидания, бойцы!», «До встречи!». Собравшиеся уходить солдаты стояли на пороге и пели. Ли потянул Фрэнси к выходу.

– Давай уйдем сейчас, – шепнул он. – Эта минута навсегда останется у нас в памяти как прекрасное воспоминание.

Они медленно спускались по лестнице, песня летела им вслед. Выйдя на улицу, они подождали, пока допоют до конца:

Молись за меня каждый вечер,
Пока я не вернусь к тебе…

– Пусть это будет наша с тобой песня, – прошептал он. – Вспоминай обо мне каждый раз, когда услышишь ее.

Они пошли по улице, тут начался дождь, они побежали и укрылись в дверном проеме пустого магазина. Стояли в сухом и темном проеме, держались за руки и смотрели, как идет дождь.

«Люди считают, что счастье – несбыточная вещь, – думала Фрэнси. – Что найти его трудно, едва ли возможно. Но ведь сущие мелочи могут сделать счастливым: крыша, когда идет дождь, чашка крепкого кофе, когда устал, сигарета после обеда, хорошая книга, когда ты одинок, а еще – быть рядом с тем, кого любишь. Все это и есть счастье».

– Рано утром я уезжаю.

– Во Францию? – спросила она, счастья как не бывало.

– Нет, домой, на день или два. Мама хочеть повидаться со мной перед тем, как…

– О!

– Я люблю тебя, Фрэнси.

– Но ты ведь помолвлен. Это первое, что ты мне сообщил.

– Помолвлен, – горько сказал он. – А кто не помолвлен? В маленьком городке все или помолвлены, или женаты, или разводятся. Больше там заняться нечем. Как это бывает? Ходишь в школу. Начинаешь провожать девочку после уроков – часто просто потому, что вам по пути. Вы вырастаете. Она приглашает тебя на вечеринки к себе домой. Ты идешь на другую вечеринку – тебя просят захватить и ее, после вечеринки она рассчитывает, что ты проводишь ее до дома. Скоро за ней никто не ухаживает, все думают, что она твоя девушка. Если бросишь ее, будешь чувствовать себя подлецом. И вот, потому что деваться некуда, ты женишься. И все идет даже неплохо, если она порядочная девушка (а так чаще всего и бывает), а ты хотя бы наполовину порядочный парень. А потом появляются дети, и вы отдаете им всю любовь, которой не питаете друг к другу. И дети оказываются в выигрыше в конце концов. Так что я тоже помолвлен. Но я никогда не чувствовал к ней того, что чувствую к тебе.

– Но ты собираешься на ней жениться?

Ей пришлось долго ждать ответа.

– Нет.

Счастье снова вернулось к ней.

– Скажи мне это, Фрэнси, – прошептал он. – Скажи.

И она сказала:

– Я люблю тебя, Ли.

– Фрэнси, – в его голосе послышалась настойчивость. – Может, я не вернусь оттуда, и я боюсь… боюсь. Вдруг я умру и так и не узнаю… никогда… Фрэнси, можем мы побыть вместе?

– Мы и так вместе, – наивно ответила Фрэнси.

– Я имею в виду – в комнате. Одни… До утра, до моего отъезда?

– Я… не могу.

– Разве ты не хочешь?

– Хочу, – честно ответила она.

– Тогда почему…

– Мне всего шестнадцать, – мужественно призналась она. – Я никогда ни с кем не была. Я не знаю, как это.

– Это не имеет значения.

– И потом, я всегда ночевала дома. Мама будет волноваться.

– Ты можешь сказать ей, что проведешь ночь у подруги.

– Она знает, что у меня нет подруг.

– Ну, ты что-нибудь придумаешь… завтра.

– Я не буду ничего придумывать. Я скажу ей правду.

– Правду? – изумился он.

– Я люблю тебя. Я не стала бы стыдиться того, что мы провели вместе ночь. Напротив, я буду счастлива и горда. И я скажу маме правду.

– Я и представить себе не мог, представить не мог, – прошептал он, словно обращаясь к самому себе.

– Ты же ведь не собираешься меня как-нибудь… обмануть, правда?

– Фрэнси, прости меня. Я не должен был об этом просить. Я представить себе не мог.

– Представить себе? – недоуменно переспросила Фрэнси.

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Она увидела, что он плачет.

– Фрэнси, я боюсь… очень боюсь. Боюсь, что, если уеду, потеряю тебя… мы никогда больше не увидимся. Скажи, чтоб я не ездил домой, и я останусь. У нас будет день завтра и еще один день. Будем вместе обедать, гулять по улицам, или сидеть в парке, или кататься на крыше автобуса, или просто болтать. Мы будем вместе. Скажи мне, чтобы я не уезжал.

– Мне кажется, ты должен поехать. Мне кажется, ты правильно решил, что нужно повидаться с мамой перед тем, как… не знаю. В общем, мне кажется, это будет правильно.

– Фрэнси, ты выйдешь за меня замуж, когда война закончится – *если* я вернусь?

– Ты вернешься, и я выйду за тебя.

– Точно, Фрэнси? Скажи, это точно?

– Да.

– Скажи это еще раз.

– Я выйду за тебя замуж, Ли, когда ты вернешься.

– И мы поселимся в Бруклине, Фрэнси.

– Мы поселимся там, где ты захочешь.

– Значит, в Бруклине.

– Если ты так хочешь, то да.

– А ты будешь писать мне каждый день? Каждый день?

– Буду, – пообещала она.

– Напиши мне сегодня же вечером, когда вернешься домой, как сильно ты меня любишь, чтобы письмо уже ждало меня дома, хорошо?

Она пообещала.

– Обещаешь, что ни с кем не будешь целоваться? Не будешь ни с кем встречаться? Будешь ждать меня? Не важно, сколько времени. А если я не вернусь, ты никогда не выйдешь замуж. Обещаешь?

Она обещала.

Он требовал от нее всю ее жизнь так запросто, словно приглашал на танец. И она обещала отдать ему всю свою жизнь так просто, словно говорила «привет» или «до свидания».

Наконец дождь перестал лить, и показались звезды.

53

Тем же вечером она написала ему, как обещала, – длинное письмо, в котором излила все свои чувства и повторила все те обещания, которые уже дала.

Утром на работу она вышла чуть раньше обычного, чтобы занести письмо на почту, что на Тридцать четвертой улице. Служащий в окошечке заверил ее, что письмо будет доставлено адресату в течение этого дня. Была среда.

Ей стоило большого труда убедить себя, что не стоит ждать ответа от него раньше четверга, если только он не написал ей, как она ему, сразу после расставания. Но это вряд ли – ведь ему нужно было, наверное, и собраться, и лечь пораньше, чтобы выспаться перед поездом (ей даже в голову не приходило, что она-то, несмотря ни на что, смогла выкроить время на письмо). Наступил вечер четверга, письма не было.

Всю пятницу она провела на работе – компания назначила шестнадцатичасовую смену из-за нехватки рабочих рук, в городе разразилась эпидемия инфлуэнцы. Домой Фрэнси пришла почти в два часа ночи, и на кухонном письме ее ожидало письмо, прислоненное к сахарнице. Она нетерпеливо разорвала конверт.

«*Уважаемая мисс Нолан*».

Радость сразу испарилась. Письмо не от Ли, он бы написал «Дорогая Фрэнси». Она перевернула листок и посмотрела на подпись. «Элизабет Райнор (миссис)». Вот как! Его мать. Или жена брата. Может, он заболел и не в состоянии писать. Может, в армии запрещено солдатам перед отправкой на фронт писать письма. И он попросил кого-то написать вместо него. Вот именно. Она начала читать.

«*Ли рассказал мне про вас. Хочу поблагодарить вас за доброту, за дружеский прием в Нью-Йорке. Он приехал домой в среду днем, но уже на следующий вечер вернулся обратно в лагерь. Дома провел всего полтора дня. Нашу свадьбу мы отпраздновали тихо, в семейном кругу, пригласив только самых близких друзей*».

Фрэнси отложила письмо. «Я проработала шестнадцать часов подряд, – думала она. – Я устала. Я прочитала сегодня тысячи сообщений и перестала понимать самые простые слова. К тому же у меня в Бюро газетных вырезок выработалась дурная привычка – читать по диагонали, выхватывая только ключевые слова. Сейчас я умоюсь, промою глаза, выпью кофе и прочитаю письмо еще раз. Уж тогда я все пойму правильно».

Пока кофейник подогревался, она плескала холодной водой себе в лицо и думала – сейчас она перечтет письмо, и после слов про свадьбу последует что-то вроде: «Ли был шафером. Я вышла замуж за его брата и счастлива».

Кэти проснулась и лежала, прислушиваясь к тому, как Фрэнси ходит по кухне. Она напряженно чего-то ждала и сама не понимала чего.

Фрэнси прочитала письмо еще раз.

«*…В семейном кругу, пригласив только самых близких друзей. Ли попросил меня написать вам, чтобы объяснить, почему не ответил на ваше письмо. Еще раз благодарю вас за то, что не дали ему скучать в Нью-Йорке, это очень мило с вашей стороны.*

С уважением, Элизабет Райнор (миссис)».

Ниже была приписка:

«*Я прочитала письмо, которое вы написали Ли. Он притворялся, будто влюблен в вас, и я сказала ему, что это очень плохо с его стороны. Он попросил передать, что ужасно виноват перед вами. Е.Р.*».

Фрэнси дрожала как в лихорадке. Ее зубы выбивали чечетку.

– Мама, – простонала она. – Мама!

Кэти слушала ее рассказ. «Вот оно, наступило то время, – думала она. – Время, когда я больше не могу защитить своих детей от боли. Когда в доме не было еды, я делала вид, что не голодна, чтобы им больше досталось. Холодной ночью я вставала и укрывала их своим одеялом, чтобы не замерзли. Я могла убить любого, кто причинит им вред, – и убила того подонка в подъезде. А в один прекрасный солнечный день они, такие невинные, доверчивые, выходят из дома – и на них обрушивается настоящее горе, и ты не можешь помочь ничем, хоть отдай свою жизнь».

Фрэнси протянула ей письмо. Кэти читала медленно и, читая,

представляла себе картину того, что произошло. Молодому человеку двадцать два года, и он, пользуясь словечком Сисси, не промах по женской части. Девушке шестнадцать, она на шесть лет моложе. Несмотря на красную помаду, высокие каблуки и голову, набитую надерганными отовсюду знаниями, она поразительно наивна, и, хоть ей пришлось пережить много трудностей и бед, она сохранила душевную чистоту и наивность. И она почувствовала, что нравится ему.

Что тут можно сказать? Что этот юноша – плохой или слабый человек, который легко поддается чужому влиянию? Нет, это жестоко, и Кэти этого не скажет. Тем более что Фрэнси все равно не поверит.

– Скажи что-нибудь, – потребовала Фрэнси. – Почему ты молчишь?

– Что я могу сказать?

– Скажи, что я молода – что все забудется. Давай, скажи скорей. Скорей соври.

– Да, люди обычно так говорят – со временем все забудется, время лечит. Я тоже могла бы так сказать. Но это неправда. Да, ты будешь счастлива снова, даже не сомневайся. Но ты его никогда не забудешь. И каждый раз будешь влюбляться только потому, что другой тебе чем-то напомнит *его*.

– Мать…

Мать! Кэти задумалась. Она называла свою мать «мамой» до того дня, когда сообщила ей, что собирается замуж за Джонни. Тогда она сказала: «Мать, я выхожу замуж…» И больше никогда не называла ее «мама». Она стала взрослой и перестала говорить слово «мама». А теперь Фрэнси…

– Мать, он предложил провести с ним ночь. Надо было согласиться?

Ум Кэти вскипел в поисках ответа.

– Только не ври, мать. Скажи мне правду.

Кэти не могла подобрать нужных слов.

– Обещаю тебе, что не буду спать с мужчиной до замужества – если когда-нибудь выйду замуж. А если почувствую такую необходимость – я тебе первой признаюсь. Торжественно клянусь. Поэтому скажи мне правду и не бойся, что после твоих слов я стану делать глупости.

– Тут есть две правды, – наконец заговорила Кэти. – Как мать, я скажу, что самое последнее дело – спать с незнакомцем, с человеком, которого знаешь меньше двадцати четырех часов. Это может иметь очень печальные последствия. Всю жизнь себе можно исковеркать. Такова правда матери, и я говорю тебе правду.

Кэти заколебалась, однако продолжила:

– Но как женщина… Я скажу тебе другую правду. Возможно, это было

бы чудесно. Потому что такая любовь не повторяется.

Фрэнси подумала.

– Надо было пойти с ним. Я больше никого не полюблю так сильно, как его. Я так хотела этого и не пошла, а теперь уже не хочу его так, как прежде, потому что он был с *той*. Но тогда я хотела и отказалась, и теперь уже ничего не поправишь.

Она опустила голову на стол и заплакала.

Чуть погодя Кэти сказала:

– Я тоже получила письмо.

Письмо пришло несколько дней назад, но Кэти ждала подходящего момента, чтобы рассказать о нем. Она подумала, что сейчас именно такой момент.

– Я получила письмо, – повторила она.

– От… от кого? – всхлипнула Фрэнси.

– От мистера Макшейна.

Фрэнси зарыдала сильнее.

– Тебе не интересно?

Фрэнси постаралась взять себя в руки.

– Интересно, конечно. Что он пишет? – безразлично спросила она.

– Ничего. Хочет навестить нас на следующей неделе.

Кэти подождала. Фрэнси не проявила к этой новости больше никакого интереса.

– Что ты скажешь, если мистер Макшейн заменит вам отца?

Фрэнси вскинула голову.

– Мать! Человек пишет, что придет в гости, только и всего. А ты уже делаешь какие-то выводы. Почему ты думаешь, что все знаешь лучше всех?

– Я ничего не *знаю*. Вообще ничего, правда. Я просто чувствую. А если *чувство* сильное, я *говорю*, что знаю. Вот и все. И как же ты смотришь на него в роли отца?

– После того как я загубила свою жизнь, – сказала Фрэнси, и Кэти не улыбнулась, – как можно со мной советоваться?

– Я не прошу у тебя совета. Просто я хотела бы знать, как мои дети относятся к нему, чтобы правильно поступить.

Фрэнси заподозрила, что мать завела разговор о Макшейне, чтобы отвлечь ее от горестных мыслей, и рассердилась, потому что материнская уловка почти удалась.

– Не знаю, мать. Я ничего не понимаю. И больше не хочу ни о чем говорить. Уйди, прошу тебя. Оставь меня одну, пожалуйста.

Кэти снова легла в постель.

Человек может плакать долго, но рано или поздно слезы иссякают. Тогда нужно искать другой способ убить время. Было пять часов утра. Фрэнси решила, что ложиться спать глупо – в семь часов ей вставать. Она ощутила, что дико проголодалась. Она сутки ничего не ела, если не считать сэндвича между дневной и вечерней сменой. Она заварила свежего кофе, поджарила тост, сделала яичницу. Она удивилась тому, как все вкусно получилось. Но во время еды ей на глаза попалось письмо, и слезы потекли с новой силой. Она бросила письмо в раковину и поднесла к нему спичку. Потом открыла кран с водой и смотрела, как струя смывает черный пепел. После этого вернулась к завтраку.

Поев, она достала из буфета коробку с писчей бумагой и села писать письмо. Она писала: «Дорогой Бен, ты сказал, что я могу написать тебе, если ты мне понадобишься. Поэтому я пишу…»

Она разорвала листок пополам.

– Нет! Ни в ком я не нуждаюсь. И не хочу ни в ком нуждаться. Я хочу, чтобы кто-то нуждался во мне… *Я хочу, чтобы кто-то нуждался во мне*.

И она снова заплакала, на этот раз уже не так горько.

54

Впервые Фрэнси увидела Макшейна без формы. Она заключила, что он выглядит весьма представительно в дорогом двубортном сером костюме. Конечно, он не так изящен, как папа, он выше и плотнее. Однако он привлекателен в своем роде, решила Фрэнси, хоть и волосы у него седые. Но, боже, он все-таки очень стар для мамы. Конечно, мама уже не девочка, ей тридцать пять. И все же между тридцатью пятью и пятьюдесятью огромная разница. Впрочем, никакой женщине не зазорно назвать своим мужем Макшейна. И хотя держался он именно так, как положено опытному политику, голос у него был добрый.

Они пили кофе с тортом. Фрэнси с болью отметила, что Макшейн сидит за столом на папином месте. Кэти как раз завершала рассказ о том, что произошло у них после смерти Джонни. Макшейн, судя по всему, удивлялся их успехам. Он посмотрел на Фрэнси.

– Так эта девчушка сама записалась в колледж прошлым летом!

– Да, и снова пойдет этим летом, – с гордостью объявила Кэти.

– Просто прекрасно!

– А вдобавок к этому она работает и зарабатывает вполне прилично!

– И это все не во вред здоровью, так ведь? – спросил он, искренне удивляясь.

– А мальчик уже в десятом классе.

– Быть не может!

– И еще подрабатывает – когда днем, когда вечером. Иной раз получает пять долларов в неделю.

– Отличный мальчишка. Прекрасный мальчишка. И просто пышет здоровьем, подумать только!

Фрэнси недоумевала, почему Макшейн постоянно говорит о здоровье, на которое они сами никогда не обращали внимания. Потом вспомнила, что его дети болели и умирали в раннем возрасте. Неудивительно, что он придает такое значение здоровью.

– А малышка? – спросил он.

– Принеси ее, Фрэнси, – сказала Кэти.

Лори спала в своей кроватке в гостиной. Эту комнату собирались отдать Фрэнси, но потом решили, что малышке нужен свежий воздух. Фрэнси взяла спящую девочку на руки. Она открыла глаза и тут же приготовилась к приключениям.

– Фэн-ни, пак? Пак? – спросила она.

– Нет, милая. Мы не в парк. Пойдем познакомимся с дядей.

– Дядя? – не поняла Лори.

– Да. Большой сильный дядя.

– Бошой дядя! – обрадовалась Лори.

Фрэнси принесла ее на кухню. Малышка была просто загляденье, глаз не оторвать. В розовой ночной рубашечке, свежая, как роса. Копна мягких черных кудрей, широко открытые карие глаза, густой румянец на щеках.

– О, дитя, дитя! – прогудел Макшейн. – Просто роза. Розовый бутон.

«Если бы папа был тут, – подумала Фрэнси, – он бы запел сейчас “О, моя ирландская роза”». Услышав мамин вздох, она подумала, что, наверное, маме пришла та же мысль…

Макшейн взял девочку. Она сидела у него на коленях, но старалась не прикасаться к нему спиной и смотрела на него с подозрением. Кэти надеялась, что она все же не расплачется.

– Лори! – заговорила она. – Это мистер Макшейн. Скажи «мистер Макшейн».

Девочка наклонила головку, взглянула сквозь ресницы, понимающе улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Маки-маки нет! – заявила она. – Бошой дядя!

Улыбнулась Макшейну и сказала вкрадчиво:

– Ты гуять? Пак? Пак?

Потом прижалась щекой к его костюму и закрыла глаза.

– Баю-бай, – прогудел Макшейн.

Девочка заснула у него на руках.

– Миссис Нолан, вы, наверное, не понимаете, почему я пришел. Хочу наконец внести ясность. Я пришел задать вам один личный вопрос.

Фрэнси и Нили поднялись, чтобы выйти.

– Нет, не уходите, дети. Этот вопрос касается не только вашей матери, но и вас.

Фрэнси и Нили снова сели. Макшейн прокашлялся.

– Миссис Нолан, время прошло с тех пор, как скончался ваш муж – упокой, Господи, его душу…

– Да, уже два с половиной года. Упокой, Господи, его душу.

– Упокой, Господи, его душу, – эхом повторили Фрэнси и Нили.

– И моя жена скончалась уже год тому назад, упокой, Господи, ее душу.

– Упокой, Господи, ее душу, – откликнулись Ноланы.

– Я долго ждал, и полагаю, что сейчас можно заговорить об этом, не боясь оскорбить память усопших. Катарина Нолан, я прошу вас стать моей женой. Если вы не против, свадьба осенью.

Кэти бросила быстрый взгляд на Фрэнси и нахмурилась. Что матери взбрело в голову? Фрэнси и не думала смеяться.

– Я в состоянии позаботиться о вас и ваших детях. Если сложить мою пенсию, зарплату, поступления от недвижимости в Вудхэвене и Ричмонд-хилле, мой доход составляет более десяти тысяч в год. Страховка у меня также имеется. Я хочу, чтобы и мальчик, и девочка учились в колледже. Обещаю вам быть верным мужем, каким я был всегда.

– Вы все хорошенько взвесили, мистер Макшейн?

– В этом нет нужды. Я все решил пять лет назад, когда впервые увидел вас на пароходе. Тогда еще я спросил у девочки – это твоя мама?

– Но ведь я уборщица, у меня нет образования, – сказала Кэти, просто констатируя факт, без самоуничижения.

– Образование! Скажите на милость, а кто меня учил читать и писать? Сам всему выучился.

– Но ведь такому человеку, как вы – ваша жизнь у всех на виду, – нужна женщина, которая умеет вести себя в обществе, может развлечь ваших влиятельных знакомых. Я не такая женщина.

– Делами я занимаюсь на работе. Дома я живу. Я вовсе не хочу сказать,

что вы меня недостойны, вы достойны куда лучшего мужчины, чем я. Просто мне не требуется помощь жены в делах. С делами я управлюсь сам. Что еще добавить? Что я люблю вас… – он замялся перед тем, как обратиться к ней по имени. – Катарина. Может быть, вам нужно время, чтобы подумать?

– Нет. Мне не нужно время, чтобы подумать. Я выйду за вас, мистер Макшейн.

– Насчет вашей работы. Десять тысяч долларов в год огромные деньги. Но для таких людей, как мы, и тысяча в год большие деньги. Мы получали мало и умеем обходиться малым. Дети обязательно должны учиться в колледже. С вашей помощью или без нее мы справимся. Я сделаю все, чтобы вы могли гордиться своим мужем.

– Я выхожу за вас, потому что вы хороший человек и нравитесь мне.

Это была правда. Кэти давно решила, что выйдет за него замуж – если, конечно, он сделает предложение – просто потому, что жизнь неполна без любящего мужчины. Это не имело ничего общего с ее любовью к Джонни. Она всегда будет любить его. Чувство к Макшейну было спокойней. Она восхищалась им, уважала его и знала, что будет ему хорошей женой.

– Я благодарен вам, Катарина. Я не заслуживаю такого подарка – молодая красавица жена и трое прекрасных здоровых детей, – искренне сказал он.

Он повернулся к Фрэнси:

– Скажи, как старшая, ты одобряешь нас?

Фрэнси посмотрела на мать, которая ждала ее ответа. Фрэнси посмотрела на брата. Тот кивнул.

– Мы с братом будем рады, если вы займете место нашего…

Слезы выступили у нее на глазах при мысли об отце, и она не смогла выговорить это слово.

– Что ты, что ты, – успокоил ее Макшейн. – Я вовсе не хотел тебя расстроить…

Он повернулся к Кэти:

– Я не прошу, чтобы старшие дети называли меня «папа». Они любят и помнят своего отца – он был прекрасный человек, судя по тому, как он пел.

У Фрэнси перехватило горло.

– И я не прошу, чтобы они носили мою фамилию, Нолан – прекрасная фамилия. Но эта малютка, которую я держу на руках, – она никогда не видела своего отца. Я бы хотел, чтобы она называла меня папой и носила ту фамилию, которую будем носить мы с вами, Катарина.

Кэти посмотрела на Фрэнси и Нили. Как они отнесутся к тому, что их сестра будет носить фамилию Макшейн, а не Нолан? Фрэнси кивнула в знак согласия. Нили кивнул в знак согласия.

– Мы согласны, – ответила Кэти.

– Мы не можем называть вас «папа», – вдруг сказал Нили. – Но давайте мы будем звать вас «дядя», например.

– Благодарю тебя, – просто ответил Макшейн. Он заметно успокоился и улыбнулся им. – Могу я выкурить свою трубку сейчас?

– Конечно, – удивилась Кэти. – Курите, когда захотите, и не спрашивайте разрешения.

– Я не хотел пользоваться привилегиями, пока не получу на них права, – пояснил он.

Фрэнси забрала у него спящую Лори, чтобы он мог закурить.

– Нили, пойдем. Поможешь мне ее уложить.

– Это еще зачем? – Нили сиял от удовольствия и уходить не собирался.

– Нужно поправить простынки. Ты это сделаешь, пока я подержу Лори.

Неужели Нили ничего не соображает? Неужели ему невдомек, что Макшейн и мама хотят уже остаться вдвоем хоть ненадолго?

В темной гостиной Фрэнси шепотом спросила у брата:

– Что ты об этом думаешь?

– Подходящая партия для мамы. Не папа, конечно, но…

– Нет, конечно. Другого такого, как папа, больше нет. Но в остальном он вроде хороший человек.

– Лори здорово повезло, будет как сыр в масле кататься.

– Энни Лори Макшейн! В ее жизни не будет таких трудностей, как у нас!

– Нет, конечно. Но и таких радостей тоже не будет.

– Верно, Нили! Мы ведь были счастливы, правда?

– Еще бы!

«Бедняжка Лори», – мысленно пожалела сестру Фрэнси.

Книга пятая

55

Фрэнси вздрогнула, потому что кто-то коснулся ее плеча. Потом она опомнилась и улыбнулась. Конечно! Час дня, она свободна, пришла ее сменщица, чтобы занять место за аппаратом.

– Погоди, дай я напечатаю еще одну телеграмму, – попросила Фрэнси.

– Надо же, как некоторые любят свою работу, – улыбнулась сменщица.

Фрэнси печатала телеграмму медленно, с любовью. Ей было приятно, что это поздравление с днем рождения, а не извещение о смерти. Этой телеграммой она прощалась со своей работой. Опасаясь, что расплачется, она никому не сказала, что увольняется. Подобно матери, она избегала открытого проявления чувств.

Она не сразу прошла в раздевалку, а постояла немного в большой комнате отдыха, где машинистки обычно проводили свой пятнадцатиминутный перерыв. Они окружили девушку, которая играла на пианино, и пели: «Привет, Центральный вокзал».

Когда Фрэнси вошла, пианистка, вдохновившись новым осенним костюмом Фрэнси серого цвета и серыми замшевыми ботиками, заиграла другую песню. Одна из девушек обняла Фрэнси и втянула в общий кружок. Фрэнси пела вместе со всеми:

С виду строга и холодна,
В душе, я знаю, бесенок она…

– Фрэнси, как тебе пришло в голову нарядиться во все серое?

– Даже не знаю… В детстве видела одну актрису. Имени ее не помню, а спектакль назывался «Любовница министра».

– Прелестно!

И они хором допели песню до конца.

Потом они запели следующую песню, а Фрэнси отошла к стенду возле высокого окна и смотрела на Ист-Ривер, от которого ее отделяло двадцать этажей. В последний раз она смотрит на пролив из этого окна. Последний раз, о чем бы ни шла речь, всегда имеет привкус смерти. То, что я вижу

сейчас, – думала Фрэнси, – больше не увижу никогда. В последний раз все видится особенно отчетливо, словно зажегся мощный прожектор. А грустно потому, что не удосужилась все вобрать в себя, пока было время.

Как говорила бабушка Ромли? «Смотри на мир так, словно видишь его в первый или в последний раз. И отпущенное тебе на земле время наполнится блаженством».

Бабушка Ромли!

В последний раз ее болезнь продолжалась несколько месяцев. Но пробил час, и Стив пришел к ним как раз перед закатом.

– Я буду скучать по ней, – сказал он. – Она была великая леди.

– Ты имеешь в виду – великая женщина, – поправила Кэти.

Почему, гадала Фрэнси, дядя Вилли выбрал именно этот момент, чтобы оставить семью? Не успев додумать свою мысль, она заметила судно, которое проплывало под мостом. Почувствовал себя более свободным, когда женщин Ромли стало на одну меньше? Или уход Марии Ромли натолкнул его на мысль о побеге? Или просто (как утверждала Эви) он по своему малодушию решил воспользоваться смятением и суматохой во время похорон Марии Ромли? Так или иначе, но Вилли исчез.

Вилли Флиттман!

Он репетировал в поте лица, пока не научился играть на всех инструментах одновременно. Потом он выступил на конкурсе музыкантов-любителей в доме кино и завоевал первый приз – десять долларов.

Домой с инструментами и выигрышем он не вернулся, и с тех пор никто его не видел.

Время от времени доходили какие-то слухи. Поговаривали, что он скитается по улицам Бруклина как бродячий музыкант и живет на те гроши, которые получает. Эви повторяла, что с холодами прибежит домой как миленький, но лично Фрэнси в этом сомневалась.

Эви устроилась на ту же фабрику, где работал Вилли. Она получала тридцать долларов в неделю и жила припеваючи, не считая ночей, когда, подобно всем женщинам Ромли, страдала из-за отсутствия мужчины рядом.

Фрэнси, стоя у окна и глядя на реку, думала о том, что дядя Вилли всегда казался немного призрачным. Впрочем, многое теперь казалось призрачным, словно приснилось во сне. Например, тот человек в подъезде – разве это не сон! Разве не сон то, что Макшейн ждал маму столько лет. Папа умер. И сейчас кажется, что он никогда не существовал. А рождение Лори – не сон ли: ребенок родился от отца, который уже пять месяцев как в могиле? И сам Бруклин – это сон. Все, что происходит здесь,

не существует в реальности. Мираж. Или все реально, только она, Фрэнси, спит?

Что ж, она выяснит это, когда приедет в Мичиган. Если и там все обернется сном, значит, причина в том, что она, Фрэнси, грезит.

Анн Арбор!

Там находится Мичиганский университет. И уже через два дня поезд повезет ее в Анн Арбор. Летние курсы окончены. Она сдала экзамены по всем четырем выбранным ею предметам. Под руководством Бена она сдала и вступительные экзамены в колледж. И теперь она, в шестнадцать с половиной лет, будет зачислена в колледж, да еще имея баллы на первый семестр.

Она хотела пойти в Колумбийский университет в Нью-Йорке или в Адельфийский в Бруклине, но Бен сказал, что адаптация к новой среде – часть процесса получения высшего образования. Мать и Макшейн согласились с этим. Даже Нили сказал, что ей полезно будет уехать – тогда она избавится от бруклинского акцента. Но Фрэнси больше не хотела от него избавляться, как и от своего имени. Этот акцент означал ее связь с определенным местом на земле. Она из Бруклина, поэтому у нее будет бруклинское имя и бруклинский акцент. Ничего менять она не станет.

Бен выбрал для нее Мичиганский университет. Он сказал, что это либеральный государственный колледж, там сильный факультет английской филологии и низкая стоимость обучения. Фрэнси спросила: если Мичиганский университет так хорош, почему же он сам не поступил в него, а поехал на Средний Запад? Бен ответил, что он собирается в том штате работать, делать политическую карьеру и ему полезно свести знакомство с будущими влиятельными избирателями штата еще на студенческой скамье.

Бену исполнилось двадцать лет. Он занимался на курсах офицерского резерва при своем колледже и в военной форме выглядел бесподобно.

Бен!

Она посмотрела на средний палец левой руки – на нем кольцо. Кольцо, которое подарил Бен. На внутренней стороне выгравировано «Ф.Н. от Б.Б.». Он сказал, что за свои чувства отвечает, а вот она слишком молода, чтобы разобраться в своих. Поэтому он дарит ей кольцо в знак того, что он назвал их взаимной симпатией. У них в запасе еще пять лет, не меньше, до тех пор, когда они смогут пожениться, сказал он. За это время Фрэнси определится в своих чувствах. Если симпатия останется по-прежнему взаимной, он попросит ее принять уже совсем другое кольцо. Поскольку для того, чтобы разобраться в себе, в распоряжении Фрэнси имелось пять

лет, она не слишком тяготилась необходимостью принимать решение, выходить ли замуж за Бена.

Бен, милый Бен!

Он окончил среднюю школу в январе 1918 года, сразу же поступил в колледж, набрал огромное количество предметов, а летом приехал в Бруклин, чтобы продолжить учебу на летних курсах – и, как он признался уже после их окончания, чтобы быть рядом с Фрэнси. И вот в сентябре 1918 года он возвращается в колледж, на занятия.

Добрый славный Бен!

Порядочный, честный, благородный, умный. Он-то отвечает за свои чувства. Он бы никогда не предложил девушке выйти за него замуж, чтобы на следующий день жениться на другой. Он бы никогда не попросил девушку написать ему о своей любви, чтобы потом показывать ее письмо другим людям. Кто угодно, только не Бен. Да, Бен замечательный. Фрэнси гордилась тем, что он ее друг. Но думала-то она все равно про Ли.

Ли!

Где-то он сейчас?

Он уплыл во Францию на таком же судне, которое сейчас покидает порт, – Фрэнси смотрела на длинную палубу, покрытую рулонами камуфляжа, и на сотни солдат с бледными лицами, стоявших на ней. С высоты казалось, будто в огромную подушку воткнули ряды булавок с белыми головками.

(«Фрэнси, я боюсь… Очень боюсь. Боюсь, что, если уеду, потеряю тебя… мы никогда больше не увидимся. Скажи, чтоб я не ездил домой…

– Мне кажется, ты правильно решил, что нужно повидаться с мамой перед тем, как…»)

Он воюет в составе Радужной дивизии – сейчас она сражается в районе Аргонского леса[23]. Может, он уже лежит под белым деревянным крестом? Если он погиб, то кто ей сообщит об этом? Уж точно не та женщина из Пенсильвании. «Элизабет Райнор (миссис)».

Анита несколько месяцев назад уволилась и адреса не оставила. Некого спросить… Негде узнать.

Вдруг ей безумно захотелось, чтобы его убили и он не достался той женщине из Пенсильвании.

Уже в следующее мгновение она молилась: «Господи, только сохрани ему жизнь, умоляю. И не важно, что он за человек и с кем он. Умоляю! Умоляю!.. И пусть время идет быстрее, чтобы я его скорее забыла!»

(«Да, ты будешь счастлива снова, даже не сомневайся. Но ты его никогда не забудешь».)

Мать ошибается. Наверняка ошибается, иначе как жить? Фрэнси жаждет забыть. Прошло уже четыре месяца после знакомства с Ли, а забыть не получается. («Счастлива снова… Но ты его никогда не забудешь».) Разве можно быть счастливой снова, пока не забудешь его?

О, Время, великий целитель, спаси меня, помоги забыть.

(«И каждый раз будешь влюбляться только потому, что другой тебе чем-то напомнит *его*».)

У Бена такая же задумчивая улыбка. Фрэнси вообразила, что влюблена в Бена больше года тому назад – задолго до того, как познакомилась с Ли. Значит, мамино правило не работает.

Ли, Ли!

Перерыв закончился, в комнату отдыха впорхнула новая стайка девушек. Наступил их черед отдыхать. Они тоже сгрудились возле пианино и стали петь одну за другой песенки «про улыбку». Фрэнси знала, что за этим последует.

Уходи, глупая, убегай, пока сердце не разорвалось от боли.

Но она не могла сдвинуться с места.

Девушки начали с песенки Теда Льюиса: «Когда моя крошка улыбается мне». Затем они, конечно, перешли к следующей – «Улыбка, которая дарит мне счастье». И вот оно:

Так поцелуй меня на прощанье
И улыбнись, я унесу воспоминанье…

(«Вспоминай обо мне каждый раз, когда услышишь эту песню. Думай обо мне…»)

Фрэнси выбежала из комнаты. В раздевалке выхватила из шкафчика серую шляпку, новую серую сумочку и перчатки. Бегом направилась к лифту.

Она оглядела похожую на ущелье улицу. Было темно и пусто. Высокий человек в военной форме стоял на крыльце соседнего здания. Он вышел из темноты и направился к ней с задумчивой смущенной улыбкой.

Фрэнси зажмурилась. Бабушка говорила, что женщины Ромли обладают способностью видеть призраки тех, кого любили. Фрэнси не верила в это, потому что ей ни разу не являлся папа, а уж как она его любила. Но сейчас… сейчас…

– Здравствуй, Фрэнси.

Фрэнси открыла глаза. Нет, это не призрак.

– Я подумал, тебе будет грустно сегодня – как-никак последний день на работе. Вот и решил тебя встретить. Удивлена?

– Нет. Я знала, что ты придешь.

– Голодная?

– Как волк!

– Куда пойдем? В кафе-автомат или хочешь чоп суи?

– Нет, только не туда!

– К Чайлдзу?

– Да. Пойдем к Чайлдзу, выпьем кофе со сливочным кексом.

Он взял ее под руку.

– Фрэнси, у тебя странный вид сегодня. Ты не сердишься на меня, нет?

– Нет.

– Рада, что я пришел?

– Да, – тихо сказала она. – Я очень рада видеть тебя, Бен.

56

Суббота! Последняя суббота на старой квартире. Завтра Кэти венчается, а из церкви они сразу поедут на новое место. В понедельник грузчики придут за вещами. Почти всю обстановку они оставляют новой уборщице. С собой забирают только личные вещи и мебель из гостиной. Фрэнси выбрала зеленый ковер с большими розами, кремовые кружевные занавески и милое маленькое пианино. Все это будет находиться в выделенной для нее комнате в новой квартире.

Кэти настояла на том, что в эту субботу отработает как обычно. Все рассмеялись, когда мать появилась со шваброй и ведром в руках. В качестве свадебного подарка Макшейн выписал ей чек на тысячу долларов. По меркам Ноланов, Кэти превратилась в богачку и могла сидеть сложа руки. И все же она решила выйти на работу в последний раз. Фрэнси подозревала, что мать привязалась к домам, которые опекала столько лет, и хочет на прощание надраить их до блеска.

Фрэнси без зазрения совести порылась в материнской сумочке и обнаружила, что в чековой книжке оторван только один листок, а на корешке – загадочная надпись:

№ 1
Дата: 20 сентября 1918 года

Получатель: Эва Флиттман
Основание: Потому что она моя сестра
На счете: 1000.00
Сумма перевода: 200.00
Остаток: 800.00

Фрэнси ломала голову: откуда взялась эта сумма? Почему не пятьдесят долларов и не пятьсот? Почему именно двести? Потом она сообразила. Двести долларов – сумма, на которую застрахован дядя Вилли и которая причитается Эви в случае его смерти. Очевидно, Кэти не сомневается в том, что Вилли плохо кончит.

На свадебное платье Кэти не потратила из подаренной Макшейном суммы ни копейки. Она сказала, что не хочет тратить эти деньги на себя, пока они с Макшейном не повенчаются. Чтобы купить платье, она позаимствовала из тех денег, которые скопила для Фрэнси, и пообещала, что выпишет ей чек сразу после церковной церемонии.

В эту последнюю субботу Фрэнси утром посадила Лори в ее двухколесную коляску и повезла на прогулку. Они проехали по улице, долго стояли на углу, и Фрэнси смотрела, как дети по Манхэттен-авеню тащат утиль в лавку Карни. Фрэнси проделала тот же путь и зашла в лавку Чарли, когда там было затишье. Она положила на прилавок пятьдесят центов и объявила, что покупает все лотерейные билетики.

– А, Фрэнси! Ты чего, Фрэнси, – сказал он.

– Я не буду тянуть билетики. Просто заберу все призы.

– Ну, слушай!

– Значит, среди билетиков нет выигрышных, правильно, Чарли?

– Помилуй, Фрэнси, ты хочешь, чтобы я протянул ноги, дела-то в лавке идут еле-еле, не доход, а слезы.

– Я всегда думала, что твоя лотерея – сплошное жульничество. Как тебе не стыдно – столько лет дурачишь детей.

– Не говори так. Я даю им конфету ценой в пенни взамен центов, которые они оставляют здесь. А лотерея нужна для забавы, так ведь интересней.

– И еще лотерея нужна, чтобы дети возвращались к тебе снова и снова – в надежде выиграть.

– Если они не придут ко мне, они пойдут через дорогу к Джимпи, так ведь? А уж лучше пусть ходят ко мне, я как-никак человек женатый. И не затаскиваю девочек в кладовку, ясно? – с достоинством сказал Чарли.

– Что ж. В твоих словах есть доля правды. Скажи, а не найдется ли

у тебя куклы за пятьдесят центов?

Он вытащил из-под прилавка куклу с уродской физиономией.

– Вот только что отдал за нее шестьдесят пять центов, но тебе уступлю за пятьдесят.

– Я дам тебе пятьдесят центов при условии, что ты повесишь ее как приз и позволишь какому-нибудь ребенку выиграть.

– Сама посуди, Фрэнси. Выиграет один – захотят выиграть и другие, так ведь? Нет, это послужит плохим примером.

– О, ради Иисуса милосердного, – искренне взмолилась Фрэнси. – Ну дай ты хоть кому-нибудь выиграть хоть раз!

– Ну хорошо, хорошо! Только не волнуйся так, прошу тебя.

– Я просто хочу, чтобы кому-нибудь из детей повезло просто так.

– Когда ты уйдешь, я повешу куклу среди призов и билетик положу в коробку. Ты довольна?

– Спасибо, Чарли.

– А выигравшему скажу, что куклу зовут Фрэнси, ладно?

– Нет, не надо! Она такая уродина.

– Знаешь что, Фрэнси?

– Что?

– Ты стала настоящей барышней. Сколько тебе лет?

– Скоро семнадцать.

– Помню, ты была тощая, с длинными ногами. Думаю, ты станешь со временем привлекательной женщиной – не красавицей, но очень ничего.

– Вот уж спасибо! – рассмеялась Фрэнси.

– Твоя сестричка? – Он кивнул на Лори.

– Да.

– Не успеешь оглянуться, как она пойдет сдавать утиль и принесет мне свои пенни. Сегодня они сидят в колясках, а завтра, глядишь, уже тянут лотерейные билетики. Дети в наших краях растут быстро.

– Она никогда не будет сдавать утиль. И никогда не придет к тебе.

– Верно, верно. Слышал, вы переезжаете.

– Да, мы уезжаем, Чарли.

– Удачи, Фрэнси.

Фрэнси отвезла Лори в парк, вынула из коляски и отпустила погулять по травке. У мальчишки-разносчика купила соленый кренделек за пенни, раскрошила его и посыпала птицам. Стая темных воробьев налетела откуда ни возьмись и затеяла свару из-за крошек. Лори топотала вокруг и пыталась их поймать. Ленивые птицы подпускали ее почти вплотную,

взмахивали крыльями и взлетали у нее под самым носом. Девочка заливалась радостным смехом каждый раз, когда птица вспархивала.

Посадив Лори обратно в коляску, Фрэнси пошла попрощаться со своей школой. Школа была всего в двух кварталах от парка, где Фрэнси бывала чуть ли не каждый день, но по каким-то причинам она ни разу со дня окончания не проходила мимо.

Фрэнси удивилась тому, какой маленькой оказалась школа. Фрэнси решила, что школа осталась прежней, просто ее глаз привык к более грандиозным сооружениям.

– Это школа, в которую ходила Фрэнси, – сказала она Лори.

– Фэн-ни шко-у ходи-а, – кивнула Лори.

– Твой папа однажды ходил со мной, он пел песню.

– Папа? – не поняла Лори.

– Ну да, я забыла. Ты же не видела папу.

– Ои виде-а папу. Дядя. Бошой дядя.

Лори решила, что Фрэнси говорит про Макшейна.

– Да, правильно, – согласилась Фрэнси.

За два года, которые прошли после того, как Фрэнси окончила школу, она превратилась из девочки в девушку.

По дороге домой она прошла мимо того дома, адрес которого указала, чтобы попасть в эту школу. Теперь дом показался ей крошечным и жалким, но она все равно почувствовала к нему нежность.

Прошла она и мимо бара Макгэррити. Только бар больше не принадлежал Макгэррити. Макгэррити уехал в начале лета. По секрету он сообщил Нили, что держит нос по ветру, а в воздухе пахнет сухим законом. Так что он, Макгэррити, принял нужные меры. Купил большое помещение за Хемпстедом на Лонг-Айленде и загодя наполняет подвалы спиртным про черный день. И как только сухой закон вступит в силу, он откроет свое заведение, которое называл Клубом. Он и название уже выбрал: «Клуб Мэй-Мария». Его жена в вечернем платье будет принимать посетителей, она будто для этого рождена, пояснил он. Фрэнси не сомневалась, что миссис Макгэррити будет счастлива в роли хозяйки Клуба. Она надеялась, что и сам Макгэррити когда-нибудь будет счастлив.

После обеда Фрэнси отправилась в библиотеку, чтобы в последний раз сдать книги. Библиотекарша проштамповала ее карточку и сунула обратно, даже не взглянув на Фрэнси как обычно.

– Что вы порекомендуете мне почитать? – спросила Фрэнси.

– Какой возраст?

– Одиннадцать лет.

Библиотекарша достала книгу из-под стола. Фрэнси увидела заголовок: «Если бы я был королем».

– Я не хочу читать эту книгу. И мне не одиннадцать лет.

Библиотекарша в первый раз взглянула на Фрэнси.

– Я хожу к вам с самого детства, и вы ни разу даже не посмотрели мне в лицо.

– Сюда много детей ходит, – сердито ответила библиотекарша. – На всех не насмотришься. Чего еще?

– Еще хочу сказать про эту коричневую вазочку… она так много значила для меня. В ней всегда цветы.

Библиотекарша перевела взгляд на коричневую вазу. В ней стояла розовая астра. У Фрэнси возникло впечатление, что вазу библиотекарша тоже видит впервые.

– А, эта! Уборщица ставит в нее цветы. Или еще кто-нибудь, не знаю. Что еще? – нетерпеливо спросила библиотекарша.

– Я сдаю свой читательский билет.

Фрэнси протянула потрепанный, мятый, весь в штампах, билет. Библиотекарша взяла его и хотела порвать, но Фрэнси передумала.

– Пожалуй, я оставлю его у себя.

Она вышла на улицу и оглянулась на маленькую убогую библиотеку. Она знала, что видит ее в последний раз. Глаза привыкают к новому, и взгляд их меняется. Даже если много лет спустя Фрэнси вернется сюда, она будет смотреть на все другими глазами и все предстанет ей по-другому. Она хочет навсегда запомнить все таким, как сейчас.

Впрочем, она никогда не вернется сюда.

Просто некуда будет вернуться. После войны город сметет многоквартирные дома и уродливую школу, в которой директриса порола мальчиков, и на этом месте будет возведен образцовый жилой район. Свежий воздух и солнечный свет измерят, оценят, щедро поделят между жильцами и наполнят ими жилища.

Кэти, как обычно, швырнула ведро и швабру в угол со стуком, который означал, что рабочая неделя закончена. Потом она взяла их и поставила снова, на этот раз аккуратно и заботливо.

Она стала собираться на последнюю примерку малахитово-зеленого платья, которое заказала для венчания, и нервничала – погода для конца сентября стояла очень уж теплая. Кэти опасалась, что ей будет жарко в бархатном платье. Она досадовала, что осень в этом году так припозднилась. Спорила с Фрэнси, которая утверждала, что осень уже

наступила. Фрэнси знала, что осень уже наступила. Даже если ветер теплый, даже если днем бывает жарко, все равно осень уже пришла в Бруклин. Фрэнси точно знала это, потому что, когда спускался вечер и зажигались фонари, на углу продавец горячих каштанов раскладывал свою жаровню. Он жарил каштаны на углях в закрытом лотке. Перед тем как бросить их туда, острым ножом надрезал крест-накрест.

Да, если продавец каштанов появился на углу – осень точно наступила, и не важно, какая погода.

Уложив Лори после обеда поспать, Фрэнси стала упаковывать в деревянный ящик из-под хозяйственного мыла остатки вещей. Со стены над камином сняла распятие и фотографию – они с Нили в день первого причастия. Она завернула их в платок и положила в ящик. Свернула два папиных фартука и положила туда же. Чашку для бритья, на которой золотыми буквами написано «Джон Нолан», Фрэнси завернула в белую жоржетовую блузку, которую Кэти приготовила выбросить, потому что кружевное жабо порвалось во время стирки. В этой блузке Фрэнси была в тот вечер, когда они с Ли пережидали дождь, стоя на пороге магазина. Затем Фрэнси уложила куклу Мэри и хорошенькую коробочку, в которой когда-то лежали десять позолоченных пенни. Небольшая библиотечка тоже отправилась в ящик: *Гедеонова Библия, Полное собрание сочинений Шекспира, потрепанный томик «Листьев травы», три альбома – «Книга классической поэзии для Ноланов», «Книга современной поэзии для Ноланов», «Книга для Энни Лори»*.

Фрэнси пошла в спальню, подняла матрас и достала квадратный пакет из желтоватого картона и свой дневник, который от случая к случаю вела после тринадцати лет. Встав на колени перед ящиком, она наугад открыла дневник и попала на запись 24 сентября трехлетней давности.

«Сегодня я принимала ванну и обнаружила, что становлюсь женщиной. Пора уже».

Фрэнси усмехнулась и положила дневник в ящик. Взглянула на пакет, на нем было написано:

Содержимое:
Конверт, вскрыть в 1967 году.
1 диплом.
4 рассказа.

Те четыре рассказа, которые мисс Гарндер велела сжечь. Ах да. Фрэнси вспомнила, как поклялась Богу, что больше не будет писать. Она не

хочет маминой смерти. Она сдержала клятву. Но теперь она немного лучше понимает Бога. Она уверена, что Он не будет против того, чтобы она начала писать снова. Да, может, и наступит такой день. Фрэнси вложила свой читательский билет в пакет, добавила его к списку содержимого и опустила пакет в ящик. Вот и все. Все ее имущество, кроме одежды, в этом ящике.

Нили взбежал по лестнице, насвистывая новую песенку. Он влетел на кухню, срывая на ходу пальто.

– Ужасно спешу, Фрэнси. У меня есть чистая рубашка?

– Есть, но только неглаженая. Сейчас поглажу.

Пока утюг нагревался, она побрызгала на рубашку водой и положила гладильную доску на два стула. Нили достал из шкафа ваксу и щетку для обуви и стал полировать и без того начищенные до блеска ботинки.

– Идешь куда-то? – спросила Фрэнси.

– Да. Шоу скоро начнется. Выступают Ван и Шенк. Братцы, как Шенк поет! Он сидит за фортепьяно вот так.

Нили присел за кухонный стол и продемонстрировал, как сидит его кумир.

– Сидит боком, скрестив ноги, сам смотрит в зал. И левый локоть кладет на пюпитр, а правой рукой перебирает клавиши и поет.

И Нили изобразил, как его кумир поет «Когда ты вдали от дома».

– Да, он красавчик. Поет, как папа… примерно.

Папа!

Фрэнси отыскала на рубашке ярлык с эмблемой профсоюза швейников и погладила его в первую очередь.

(«Эмблема профсоюза, она как украшение… вроде розы в петлице».)

Ноланы на всех вещах, которые покупали, искали профсоюзную эмблему. Так они чтили память Джонни.

Нили посмотрелся в зеркало, которое висело над раковиной.

– Как ты думаешь, мне побриться? – спросил он.

– Через пять лет обязательно.

– Да заткнись ты!

– Не-говорите-друг-другу-заткнись, – сказала Фрэнси, подражая голосу Кэти.

Нили улыбнулся и начал намывать лицо, шею, руки. Он мылся и напевал: «Тайна Востока в твоих очах».

Фрэнси сосредоточенно гладила.

Наконец Нили облачился для выхода. Он стоял перед Фрэнси

в двубортном синем костюме, свежей белой сорочке с отложным воротником, галстук в горошек. После мытья он излучал чистоту и свежесть, а кудрявые золотистые волосы блестели.

– Как я выгляжу, Примадонна?

Он застегнул пальто с небрежным изяществом, и Фрэнси заметила у него на пальце папино кольцо с печаткой.

И тут Фрэнси убедилась, что бабушка Ромли была права – женщинам из рода Ромли дано видеть после смерти тех, кого они любили. Фрэнси увидела своего отца.

– Нили, а ты помнишь «Молли Мэлоун»?

Он положил руку в карман, повернулся в профиль и запел:

В Дублине честном,
Где девы прелестны…

Папа… Папа!

Голос у Нили такой же чистый, глубокий. И красив он неправдоподобно! Так красив, что, когда идет по улице, женщины со вздохом оборачиваются вслед, а ведь ему еще нет и шестнадцати. Он так ослепителен, что Фрэнси рядом с ним чувствует себя бледной поганкой.

– Нили, по-твоему, я привлекательная?

– Слушай, почему бы тебе не помолиться святой Терезе? Тебя может спасти только чудо.

– Я серьезно.

– Почему ты не делаешь стрижку и завивку, как все девушки, а носишь на голове эту башню?

– Из-за мамы. Жду, когда мне исполнится восемнадцать лет. Ты скажи, я симпатичная?

– Спроси снова, когда немного потолстеешь.

– Пожалуйста, скажи.

Он пристально посмотрел на нее и сказал:

– Годишься.

Ей ничего не оставалось, как этим удовольствоваться.

Он говорил, что спешит, но сейчас почему-то медлил.

– Фрэнси! Макшейн… то есть дядя, он придет сегодня на ужин. После ужина я уйду на работу. Завтра днем венчание, а вечером празднование, на новой квартире. В понедельник утром я уйду в школу, а у тебя днем поезд, ты уедешь в Мичиган. У нас не будет времени попрощаться с глазу на глаз.

Поэтому я говорю тебе сейчас: «До свидания».

– Я приеду на Рождество, Нили.

– Это другое.

– Знаю.

Он помолчал. Фрэнси протянула ему правую руку. Он отвел ее руку, обнял сестру и поцеловал в щеку. Фрэнси прижалась к нему и расплакалась. Он отстранил ее.

– Нет, девчонки доконают меня. Вечно у них слезы наготове, – проворчал он, но голос его дрожал, словно он тоже вот-вот заплачет.

Он повернулся и выбежал из дома. Фрэнси вышла на площадку и смотрела сверху, как он сбегает по лестнице. Внизу, опустившись на дно темного колодца, он остановился и обратил к ней свое лицо. Казалось, оно излучает свет.

Как он похож на папу… как похож, думала Фрэнси. Но в его лице чувствуется больше воли. Он помахал ей и вышел на улицу.

Четыре часа.

Фрэнси решила сначала одеться, а потом заняться ужином, чтобы все было готово к тому моменту, когда Бен зайдет за ней. Они пойдут смотреть «Человека, который вернулся» с Генри Халлом, Бен купил билеты. Это их последняя встреча, до Рождества они больше не увидятся. Бен завтра уезжает в колледж. Ей нравится Бен. Ей очень нравится Бен. Ей очень хочется полюбить его. Если бы только он не был так в себе уверен. Если б он заколебался, оступился, совершил ошибку – хоть раз. Если бы почувствовал нужду в ней. Впрочем, хватит. У нее в запасе пять лет, чтобы все обдумать.

Фрэнси стояла перед зеркалом в белой нижней рубашке. Во время мытья она завела руку за голову, и ей вспомнилось, как девочкой она сидела на пожарной лестнице и смотрела на взрослых девушек в окнах напротив, которые мылись перед свиданием. Может, сейчас кто-то так же подглядывает за ней?

Фрэнси посмотрела в окно. И точно, напротив она увидела девочку, которая сидела на пожарной лестнице с книжкой на коленях и пакетиком конфет в руке. Девочка через прутья наблюдала за Фрэнси. Фрэнси знала эту худенькую десятилетнюю девочку. Ее звали Флорри Венди. Фрэнси расчесала длинные волосы, заплела косы и уложила их вокруг головы. Надела новые чулки и белые туфли на каблуках. Перед тем как нырнуть в новое розовое платье, осыпала платочек фиалковой пудрой и заложила в бюстгальтер.

Ей почудилось, что громыхает фургон Фрабера. Фрэнси выглянула в окно. И правда, во двор въехал фургон, такой же коричневый, с теми же золотистыми буквами по бокам. Только теперь это был грузовичок. И управлял им не румяный красавчик Фрэнк, а кривоногий коротышка, освобожденный от призыва.

Фрэнси перевела взгляд на пожарную лестницу – Флорри по-прежнему смотрела на нее сквозь прутья. Фрэнси помахала ей рукой:

– Привет, Фрэнси!

– Я не Фрэнси, – крикнула в ответ девочка. – Я Флорри, ты ведь знаешь.

– Знаю, – кивнула Фрэнси.

Она посмотрела вниз во двор. Дерево, накрывавшее пожарную лестницу своими листьями, как зонтиком, срубили, потому что домохозяйки жаловались – в его ветках застревает белье, которое они вешают сушиться. Владелец дома прислал двух работников, и они срубили дерево, а после развели костер, чтобы выжечь пень.

Но дерево не погибло… нет, не погибло.

Молодое деревце принялось расти из обрубка, и новый ствол обогнул участок с веревками для белья, а потом рванул вверх, к небу.

Елка по имени Энни, которую Ноланы поливали и подкармливали лошадиным навозом, несмотря на их заботу, давно засохла и погибла. А дерево во дворе – которое и рубили, и огнем выжигали, – это дерево живет!

Оно живет! И нет такой силы, которая убила бы его.

Фрэнси еще раз взглянула на Флорри Венди, которая читала на пожарной лестнице.

– До свидания, Фрэнси, – прошептала она.

И закрыла окно.

---

notes

Сноски

1

Поселение Бруклин основано в 1646 году Голландской Вест-Индской компанией, в 1854 году получило статус города. И только в 1898 году вошел в состав Большого Нью-Йорка. – *Здесь и далее прим. перев.*

2

Район на севере Бруклина. В Уильямсбурге селились выходцы из Германии, Австрии и Ирландии. Притоку жителей способствовало открытие в 1903 году Уильямсбургского моста. В Уильямсбурге появились еврейские, итальянские, польские и русские диаспоры.

3

Генри Лонгфелло. «Эванджелина». Пер. Г. Кружкова.

4

Айлант высочайший, или китайский ясень, его родина – Китай, где оно культивируется для разведения шелкопряда. Дерево неприхотливо, засухоустойчиво и быстро растет, достигая высоты 20–30 метров, за что получило прозвище «Дерево небес» или «Райское дерево».

5

Монета в пять центов.

6

Ист-Ривер – судоходный пролив в Нью-Йорке, отделяет Манхэттен и Бронкс от Бруклина и Куинса, связан с реками Гудзон и Гарлем.

7

Джастин Хантли Маккарти (1859–1936) – ирландский писатель и политик-националист. Роман «Если бы я был королем», написанный в 1901 году, повествует о жизни французского поэта XV века Франсуа Вийона.

8

«Мо́лли Мэло́ун» (Molly Malone) – популярная ирландская песня, ставшая одним из неофициальных символов Ирландии. В ней говорится о красивой молодой девушке, которая торговала на улицах Дублина и умерла молодой, от лихорадки. Песня включена в Индекс народных песен.

9

Свободный плащ с отстегивающимся капюшоном, по названию местности в Шотландии.

10

Позумент – золотая или серебряная тесьма.

11

«Гедеоновы братья» – международная христианская организация, которая занимается бесплатным распространением Библий в местах массовых посещений.

12

Главная река Ирландии, впадает в Атлантический океан.

13

Красота, красота! *(нем.) – Прим. ред.*

14

«Жизнь – это история, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, но лишенная всякого смысла». *В. Шекспир, «Макбет»*.

15

«Черная рука» – тайная организация итальянской мафии в США начала XX в., состоявшая в основном из сицилийцев. Положила начало рэкету.

16

Китайско-американское блюдо, изобретение китайских поваров, работавших на железных дорогах Западного побережья. В самом Китае совершенно неизвестно.

17

«Энни Лори» – старинная шотландская песня.

18

Таммани-холл – штаб-квартира Демократической партии штата Нью-Йорк.

19

Патриотический марш, написанный Джорджем Коэном для мюзикла «Джордж Вашингтон» в 1906 году. – *Прим. автора и перев.*

20

Фредерик Кук – американский врач, полярный путешественник и бизнесмен, заявивший, что достиг Северного полюса 21 апреля 1908 года за год до Роберта Пири. Споры о первенстве продолжаются до сих пор.

21

Слова Альфреда Брайана, музыка Аль Пьянтадоси. Использовано с согласия. – *Прим. автора*.

22

Шотландская баллада «Старое доброе время», известна в переложении Р. Бернса и переводе С. Маршака, в англоязычных странах исполняется на Новый год.

23

Мез-Аргонское наступление, сентябрь – октябрь 1918 года. Одно из важнейших сражений кампании 1918 года, проиграно союзными войсками Антанты из-за неудачных действий американцев.